

Мифы Греции и Рима, рассказанные с отсылками на литературу и искусство

Х. А. Гербер

MYTHS OF GREECE AND ROME

NARRATED WITH SPECIAL REFERENCE TO
LITERATURE AND ART

BY

H. A. GUERBER

LECTURER ON MYTHOLOGY

AMERICAN BOOK COMPANY

NEW YORK

CINCINNATI

CHICAGO

The Project Gutenberg eBook of Myths of Greece and Rome.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Мифы Греции и Рима

Автор: Х. А. Гербер

Дата выхода: 25 марта 2012 [eBook #39250]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дэвидом Эдвардсом, Сэмом У. и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MYTHS OF GREECE AND ROME ***

МИФЫ ГРЕЦИИ И РИМА

РАССКАЗАННЫЕ С ОТСЫЛКАМИ НА ЛИТЕРАТУРУ И ИСКУССТВО

Х. А. ГЕРБЕР

ЛЕКТОР ПО МИФОЛОГИИ

АМЕРИКАНСКАЯ КНИЖНАЯ КОМПАНИЯ
НЬЮ-ЙОРК ЦИНЦИННАТИ ЧИКАГО

Copyright, 1893, by
Американская книжная компания.

Авторское право. 1921, by
H. A. Guerber.

-

Мифы Гербера.

Э.П. 44

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОИМ ДОБРЫМ ДРУЗЬЯМ

МИСС МАККИ И МИСС МАСТЕРС

В ЧЬИХ ШКОЛАХ ВПЕРВЫЕ БЫЛИ ПРОЧИТАНЫ МОИ ЛЕКЦИИ

СДЕЛАНО В США.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель этой книги - представить полный и увлекательный рассказ о греческой и римской мифологии в такой форме, чтобы студент смог оценить ее огромное влияние на литературу и искусство.

Эти мифы, являющиеся неисчерпаемым источником вдохновения для поэтов и художников прошлого, также послужили источником вдохновения для многих известных современных произведений. Чтобы настойчиво донести этот факт до студента, в текст вставлены соответствующие цитаты из поэтических произведений всех веков, от "Трудов и дней" Гесиода до "Онеге" Теннисона, а в качестве иллюстраций обильно использованы репродукции античных шедевров и выдающихся образцов современной живописи и скульптуры.

Мифы рассказываются как можно более наглядно и точно, однако при этом стараются избегать наиболее отталкивающих черт языческой мифологии; а когда встречаются две или более версии одного и того же мифа, предпочтение неизменно отдается наиболее популярной, то есть той, которая вдохновила на создание величайших произведений.

Приводятся как латинские, так и греческие формы имен собственных, но латинские имена обычно сохраняются на протяжении всего повествования, поскольку чаще используются в поэзии и искусстве.

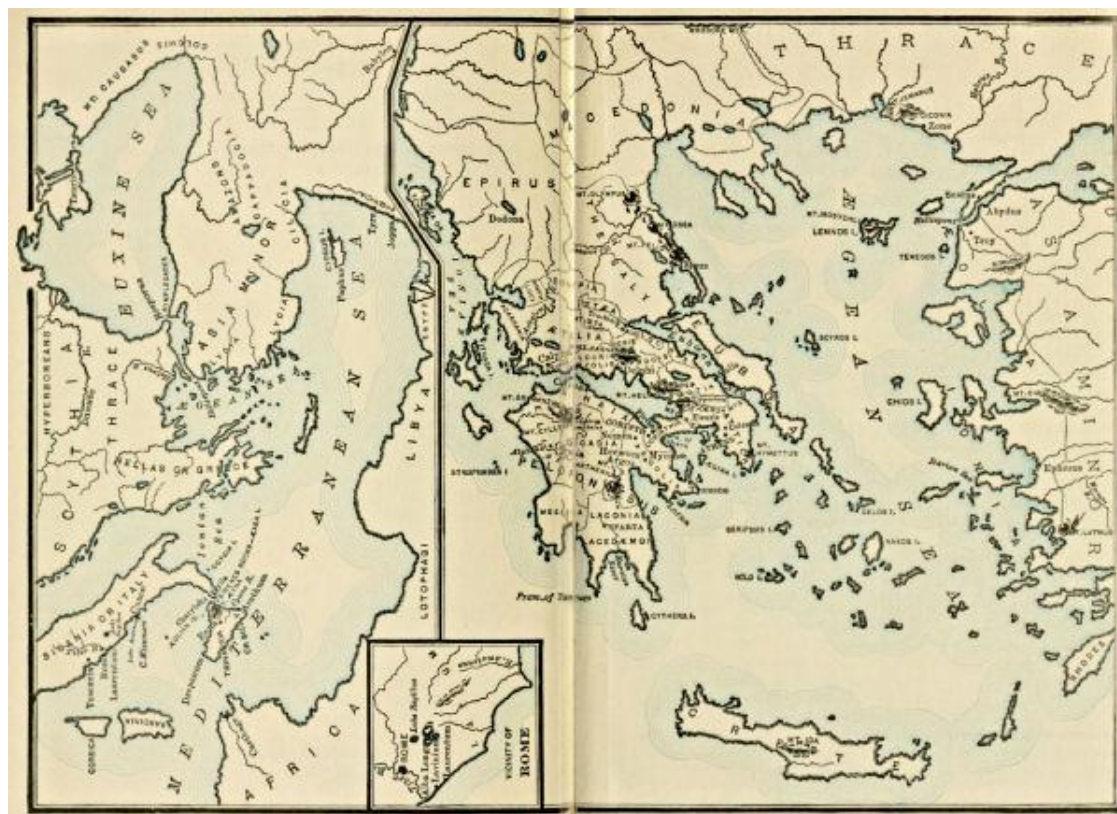
Заключительная глава включает в себя анализ мифов в свете филологии и сравнительной мифологии, а также филологическое объяснение историй, рассказанных в предыдущих главах.

Карта, генеалогическая таблица, полный глоссарий и указатель позволяют использовать этот небольшой том для постоянного использования в библиотеке и художественной галерее, в стране и за рубежом.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА
КАРТА С УКАЗАНИЕМ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МИФОВ	8
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	10
ГЛАВА. I. Начало всех вещей	11
II. Юпитер	39
III. Юнона	51
IV. Минерва	55
V. Аполлон	61
VI. Диана	93
VII. Венера	103
VIII. Меркурий	131

IX.	Марс	138
X.	Вулкан	144
XI.	Нептун	149
XII.	Плутон	159
XIII.	Вакх	171
XIV.	Церера и Прозерпина	183
XV.	Веста	198
XVI.	Янус	205
XVII.	Сомнус и Морс	208
XVIII.	Æolus	213
XIX.	Геракл	216
XX.	Персей	240
XXI.	Тесей	250
XXII.	Ясон	263
XXIII.	Калидонская охота	275
XXIV.	Œdipus	280
XXV.	Беллерофон	291
XXVI.	Малые божества	297
XXVII.	Троянская война	305
XXVIII.	Приключения Улисса	337
XXIX.	Приключения Энея	360
XXX.	Анализ мифов	378
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА		402
УКАЗАТЕЛЬ ПОЭТИЧЕСКИХ ЦИТАТ		405
ГЛОССАРИЙ И УКАЗАТЕЛЬ		407

[Смотреть увеличенное изображение](#)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	СТРАНИЦА
Гомер	2
Амор	14
Фонтан Кибелы (Реи)	19
Минерва и Прометей	26
Пандора	30
Надежда	34
Олимпийский Зевс	40
Ганимед и орел	42
Похищение Европы	46
Юнона	50
Ирис	53
Минерва	56
Аполлон Бельведерский	66
Аполлон и Дафна	69
Орфей и Эвридика	78
Фарнезский бык	81

Аврора	86
Аполлон и музы	89
Диана Версальская	92
Ниоба	95
Венера Милосская	102
Четвертый час ночи	104
Спящая любовь	109
Геро и Леандр	115
Купидон пробуждает Психею	125
Харон и Психея	129
Летающий Меркурий	133
Венера Милосская и Марс	141
Кузница Вулкана	146
Фонтан Нептуна	150
Отец Нил	157
Фурии	162
Три судьбы	164
Вакх	175
Брак Вакха и Ариадны	180
Похищение Прозерпины	185
Церера	189
Нимфа	191
Школа весталок	199
Весталка Тучция	201
Гений смерти	209
Геракл в младенчестве	217
Геракл и кентавр	222
Конная амазонка отправляется в погоню	225
Геракл у ног Омфалы	231
Фортуна	233
Фарнезский Геркулес	237
Персей	245
Персей и Андромеда	247
Дедал и Икар	254
Ариадна	258
Тесей	261
Ясон и дракон	270
Медея	272
Гонка Аталанты	277

Дип и сфинкс	284
Антигона и Исмена	289
Химера	293
Вертумн и Помона	302
Парис	309
Похищение Елены	313
Расставание Гектора и Андромахи	322
Фетида, несущая доспехи Ахилла	327
Лаокоон	334
Триумф Галатеи	340
Ацис и Галатея (вечер)	342
Цирцея и друзья Улисса	348
Сирена	351
Пенелопа	356
Эней при дворе Дидоны	368
Кумейская сивилла	371

МИФЫ ГРЕЦИИ И РИМА.

ГЛАВА I.

НАЧАЛО ВСЕХ ВЕЩЕЙ.

Мифология - это наука, изучающая ранние предания, или мифы, относящиеся к религии древних, и включающая в себя, помимо полного рассказа о происхождении их богов, их теорию о начале всех вещей.

Мифы о сотворении мира.

Среди всех народов, рассеянных по лицу земли, только древние евреи получили наставления от Бога, который дал им не только полный отчет о сотворении мира и всех живых существ, но и свод законов, регулирующих их поведение. На все вопросы, которые они хотели бы задать, были даны исчерпывающие ответы, и не оставалось места для догадок.

Однако с другими народами дело обстояло иначе. Например, греки и римляне, не имея определенных знаний, которые мы получаем из Писания, но желая знать все, были вынуждены частично построить свою собственную теорию. Оглядываясь вокруг в поисках подсказки, которая могла бы послужить им путеводителем, они не могли не наблюдать и не восхищаться чудесами природы. Чередование дня и ночи, лета и зимы, дождя и солнца; тот факт, что самые высокие деревья вырастают из крошечных семян, самые великие реки - из маленьких ручейков, а самые красивые цветы и вкусные фрукты - из маленьких зеленых бутонов, - все это, казалось, говорило им о высшем Существо, которое создало их для определенной цели.

Вскоре они пришли к выводу, что рука, достаточно могущественная, чтобы вызвать к жизни все эти чудеса, могла также создать прекрасную Землю, на которой они жили. Эти мысли

порождали другие, предположения становились уверенностью, и вскоре возник следующий миф или басня, передававшаяся из поколения в поколение.

Вначале, когда все вещи лежали в огромной беспорядочной массе, -

"Когда земля, и море, и небеса были известны,
Лицо природы над миром было единым;
И люди назвали его Хаосом; бесформенным, грубым,
Масса; мертвая масса материи, инертная и грубая;
Где в смешении куч плохо составленной плесени
Смятые семена вещей в беспорядке катятся".
Овидий (перевод Элтона).

Земли не существовало. Суша, море и воздух были смешаны, так что земля не была твердой, море не было жидким, а воздух - прозрачным.

"Ни одно солнце еще не светило с лазурной высоты;
Ни луна не поправляла свои рога света;
Ни земля, самодвижущаяся, на жидком эфире не висела;
Ни море, что воды свои всепоглощающие в мир пустило;
Земля была наполовину воздухом, наполовину морем, кучей эмбрионов;
Ни земля не была неподвижна, ни глубины не были текучи;
Темна была воздушная пустота; не прослеживалось никакой формы;
Препятствующие атомы пробивались сквозь пустоту;
Где холод, и жар, и влага, и сухость бунтовали;
Тяжелый свет и твердый мягкий отталкивали".
Овидий (перевод Элтона).

Хаос и Никс.

Над этой бесформенной массой царствовало беспечное божество по имени Хаос, чей облик невозможно описать, поскольку не было света, при котором его можно было бы увидеть. Он делил свой трон с женой, темной богиней Ночи по имени Никс или Нокс, чьи черные одежды и еще более черный лик не оживляли окружающий мрак.

Эребус, Эфир и Гемера.

Эти два божества со временем исчерпали свою силу и призвали на помощь своего сына Эребуса (Тьму). Его первым делом было свержение и вытеснение Хаоса, а затем, решив, что с помощницей он будет счастливее, он женился на своей собственной матери, Никс. Конечно, с нашими современными представлениями этот брак был чудовищным грехом; но древние, у которых поначалу не было фиксированных законов, не считали этот союз неподобающим и рассказывали, как Эребус и Никс вместе правили хаотическим миром, пока двое их прекрасных детей, Эфир (Свет) и Гемера (День), действуя сообща, не свергли их и не захватили верховную власть.

Сотворение Геи и Урана.

Космос, впервые озаренный их сиянием, предстал во всей своей неприглядности. Эфир и Гемера внимательно изучили это смятение, увидели его бесчисленные возможности и решили создать из него "вещь прекрасную"; но, вполне осознавая масштабность такой затеи

и чувствуя, что необходима помощь, они призвали на помощь Эроса (Амора или Любовь), свое собственное дитя. Их совместными усилиями были созданы Понтус (Море) и Гея (Ге, Теллус, Терра), как впервые была названа Земля.

Вначале Земля не имела того прекрасного вида, который она имеет сейчас. На склонах холмов не махали листвою деревья, в долинах не цвели цветы, на равнинах не росла трава, в воздухе не летали птицы. Все было безмолвно, голо и неподвижно. Эрос, первым заметивший эти недостатки, выхватил свои живительные стрелы и пронзил холодное лоно Земли. И тотчас же бурая поверхность покрылась пышной зеленью; в листве новорожденных лесных деревьев порхали разноцветные птицы; на травянистых равнинах резвились всевозможные животные; в прозрачных ручьях плавали стремительные рыбы. Все вокруг было наполнено жизнью, радостью и движением.

АМОР.-Мартин.

Гая, пробудившись от апатии, восхитилась всем, что уже было сделано для ее украшения, и, решив увенчать и завершить так хорошо начатое дело, создала Урана (Небо).

"Ее первенец Земля произвела на свет,
И звездное небо, как безмерное:
Чтобы он мог укрыть ее

со всех сторон".
Гесиод (перевод Элтона).

Миф о яйце.

Эта версия сотворения мира, хотя и одна из многих, бытовавших у греков и римлян, была наиболее общепринятой; но другая, также очень популярная, гласила, что первые божества, Эребус и Никс, произвели гигантское яйцо, из которого вышел Эрос, бог любви, чтобы создать Землю.

"В мрачном хаотическом чулане
Эребуса старого, был тайник,
Ночью первобытные в тайне положили;
Мистическое яйцо, которое в тишине и тени
Высиживалось и вылуплялось, пока не пришло время:
И Любовь, восхитительная, во славе вылетела".
Аристофан (перевод Фрере).

Гора Олимп и река Океан.

Созданную таким образом Землю древние считали диском, а не сферой, как доказала наука. Греки считали, что их страна занимает центральное положение, а гора Олимп, очень высокая гора, мифологическая обитель их богов, находится точно в центре. Их Земля была разделена на две равные части Понтом (морем, эквивалентным нашим Средиземному и Черному морям), а вокруг нее текла великая река Океан с "устойчивым, равным течением", не нарушаемым бурей, из которой, как предполагалось, черпали свои воды море и все реки.

Гиперборейцы.

Греки также считали, что часть Земли, расположенная к северу от их страны, населена удачливой расой людей, гиперборейцами, которые живут в постоянном блаженстве и наслаждаются нескончаемым весенним приливом. Считалось, что их жилища "недоступны ни по суше, ни по морю". Они были "свободны от болезней, старости и смерти" и настолько добродетельны, что боги часто посещали их и даже снисходили до участия в их пирах и играх. Народ, пользующийся такой благосклонностью, не мог не быть счастливым, и многие песни восхваляли их солнечную землю.

"Я пришел из страны, где солнце светит глубоко,
Где растут золотые сады;
Где северные ветры, утихнув, спят,
Их раковины никогда не дуют.

"Мы так близко от звездного пути,
Что часто, в бледных лучах ночи,
Далекие звуки их гармонии
Доносятся до наших ушей, как сон.

"Луна тоже так близка к нам,
Что когда ночной человек смотрит

На этот бесцветный шар в весеннем небе,
Он может сосчитать ее холмы и ручьи.

"Богу Солнца все наши сердца и лиры
И днем, и ночью принадлежат;
И дыхание, которое мы черпаем из его живого огня.
Мы возвращаем ему в песнях".
Мур.

Эфиопы и острова блаженных.

К югу от Греции, у великой реки Океан, жил другой народ, столь же счастливый и добродетельный, как и гиперборейцы, - эфиопы. Они тоже часто наслаждались обществом богов, которые с великим восторгом разделяли их невинные удовольствия.

А далеко-далеко, на берегу той же чудесной реки, по мнению некоторых мифологов, находились прекрасные Острова Блаженства, куда смертные, которые вели добродетельную жизнь и тем самым обрели благосклонность богов, переносились, не вкусив смерти, и где они наслаждались вечностью блаженства. На этих островах были свои солнце, луна и звезды, и их никогда не посещали холодные ветры, дующие с севера.

"Острова блаженных, говорят они,
Острова Благословенных,
мирные и счастливые, ночью и днем,
Далеко на славном западе.

"Им не нужна луна в той восхитительной стране,
Им не нужна бледная, бледная звезда;
Солнце ярко светит и днем и ночью,
Там, где души благословенных.

"Они не пашут землю, они не пашут волну,
Они не трудятся, никогда! О, никогда!
Ни слезы не прольют, ни вздохнут,
Они счастливы, во веки веков!"
Пиндар.

Уран и Гея.

Хаос, Эребус и Никс были лишены своей власти Эфиром и Гемерой, которые недолго владели скипетром; вскоре Уран и Гея, более могущественные, чем их прародители, заставили их уйти и стали править вместо них. Недолго пробыли они на вершине Олимпа, прежде чем оказались родителями двенадцати гигантских детей - титанов, сила которых была такова, что их отец, Уран, очень боялся их. Чтобы они никогда не использовали ее против него, он схватил их сразу после рождения, бросил в темную бездну, называемую Тартаром, и заковал там в цепи.

Титаны, циклопы и сантиманы.

Эта пропасть находилась далеко под землей, и Уран знал, что его шесть сыновей (Океан, Крий, Гиперион, Иапет и Кронос), а также шесть дочерей, Титанид (Илия, Рея, Фемида, Фетида, Мнемосина и Феба), не смогут легко выбраться из ее пещерных глубин. Титаны недолго оставались единственными обитателями Тартара, и однажды медные двери снова широко распахнулись, чтобы впустить циклопов - Бронтеса (Гром), Стеропа (Молния) и Аргеса (Листовая молния) - трех поздних детей Урана и Геи, которые помогли Титанам сделать тьму отвратительной своим непрекращающимся воплем о свободе. Со временем их число увеличилось за счет трех ужасных Центимани (Сторуких), Коттуса, Бриарея и Гиеса, которых Уран послал разделить их судьбу.

Очень недовольная тем, как обращались с ее детьми их отец, Гея стала просить, но все было напрасно. Уран не удовлетворил ее просьбу освободить великанов, и всякий раз, когда до его слуха доносились их приглушенные крики, он дрожал за свою безопасность. Разгневанная до предела, Гея поклялась отомстить и спустилась в Тартар, где призвала титанов устроить заговор против своего отца и попытаться вырвать скипетр из его рук.

Титаны восстают.

Все внимательно слушали слова мятежницы, но ни у кого не хватило мужества осуществить ее планы, кроме Кроноса, самого младшего из титанов, более известного как Сатурн или Время, который находил заточение и цепи особенно мучительными и ненавидел своего отца за его жестокость. В конце концов Гея уговорила его наложить на своего отца руки, и, освободив его от уз, дала ему косу и велела быть бодрым и вернуться победителем.

Вооружившись и получив наставления, Кронос отправился в путь, застал своего отца врасплох, победил его благодаря своему необычному оружию и, крепко связав его, занял освободившийся трон, намереваясь вечно править вселенной. Разгневанный таким оскорблением, Уран проклял своего сына и предсказал, что настанет день, когда и он будет вытеснен своими детьми и понесет справедливое наказание за свой мятеж.

ФОНТАН КИБЕЛЫ (РЕИ). (Мадрид.)

Кронос и Рея.

Кронос не обратил внимания на упреки отца, а спокойно освободил Титанов, своих братьев и сестер, которые в радости и благодарности за то, что избежали мрачного царства Тартара, выразили готовность быть под его властью. Однако их удовлетворение было полным, когда он выбрал в супруги свою родную сестру Рею (Кибелу, Опс), а каждому из остальных выделил часть мира для управления по своему усмотрению. Например, Океану и Фетиде он передал управление океаном и всеми реками на земле, а Гипериону и Фебе доверил управление солнцем и луной, которые, как полагали древние, ежедневно разъезжали по небу на блестящих золотых колесницах.

Теперь на горе Олимп и вокруг нее царили мир и безопасность, и Кронос с чувством глубокого удовлетворения поздравлял себя с результатом своего предприятия. Однако в одно прекрасное утро его спокойствие было нарушено сообщением о том, что у него родился сын. Воспоминания о проклятии отца внезапно вернулись в его сознание. Желая предотвратить столь великое бедствие, как потеря власти, он поспешил к жене, решив поглотить ребенка и тем самым лишить его возможности досаждать впредь. Ничего не подозревая, Рея услышала, как он спрашивает о своем сыне. С радостью она положила его на руки, но представьте себе ее удивление и ужас, когда она увидела, как муж проглатывает младенца!

Рождение Юпитера.

Прошло время, родился еще один ребенок, но его постигла та же жестокая участь. Один за другим младенцы исчезали в прожорливой глотке Кроноса - олицетворения Времени, которое создает только для того, чтобы уничтожить. Напрасно убитая горем мать умоляла сохранить жизнь хоть одному малышу: эгоистичный, жестокосердный отец не желал отступать. Поскольку ее молитвы казались безуспешными, Рея решила хитростью добиться блага, от которого отказался ее муж, и как только родился ее младший сын Юпитер (Юв, Зевс), она спрятала его.

Кронос, узнав о его рождении, вскоре появился на свет и решил распорядиться им обычным способом. Некоторое время Рея умоляла его, но в конце концов сделала вид, что подчиняется его приказам. Наспех завернув большой камень в пелену, она вручила его Кроносу, изображая сильную скорбь. Кронос, очевидно, не отличался пытливостью ума, так как проглотил его целиком, не став допытываться о подлинном содержимом бесформенного свертка.

"Императорскому сыну Неба,
Уилому, царю богов, она подарила камень.
В младенческих пеленах; и этот камень, схватив
Жадно он выхватил, и в своей жадной груди
Унес: несчастный! И не подумал ни разу
Что за камнем останется его дитя.
Непобедимым, безопасным; который вскоре, руками
Силой его одолев, изгонит его
Из славы, и сам бессмертным правит".
Гесиод (перевод Элтона).

Не зная, как его обманули, Кронос удалился, а обрадованная мать прижала к груди спасенное сокровище. Однако этого было недостаточно, чтобы спасти юного Юпитера от неминуемой гибели: необходимо было, чтобы его отец не знал о его существовании.

Младенчество Юпитера.

Чтобы обеспечить это, Рея поручила своего младенца нежной заботе нимф Мелиан, которые отнесли его в пещеру на горе Ида. Там в качестве кормилицы была найдена коза Амалтея, которая так хорошо справлялась со своими обязанностями, что в конце концов ее поместили на небо в виде созвездия, как блестящую награду за ее добрые услуги. Чтобы крики Юпитера не были услышаны на Олимпе, куреты (корибанты), жрецы Реи, издавали пронзительные крики, бряцали оружием, исполняли свирепые танцы и распевали грубые военные песни.

Истинного значения всего этого нежданного шума и суматохи не понимал Кронос, который в перерывах между своими многочисленными делами поздравлял себя с тем, что проявил хитрость и предотвратил исполнение проклятия своего отца. Но все его тревоги и опасения пробудились, когда ему вдруг стало известно о совершенном над ним обмане и о том, что юный Юпитер продолжает существовать. Он тут же попытался разработать план, как избавиться от него; но, прежде чем он успел привести его в исполнение, на него напали, и после короткой, но ужасной схватки он потерпел поражение.

Превосходство Юпитера.

Юпитер, обрадованный столь быстрой победой, захватил верховную власть и с помощью советов Реи и тошнотворного зелья, приготовленного Метис, дочерью Океана, заставил Кроноса произвести на свет несчастных детей, которых он проглотил, - Нептуна, Плутона, Весту, Цереру и Юнону.

Следуя примеру своего предшественника, Юпитер отдал братьям и сестрам справедливую долю в своем новом царстве. Самые мудрые из титанов - Мнемосина, Фемида, Океан и Гиперион - без ропота подчинились новому государю, но остальные отказались от верности, что, конечно же, привело к смертельному конфликту.

"Когда боги начали гневаться,
И война поднялась меж их звездных бровей,
Одни решили сбросить Кроноса с его трона.
Чтоб Зевс там царствовал, а некоторые поспешили
С противоположными клятвами, что не будет Зевс
Чтоб вечно правил богами".
Э. Б. Браунинг.

Война гигантов.

Юпитер с вершины горы Олимп заметил превосходящее число своих врагов и, вполне осознавая их мощь, решил, что подкрепление его партии не будет лишним. Поэтому он поспешил освободить циклопов из Тартара, где они так долго томились, оговорив, что в обмен на свободу они должны поставлять ему громовые молнии - оружие, которое умели ковать только они. Это новое оружие вызвало ужас и страх в рядах врага, который, тем не менее, вскоре сплотился и доблестно боролся за то, чтобы свергнуть узурпатора и вернуть себе суверенитет над миром.

В течение десяти долгих лет война шла непрерывно, ни одна из сторон не желала подчиняться владычеству другой, но в конце этого времени мятежные титаны были вынуждены сдаться. Некоторые из них были снова брошены в Тартар, где их бережно хранил Нептун, брат Юпитера, а молодой завоеватель радостно возвещал о своей победе.

"Тогда объедините все свои силы, вы, высшие силы,
Объединитесь все и испытайте всемогущество Юпитера:
Отпустите нашу золотую вечную цепь,
Чьи крепкие объятия держат небо, землю и все сущее:
Стремитесь все, смертные и бессмертные,
Чтоб спустить Громовержца на землю,
Напрасны ваши усилия! Если я только протяну эту руку,
Я подниму богов, океан и сушу;
Я цепь прикреплю к высоте великого Олимпа,
И огромный мир трепещет в моих глазах!
Ибо так я царствую, беспредельно и выше;
И таковы люди и боги, сравнимые с Иовом".
Гомер (перевод Поупа).

Предполагалось, что место этого могущественного конфликта находилось в Фессалии, где страна носит отпечаток какого-то великого природного потрясения; древние представляли, что боги, используя свою гигантскую силу и рост, бросали друг в друга огромные камни и нагромождали гору на гору, чтобы достичь обители Юпитера, громовержца.

"Гора на гору, как раньше титаны,
Мои братья, взобравшись на вершину Юпитера,
Взвалили Пелион на широкие плечи Оссы.
В тщетном стремлении".
Лоуэлл.

Сатурн, или Кронос, предводитель и зачинщик восстания, устав наконец от кровопролития и раздоров, удалился в Италию, или Гесперию, где основал процветающее царство и царствовал в мире долгие годы.

Смерть Тифея.

Юпитер, расправившись со всеми Титанами, решил насладиться незаконно полученной властью; но Гейя, чтобы наказать его за лишение своих детей права первородства, создала ужасное чудовище, названное Тифеем, или Тифоном, которое послала на него. Этот Тифей был гигантом, из туловища которого торчали сто драконьих голов; из его глаз, ноздрей и пасти било пламя, а сам он непрерывно издавал такие леденящие кровь крики, что боги в ужасе бежали горы Олимп и искали убежища в Египте. В смертельном страхе, что это внушающее ужас чудовище будет преследовать их, боги приняли облик различных животных; Юпитер стал бараном, а Юнона, его сестра и царица, превратилась в корову.

Однако вскоре царь богов устыдился своего трусливого бегства и решил вернуться на гору Олимп, чтобы сразить Тифея своими страшными громовыми молниями. Последовала долгая и ожесточенная борьба, по окончании которой Юпитер, вновь одержав победу, с безграничной гордостью смотрел на поверженного врага, но его триумф был очень недолгим.

Поражение Энцелада.

Энцелад, еще один грозный гигант, также созданный Геей, явился отомстить за Тифея. Он тоже был знаменательно побежден и закован в адамантиновые цепи в горящей пещере под горой Этна. В ранние времена, еще не привыкнув к своей тюрьме, он давал волю своему гневу криками, проклятиями и стонами: иногда он даже выпускал огонь и пламя, надеясь навредить своему победителю. Но время, говорят, несколько охладило его гнев, и теперь он довольствуется лишь периодическим изменением положения, которое, благодаря его огромным размерам, заставляет землю содрогаться на расстоянии многих миль, производя то, что называется землетрясением.

"Говорят, что гром поразил Энцелад,
сгорбившись под тяжестью горы,
лежит, скорчившись, вечной жертвой пламени;
И, когда он отталкивается от горящего груза,
неохотно перевернул свои раскаленные конечности,
Внезапное землетрясение пронеслось по всему острову,
И Этна грозно гремит под землей,
Затем дым вырывается из-под земли, сплетаясь в завитки,
И заслоняет солнца шар, и гасит день".
Эддисон.

Юпитер делит свое царство.

Теперь Юпитер победил всех своих врагов, утвердил свое право на трон и мог, наконец, спокойно править миром; но он знал, что править небом, землей и морем будет нелегким делом, и решил разделить власть со своими братьями. Чтобы избежать ссор и обвинений, он разделил мир по жребию, предоставив каждому из братьев право вытянуть свою долю.

Таким образом, Нептун получил власть над морем и всеми реками и сразу же заявил о своем намерении носить символическую корону, состоящую исключительно из морских раковин и водных растений, и не выходить за пределы своего водного царства.

Плутон, самый молчаливый из братьев, получил скипетр Тартара и всего Нижнего мира, куда не проникал ни один луч солнца; Юпитер же оставил за собой общий надзор за владениями братьев и непосредственное управление Небом и Землей.

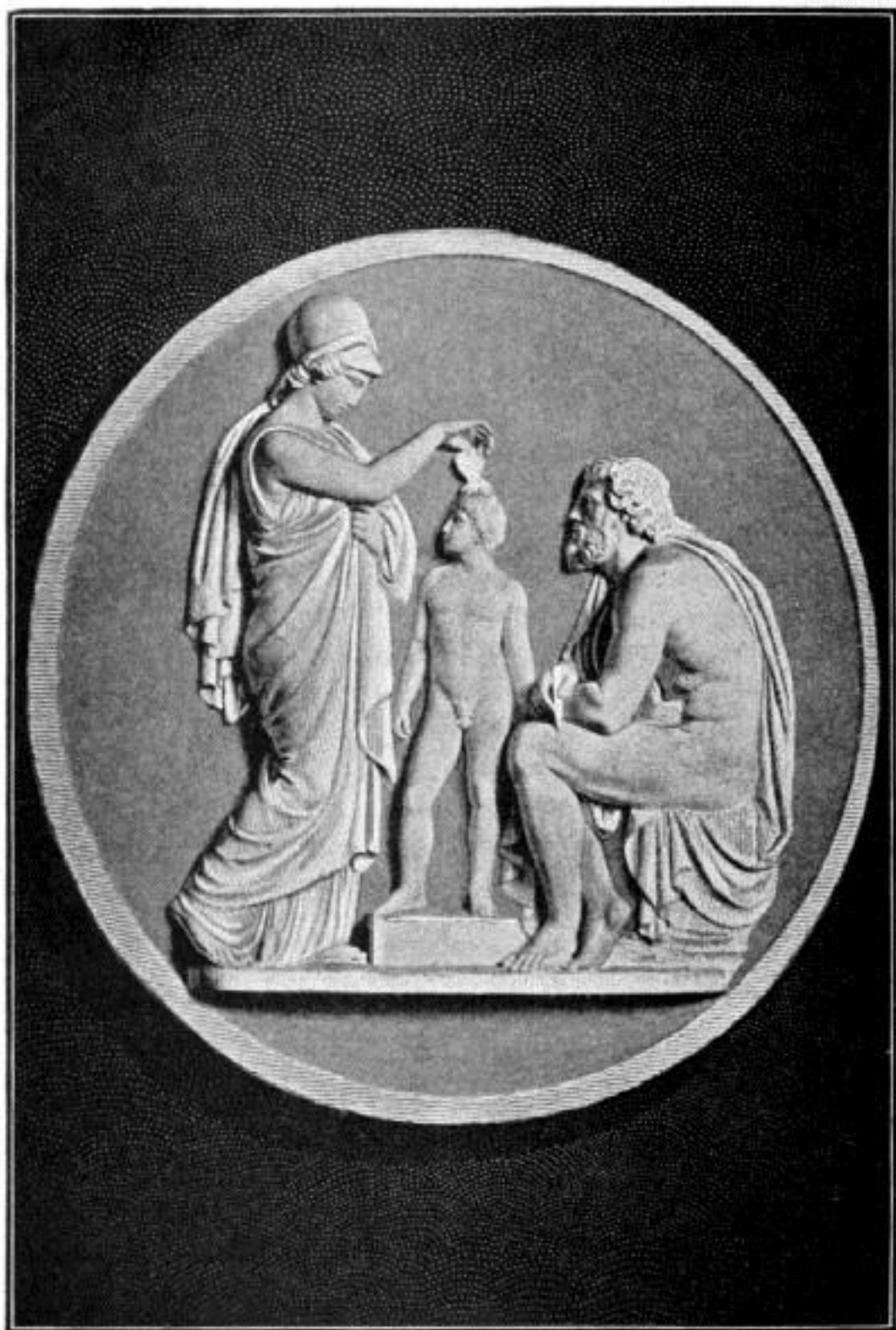
Теперь во всем мире царил мир. Не было слышно ни единого ропота, кроме титанов, которые, видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, смирились со своей участью.

В дни своего процветания титаны вступали в браки. Кронос взял в жены Рею "на счастье или на беду", а Иапет увидел, полюбил и женился на прекрасной Климене, одной из океанских нимф, или Океанид, дочерей Океана. Эта пара стала гордыми родителями четырех гигантских сыновей - Атласа, Менетия, Прометея (Предтечи) и Эпиметея (Послетечи), которым суждено было сыграть выдающуюся роль в греческой мифологии.

История Прометея.

Во время сотворения мира, покрыв новорожденную Землю пышной растительностью и заселив ее живыми существами всех видов, Эрос решил, что необходимо наделить их инстинктами, которые позволили бы им сохранять и наслаждаться полученной жизнью. Поэтому он призвал к себе на помощь двух младших сыновей Иапетуса, велел им разумно

распределить дары между всеми живыми существами, а также создать и наделить высшее существо, названное Человеком, чтобы оно управляло всеми остальными.

МИНЕРВА И ПРОМЕТЕЙ. Торвальдсен. (Копенгаген.)

Первой заботой Прометея и Эпиметея, естественно, было обеспечение уже созданных существ. Они одаривали их с такой безрассудной щедростью, что вскоре все их благодеяния были растрчены, и ничего не осталось для одарения человека. Не имея ни малейшего

представления о том, как преодолеть эту трудность, они приступили к созданию человека из глины.

"Прометей впервые трансмутировал
Атомы, собранные для человеческой глины".
Гораций.

Сначала они вылепили образ, похожий по форме на богов, велели Эросу вдохнуть в его ноздри дух жизни, а Минерве (Палласе) наделить его душой, после чего человек стал жить, двигаться и осматривать свои новые владения.

Гордясь своим творением, Прометей наблюдал за человеком и мечтал одарить его какой-нибудь великой силой, недоступной другим смертным существам, которая подняла бы его намного выше всех остальных живых существ и приблизила бы к совершенству бессмертных богов. Только огонь, по его мнению, мог добиться этого; но огонь был особым владением и прерогативой богов, и Прометей знал, что они никогда не поделятся им с человеком, а если кто-то получит его тайком, они никогда не простят вора. Долго размышлял он над этим вопросом и наконец решил добыть огонь или умереть в попытке.

Однажды темной ночью он отправился на Олимп, незамеченным вошел в обитель богов, схватил зажженную лампу, спрятал ее в своей груди и ушел незамеченным, ликующим от успеха своего предприятия. Прибыв вновь на землю, он передал похищенное сокровище на попечение человека, который тут же приспособил его для различных целей и красноречиво выразил свою благодарность благосклонному божеству, рискнувшему собственной жизнью, чтобы добыть его для него.

"О Прометей, как неустрашимый
На сияющих бастионах Олимпа
Свою дерзкую ногу он поставил,
Мифы рассказывают и песни поют,
Полные побуждений и предложений.

"Прекрасна традиция
О том полете через небесные порталы,
Старое классическое суеверие
О краже и передаче
Огня бессмертных".
Лонгфелло.

Со своего возвышенного трона на самой вершине горы Олимп Юпитер увидел необычный свет, падающий на землю. Желая выяснить его природу, он внимательно наблюдал за ним и вскоре обнаружил кражу. Тогда он разразился страшным гневом, и все боги содрогнулись, услышав его торжественную клятву, что он покарает несчастного Прометея без пощады. Схватить преступника в свои могучие объятия, отнести его к Кавказским горам и привязать к огромной скале было делом одного мгновения. Там был вызван прожорливый стервятник, чтобы полакомиться его печенью, отрывание которой от бока жестоким клювом и когтями птицы причиняло страдальцу сильные мучения. Целый день стервятник насыщался, но прохладной ночью, пока птица спала, страдания Прометея стихали, и печень снова увеличивалась, продлевая тем самым пытку, которой, казалось, не будет конца.

Удрученный перспективой долгих лет непрекращающейся боли, Прометей порой не мог удержаться от жалостливых жалоб; но поколение за поколением людей жило на земле и умирало, благословляя его за дар, который он добыл для них такой страшной ценой. После долгих веков печали Геракл, сын Юпитера и Алкмены, нашел Прометея, убил стервятника, разорвал адамантовые цепи и освободил многострадального бога.

История Эпиметея и Пандоры.

Первые смертные жили на земле в состоянии совершенной невинности и блаженства. Воздух был чист и благовонен, солнце ярко светило круглый год, земля в изобилии приносила вкусные плоды, повсюду цвели прекрасные, благоухающие цветы. Человек был доволен. Сильный холод, голод, болезни и смерть были неведомы. Юпитер, справедливо приписывавший значительную часть этого благодатного состояния дару Прометея, был сильно раздосадован и попытался придумать способ наказать человечество за то, что оно приняло небесный огонь.

С этой целью он собрал богов на горе Олимп, где на торжественном совете они решили создать женщину; и, как только она была искусно вылеплена, каждый наделил ее каким-то особым очарованием, чтобы сделать ее более привлекательной.

"Искалеченный бог-художник,
Прославленный, вылепил из податливой глины
Образ скромной девы, как советовал
Сатурнианский Джов.

* * *

"Но вот, когда прекрасное озорство, кажущееся добрым,
Рука его усовершенствовала, он вывел ее вперед.
Ликуя, в наряде изящном, подаренном
Палласа, среди богов и людей.
И люди, и боги в тот же миг охвачены
Восторг удивленья, когда увидели они
Глубокий обман, неразрывный капкан".
Гесиод (перевод Элтона).

Их совместные усилия увенчались величайшим успехом. Ничего не хватало, кроме имени для этого несравненного создания; и боги, поразмыслив, решили, что ее следует назвать Пандорой. Затем они велели Меркурию отнести ее Прометею как дар небес, но тот, прекрасно понимая, что ничего хорошего от богов ему не светит, отказался принять ее и посоветовал своему брату Эпиметею последовать его примеру. К сожалению, Эпиметей был доверчив, и когда он увидел деву, то воскликнул: "Конечно, столь прекрасное и нежное существо не может принести зла!" и принял ее с величайшей радостью.

Первые дни их союза прошли в блаженных прогулках, рука об руку под прохладной тенью леса; в плетении гирлянд из ароматных цветов; в освежении сочными фруктами, которые так заманчиво висели в пределах досягаемости.

ПАНДОРА. Сишель.

Однажды прекрасным вечером, танцуя на зеленой поляне, они увидели Меркурия, посланца Юпитера, приближающегося к ним. Шаг его был медленным и усталым, одежда - пыльной и испачканной, а сам он, казалось, почти пошатывался под тяжестью огромного ящика, лежавшего на его плечах. Пандора тут же прекратила танцевать, чтобы с женским любопытством поразмышлять о содержимом сундука. Она подтолкнула Эпиметея и шепотом попросила его спросить у Меркурия, что привело его сюда. Эпиметей выполнил ее просьбу,

но Меркурий уклонился от ответа, попросил разрешения оставить свою ношу в их жилище на хранение, заявив, что слишком устал, чтобы донести ее до места назначения в этот день, и пообещав вскоре за ней явиться. Разрешение было незамедлительно получено. Меркурий со вздохом облегчения поставил ящик в один из углов и удалился, отказавшись от всех гостеприимных предложений отдохнуть и подкрепиться.

Едва он переступил порог, как Пандора выразила сильное желание заглянуть в содержимое таинственного ящика; но Эпиметей, удивленный и потрясенный, сказал ей, что ее любопытство неприлично, а затем, чтобы развеять хмурый взгляд, впервые появившийся на светлом лице его возлюбленной, упросил ее выйти на свежий воздух и присоединиться к веселым играм их товарищей. Пандора также впервые отказалась выполнить его просьбу. Раздосадованный и очень обескураженный, Эпиметей вышел один, думая, что она скоро присоединится к нему и, возможно, ласками искупит свое нынешнее своеволие.

Оставшись наедине с таинственным ларцом, Пандора становилась все более любопытной. Незаметно она приблизилась и с интересом осмотрела шкатулку: она была сделана из темного дерева, а над ней возвышалась изящно вырезанная голова такой тонкой работы, что казалось, она улыбается и подбадривает ее. Вокруг шкатулки был намотан сверкающий золотой шнур, завязанный на верхушке замысловатым узлом. Пандора, особенно гордившаяся своими ловкими пальцами, была уверена, что сможет завязать его, и, решив, что развязывать его, не поднимая крышки, будет нескромно, принялась за работу. Она долго пыталась, но все было тщетно. Летний ветерок то и дело доносил до нее смеющиеся голоса Эпиметея и его товарищей, игравших в роскошной тени. Она снова и снова слышала, как они зовут и умоляют ее присоединиться к ним, и все же упорствовала в своих попытках. Она уже готова была в отчаянии отказаться от этой затеи, как вдруг неподатливый узел поддался ее пальцам, и шнур, размотавшись, упал на пол.

Пандоре уже не раз казалось, что из шкатулки доносятся звуки, похожие на шепот. Теперь шум, казалось, усилился, и она, затаив дыхание, приложила ухо к крышке, чтобы убедиться, что он действительно исходит изнутри. Представьте себе ее удивление, когда она отчетливо услышала эти слова, произнесенные с самым жалким акцентом: "Пандора, дорогая Пандора, сжался над нами! Освободи нас из этой мрачной тюрьмы! Открой, открой, умоляем тебя!"

Сердце Пандоры забилося так быстро и громко, что, казалось, на мгновение заглушило все остальные звуки. Должна ли она открыть шкатулку? И тут снаружи раздались знакомые шаги, заставившие ее виновато вздрогнуть. Приближался Эпиметей, и она знала, что он снова будет уговаривать ее выйти и помешает удовлетворить ее любопытство. Поэтому она поспешно приподняла крышку, чтобы хоть немного подглядеть, прежде чем он войдет.

Юпитер злобно запихнул в этот ящик все болезни, горести, пороки и преступления, от которых страдает бедное человечество; и не успел ящик открыться, как все эти недуги вылетели наружу в виде ужасных маленьких коричневых крылатых существ, очень похожих на мотыльков. Эти маленькие насекомые порхали вокруг, приземляясь то на Эпиметея, который только что вошел, то на Пандору, нещадно их жала и укалывая. Затем они вылетели через открытые двери и окна и набросились на веселящихся людей, чьи крики радости вскоре сменились воплями боли и страдания.

Эпиметей и Пандора никогда прежде не испытывали ни малейшего чувства боли или гнева, но, как только эти крылатые злые духи ужалили их, они начали плакать и, увы, впервые в

жизни поссорились. Эпиметей в самых горьких выражениях упрекал свою жену за необдуманный поступок, но в самый разгар своей ярости он вдруг услышал милый голосок, молящий о свободе. Звук исходил из злополучного ящика, крышку которого Пандора снова уронила в первый момент своего удивления и боли. "Открой, открой, и я исцелю твои раны! Пожалуйста, выпустите меня!" - умоляло оно.

Заплаканная пара пылливо посмотрела друг на друга и снова прислушалась. И снова они слышали те же жалобные звуки; Эпиметей велел жене открыть ящик и освободить говорящего, добавив при этом, что она уже причинила столько вреда своим злосчастливым любопытством, что трудно будет усугубить его дурные последствия, и что, возможно, в ящике находится какой-нибудь добрый дух, чье служение может оказаться полезным.

Хорошо, что Пандора открыла ящик во второй раз, потому что боги, поддавшись внезапному порыву сострадания, спрятали среди злых духов одно доброе существо - Надежду, чья миссия заключалась в исцелении ран, нанесенных ее товарищами по заключению.

"Надежда осталась внутри и не улетела,
Под бортом судна, скрытая от света".
Гесиод (перевод Элтона).

Легко порхая туда-сюда на своих снежных шестеренках, Надежда коснулась пробитых мест на кремовой коже Пандоры и Эпиметей и облегчила их страдания, а затем быстро вылетела в открытое окно, чтобы совершить то же самое для других жертв и поднять их унылое настроение.

Так, по мнению древних, зло пришло в мир, принеся с собой неисчислимые страдания; но Надежда шла по его следам, чтобы помочь борющемуся человечеству и указать на счастливое будущее.

"Надежда правит землей, вечно зеленой:
Все силы, служащие ясноглазой королеве.
Уверенны и веселы;
Облака по ее приказу исчезают;
К чему она стремится? Блаженство приближается,
И фантазия сглаживает путь".
Вордсворт.

НАДЕЖДА. Торвальдсен.

Таким образом, на протяжении многих веков Надежда продолжала почитаться, хотя другим божествам перестали поклоняться.

По другой версии, Пандора была послана к людям, неся вазу, в которой были заключены злые духи, и по дороге, охваченная любопытством, подняла крышку и позволила им всем сбежать.

Четыре века.

Постепенно мир заселялся, и первые годы существования человека на земле были, как мы уже видели, годами беззаботного счастья. Не было необходимости в труде, ибо земля самопроизвольно производила все, что было необходимо для существования человека. "Невинность, добродетель и истина преобладали; не было ни законов, чтобы ограничивать людей, ни судей, чтобы наказывать". Это время блаженства по праву носило название Золотого века, а люди в Италии тогда процветали под мудрым правлением старого доброго Сатурна, или Кроноса.

К сожалению, ничто в этом мире не вечно, и за Золотым веком последовал другой, не столь благополучный, названный Серебряным, когда год впервые был разделен на сезоны, а люди были вынуждены трудиться ради хлеба насущного.

"Времена последующие - век серебряный,
превосходящий медный, но еще более превосходящий золотой.
Затем появились лето, осень, зима,
А весна была лишь временем года;
Солнце свой годовой ход косо совершало,
Хорошие дни сокращались, а плохие увеличивались.
Воздух стал пылать знойным жаром,
Крылья ветров были забиты льдом и снегом;
И дрожащие смертные забились в дома,
Искали убежища от знойных небес.
Этими домами были пещеры или уютные сараи,
С вьющимися озимыми, огражденными мхом.
Тогда плуги для посева прокладывали плодотворные борозды,
И волы трудились сначала под ярмом".
Овидий (перевод Драйдена).

И все же, несмотря на эти немногочисленные трудности, люди были счастливы, гораздо счастливее, чем их потомки в эпоху меди, которая быстро последовала за ней, когда раздоры стали обычным делом, а разногласия решались ударами.

Но самым ужасным был Железный век, когда страсти людей не знали границ, и они даже осмелились отказаться от всякого почитания бессмертных богов. Войны велись непрерывно, земля была залита кровью, права гостеприимства открыто нарушались, а убийства, изнасилования и кражи совершались со всех сторон.

Потоп.

Все эти годы Юпитер внимательно следил за действиями людей, и это дурное поведение вызвало его гнев до такой степени, что он поклялся уничтожить человеческий род. Но способы уничтожения были разнообразны, и, поскольку он не мог решить, какой из них окажется наиболее эффективным, он призвал богов, чтобы они посоветовались и помогли ему своими советами. Первым было предложено уничтожить мир огнем, разжигаемым молниями Юпитера, и царь богов уже собирался привести его в исполнение, как вдруг его руку остановило возражение, что поднимающееся пламя может поджечь его собственную обитель и превратить ее великолепие в неприглядный пепел. Поэтому он отверг этот план как неосуществимый и попросил богов придумать другие средства уничтожения.

После долгих проволочек и обсуждений бессмертные решили стереть человечество с лица земли мощным потоком. Ветрам было приказано собрать над землей дождевые тучи. Нептун пустил морские волны, приказав им подняться, перелиться через край и затопить землю. Не успели боги заговорить, как стихии повиновались: подули ветры, хлынул ливень, озера, моря, реки и океаны разорвали свои оковы, а перепуганные смертные, забыв о мелких ссорах в едином порыве бежать от грозящей им смерти, полезли на самые высокие горы, уцепились за вывороченные деревья и даже укрылись в легких скалах, которые они строили в более счастливые времена. Однако все их усилия были напрасны: воды поднимались все выше и выше, настигали их одного за другим в их безуспешных попытках спастись, закрывали дома, где они могли быть так счастливы, и топили их последние отчаянные крики в своих кипящих глубинах.

"Теперь холмы и долины больше не различают,
И природа лежит под гнетом;
Большинство смертных погибает в потоке".
Овидий (перевод Драйдена).

История Девкалиона и Пирры.

Дождь не прекращался, пока через много дней волны не покрыли всю поверхность земли, кроме вершины горы Парнас, самого высокого пика в Греции. На этой горе, окруженной постоянно поднимающимся потоком, стоял сын Прометея, Девкалион, со своей верной женой Пиррой, дочерью Эпиметея и Пандоры. Отсюда они, единственные оставшиеся в живых, смотрели на всеобщее запустение затуманенными слезами глазами.

Несмотря на всеобщее разращение, жизнь этой пары всегда была чистой и добродетельной, и когда Юпитер увидел их там одних и вспомнил об их благочестии, он решил не впутывать их во всеобщую гибель, а спасти им жизнь. Поэтому он приказал ветрам вернуться в свои пещеры, а дождю - прекратиться. Нептун, следуя своему указу, гулко ударил в свою раковину, чтобы призвать блуждающие волны, которые тут же вернулись в свои обычные пределы.

"В конце концов мир был восстановлен,
но пустынный и болезненного оттенка;
Природа увидела себя и ужаснулась,
Унылая пустыня и безмолвная пустошь".
Овидий (перевод Драйдена).

Девкалион и Пирра шаг за шагом спускались по крутому склону горы вслед за удаляющимися волнами, размышляя о том, как им повторить путь по опустевшей земле. Разговаривая, они подошли к святилищу Дельф, которое одно смогло устоять перед силой волн. Они вошли туда, чтобы узнать желания богов. Однако их удивлению и ужасу не было предела, когда голос воскликнул: "Уходите отсюда с покрытыми головами и бросьте за собой кости ваших матерей!" Повиноваться такому приказу казалось в высшей степени святотатством, ведь мертвые всегда пользовались у греков глубоким почитанием, а осквернение могилы считалось ужасным преступлением и каралось соответственно. Но, рассудили они, пророчества богов редко можно принимать в буквальном смысле, и Девкалион, поразмыслив, объяснил Пирру, что, по его мнению, означает это таинственное повеление.

"Земля, - сказал он, - мать всего сущего, а камни можно считать ее костями". Муж и жена быстро решили действовать в соответствии с этим предписанием и продолжили спуск, бросая камни за собой. Все камни, брошенные Девкалионом, тут же превратились в мужчин, а брошенные Пиррой - в женщин.

Так земля во второй раз была заселена непорочным родом людей, посланных на смену злым существам, убитым Юпитером. Вскоре после этого Девкалион и Пирра стали счастливыми родителями сына по имени Эллин, который дал свое имя всему эллинскому или греческому роду; его сыновья Эол и Дорус, а также внуки Ион и Ахей стали родоначальниками эолийского, дорийского, ионийского и ахейского народов.

Другие мифологи, трактуя делювианские мифы, утверждают, что Девкалион и Пирра укрылись в ковчеге, который, проплыв много дней, застрял на вершине горы Парнас. Эта версия была гораздо менее популярна у греков, хотя в ней еще яснее прослеживается общий источник, из которого происходят все эти мифы.

"Кто не видит в утопленнике имя Девкалиона,
когда Земля потеряла своих людей, а Море - свои берега,
Старый Ной!"
Флетчер.

ГЛАВА II.

ЮПИТЕР.

Титулы Юпитера.

Юпитер, Юв или Зевс, царь богов, верховный правитель вселенной, особое божество человечества, олицетворение неба и всех воздушных явлений, блюститель политического порядка и мира, был самым выдающимся из всех олимпийских божеств: остальные были обязаны подчиняться его воле и трепетали перед его всемогущим кивком.

"Он, чьи всевидящие очи созерцают мир,
Вечный громовержец восседал на золотом троне.
Высокие небеса он сделал подножием своих ног,
И широкий Олимп под ним содрогается".

"Он заговорил, и ужасно склонил свои соболиные брови,
Встряхнул амброзиевыми кудрями и кивнул головой,
Печать судьбы и санкция бога:
Высокие небеса с трепетом приняли грозный сигнал,
И весь Олимп к центру содрогнулся".
Гомер (перевод Поупа).

Только Судьба и Рок осмелились противостоять суверенной воле Юпитера, и они продолжали издавать свои неотменяемые указы даже после того, как он сместил своего отца и стал править всеми.

Как и все остальные греческие и римские божества, Юпитер, хотя и был бессмертен, подвержен удовольствиям, боли, горю и гневу, он был жертвой всех страстей, которые управляют сердцами людей.

ОЛИМПИЙСКИЙ ЗЕУС - Флакман.

Именно он председательствовал на советах, проходивших на вершине "многовершинного Олимпа", и созывал богов, когда хотел обсудить с ними какой-либо важный вопрос или

предаться роскошному пиру, когда они вкушали небесную амброзию и пили ароматный нектар.

Обычно его представляют в виде прекрасной величественной фигуры, с длинными вьющимися волосами и бородой, облаченного в струящиеся драпировки, с грозным громоотводом или скипетром в одной руке и статуей Победы в другой. Мир - его подножие, а орел, эмблема силы и власти, обычно изображается рядом с ним.

Слуги Юпитера.

У Юпитера были свои особые помощники, такие как Виктория, или Ницца, богиня победы, которая всегда была готова повиноваться его малейшему приказу, и, как говорят, ее хозяин любил ее так сильно, что обычно держал ее изображение в руке.

Стоязыкая богиня славы Фама с трубой в руках провозглашала по его приказу все, что он пожелает, никогда не задаваясь вопросом, правда это или ложь.

"Слава, что чума не бежит.

Свой путь стремительней завоевывает:

Само ее движение придает ей силу:

Она летит и растет с каждым часом.

Поначалу она сжимается и трусит от страха:

Но вскоре она взмывает ввысь:

На землю она ступает,

А лоб ее - в небо".

Вергилий (перевод Конингтона).

Рядом с Юпитером иногда можно было увидеть Фортуну, богиню удачи, стоящую на постоянно вращающемся колесе, на котором она путешествовала по миру, небрежно разбрасывая свои многочисленные дары и безразлично одаривая его самыми изысканными улыбками; а Геба, или Ювентас, богиня юности, всегда была готова по его желанию излить нектар, в котором боги должны были пообещать друг другу.

"Геба, почитаемая всеми,

подавала нектар, и из золотых кубков

Они поклялись друг другу".

Гомер (перевод Брайанта).

ГАНИМЕД И ОРЕЛ. (Национальный музей, Неаполь.)

Но эта прекрасная богиня неловко споткнулась и упала по торжественному случаю и была вынуждена оставить свой пост. Чтобы заменить ее, отец богов был вынужден отправиться на поиски другого виночерпия.

Чтобы облегчить поиски, он принял облик орла и на крыльях полетел над землей. Не успел он далеко улететь, как увидел на соседнем холме юношу дивной красоты. Спуститься вниз,

подхватить его в свои могучие когти и благополучно унести на Олимп было делом одного мгновения; там похищенный юноша Ганимед, сын царя Трои, был тщательно обучен тем обязанностям, которые ему предстояло выполнять в будущем.

"И богоподобный Ганимед, прекраснейший
Из людей; боги увидели и подняли его
На небо, так прекрасен он был, чтобы налить
Вино для Джова и вечно жить с ними".
Гомер (перевод Брайанта).

История Филемона и Бауциса.

Забываясь о благополучии человечества, Юпитер часто посещал землю, тщательно скрывая свои мысли, чтобы иметь возможность узнать все, что пожелает, без риска быть обнаруженным. Однажды он и Меркурий, его особый посланник и любимец богов, приняли облик нуждающихся, запоздалых путников и вошли в скромную хижину достойной пожилой пары, Филемона и Бауциса.

Желая предложить чужестранцам все, что могли, эти бедняги решили убить единственного оставшегося у них гуся, но их усилия были тщетны, и в конце концов гонимая птица укрылась между коленями Юпитера. Тронутый их усердием и желанием предотвратить гибель доверчивого гуся, Юпитер явился своим верным поклонникам и в благодарность за их жертву велел им просить любого блага, пообещав у великой реки Стикс - самой обязательной и торжественной клятвы, которую только может произнести бог, - исполнить их просьбу.

Вопреки сложившемуся в подобных случаях обычаю, Филемон и Бауцис сделали скромный и разумный выбор и предложили робкую просьбу о том, чтобы они служили богам, пока хватит сил и жизни, и в конце концов умерли вместе. Это самое разумное желание было немедленно исполнено, а Юпитер, кроме того, превратил их скромное жилище в великолепный храм, где они могли ежедневно приносить жертвы на его алтари.

"Их маленький сарай, едва ли достаточно просторный для двоих,
Казалось бы, из земли вырос, в высоту и вширь.
Величественный храм вздымается в небеса,
Промежность их кровати колоннами возвышается;
Мостовая из полированного мрамора,
Ворота изящные, шпили и черепицы золотые".
Овидий (перевод Драйдена).

После долгих лет верной службы, когда возраст заставил их тосковать о смерти, Филемон и Бауцис были превращены в величественные дубы, которые на протяжении многих веков стояли перед храмом, памятники любви и веры, связывавшие их на протяжении всей жизни.

Хотя Юпитер был женат на Юноне, он часто предавался любовным утехам с другими богинями и даже со смертными девами. Сами древние не практиковали полигамию, но предполагалось, что их боги могут безнаказанно потакать всем своим страстям. Поэтому Юпитер, олицетворяющий небо, вступал в связь с Юноной (атмосферой), с Дионой (влагой), с Фемидой (правосудием) и т. д., не подвергаясь никаким упрекам; ведь эти браки, по их мнению, были символическими.

Но Юнона была ревнива, и Юпитер был вынужден проводить свои ухаживания очень скрытно и осмотрительно, а потому обычно прибегал к маскировке. Например, чтобы завоевать Европу, прекрасную дочь Агенора, он превратился в быка.

"Сами боги,
Смирив свои божества в любви, принимали
звериные облики. Юпитер
Стал быком и ревел".
Шекспир.

Юпитер похищает Европу.

Однажды Европа играла на лугах своего отца с тремя братьями - Кадмом, Фениксом и Киликсом, как вдруг увидела белого быка, который приближался к ней; не с огненными глазами и опущенными рогами, а ласково, как бы выражая немую просьбу погладить его. Дева, обрадованная, погладила животное и украсила его яркими гирляндами луговых цветов. Затем, увидев, что он встал на колени, как бы приглашая ее сесть, она легко вскочила на его широкую спину, призывая своих спутников последовать ее примеру; но не успели они исполнить ее желание, как бык поднялся на ноги и галопом помчался к морю со своей прекрасной ношей на спине.

Увидев пенистые волны, он не стал поворачиваться, а бросился в них и через несколько минут исчез из виду - так быстро он уплыл. Чтобы успокоить испуганную девушку, бык заговорил с ней ласковым голосом, призывая отбросить все страхи, ведь он был переодетым великим Юпитером.

"Мужайся, нежная дева! Не бойся прилива:
Я, хоть и похож на быка, но являюсь небесным Джовом:
Я меняю свой облик по желанию".
Мосх (перевод Элтона).

Довольная новизной своего положения и польщенная явным восхищением бога, Европа перестала бороться, крепче обхватила шею быка, чтобы волны не смыли ее с опасного места, и позволила унести себя.

В конце концов Юпитер опустил свою прекрасную ношу на берег новой земли, которой он галантно дал имя Европа. Затем он вновь обрел свой привычный облик, долго объяснял причины столь бесцеремонного похищения и, наконец, добился ее согласия на их союз. Их тремя сыновьями были Минос, Радамант и Сарпедон. Двое первых впоследствии были назначены судьями в Преисподней, а третий нашел раннюю, но славную смерть во время Троянской войны.

Похищение ЕВРОПЫ. Альбани. (Дворец Уффици, Флоренция.)

Поиски Европы.

Не подозревая о судьбе своей сестры, молодые принцы поспешили вернуться во дворец отца, чтобы сообщить о ее внезапном невольном отъезде. Агенор, чьей любимицей она всегда была, от горя разорвал свои одежды и велел сыновьям отправиться на ее поиски и не возвращаться, пока не найдут ее. В сопровождении матери, Телефасы, они немедленно отправились в путь, расспрашивая всех встречных, не видели ли они сестру. Поиски и расспросы оказались одинаково бесплодными.

Наконец, устав от этих безнадежных поисков, Финикс отказался от дальнейшей помощи и позволил своим скорбящим родственникам продолжать путь без него, оставшись в стране, которую от него стали называть Финикией. Киликс тоже вскоре последовал его примеру и поселился в плодородной стране, до которой они добрались, названной Киликией; и наконец Телефаса, измученная горем и усталостью, легла умирать, поручив своему старшему сыну идти дальше одному.

Кадм странствовал, пока не пришел в Дельфы, где обратился к оракулу; но, к его великому ужасу, единственный ответ, который он получил, был: "Следуй за коровой и поселись там, где она отдыхает".

В глубоком недоумении он покинул храм и, по привычке, отправился дальше, терпеливо расспрашивая всех встречных. Вскоре он заметил корову, неторопливо идущую перед ним, и, помня о прорицании, прекратил поиски и последовал за ней. Подстегиваемые любопытством, многие искатели приключений присоединились к нему в пути, и, когда корова наконец прилегла в земле, которую с тех пор называют Беотией, все они пообещали помочь Кадму, избранному ими вождю, основать их будущую столицу, которую называли Фивами.

Основание Фив.

Измученные жаждой после долгой прогулки, мужчины поспешили к соседнему источнику, но, к удивлению Кадма, прошло время, а они все не возвращались. Вооружившись своим надежным мечом, он наконец спустился к источнику, чтобы узнать причину их задержки, и обнаружил, что всех их пожрал огромный дракон, обитавший в котловине. Принц поднял меч, чтобы отомстить за их смерть, и нанес дракону такой смертельный удар по голове, что тот сразу же прекратил свое существование.

Пока Кадм стоял и созерцал своего безжизненного врага, голос велел ему извлечь зубы дракона и посеять их в землю, уже разрытую для будущего города. Ни одного человека не было в пределах видимости: Кадм понял, что приказ исходит от бессмертных богов, и немедленно приготовился его исполнить. Не успели зубы дракона быть посажены, как из земли выскочили гиганты в полный рост и вооруженные до зубов. Они уже собирались обрушиться на Кадма, когда тот же голос велел ему бросить камень в середину их тесной фаланги. Кадм, видя, что гиганты уже почти настигли его, и не теряя времени, быстро бросил камень. Эффект был почти мгновенным, так как гиганты, решив, что камень бросил их сосед, начали драться между собой. Через несколько минут число гигантов сократилось до пяти, которые сняли с себя окровавленное оружие и смиренно предложили свои услуги Кадму. С их помощью был заложен фундамент города, но труд их был не очень тяжелым, так как боги заставили некоторые общественные здания подняться из земли, все законченные и готовые к использованию.

Чтобы вознаградить Кадма за его любовные и кропотливые поиски Европы, Юпитер отдал ему в жены прекрасную принцессу Гармонию, дочь Марса и Венеры. Кадм, основатель Фив, предположительно изобрел алфавит и ввел его в употребление в Греции. Хотя его карьера сначала была очень успешной, в конце концов он навлек на себя гнев богов, забыв в торжественный момент принести им подходящую жертву; в гневе на его нерадивость они превратили его и Гармонию в огромных змей.

Поклонение Юпитеру.

Юпитер, разумеется, пользовался широким и всеобщим поклонением древних; его главные храмы - Капитолий в Риме и святилище Юпитера Аммона в Ливии - известны во всем мире. У него также был известный храм в Додоне, где дуб давал таинственные пророчества, которые, как предполагалось, были вдохновлены царем богов; эта давно утраченная святыня была недавно обнаружена.

"О, где же, Додона, твоя вековая роща,
пророческий источник и божественный оракул?
В какой долине откликнулся эхом ответ Юпитера?
Какой след остался от святилища громовержца?
Все, все забыто!"
Байрон.

Великолепный храм в Олимпии на Пелопоннесе также был посвящен Юпитеру, и здесь каждый пятый год жители Греции собирались на игры в честь великой победы Юпитера над титанами. Эти праздники назывались Олимпийскими играми, и греки обычно считали время по олимпиадам, то есть по промежуткам между празднованиями. В храме в Олимпии стояла прекрасная статуя из золота и слоновой кости работы Фидия. Ее пропорции и красота были таковы, что она была причислена к семи чудесам древнего мира. Рассказывают также, что художник, завершив этот шедевр, жаждал какого-то знака одобрения с небес и горячо молился о том, чтобы бог принял его труд. В ответ на эту молитву Юпитер послал яркую

вспышку молнии, которая заиграла вокруг колоссального изображения, осветив его, но оставив совершенно невредимым.

Греки были обязаны Фидию многими из своих самых изысканных статуй богов, но ни одна из них не сравнится с этой фигурой Юпитера ни размерами, ни достоинством позы, ни тщательностью отделки.

"Мудрый Фидий доказал свое мастерство,
Через многих богов продвинулся к Юпитеру,
И научил отполированные камни сиять
С воздушными и божественными линиями;
Пока Греция, изумленная и наполовину испуганная,
Собрала божеств на обзор".
Аддисон.

ЮНОНА. (Ватикан, Рим.)

ГЛАВА III.

ЮНОНА.

Брак Юноны.

Юнона (Гера, здесь), царица небес, богиня атмосферы и брака, была дочерью Кроноса и Реи и, следовательно, сестрой Юпитера; но как только последний сверг своих родителей и завладел скипетром, он начал подыскивать себе подходящую подругу. Юнона покорила его своей красотой, и он немедленно приступил к ухаживаниям, которые вел в облике кукушки, чтобы придать им немного романтики. Очевидно, он нашел благосклонность в ее глазах и получил ее согласие разделить с ним трон, так как вскоре после этого их свадьба была отпразднована с большой помпой на горе Олимп. Именно по этому торжественному случаю бессмертный конклав богов объявил, что Юнона отныне должна почитаться как богиня брака.

"Юнона, председательствующая
Верховная над женихами и невестами".
Вергилий (перевод Конингтона).

Но хотя вначале этот союз казался очень счастливым, вскоре возникли поводы для разногласий, так как, к сожалению, Юпитер был склонен к неверности, а Юнона - к ревности, и, как и олицетворяемая ею стихия, была очень переменчива в своих настроениях. В таких случаях она давала выход своему буйному нраву и горько упрекала мужа, который, не выдержав ее порицания, сурово наказывал ее и, вместо того чтобы исправиться, лишь продолжал свои многочисленные интриги с новым рвением.

История Каллисто и Аркаса.

Однажды он сильно влюбился в девушку по имени Каллисто, нежную, красивую и стройную; но, несмотря на все предосторожности, которые он предпринимал, посещая ее, Юнона обнаружила объект его привязанности. Днем и ночью она размышляла и строила планы, пока не придумала способ мести, который показался ей подходящим. Изящная девушка внезапно лишилась дара речи, превратилась в грубого, нескладного медведя и была изгнана в уединение великих лесов, которые с тех пор стали ее домом. Юпитер тщетно искал свою пропавшую возлюбленную и лишь спустя долгое время обнаружил ее и ее медвежонка Аркаса. Сжалившись над ними, он перенес их обоих на небо, где они до сих пор известны как созвездия Большой и Малой Медведицы.

Служительница Юноны.

У Юноны, как и у ее мужа, была особая спутница - Ирис (Радуга), которую она часто использовала в качестве посланницы, - эту задачу божество выполняло с такой же быстротой, как и Меркурий. Ее полет по воздуху был настолько стремительным, что ее редко кто видел; и никто бы не догадался, что она пролетела мимо, если бы не яркий след, который оставляла за собой в небе ее разноцветная мантия.

"Словно огненные облака, вспыхивающие румяными бликами,
Или Ирис, скользящая по пурпурному воздуху;
Когда свободно распахнута ее ослепительная мантия,
И на фоне солнца сияет".

Flaccus (Elton's tr.).

Юнона - мать Марса, Гебы и Вулкана, и всегда описывается и изображается как прекрасная, величественная женщина, одетая в струящиеся одежды, с диадемой и скипетром. Павлин и кукушка были для нее священны, и поэтому их часто можно увидеть рядом с ней.

ИРИС.- Тито Конти.

Поклонение Юноне.

Главные места ее поклонения находились в Микенах, Спарте, Аргосе, Риме и Герауме. У нее также было множество других святилищ, разбросанных по всему античному миру, и ей

поклонялись в тех же храмах, что и Юпитеру. В Греции и Италии было найдено множество прекрасных статуй этой богини, некоторые из которых сохранились до наших дней и служат свидетельством возвышенного представления древних о Царице Небесной.

История Клеобиса и Битона.

Праздники Юноны, Матроналии, в Риме всегда отмечались с большой помпой. Менее важные праздники проводились в каждом городе, где ей был посвящен храм. В один из таких дней одной старой жрице очень захотелось отправиться в храм в Аргосе, где она много лет служила богине и который покинула только ради замужества. Путь был долгим и пыльным, поэтому пожилая женщина, которая уже не могла пройти такое расстояние пешком, попросила своих сыновей, Клеобиса и Битона, запрячь в ее машину белых телок. Юноши поспешили исполнить ее просьбу, но, хотя они усердно искали, телок не нашли. Чтобы не разочаровывать свою престарелую мать, которая очень хотела попасть на богослужение, сыновья с добрым сердцем запрягли в телегу и повезли ее через весь город к воротам храма под одобрительные возгласы всех жителей, восхищенных этой чертой сыновней преданности.

Мать была так тронута привязанностью сыновей, что, преклонив колени перед алтарем, горячо молила Юнону о даровании им величайшего блага, на которое она была способна. По окончании службы бывшая священница вошла в портик, где ее сыновья прилегли отдохнуть после нежданных трудов, но вместо того, чтобы, как она ожидала, просто уснуть, она обнаружила их мертвыми. Царица Небесная перенесла их во сне на Елисейские поля - место бесконечного блаженства, где такие, как они, наслаждаются вечной жизнью.

ГЛАВА IV.

МИНЕРВА.

Рождение Минервы.

Несмотря на свое бессмертие, боги не были избавлены от физической боли. Однажды Юпитер сильно страдал от внезапной головной боли, и в надежде, что удастся найти способ облегчить состояние, он созвал всех богов на Олимп. Однако их совместные усилия оказались тщетными, и даже средства, предложенные богом медицины Аполлоном, оказались неэффективными. Не желая, а может быть, и не в силах больше терпеть мучительную боль, Юпитер велел одному из своих сыновей, Вулкану, рассечь ему голову топором. С веселой готовностью повиновался послушный бог; и не успела операция завершиться, как из головы отца выскочила Минерва (Паллас, Афина), в полный рост, облаченная в сверкающие доспехи, с острием копья и воспевающая триумфальную песнь победы.

"Из его ужасной головы
Которую создал Юпитер, в воинственных доспехах,
Золотой, весь сияющий".
Шелли.

Собравшиеся боги в страхе отпрянули перед этим неожиданным появлением, и в то же время мощный шум на суше и на море возвестил о приходе великого божества.

Богине, которая таким образом присоединилась к обитателям Олимпа, было суждено возглавить мир, оборонительную войну и рукоделие, стать воплощением мудрости и обратить в бегство непонятное божество по имени Уныние, которое до сих пор управляло миром.

МИНЕРВА. (Национальный музей, Неаполь.)

"Когда Паллас выходила из головы Громовержца,
Уныние над всеми владело ее древним правом,
Дочь Хаоса и вечной Ночи".
Поуп.

Минерва, заставив свою непривлекательную предшественницу позорно отступить, быстро овладела скипетром и сразу же стала править вместо нее.

Наречение Афин.

Вскоре после ее рождения финикиец Кекропс прибыл в Грецию, где основал прекрасный город в провинции, которая с тех пор называется Аттика. Все боги с интересом наблюдали за его начинанием, и наконец, видя, что город обещает стать процветающим, каждый из них пожелал получить привилегию назвать его. Был созван общий совет, и после некоторого обсуждения большинство богов отказались от своих претензий. Вскоре никто, кроме Минервы и Нептуна, не остался претендовать на желанную честь.

Чтобы уладить ссору, не проявляя пристрастности, Юпитер объявил, что город будет передан под защиту того божества, которое создаст самый полезный предмет для использования человеком. Подняв свой трезубец, Нептун ударил им по земле, из которой выскочил благородный конь под возгласы удивления и восхищения всех зрителей. Его качества были должным образом объяснены его гордым создателем, и все решили, что Минерве невозможно превзойти его. Громко смеялись и презирали ее, когда она, в свою очередь, принесла оливковое дерево; но когда она рассказала им о разнообразных целях, для которых можно применить дерево, плоды, листву, ветки и т. д., и объяснила, что олива - знак мира и процветания, а потому гораздо желаннее лошади, эмблемы войны и несчастья, они не могли не признать ее дар самым полезным и присудили ей приз.

В память о победе над соперницей Минерва дала городу свое имя Афина, и с тех пор жители стали почитать ее как свою богиню-покровительницу.

Всегда находясь рядом с Юпитером, Минерва часто помогала ему своими мудрыми советами, а во время войны заимствовала его страшный щит - эгиду, который она перекидывала через плечо, когда выходила вперед, чтобы поддержать тех, чье дело было правым.

"На плече ее
Ужасный Эгис с мохнатой головой.
Опоясанная Ужасом. Была борьба, и была
И стойкость, и яростное преследование,
И голова Горгоны, жуткое зрелище,
Обезображенная и страшная, и знак горя".
Гомер (перевод Брайанта).

Грохот битвы не страшил эту отважную богиню, и при каждом удобном случае она с доблестью бросалась в самую гущу схватки.

История Арахны.

Однако эти мужественные вкусы полностью уравнивались некоторыми исключительно женскими, ведь Минерва так же ловко управлялась с иглой, как и с мечом. В Греции в те

давние времена жила дева по имени Арахна. Красивая, юная и обворожительная, она была бы любима всеми, если бы не ее неумеренная гордость - не личными достоинствами, а мастерством рукодельницы.

Арахна в своем тщеславии считала, что никто не может сравниться с ее ловкими пальцами, и хвасталась на всю округу, что не побоится сравниться в мастерстве с Минервой. Она говорила об этом так громко и так часто, что богиня вконец раздосадовалась и покинула свое место на высоком Олимпе, чтобы спуститься на землю и наказать девицу. В облике старой короны она вошла в дом Арахны, уселась и начала разговор. Через несколько минут дева вернулась к своему обычному напряжению и возобновила необдуманные хвастовства. Минерва мягко посоветовала ей быть скромнее, чтобы не навлечь на себя гнев богов своими самонадеянными словами, но Арахна была так ослеплена своим самомнением, что презрела благонамеренное предупреждение, дерзко вскинула голову и заявила, что хотела бы, чтобы богиня выслушала ее и предложила состязание, в котором она непременно сможет доказать истинность своих утверждений. Эта дерзкая речь так разгневала Минерву, что она отбросила свою маскировку и приняла вызов.

Обе они установили свои станки и принялись ткать изысканные гобелены: Минерва выбрала своей темой поединок с Нептуном, а Арахна - похищение Европы. В тишине трудились прекрасные ткачихи, и паутина быстро росла под их натренированными пальцами. Собравшиеся боги, конь, оливковое дерево, казалось, жили и двигались под мелькающим челноком Минервы.

"Среди этих листьев она создала бабочку,
С прекрасным устройством и дивной легкостью,
порхающую среди олив,
И казалось, что она живет, так похожа она была на человека:
Бархатный ворс, который лежит на его крыльях,
Шелковый пух, которым покрыта его спина,
Его широкие вытянутые рога, его сенные щитки,
Его великолепные цвета и сверкающие глаза".
Спенсер.

Арахна тем временем смотрела на своего плывущего быка, о широкую грудь которого плескались волны, и на полусмеющуюся, полуиспуганную девушку, которая вцепилась в рога быка, а ветер играл с ее развевающимися локонами и одеждой.

"Распахнулась мантия милой Европы,
С плеч ее откинута назад:
С одной руки падал крокус: другой рукой хватала
За золотой рог кроткого быка".
Теннисон.

Нанеся последние штрихи, каждая повернулась, чтобы посмотреть на работу соперницы, и при первом же взгляде Арахна была вынуждена признать свою неудачу. Быть превзойденной после всех ее гордых хвастовств было очень унижительно. Горько раскаивалась Арахна в своей глупости; в отчаянии она обвязала веревку вокруг шеи и повесилась. Минерва увидела, что ее обескураженная соперница собирается бежать, и быстро превратила ее болтающееся тело в паука, приговорив ее к непрерывному плетению и прядению - предупреждение всем тщеславным смертным.

Поклонение Минерве.

Минерве, богине мудрости, поклонялись повсеместно. Ей посвящали множество храмов и алтарей, самым известным из которых был Парфенон в Афинах. Сейчас от этой могучей громады остались лишь руины, но и они свидетельствуют о красоте сооружения, которое служило поочередно храмом, церковью, мечетью и, наконец, пороховым магазином.

"Прекрасный Парфенон! И все же Фэнси должна плакать.
О тебе, о творении благородных духов.
Яркие, как в старину, лучи солнца над тобой спят
Во всей своей красоте, а твоя ушла!
Империи пали с тех пор, как тебя впервые стали почитать.
И разные обряды освящали твою святыню.
Вокруг тебя прах тех, кто воздвиг
Твои стены; и ты - их судьба должна скоро стать твоей!"
Хеманс.

Статуи Минервы - прекрасной, величественной женщины, полностью одетой и вооруженной - были очень многочисленны. Самая знаменитая из них, выполненная известным греческим скульптором Фидием, достигала сорока футов в высоту. Праздники в честь Минервы проводились везде, где ей поклонялись, - некоторые, например, греческая Панафиней, только раз в четыре года; другие, такие как Минервалии и Квинкватрии, - каждый год. На этих праздниках Палладий, статуя богини, по преданию упавшая с небес, проносилась в процессии по городу, где народ приветствовал ее появление радостными криками и хвалебными песнями.

ГЛАВА V.

АПОЛЛО.

Самым славным и прекрасным среди всех богов был Аполлон (Phœbus, Sol, Helios, Cynthius, Pytheus), бог солнца, медицины, музыки, поэзии и всех изящных искусств.

"Светловолосый Аполлон! Ты, который всегда был
Благословение для мира, чье могучее сердце
Вечно изливает любовь, и свет, и жизнь;
Ты, при чьем взгляде все вещи на земле наполняются
Счастьем; к кому ранней весной
Яркие цветы поднимают свои головки, где бы они ни находились
На крутом склоне горы или в долине.
И в долине спокойно укрываются. Ты, на кого бледная
И усталая земля смотрит, когда зима уходит,
терпеливым взором: ты, ради кого деревья, ободренные ветром.
Надели свежие листья и пьют свет.
Что блестит в твоих глазах: Ты, чьи яркие
И жарких лучей орел наполняет свой взор
Неугасимым огнем, и далеко, далеко в вышине
Кричит о своей радости тебе, под всеми именами.

Которые ты носишь - будь то божество твое
Феб или Сол, или златокудрий Аполлон,
Цинтия или Пифия, если ты следуешь за
За бегущей ночью, о, услышь
Наш гимн тебе и с готовностью приблизься!"
Пайк.

Аполлон был сыном Юпитера и Латоны, или Лето, богини темных ночей. Ревность Юноны была вызвана тем, что Юпитер отдал предпочтение ее сопернице. Чтобы отомстить, она изгнала Латону на землю и объявила, что если кто-либо, смертный или бессмертный, проявит к ней жалость или окажет ей помощь, то навлечет на себя ее неизгладимую обиду.

После долгих, мучительных скитаний по земле бедная Латона, утомленная и измученная жаждой, приблизилась к небольшому озеру на обочине дороги, чтобы освежиться; но, побуждаемые Юноной, несколько жнецов велели ей пройти дальше, а затем, видя, что она не слушает их приказаний, бросились в мелкую воду и взбаламутили грязь на дне, пока она не стала совсем невкусной. С помутневшими от слез глазами Латона молила этих жестоких людей никогда не покидать место, где они сейчас стояли; и Юпитер в ответ на ее молитву тут же превратил их в огромных зеленых лягушек, которые с тех пор предпочитают грязные водоемы.

Подгоняемая неумолимой ненавистью Юноны, Латона наконец пришла к берегу моря, где протянула умоляющие руки к Нептуну, который послал дельфина, чтобы тот доставил ее в безопасности на плавучий остров Делос, поднятый для нее из морских глубин. Однако качка оказалась неприятной для богини, и Нептун приковал остров в Эгейском море; и там, в этом восхитительном климате, справедливо воспетом поэтами, у Юпитера и Латоны родились дети-близнецы, Аполлон и Диана, божества солнца и луны.

История Корониса.

Аполлон, достигнув зрелого возраста, не смог избежать обычного жребия богов, как и смертных людей, - мук любви. Первой их вдохновила Коронис, прекрасная дева, которая зажгла в его груди пламенный огонь. Бог солнца горячо и настойчиво ухаживал за девушкой и в конце концов получил глубокое удовлетворение от того, что его привязанность была возвращена. Однако его блаженство оказалось лишь мимолетным, так как Коронис, решив, что если одна возлюбленная так восхитительна, то две будут вдвойне, тайно подговорила другого поклонника.

"Флиртowała с другим любовником.
(так, по крайней мере, гласит история).
И встречалась с ним лукаво,
Под краснеющей розой".
Сакс.

Хотя эти свидания были так ловко организованы, они не могли укрыться от зорких глаз любимой птицы Аполлона, снежного ворона, - ведь именно такого оттенка он был в те давние времена, - и он поспешил к своему хозяину, чтобы сообщить о сделанном им открытии. Отчаявшись от любви и ревности, Аполлон не стал медлить и, схватив лук и смертоносные стрелы, выстрелил Коронису в сердце.

Не успел он совершить этот поступок, как вся его любовь вернулась с удесyтеренной силой; и, поспешив к Корониде, он тщетно пытался всеми своими средствами (он был богом медицины) вернуть ее к жизни.

"Бог врачевания
Не нашел противоядия; увы!
Тот, кто так ловко снял ее
Не смог девицу вернуть!"
Сакс.

Склонившись над безжизненным телом любимой, он оплакивал свою роковую поспешность и проклинал птицу, принесшую ему нежелательную весть о ее неверности.

"Затем он обратился к Ворону,
"Беспутный болтун! Узнай свою судьбу!
Больше ты не будешь моим посланником,
Отправляйся в Аид с твоими разговорами!"

"Утоми Плутона своей болтовней!
Сюда, чудовище, не возвращайся;
И чтобы соответствовать твоему нраву.
Впредь будь в черном оперенье своем!"
Сакс.

Эскулап.

Единственным напоминанием об этом печальном эпизоде стал юный сын Аполлона и Корониды, Эскулап (Асклепий), которого Аполлон тщательно обучал искусству врачевания. Талант ученика был настолько велик, что вскоре он стал соперничать со своим мастером и даже, как говорят, возвращал к жизни мертвых. Конечно, эти чудеса недолго оставались скрытыми от всевидящего ока Юпитера, и он, опасаясь, что народ забудет его и станет поклоняться своему лекарю, схватил одну из своих молний, метнул ее в ловкого юношу и тем самым безвременно положил конец его блестящей медицинской карьере.

"И тогда прогневался Юпитер, что человек должен подняться
Из тьмы на верхние небеса,
Пиявку, которая так исцеляла, бросил
С молнией в мир Плутона".
Вергилий (перевод Конингтона).

Однако род Эскулапия не угас полностью: он оставил двух сыновей - Махаона и Подалирия, унаследовавших его врачебное искусство, и дочь Гигею, которая следила за здоровьем людей.

Адмет и Алкестис.

Обезумев от горя из-за неожиданной потери сына, Аполлон хотел бы отомстить циклопам, создателям роковой молнии; но не успел он осуществить задуманное, как вмешался Юпитер и, чтобы наказать его, изгнал на землю, где он поступил на службу к Адмету, фессалийскому царю. Теперь изгнанному богу оставалось одно утешение - его музыка. Его мягкие мелодии вскоре

вызвали восхищение его спутников и даже царя, который с удовольствием слушал его песни и в награду дал ему должность главного пастуха.

"Тогда царь Адмет, обладавший
Чистый вкус по праву божественному,
Решил, что его пение не так уж плохо
Чтобы слушать его между кубками вина:

"И вот, довольный тем, что его успокоили.
В сладкий полусон.
Трижды царскую бороду он разгладил
И сделал его вице-королем своих овец".
Лоуэлл.

Прошло время. Аполлон, тронутый добротой своего господина, пожелал оказать ему некоторую услугу и попросил богов даровать Адмету вечную жизнь. Его просьба была удовлетворена, но только при условии, что, когда придет время, назначенное для смерти доброго царя, найдется человек, готовый умереть вместо него. Об этом божественном указе было сообщено Алкестис, прекрасной молодой жене Адмета, которая в порыве самопожертвования предложила себя в качестве замены и с радостью отдала жизнь за своего мужа. Но бессмертие оказалось слишком дорогой ценой, и Адмет скорбел до тех пор, пока Геракл, сжалившись над его горем, не спустился в Аид и не вернул ее из могилы.

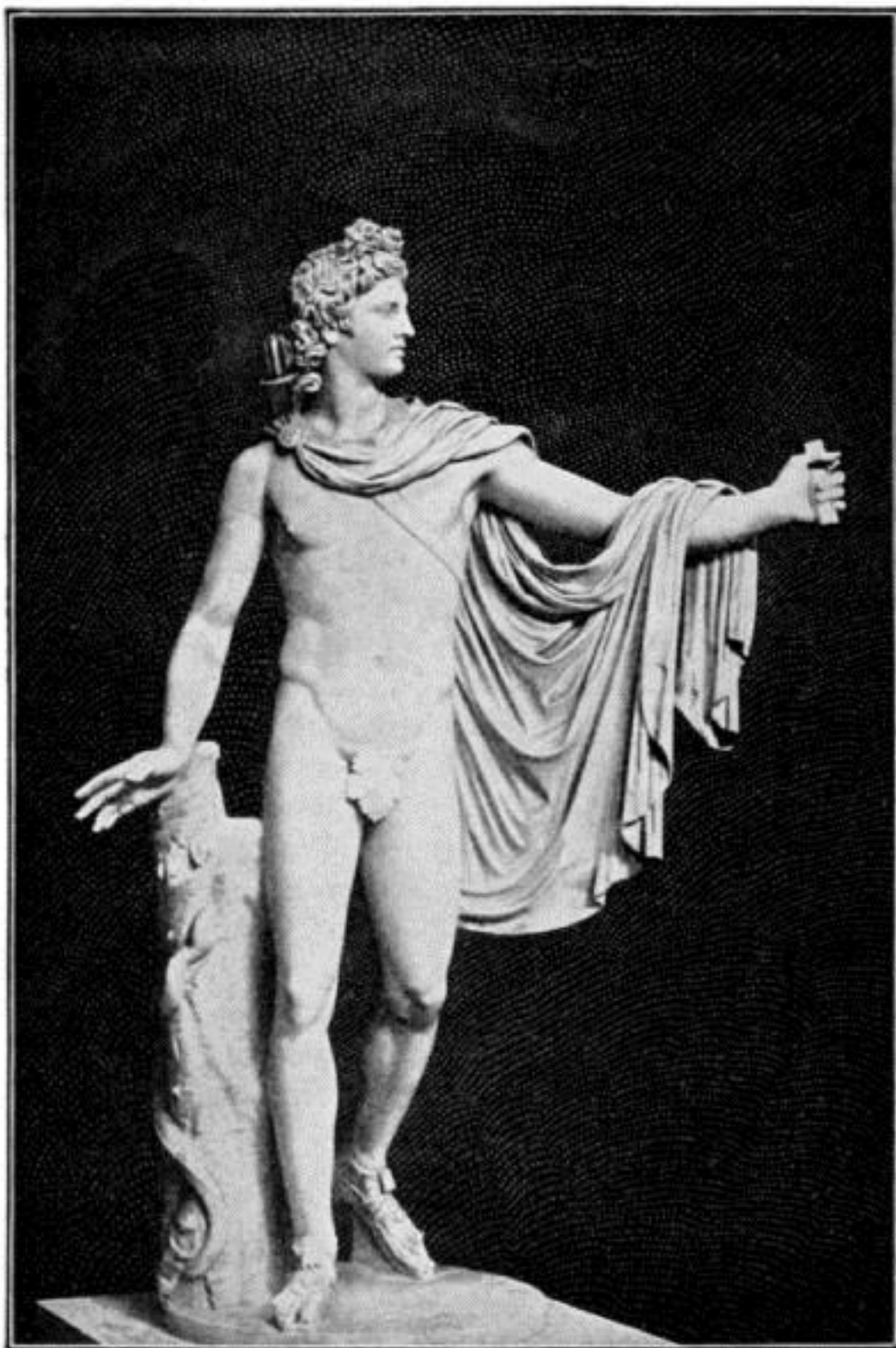
"Не силой ли Геракл
Вырвал у хранителя гробницы
Алкестис, ожившую Корсу,
Вернув ее на землю в весеннем цветущем?"
Вордсворт.

Стены Трои.

Аполлон, наделив Адмета бессмертием, оставил свою службу и отправился помогать Нептуну, который также был изгнан на землю, возводить стены Трои. Не желая выполнять рутинную работу, бог музыки сел рядом и заиграл такие вдохновляющие мелодии, что камни сами собой вальсировали.

Аполлон убивает Пифона.

После этого, когда срок его изгнания закончился, он вернулся на небо и там вернулся к своим привычным обязанностям. Со своего возвышенного места он часто бросал любящие взгляды вниз на людей, чью жизнь он разделял на короткое время, чьи лишения он терпел; в ответ на их молитвы он милостиво распространял на них свою защиту и избавлял их от несчастий, которых слишком много, чтобы их упоминать. Среди других деяний, совершенных ради людей, - убийство чудовищного змея Пифона, родившегося из слизи и застойных вод, которые остались на поверхности земли после потопа. Никто не осмеливался приблизиться к чудовищу, но Аполлон бесстрашно подошел и сразил его своими золотыми копьями. Победа над ужасным Пифоном принесла Аполлону прозвище Пифей (Убийца), под которым к нему часто обращались.

БЕЛЬВЕДЕР АПОЛЛОНА. (Ватикан, Рим.)

Уничтожение Пифона, конечно же, не что иное, как аллегория , иллюстрирующая силу солнца высушивать болота и застойные водоемы, тем самым не давая затаившейся малярии совершить дальнейшее вторжение.

Аполлон всегда был излюбленной темой для художников и скульпторов. Самая красивая его статуя - Аполлон Бельведерский, который изображает его в момент покорения Пифона.

Аполлон и Гиацинт.

Несмотря на успех в войне, Аполлон был очень неудачлив в дружбе. Однажды он спустился на землю, чтобы насладиться обществом смертного юноши по имени Гиацинт. Чтобы приятно скоротать время, друзья затеяли игру в кегли, но играли недолго, пока Зефир, бог южного ветра, проходя мимо, не увидел, чем они заняты. Завидую Аполлону, ведь он тоже любил Гиацинта, Зефир с такой силой отбросил кегли Аполлона в сторону, что они ударили его товарища по игре и повалили его на землю. Тщетно пытался Аполлон остановить поток крови, хлынувший из страшной раны. Гиацинт был уже не в силах помочь, и через несколько секунд он испустил последний вздох на руках своего друга. Чтобы хоть как-то напомнить об ушедшем, Аполлон превратил упавшие капли крови в гроздь цветов, с тех пор называемых по имени юноши гиацинтами; а Зефир, слишком поздно осознавший роковое действие своей ревности, безутешно висел над печальным местом и нежно ласкал изящные цветы, выросшие из крови его друга.

"Зефир раскаялся,
Который теперь, пока Phœbus не взошел на небосвод,
Ласкает цветок".
Китс.

Аполлон и Кипарис.

Чтобы отвлечься от печальной участи Гиацинта, Аполлон искал общества Кипарисса, ловкого молодого охотника; но и эта дружба была обречена на печальный конец, ибо Кипарис, случайно убив любимого оленя Аполлона, так сильно горевал из-за этого несчастья, что затосковал и в конце концов умер. Тогда Аполлон превратил его безжизненную глину в кипарис, который, по его словам, отныне должен затенять могилы тех, кто был очень любим при жизни.

Аполлон и Дафна.

Через некоторое время после этого эпизода Аполлон встретил в лесу прекрасную нимфу по имени Дафна, дочь речного бога Пеней. Любовь с первого взгляда сразу же охватила Аполлона, и он захотел заговорить со служанкой и завоевать ее расположение. Сначала он попытался подойти к ней осторожно, чтобы не испугать ее; но не успел он приблизиться к ней, как она убежала, и он, забыв обо всем на свете, погнался по ее летящим следам. На бегу он громко окликнул Дафну, умоляя ее остановиться, хотя бы на мгновение, и обещая не причинять ей вреда.

"Сбавь скорость, прекрасная беглянка, сбавь скорость,
Отбрось свои страхи и поверни свою прелестную головку;
С благосклонностью взгляни на пылкого влюбленного;
Не так быстро лети, не так быстро я буду преследовать:
Бездорожье, увы! И неровная земля,
Может камень тебя ранить иль колючка.

"Ты летишь, увы, не зная, кого ты летишь;
Я не дурной, не деревенский клоун".
Приор.

Испуганная девушка не обращала внимания ни на обещания, ни на уговоры, а мчалась вперед, пока силы ее не стали подводить и она не поняла, что, несмотря на все ее усилия, преследователь настигает ее. Задышавшись и дрожа, она свернула в сторону и бросилась к берегу отцовского ручья,

громко взывая к его защите. Не успела она добежать до кромки воды, как ее ноги словно прилипли к земле. Грубая кора быстро облепила ее дрожащие конечности, а в дрожащих руках оказались листья. Отец исполнил ее молитву, превратив ее в лавровое дерево.

АПОЛЛО И ДАФНА. Бернини. (Вилла Боргезе, Рим.)

Аполлон, подошедший как раз в этот момент с распростертыми руками, ухватился не за что иное, как за шершавый ствол дерева. Сначала он не мог понять, что прекрасная дева навсегда исчезла

из его поля зрения; но, когда истина осенила его, он объявил, что отныне лавр будет считаться его любимым деревом, и что призы, присуждаемые поэтам, музыкантам и т.д., должны состоять из венка из его блестящей листвы.

"Я посвящаю тебя своему дереву:
Будь ты наградой чести и славы;
Бессмертный поэт, и поэма - венец;
Ты римские празднества украсишь,
И, вслед за поэтами, победителям носить".
Овидий (перевод Драйдена).

Эта история об Аполлоне и Дафне - иллюстрация того, как солнце (Аполлон) воздействует на росу (Дафну). Солнце пленяется ее красотой и жаждет рассмотреть ее поближе; роса, испугавшись своего пылкого любовника, улетает и, коснувшись его огненного дыхания, исчезает, оставляя лишь зелень на том самом месте, где мгновение назад она сверкала во всей своей чистоте.

Цефал и Прокрис.

У древних было много аналогичных историй, аллегорий солнца и росы, среди которых часто цитируемая сказка о Цефале и Прокриде. Цефал был охотником, который влюбился и женился на одной из нимф Дианы, Прокрис. Она принесла ему в приданое охотничью собаку Лелапса и копье, которое гарантировало, что он никогда не промахнется. Новобрачные были совершенно счастливы, но на их довольство с большим неудовольствием взирала богиня рассвета Эос (Аврора), которая ранее безуспешно пыталась завоевать расположение Цефала, а теперь решила положить конец блаженству, которому она завидовала.

Целыми днями Цефал охотился в лесу, а когда вечерние тени начали опускаться, присоединился к своей любящей жене в их уютном жилище. Ее брачные дары оказались бесценными, ведь Лелапс был быстр на ногу и неутомим в погоне. Однажды, чтобы проверить его способности, боги с Олимпа наблюдали за тем, как он гоняется с лисой, своим особым творением; и так хорошо оба животных сочетались в скорости и выносливости, что погоне суждено было закончиться только смертью одного или обоих участников. Боги, восхищенные прекрасным бегом, объявили, что животные заслуживают вечной памяти, и превратили их в статуи, которые сохранили всю энергичность живых существ.

В теплое время года, когда солнце становилось гнетущим, Цефал отдыхал в полуденный час в каком-нибудь тенистом месте и, опустившись на короткую траву, часто призывал ветерок, чтобы тот остудил его разгоряченное чело.

"Однажды в этой роще прилег охотник,
Чтобы укрыться от ярких лучей полудня,
И часто он просил блуждающий ветер,
Чтоб остудить его чело вздохом.
Но немым был гул дикой пчелы,
И дыхание не шевелило осиновых волос,
Его песня звучала по-прежнему: "Сладкий воздух, о, приди!
Пока Эхо отвечало: "Приди, сладкий воздух!"".
Мур.

Эос слышала об этом обычае и прекрасно понимала, что он просто обращается к пролетающему ветру; тем не менее она разыскала Прокриду и сообщила ей, что ее муж неверен и ухаживает за прекрасной девой, которая ежедневно встречается его в полдень в лесных дебрях. Ослепленная внезапной ревностью, Прокрис поверила лживому рассказу и тут же решила последовать за мужем.

Утро уже почти наступило, и солнце бросало на землю свои перпендикулярные лучи, когда Кефал подошел к своему обычному пристанищу, возле которого скрывалась Прокрис.

"Сладкий воздух, о, приди!" - вскричал охотник, и Прокрис, уязвленная до глубины души тем, что она считала неопровержимым доказательством его неверности, упала в обморок на землю. Шорох, вызванный ее обмороком, привлек внимание Цефала. Ошибочно решив, что там притаился какой-то дикий зверь, готовый наброситься на него, он метнул свое меткое копье в самую гущу зарослей и пронзил верное лоно своей жены. Ее предсмертный стон привел его к ней; перед тем как она испустила последний вздох, было дано и получено объяснение, и Прокрис умерла с блаженной уверенностью, что ее муж не заслужил ее несправедливых подозрений и что его сердце принадлежит только ей.

Конечно, существует множество других версий этих мифов, но все они призваны проиллюстрировать одни и те же природные явления и подлежат одинаковой интерпретации.

Главной обязанностью Аполлона было управлять солнечной колесницей. День за днем он мчался по лазурному небу, не останавливаясь в пути, пока не достигал золотой лодки, ожидавшей его в конце долгого дневного пути, чтобы доставить в безопасности в свой восточный дворец.

"Гелиос целыми днями занимается своими делами;
Нет покоя ни его страстному сердцу, ни его пыхтящим коням,
С того момента, как розовоперстая Эос зажжет росы
И, отвергнув соленые морские дна, Возносится в серебристые небеса,
Пока из рук Эос Гесперос, трепеща, не примет
Свой ароматный светильник, и в сумерках его зажжет".
Оуэн Мередит.

Клайти.

Прекрасная юная дева по имени Клиты со странным упорством следила за ежедневным путешествием Аполлона; с того момента, как он утром покидал свой дворец, и до вечера, когда он приходил к далекому западному морю, она влюбленными глазами следила за его дорогой, думала о золотоволосом боге и жаждала его любви. Но, несмотря на всю эту пылкость, она так и не снискала благосклонности Аполлона и томила, пока боги, сжалившись, не превратили ее в подсолнух.

Даже в этом измененном обличье Клиты не могла забыть предмет своей любви; и теперь, как символ постоянства, она с поднятым лицом следит за сияющим шаром в его ежедневном путешествии по небу.

"Нет, сердце, которое по-настоящему любит, никогда не забывает,
Но так же искренне любит до конца;
Как подсолнух поворачивается к своему богу, когда он садится.
Тот же взгляд, что и при его восходе".

Мур.

Аполлон и Марсиада.

Однажды летним днем молодой пастух, лежа в прохладной траве, услышал вдалеке звуки музыки, такой сладкой, такой волнующей, что он затаил дыхание, чтобы прислушаться. Эти странные, восхитительные мелодии издавала Минерва, которая, сидя на берегу небольшого ручья, пробовала свои силы на флейте. Склонившись над прозрачной водой, она вдруг увидела свои одутловатые щеки и искаженные черты лица и порывисто бросила инструмент в воду, поклявшись никогда больше к нему не прикасаться.

"Прочь, проклятые красавицы, прочь!
Что? Мне ли позорить свои прелести
Сделав столь одиозное лицо?"
Меланиппид.

Внезапная пауза в чарующей музыке заставила юношу Марсиаса оторваться от своих размышлений и оглядеться вокруг. Он увидел, что отвергнутая флейта плавно плывет по течению мимо его ног. Схватить инструмент и поднести его к губам было делом одного мгновения; и не успел он вдохнуть в нее воздух, как волшебная мелодия возобновилась. Никакие воспоминания о своих пастырских обязанностях не могли оторвать Марсия от вновь обретенного сокровища, и так быстро росло его мастерство, что он стал невыносимо тщеславен и похвалялся, что может соперничать с Аполлоном, которого он действительно вызвал на музыкальный поединок.

Намереваясь наказать его за самонадеянность, Аполлон принял вызов и выбрал в качестве судей девять Муз - покровительниц поэзии и музыки. Первым был призван Марсий, который очаровал всех своими мелодичными песнями.

"Так сладко, что только южный ветер знал,
Летом прятался в зеленых камышах.
Чтобы ждать в заточении заклинаний южного ветра,
Из своей тростниковой флейты игрок извлекал,
И музыка становилась все чище, все громче,
Дикие существа покидали свои зимние уголки и лощины,
Милые мохнатые существа с глазами, похожими на звездные колодцы,
вылезли на свет; им показалось, что подул южный ветер.
С мгновенным радостным доверием они собрались вокруг
Его ног, которые так внезапно превратились в лето,
Его глаза, более добрые, чем у людей, завораживали и приковывали их.
их там".
Н. Н.

Музы осыпали его заслуженными похвалами, а затем велели Аполлону превзойти своего соперника, если он сможет. Второго приказа не потребовалось. Бог взял в руки свою золотую лиру и заиграл страстные песни. Прежде чем объявить свое решение, Музы решили дать обоим музыкантам повторное прослушивание, и оба снова выступили; но на этот раз Аполлон соединил гармоничные акценты своего божественного голоса с тонами своего инструмента, заставив всех присутствующих, и самих Муз тоже, приветствовать его как победителя.

"И, когда западное солнце
коснулось холмов, распря была окончена,
И внимательные Музы сказали:
"Марсий, ты побежден!""
Мэтью Арнольд.

Аполлон привязал Марсиаса к дереву и жестоко расправился с ним, согласно заранее достигнутой договоренности - победитель должен был получить привилегию заживо распластать своего противника. Как только горные нимфы услышали о печальной смерти своего любимца, они начали плакать и пролили такие потоки слез, что образовали новую реку, названную Марсией, в память о милом музыканте.

Аполлон и Пан.

Скорбный конец этого дела должен был послужить предостережением для всех опрометчивых смертных. Однако этого не произошло, и вскоре Аполлон оказался вовлечен в еще одно музыкальное состязание с Паном, любимым флейтистом царя Мидаса. На этот раз Мидас сам сохранил за собой право присуждать приз и, ослепленный предвзятостью, отдал его Пану, несмотря на явную неполноценность его игры. Аполлон был так разгневан этой несправедливостью, что решил показать свое мнение о нечестном судье, заставив вырасти по обе стороны его головы огромные ослиные уши.

"Бог остроумия, чтобы показать свое недовольство,
Приделал судье уши;
Хорошую пару, прямые и широкие,
Которые он не мог ни позолотить, ни спрятать".
Свифт.

Сильно встревоженный этими новыми украшениями, Мидас удалился в уединение своих собственных апартаментов и поспешил за цирюльником, которого, поклявшись хранить тайну, впустил и велел изготовить огромный парик, который скроет уродство от глаз подданных царя. Парикмахер ловко справился с заданием, но перед тем, как ему позволили покинуть дворец, ему еще раз поручили не разглашать тайну под страхом немедленной смерти.

Но тайну трудно сохранить, и эта тайна о длинных ушах короля овладела духом бедного цирюльника, так что, не в силах больше молчать, он вышел в поле, вырыл глубокую яму и крикнул в лоно земли

"Царь Мидас носит
(Эти глаза видели их, эти) такие ослиные уши!"
Гораций.

Невыразимо успокоенный этим представлением, цирюльник вернулся домой. Время шло. Над ямой выросли камыши, и, сгибаясь под ветром, шелестевшим в их листьях, слышался шепот: "У Мидаса, царя Мидаса, уши как у осла!" Все, кто проходил мимо, подхватили этот шепот и разнесли его по всему миру, так что тайна стала общей темой всех разговоров.

Орфей и Эвридика.

Поскольку Аполлон часто встречался с музами, не стоит удивляться, что он пал жертвой чар прекрасной Каллиопы, которая, в свою очередь, страстно полюбила его и даже написала стихи в его честь. Таково было состояние ее чувств, она легко согласилась на их союз и стала гордой матерью Орфея, который унаследовал музыкальные и поэтические дары своих родителей.

"Орфей со своей лютней создал деревья,
И вершины гор, что застыли,
склоняться, когда он пел:
Под его музыку растения и цветы
Вечно возникали; как солнце и ливни
Создавали вечную весну.

"Все, что слышало его игру,
Даже морские волны,
Повесили головы, а потом улеглись".
Шекспир.

С годами этот талант усиливался и стал настолько выдающимся, что слава юноши была очень широкой; а когда он влюбился в Эвридику, то пустил в ход все свое мастерство, чтобы исполнить ей серенаду, и добивался ее голосом и взглядом, а также нежной, страстной музыкой. Эвридика была тронута его ухаживаниями и вскоре отплатила за любовь, отдав свою руку Орфею.

Вскоре после их союза, гуляя в одиночестве по полям, невеста столкнулась с юношей по имени Аристей, чье дерзкое восхищение оказалось настолько неприятным, что она как можно скорее убежала от него. В спешке она случайно натолкнулась на ядовитую змею, притаившуюся в длинной траве, которая тут же обернулась к ней и укусила за пятку. Последовал короткий период мучительных страданий; затем Эвридика умерла, и ее дух был отправлен в мрачные царства Плутона, оставив Орфея с разбитым сердцем.

На смену радостным свадебным мелодиям пришли заунывные, душераздирающие песнопения; но даже музыкальные чары не смогли сделать жизнь терпимой, и Орфей отправился на Олимп, где так жалобно умолял Юпитера вернуть жену в его тоскующие объятия, что сердце великого бога сжалось от жалости. Он разрешил ему спуститься в Преисподнюю на поиски жены, но при этом предупредил, что эта затея крайне опасна.

Ничего не боясь, Орфей поспешил ко входу в Аид и увидел там свирепого трехголового пса Цербера, который охранял ворота, не позволяя ни одному живому существу войти в них, ни одному духу выйти из Аида. Как только этот монстр увидел Орфея, он начал дико рычать и лаять, чтобы отпугнуть его; но Орфей лишь приостановился и начал играть такие тающие аккорды, что гнев Цербера утих, и он наконец позволил ему пройти в темное царство Плутона.

Волшебные звуки проникали даже в отдаленные глубины Тартара, где осужденные на мгновение приостанавливали свои труды и затихали от вздохов и стонов, чтобы послушать.

"Когда Тантал перестал пытаться глотнуть
Чашу, что летит с его засушливых губ;
Иксион тоже почувствовал магию,
И на мгновение заблокировал свое колесо;
Несчастный Сизиф, обреченный на кувыркание и подбрасывание
Знатный камень, не собирающий мха,

Отпустил свою ношу и повернулся, чтобы услышать
Чарующие звуки, что восхищали его слух".
Сакс.

Ни одно живое существо никогда прежде не проникало таким образом в Преисподнюю, и Орфей странствовал, пока не подошел к трону Плутона, царя этих царств, где суровый правитель сидел в молчании, рядом с ним была его жена Прозерпина, а у его ног лежали неумолимые судьбы.

Орфей в оперном обличье поведал о своем поручении и сумел довести царственную чету до слез, после чего они милостиво согласились вернуть Эвридику к жизни и на попечение ее любящего мужа.

"Ад согласился
Услышать молитву поэта:
Смирилась суровая Прозерпина,
И вернула ему красавицу.
Так песня смогла победить
Над смертью и над адом,
Завоевание трудное и славное!
И хотя судьба сковала ее
И Стикс девять раз вокруг нее,
Но музыка и любовь победили".
Поуп.

ОРФЕЙ И ЕВРИДИКА - Бейшлаг.

Но прежде чем ему разрешили уйти, было поставлено одно условие: он должен был покинуть адские края, ни разу не взглянув в лицо своей любимой жены.

Орфей с радостью принял условие и вышел из Аида, не глядя ни вправо, ни влево, а прямо перед собой; и пока он шел, он думал, изменилась ли Эвридика после пребывания в этих безлунных глубинах. Желание еще раз на ее любимые черты заставило его забыть об условии, наложенном

Плутоном, и повернуть перед самым выходом на землю; но он увидел лишь исчезающий облик жены, которую он так почти вырвал из могилы.

Теперь все было кончено. Он попытался и потерпел неудачу. Надежды не осталось. В отчаянии одинокий музыкант удалился в лесное уединение и там исполнял свои скорбные песнопения.

"Такие строки, что покорили бы слух
Плутона, чтобы освободить
Свою полуобретенную Эвридику".
Мильтон.

Но никто не слышал его, кроме деревьев, ветра и диких зверей в лесу, которые немым голосом пытались утешить его, пока он беспокойно двигался, ища утешения для своего разрывающегося сердца. Временами ему казалось, что он видит Эвридику, бредущую вдалеке, с тем же скорбным выражением лица, которое он мельком заметил, когда она неохотно уходила в темные тени Аида.

"В конце вяз-виста я вижу
Печальный лик твой, уходящий вдаль,
Эвридика! Эвридика!
Трепетные листья повторяют мне
Эвридика! Эвридика!"
Лоуэлл.

Наконец наступил день, когда в лесу его настигли вакханки и попросили сыграть веселую музыку, чтобы они могли потанцевать. Но бедный Орфей, оцепенев от горя, не смог выполнить их требования, и печальные ноты, которые он один мог извлекать из своего инструмента, так разъярили весельчаков, что они разорвали его на части и бросили изуродованные останки в реку Хебрус.

Когда голова поэта-музыканта плыла по течению, бледные губы все еще шептали: "Эвридика!", ибо даже в смерти он не мог забыть свою жену; и, когда его дух уносился к ней, он беспрестанно призывал ее имя, пока ручьи, деревья и фонтаны, которые он так любил, не подхватили этот тоскливый крик и не повторили его снова и снова.

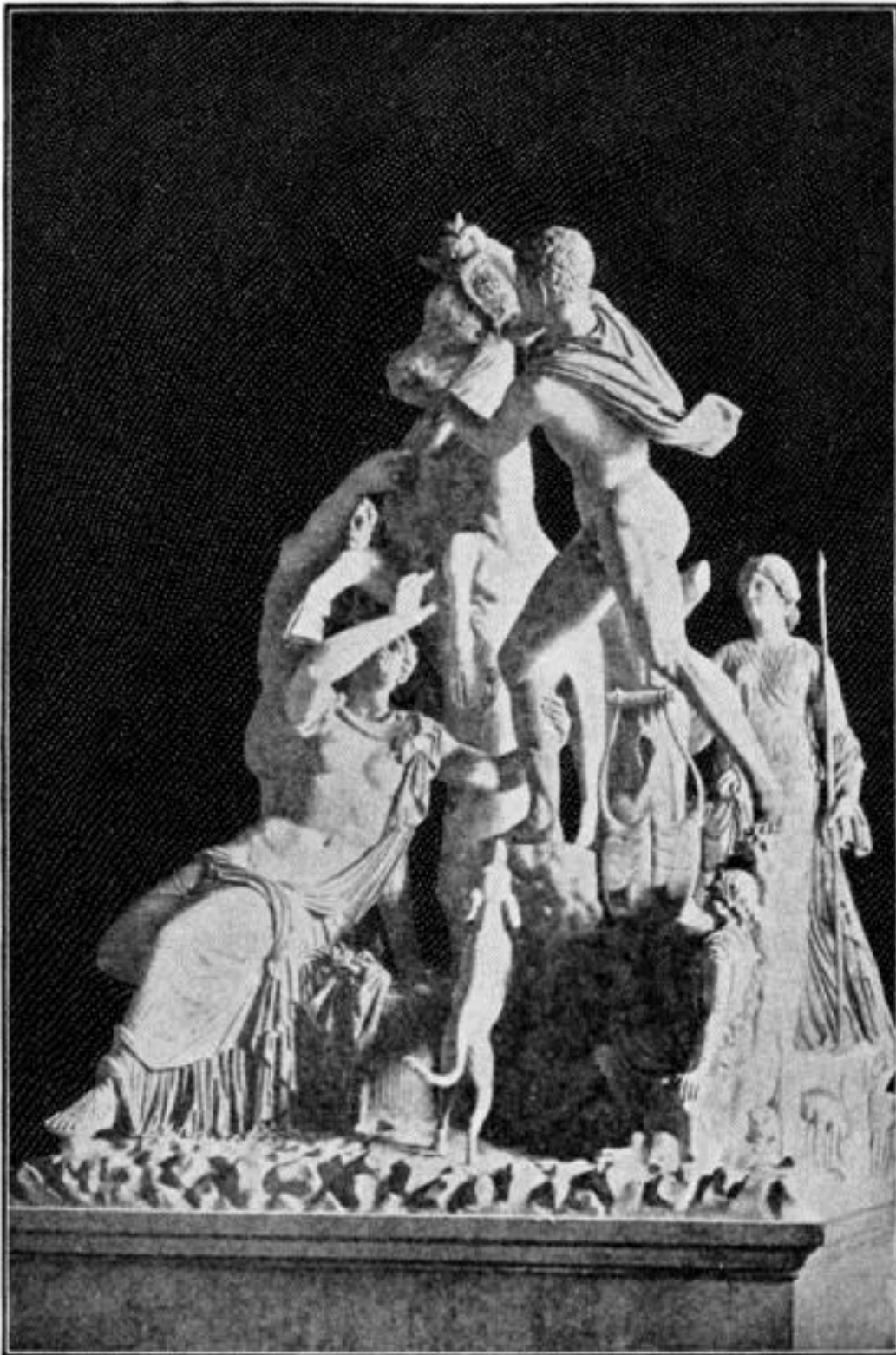
Теперь ничто не напоминало смертным о погибшем певце, кроме его лютни, которую боги поместили на небо в виде яркого созвездия Лиры, также названного по имени Орфея.

Другой музыкант, прославленный в мифологических летописях, - Амфион, чье мастерство, по слухам, ничуть не уступало мастерству Орфея.

"Говорят, у него был мелодичный язык,
такие счастливые интонации,
Где бы он ни садился и ни пел.
Он оставлял за собой небольшую плантацию;
Где бы в одинокой роще
Он ставил свои заброшенные трубы,
подагрический дуб начинал шевелиться,
И барахтаться в хорнпайпах".
Теннисон.

История Амфиона.

У этого музыканта, сына Юпитера и Антиопы, был брат-близнец Зетх, который, однако, не разделял его художественных вкусов. Услышав, что их мать Антиопа была отвергнута своим вторым мужем Ликом, чтобы он мог жениться на другой жене по имени Дирце, юноши поспешили в Фивы, где обнаружили, что положение дел еще хуже, чем представлялось; ведь бедная Антиопа теперь была заключена в тюрьму и ежедневно подвергалась жестокому обращению со стороны соперника.

Фарнезский бык (Национальный музей, Неаполь).

Зетх и Амфион, осадив и взяв город, предали Лика смерти, а Дирсу, привязав к хвосту дикого быка, отпустили на волю, чтобы она таскала его по барханам и камням, пока не погибнет. Об этом наказании Дирсе рассказывает знаменитая группа, некогда принадлежавшая семье Фарнезе, а теперь называемая их именем.

Музыкальный талант Амфиона пригодился ему, когда он впоследствии стал царем Фив и захотел укрепить свою столицу, построив вокруг нее огромный вал; камни двигались в ритмичном ритме и по собственной воле становились на свои места.

Арион.

Вторым после него в музыкальной славе был Арион, музыкант, завоевавший своим талантом несметные богатства. Однажды, отправившись на Сицилию, чтобы принять участие в музыкальном конкурсе, на который съехались самые знаменитые музыканты со всех концов света, он решил вернуться домой по морю.

К несчастью для него, судно, на которое он сел, было укомплектовано жадной пиратской командой, которая, прослышав о его сокровищах, решила убить его, чтобы завладеть ими. У него оставалось совсем немного времени, чтобы подготовиться к смерти, но, когда его уже собирались выбросить за борт, он попросил разрешения сыграть в последний раз. Пираты согласились. Его чистые ноты поплыли над морем и привлекли целую стаю дельфинов, которые приплыли и стали играть вокруг корабля. Пираты, ужаснувшись силе его музыки и страшась, что их сердца будут тронуты, быстро взяли его за руки и бросили в воду, где он упал на широкую спину дельфина, который донес его в целости и сохранности до ближайшего берега.

"Тогда раздался небесный звук
изящной музыки, которая в следующий миг зазвучала
перед супругой: то был Арион-ворон;
Который, играя на своей арфе, к себе привлек
Уши и сердца всей этой славной команды,
И даже Дельфин, которого он пронес
Через Агейские моря от пиратов,
Застыл на месте, пораженный его знаниями,
И все бушующие моря от радости забыли реветь".
Спенсер.

В память об этом чуде боги поместили арфу Ариона вместе с дельфином на небо, где они образовали созвездие.

На солнечных равнинах Греции когда-то жила прекрасная нимфа Климена. Но она была не одна: ее златовласый сын Фаэтон радовал ее сердце всеми своими детскими прелестями.

История Фаэтона.

Рано утром, когда над горизонтом появлялся яркий шар солнца, Климена указывала на него своему мальчику и говорила ему, что его отец, Аполлон, отправляется в свой ежедневный путь. Климена так часто развлекала ребенка рассказами о красоте и силе его отца, что в конце концов Фаэтон стал тщеславным и приобрел привычку довольно громко хвастаться своим божественным происхождением. Через некоторое время товарищам по играм надоело его высокомерие, и, чтобы избежать постоянного повторения его тщеславных речей, они потребовали от него предъявить какое-нибудь доказательство его божественного происхождения или вести себя смирно.

Уязвленный дерзкими насмешками, которые они добавили, Фаэтон поспешил к матери и попросил ее направить его к отцу, чтобы получить желаемое доказательство. Климена немедленно сообщила ему все необходимые сведения и велела поспешить, если он хочет добраться до дворца своего отца на дальнем востоке до того, как солнечная колесница выйдет из

своих порталов, чтобы совершить свой ежедневный обход. Фаэтон отправился прямо на восток и не останавливался на отдых, пока не увидел золотые и украшенные драгоценностями пинаксы и башенки отцовской обители.

"Яркий дворец солнца, на высоких колоннах возвышающийся
Золотом и драгоценными камнями сверкает,
Створчатые ворота излучали серебряный свет,
И мягким блеском освежали взор".
Аддисон.

Совершенно не ослепленный этим великолепием, юноша все еще шел вперед, напрягая зрение, чтобы впервые увидеть благочестивого отца, чью величественную осанку и сияющий воздух так восторженно описывала его мать.

Аполлон со своего золотого трона наблюдал за приближением юноши и, когда тот приблизился, узнал в нем своего отпрыска. Робко подошел Фаэтон к ступеням отцовского трона и смиренно ждал разрешения огласить свое поручение. Аполлон милостиво обратился к нему, назвал его своим сыном и велел говорить без страха. Через несколько минут юноша с готовностью выложил всю историю и с удовольствием наблюдал, как хмурится Аполлон, повторяя насмешки своих товарищей. Как только юноша закончил свой рассказ, Аполлон воскликнул, что предоставит ему любые доказательства, какие он пожелает, и подтвердил эти слова торжественной клятвой.

"Клянусь ужасным Стиксом!" - сказал разгневанный государь,
В глазах его вспыхнули ярость и огонь,
"Чтобы доказать, что твой обличитель - бесчестный лжец,
Клянусь, я исполню любое твое желание!"
Сакс.

Эта клятва была самой торжественной из всех, что мог произнести бог, и в случае лжесвидетельства он был обязан выпить воды этой реки, которые погружали его в бесчувственное оцепенение на целый год. В течение девяти последующих лет он был лишен своей должности, изгнан с Олимпа и не имел права вкушать живительный нектар и амброзию.

С вспышкой триумфа в темных глазах Фаэтон, услышав эту клятву, попросил разрешения управлять солнечной колесницей в тот же день, заявив, что весь мир непременно заметит его возвышенное положение и что никто не посмеет усомниться в его правдивости после такого знака благосклонности Аполлона.

Услышав эту самонадеянную просьбу, бог в ужасе отпрянул назад, ведь только он мог управлять четырьмя огненными конями, которые тянули золотую солнечную машину. Затем он терпеливо объяснил Фаэтону всю опасность такого предприятия и убедительно попросил его выбрать какое-нибудь другое, менее роковое благодеяние.

"Выбери дар морей, или земли, или неба,
Ибо вся природа открыта для твоего желания;
Только откажись от этой неравной задачи,
Ибо ты просишь не дара, а беды".
Эддисон.

Но Фаэтон, который, как и многие другие тщеславные юноши, считал, что знает все лучше своего повелителя, не внял любезному предупреждению и упорствовал в своей просьбе, пока Аполлон, давший бесповоротную клятву, не был вынужден выполнить свое обещание.

Уже наступил час, когда Солнце обычно начинает свой ежедневный путь. Лошади были готовы, розовощекая Аврора ждала только сигнала своего господина, чтобы распахнуть ворота утра, а часовые были готовы сопровождать его, как обычно.

Аполлон, уступая давлению, быстро помазал сына охлаждающей эссенцией, чтобы уберечь его от палящих солнечных лучей, дал ему необходимые указания для путешествия и неоднократно с тревогой предупреждал, чтобы он следил за своими конями с величайшей осторожностью и использовал кнут лишь в редких случаях, так как они склонны быть очень беспокойными.

Юноша, нетерпеливо выслушав предостережения и указания, вскочил на сиденье, подхватил поводья, подал знак Авроре распахнуть ворота и с размаху выскочил из восточного дворца.

Час или два Фаэтон помнил о главных наставлениях отца, и все шло хорошо; но потом, воодушевленный своим возвышенным положением, он стал очень безрассудным, ехал все быстрее и быстрее и вскоре сбился с пути. Найдя его снова, он проехал так близко от земли, что все растения пожухли, фонтаны и реки высохли в своих мшистых руслах, дым стал подниматься от пересохшей и почерневшей земли, и даже жители земли, по которой он проезжал, обгорели до черноты, - такой оттенок сохранился у их потомков до сих пор.

АВРОРА. Гвидо Рени. (Дворец Роспильози, Рим.)

Ужаснувшись содеянному, Фаэтон запряг своих коней и умчался так далеко, что вся растительность, уцелевшая от сильной жары, безвременно погибла от внезапного холода.

Крики смертных поднялись хором, и их вопли стали такими громкими и настойчивыми, что пробудили Юпитера от глубокого сна и заставили его оглядеться, чтобы узнать их причину. Одного взгляда его всевидящего ока хватило, чтобы увидеть поврежденную землю и юного возницу. Как безбородый юноша осмелился взойти на солнечную колесницу? Юпитер не мог поверить в то, что увидел. В гневе он поклялся, что заставит опрометчивого смертного поплатиться за свою самоуверенность немедленной смертью. Поэтому он выбрал самую смертоносную молнию из своего арсенала, прицелился с особой тщательностью и метнул ее в Фаэтона, чей обгоревший и почерневший труп упал с возвышенного места в прозрачные волны реки Эридан.

"И Фаэтон, пойманный в середине карьеры,
и брошенный с Солнца в полное бессолнечье,
Как огненно-бородатая комета, с жутким шипением,
Упал головой вниз в изумленный Эридан,
Повелителя потоков, который на итальянских полях
Выпустил на волю, и далеко за его цветочные губы
Пеною белой, в глубину Адриана устремился губительно".
Уорсли.

Гелиады.

Весть о его смерти вскоре дошла до бедной Климены, которая оплакивала своего единственного сына и не хотела утешаться; Гелиады, сестры Фаэтона, в количестве трех человек - Фаэтузы, Лампетии и Иглы, - проводили свои дни на берегу реки, проливая слезы, разминая белые руки и оплакивая свою потерю, пока боги, сжалившись, не превратили их в тополя, а их слезы - в янтарь, который, как полагали древние, стекал с тополей, как капли слез. Близкий друг Фаэтона, Кикн, благочестиво собрал его обугленные останки и с почестями похоронил их. В своем горе он постоянно преследовал место гибели своего друга и неоднократно погружался в реку в надежде найти еще какие-нибудь разбросанные фрагменты, пока боги не превратили его в лебедя; эта птица постоянно скорбно плывет и часто погружает голову в воду, чтобы продолжить свои печальные поиски.

Аполлон, как любимый предводитель девяти Муз - дочерей Юпитера и Мнемозины, богини памяти, - носил фамилию Мусaget.

"Его любили все Музы, а не одна;
В его руки вложили лиру из золота,
И, увенчав священным лавром у фонтана,
Посадили его, как Мусagета, на свой трон".
Лонгфелло.

Хотя Музы временами объединялись в одну великую песнь, у каждой из них были свои обязанности.

Девять муз.

Клио, муза истории, записывала все великие дела и героические поступки с именами их авторов, поэтому ее обычно изображали с лавровым венком, книгой и стилусом, чтобы показать ее готовность записывать все, что происходит со смертными людьми или бессмертными богами.

Эвтерпа, изящная "Владычица песен", изображалась с флейтой и гирляндами благоухающих цветов.

Талия, муза пасторальной поэзии, держала в руках пастушью дудку и маску и носила корону из полевых цветов.

"Милая пасторальная Муза!
Это - к сверкающей короне Урании,
И лавровому венку сестры Клио,
Предпочитает гирлянду, собранную с пурпурного вереска!"

Вордсворт.

Ее более серьезная сестра Мельпомена, управляющая трагедией, носила золотой венец, владела кинжалом и скипетром, а Терпсихора, легкокрылая муза танца, изображалась ступающей по воздушной мерке.

АПОЛЛО И МУЗЫ - Менги.

Эрато, предпочитающая лирическую поэзию всем другим стилям композиции, изображена с лирой; а Полигимния, муза риторики, держит скипетр, чтобы показать, что красноречие властвует безраздельно.

Каллиопа, муза героической поэзии, также носила лавровый венец, а Урания, муза астрономии, держала в руках математические инструменты, свидетельствующие о ее любви к точным наукам.

Эти славные сестры собирались на горе Парнас или на горе Геликон, чтобы провести свои ученые дебаты о поэзии, науке и музыке.

Любимой спутницей Аполлона была Эос (Аврора), прекрасная богиня рассвета, чьи увенчанные розами пальцы широко распахивали восточные ворота из жемчуга, а затем вспыхивали в небе, возвещая о приходе своего повелителя.

"Радуйся, нежная Заря! Румяная богиня, радуйся!
С ликованием вижу я пурпурную мантию твою
Над половиной неба; самоцветы устилают твой лучезарный путь,
И жемчуг восточный с каждого куста".
Сомервилл.

История Авроры и Тифона.

Эта изящная богиня полюбила и вышла замуж за Тифона, принца Трои, и добилась от богов дара вечной жизни, чтобы одарить его. Но, увы, она забыла попросить у богов продолжения молодости, и ее муж становился все старше и старше, и наконец так одряхлел, что стал ей в тягость. Зная, что он никогда не умрет, и желая избавиться от его тягостного присутствия, она превратила его в кузнечика.

В это время богиня влюбилась в молодого охотника Цефала и часто навещала его на горе Гиметт.

"Приди, - кричит Фебус, - Аврора, приди - слишком поздно.
Ты дремлешь со своим увядшим товарищем!
Оставь его и отправляйся на вершину Гиметтуса!
Там ждет тебя твой милый Цефал!
Богиня, покраснев, выдала свою любовь,
Но взошла на коня и, быстро мчась, повиновалась".
Китс.

Поклонение Аполлону.

Главные храмы, посвященные поклонению Аполлону, находились на Делосе, месте его рождения, и в Дельфах, где жрица по имени Пифия произносила таинственные прорицания, якобы исходившие от бога. Древние повсеместно признавали благотворное влияние и благодетельную силу солнца и поэтому всегда были готовы поклоняться Аполлону.

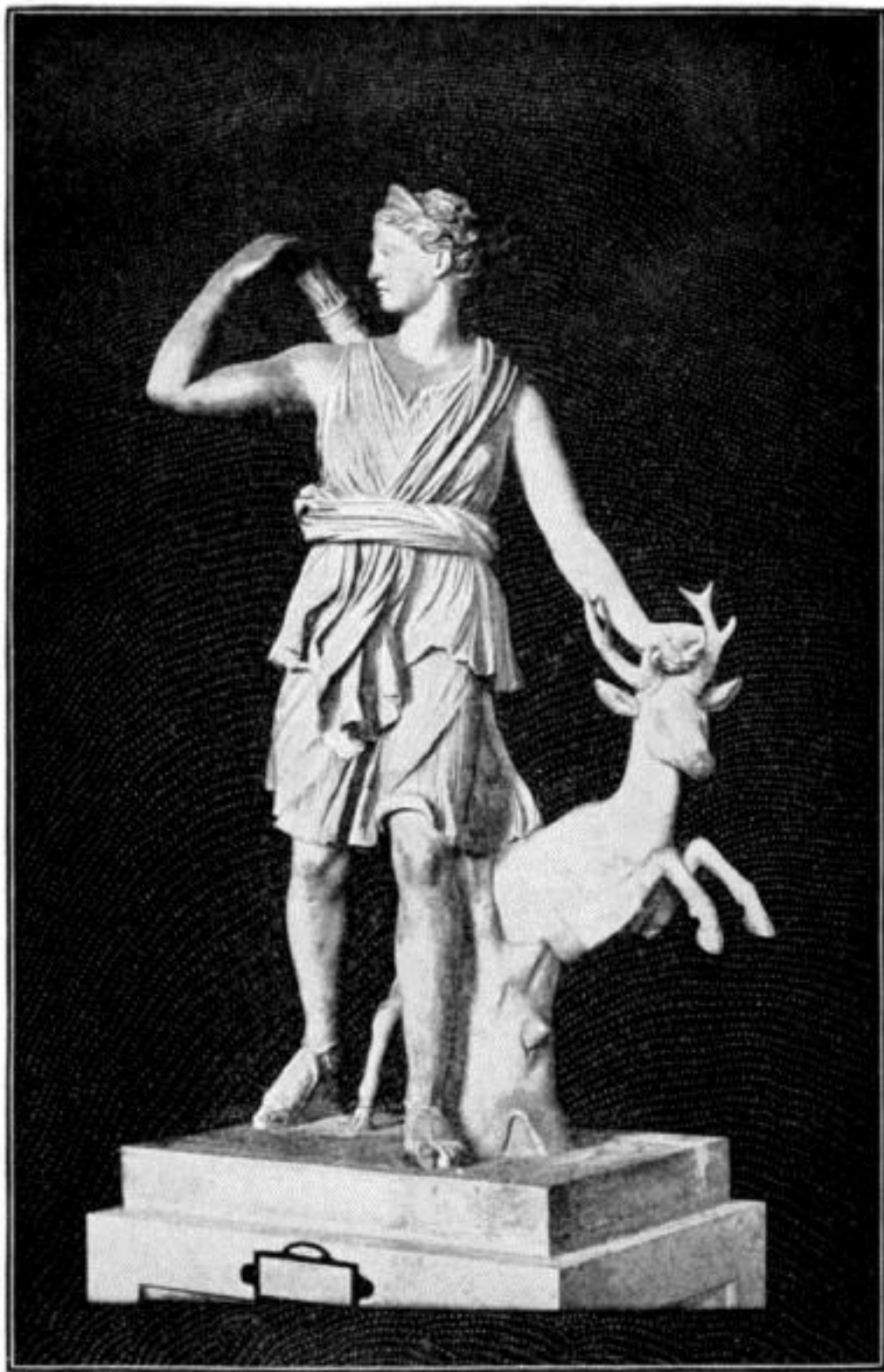
"Я не дивлюсь, о солнце, что перед тобой
В поклонении человек должен преклонить колено,
И возносить свои молитвы с благоговением и любовью;
Ибо как бог ты, и на пути твоём
славы проливаешь благотворный луч,
Красоту, и жизнь, и радость свыше".
Саути.

Самыми известными среди многочисленных праздников в честь Аполлона были, без исключения, Пифийские игры, отмечавшиеся в Дельфах каждые три года.

Мужественный, безбородый юноша великой красоты, Аполлон обычно увенчан лаврами и держит в руках либо лук, либо лиру.

"Повелитель неизменного лука,
Бог жизни, поэзии и света.
Солнце в человеческом обличье, и чело
Все сияет от его триумфа в битве;
Только что выпущена стрела - стрела яркая.
С бессмертной местью; в его глазах
И в ноздрях прекрасное презрение, и мощь
И величие, вспыхивают молниями полными,
Развивая в этом взгляде божество".
Байрон.

Одно из семи чудес древнего мира, знаменитый Колосс Родосский, представлял собой статую Аполлона, голова которого была окружена ореолом из ярких солнечных лучей, а ноги широко расставлены, чтобы суда со всеми парусами могли входить и выходить из гавани, вход в которую он охранял в течение многих лет.

ДИАНА ВЕРСАЛЬСКАЯ. (Лувр, Париж.)

ГЛАВА VI.

ДИАНА.

Диана (Синтия, Феба, Селена, Артемида), прекрасная сестра-близнец Аполлона, была не только богиней луны, но и погони.

"Богиня безмятежная, превосходящая все звезды!
Царица неба, чьи лучи видны издалека!
Ночью небо властвует над тобой, днем - роща,
Когда, как целомудренная Диана, здесь ты бродишь".
Байрон.

На произведениях искусства эта богиня обычно изображается в виде прекрасной девы, одетой в короткое охотничье платье, вооруженной луком, с колчаном, полным стрел, на боку и с полумесяцем на хорошо укрепленной голове.

Гордясь двумя своими детьми, Аполлоном и Дианой, Латона хвасталась, что таких, как она, никогда не было, потому что они превосходили всех остальных красотой, умом и силой.

История Ниобы.

Дочь Тантала, Ниоба, услышав это хвастовство, рассмеялась, ведь она была матерью четырнадцати детей - семи мужественных сыновей и семи прекрасных дочерей. В своей гордыне она громко воззвала к Латоне и насмеялась над ней, потому что ее потомство насчитывало всего двух детей.

Вскоре Ниоба дошла до того, что запретила своему народу поклоняться Аполлону и Диане и приказала снести с пьедесталов все статуи, изображавшие их в ее царстве, и уничтожить их. Разгневанная таким оскорблением, Латона призвала к себе своих детей и велела им идти и истреблять всех отпрысков своей незадачливой соперницы.

Снабженные колчанами, близнецы отправились исполнять ее повеление, а Аполлон, встретив семерых парней на охоте, оборвал их существование своими неизменными стрелами.

"Фибус убил сыновей
Стрелами из своего серебряного лука, разгневанный
На Ниобею".
Гомер (перевод Брайанта).

С пресловутой быстротой дошла весть до Ниобы, и сердце ее сжалось, когда она узнала, что семь ее сыновей, ее гордость и отрада, пали под стрелами Аполлона и теперь лежат холодные и окоченевшие в лесу, куда за несколько часов до этого они с нетерпением спешили, чтобы проследить за оленем, укрывшимся в лесу.

Оплакивая их безвременную смерть, Диана думала, что чаша ее печали переполнена; но не успела первая страсть горя утихнуть, как Диана начала убивать своих дочерей.

"Но что это такое? Что означает этот сочащийся поток?

Ее дочери тоже истекают кровью:

Одна обнимает колени матери, другая цепляется за ее шею.

шею, а одна лежит на земле;

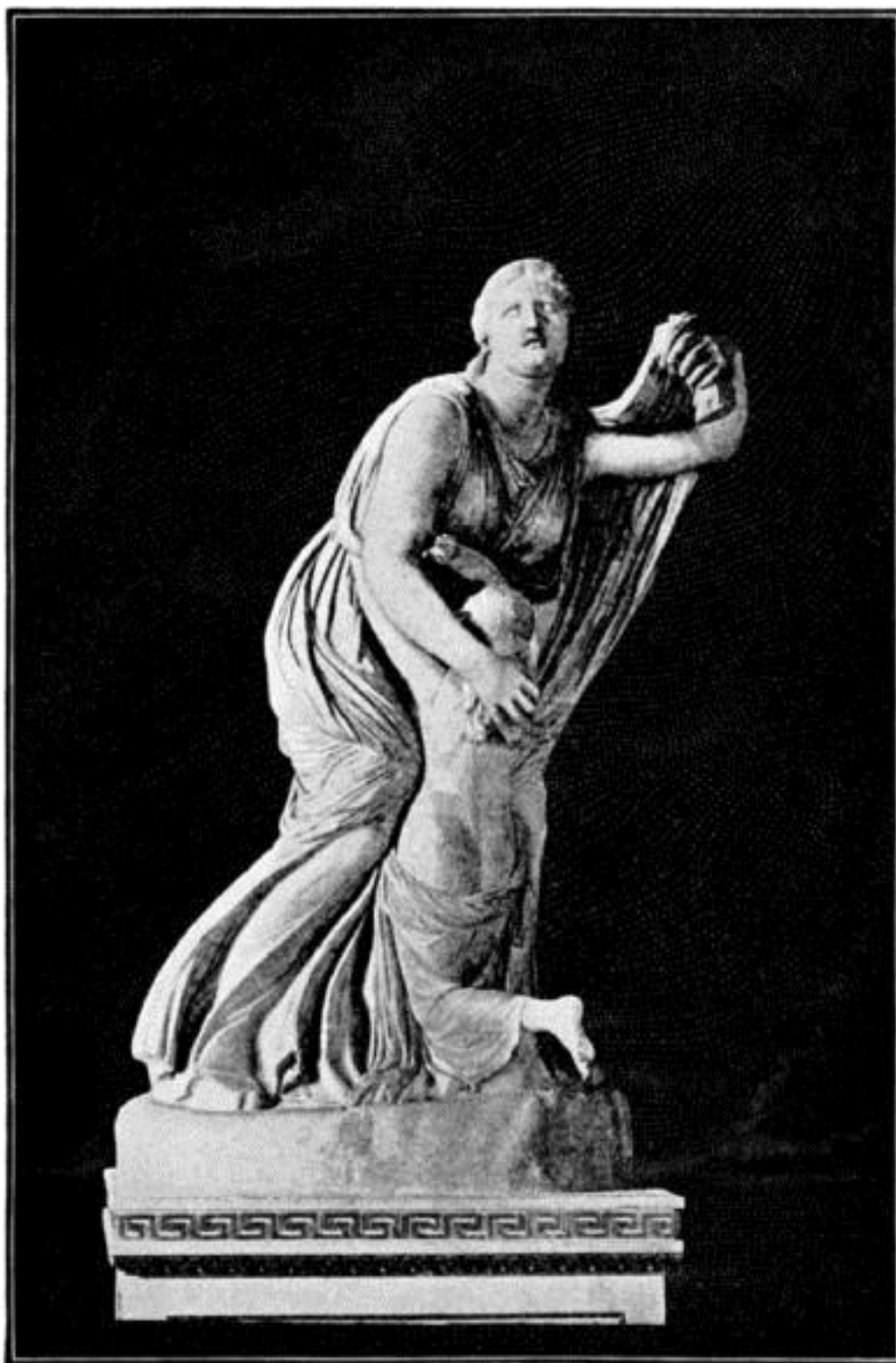
Одна ищет ее грудь; одна смотрит на грядущее горе

И содрогается, и в ужасе приседает".

Мелеагр.

Напрасно бедные девушки пытались спастись от летящих стрел. Напрасно Ниоба пыталась защитить их и призывала всех богов Олимпа. Дочери падали одна за другой, чтобы больше не подняться. Последняя из них судорожно прижалась к груди матери, но даже в этих страстных объятиях смерть нашла и забрала ее. Тогда боги, тронутые зрелищем столь сильного горя, превратили Ниобу в камень, как она и стояла, со вздернутым лицом, слезящимися глазами и дрожащими губами.

Эту статую поставили на горе Сипила, рядом с ручьем, и говорили, что по мраморным щекам постоянно текут слезы, потому что, изменившись, Ниоба все еще чувствовала и оплакивала свою тяжелую утрату.

НИОБЕ. (Дворец Уффици, Флоренция.)

Эта история - аллегория, в которой Ниоба, мать, представляет зиму, суровую, холодную и гордую, пока смертоносные стрелы Аполлона, солнечные лучи, не убивают ее детей, зимние месяцы. Ее слезы символизируют естественную оттепель, которая наступает весной, когда гордыня зимы растает.

Занятия Дианы.

Как только юная богиня Луны появилась на Олимпе, все боги выразили желание жениться на ней; но она отказалась слушать их уговоры, попросила у отца разрешения всю жизнь оставаться незамужней и так умело отстаивала свою правоту, что Юпитер был вынужден удовлетворить ее просьбу.

Каждый вечер, как только Солнце завершало свой путь, Диана садилась в свою лунную машину и мчалась на своем молочно-белом коне по небесам, провожаемая и любимая бесчисленными звездами, которые сияли ярче всех, чтобы подбодрить ее в пути; во время езды она часто наклонялась, чтобы посмотреть на спящую землю, такую тенистую и мечтательную, и вдохнуть пьянящее благоухание далеких цветов. Ей всегда казалось, что природа, столь прекрасная днем, заимствует дополнительные чары у колдовских часов ночи.

"Наступило время, когда Фибус уступает место ночи,
И восходящая Синтия проливает свой серебряный свет,
В торжественной пышности пронеслась она над миром.
Ее воздушная колесница была увешана жемчужной росой".

История Эндимиона.

Однажды вечером, когда Диана бесшумно ехала по дороге, она вдруг остановила своего коня: на склоне холма она увидела красивого молодого пастуха, который крепко спал, его вздернутое лицо освещал мягкий свет луны. Диана с удивлением взидала на его красоту, и вскоре почувствовала, что ее сердце бьется не просто от восхищения. Осторожно соскочив с колесницы, она подлетела к нему, медленно наклонилась и опустила воздушный поцелуй на его чуть приоткрытые губы.

Юноша Эндимион, лишь частично пробужденный этой демонстрацией, полуприподнял веки, и на мгновение его затуманенные сном глаза с удивлением уставились на прекрасное видение. Один этот взгляд, хотя и заставил Диану поспешно удалиться, зажег в его сердце неугасимую страсть. Он резко поднялся и протер заспанные глаза, но когда увидел, что луна, которая, как ему показалось, была рядом с ним, уплывает по голубому небу, он убедился, что все это было лишь сном, но таким сладким, что он опустил на траву, надеясь задобрить ее, чтобы она еще раз посетила его.

Однако в ту ночь сон не повторился; но на следующую ночь, когда он лежал на том же месте, он повторился во всей своей сладости; и ночь за ночью он повторялся, когда бледные лунные лучи падали на его спящее лицо.

"И вот, когда полная сфера опустилась на вершину,
явилась прекрасная дева,
Которая, казалось, шагнула, как из золотой машины
Из низко висящей луны".
Льюис Моррис.

Диана, очарованная не меньше его, не могла пройти мимо него без ласки и неизменно покидала свой автомобиль на мгновение, когда он касался горной вершины, чтобы подбежать к нему и поспешно поцеловать.

"Целомудренная Артемида, ведущая лунную машину,
Бледная, ночные бдения хранящая,
Пронеслась по безмолвному пространству от звезды к звезде,
И, покраснев, склонилась, чтобы поцеловать спящего Эндимиона".
Бойесен.

Но, даже засыпая, Эндимион следил за ее приходом и наслаждался блаженством ее присутствия; казалось, какое-то заклятие не позволяло ему подавать какие-либо признаки сознания.

Так проходило время. Диана, не в силах смириться с тем, что красота юноши будет омрачена нуждой, трудом и непогодой, наконец навела на него вечный сон и унесла на гору Латмус, где спрятала его в священной для нее пещере, никогда не оскверняемой человеческим взглядом. Там каждую ночь богиня останавливалась, чтобы с восторгом взглянуть на лицо возлюбленного и прижаться нежным поцелуем к его бессознательным губам. Такова история Дианы и ее скромного возлюбленного, которая вдохновляла поэтов всех веков.

"Царица воздушных просторов, ты прекраснейшая царица
Из всех светил, что видели глаза мои!
Как ты превосходишь все в святилище своем,
Так и каждая сказка, так и эта милая сказка твоя".
Китс.

История Ориона.

Однако Эндимион был не единственным смертным, которого любила Диана: мифологи сообщают, что ее любовь была дарована и молодому охотнику по имени Орион. Целыми днями этот юноша рыскал по лесу, а его верный пес Сириус следовал за ним по пятам.

Однажды в густой тени леса он встретил группу нимф Дианы - семь Плеяд, дочерей Атласа. Этих прекрасных дев нужно было только увидеть, чтобы страстно полюбить, и сердце Ориона запылало, когда он попытался приблизиться к ним; но они были очень жеманны, и, когда он приблизился и обратился к ним, повернулись и убежали.

Боясь, что, потеряв их из виду, он больше никогда не увидит их, он горячо преследовал их, но нимфы не отставали, пока, потеряв силы, не призвали на помощь свою покровительницу. Их молитва была услышана и услышана, и Орион, запыхавшийся и усталый, поднялся как раз вовремя, чтобы увидеть, как семь белоснежных голубей взмывают в лазурное небо.

Там второе превращение постигло Плеяды, которые превратились в созвездие, состоящее из семи ярких звезд, и там они сияли веками, не меркнув; но когда Троя попала в руки врага, все побледнело от горя, а одна, более робкая и впечатлительная, чем остальные, скрылась из виду, чтобы спрятать свои страдания от любопытных глаз людей.

"Неужели слава с небес ушла?
О пустота без следа! Твои небесные сестры
Все еще держат свое место на высоте,
И хотя так давно от нее отделилась твоя сфера.
Ты, что больше не виден смертному глазу!"
Хеманс.

Орион, как непостоянный юноша, вскоре утешился их исчезновением и полюбил Меропу, дочь Эпорион, царя Хиоса, который согласился на их союз при условии, что его будущий зять завоюет себе невесту каким-нибудь подвигом. Так как Орион не отличался терпением, задержка была очень нежелательна, и он решил похитить невесту, а не жениться на ней открыто; но план был сорван бдительным Эпорион'ом, и Орион был наказан потерей не только невесты, но и зрения.

Слепой, беспомощный и одинокий, он скитался с места на место, надеясь найти кого-нибудь, способного вернуть ему зрение. Наконец он добрался до пещеры циклопов, и один из них сжалился над ним и привел его к Солнцу, от сияния которого он позаимствовал запас света.

"Когда, ослепленный Эпорион,
Он искал кузнеца в его кузнице,
И, взобравшись в горное ущелье,
На солнце устремил свой пустой взор".
Лонгфелло.

Счастливым, он вернулся к своему любимому занятию и охотился с утра до вечера. Диана встретила его в лесу и, разделяя его вкусы, вскоре полюбила его; но эта привязанность вызвала недовольство Аполлона, от проницательного взгляда которого не могло укрыться ничто из происходящего днем, и он решил положить конец увлечению своей сестры. Поэтому он призвал ее к себе. Чтобы отвлечь ее подозрения, он завел разговор о стрельбе из лука и, под предлогом проверки ее мастерства, велел ей выстрелить в темное пятнышко, поднимающееся и опускающееся далеко в море.

Диана схватила лук, наложила оперение на стрелу и послала ее с такой силой и точностью, что, коснувшись острия, увидела, как оно исчезло под волнами, не подозревая, что в качестве мишени ей была дана темная голова Ориона, освежающегося в морской ванне. Когда она обнаружила свою ошибку, то оплакала его потерю многими слезами, поклялась никогда его не забывать и поместила его и его верного пса Сириуса в качестве созвездий на небе.

История Актеона.

Когда Диана заканчивала свое ночное путешествие на лунной машине, она брала лук и стрелы и, сопровождаемая своими нимфами, отправлялась охотиться на диких зверей в лесу.

Однажды летним днем, после необычайно долгой и увлекательной погони, Диана и ее последователи пришли к одному из тихих горных бассейнов, куда они часто прибегали, чтобы окунуться. Прохладные воды журчали так маняще, что богиня и ее спутники поспешили сбросить с себя короткие охотничьи одежды и омыть разгоряченные конечности.

Но, к сожалению, богиня и сопровождающие ее нимфы были не единственными, кто вышел на охоту в этот день. Егерь Актеон поднялся на рассвете, чтобы выследить оленя, и теперь, утомленный и измученный жаждой, он тоже искал известный горный источник,

"Глубоко в прохладной глубине леса,
Где холодный кристалл мшистого бассейна
Роза в цветочном шатре, и снова
Мягкую зеленую лужайку, где часто бывал,
Я ложился на траву и жадно купал

Мои конечности в прозрачной лимфе".
Льюис Моррис.

Приблизившись к привычному месту, Актеон услышал взрывы серебристого смеха; он осторожно двинулся дальше и вскоре, осторожно раздвинув густые ветви подлеска, увидел спортивную группу.

В тот же миг Диана обернулась, чтобы выяснить причину шороха, который привлек ее внимание, и встретила с восхищенным взглядом изумленного молодого охотника. Потеряв дар речи от возмущения, что смертный увидел ее такой, она набрала в пустую ладонь воды, плеснула ему в лицо и велела идти и заявить, если он сможет, что видел Диану раздетой.

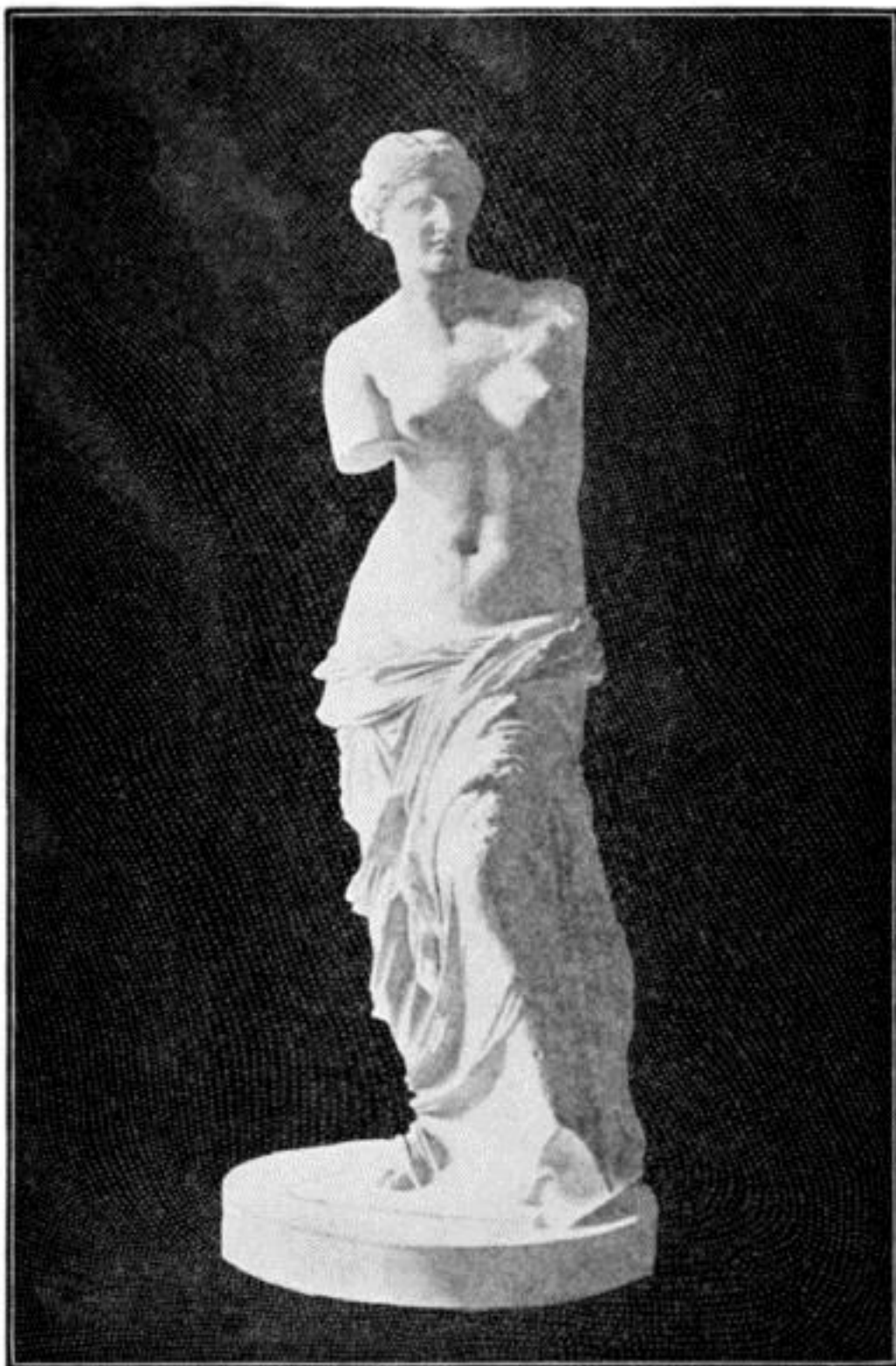
Не успели сверкающие капли коснуться лица юноши, как он повернулся, чтобы повиноваться ее приказу, и обнаружил, что превратился в оленя, со стройными, жилистыми конечностями, мохнатой шкурой и широко расставленными рогами. От его прежнего облика не осталось ничего, кроме тягостного сознания своего превращения; и пока он стоял, неподвижный и испуганный, до его слуха донеслось отдаленное рычание гончих, идущих к нему.

Страх пронзил все жилы, и он, помня о своем новом облике, бросился прочь через лес. Увы, слишком поздно: стая успела разглядеть его гладкие бока и с криком бросилась за ним в погоню.

Напрасно бедный Актеон напрягал все мышцы. Конечности отказали ему в поддержке, и, когда он в изнеможении опустился на землю, гончие набросились на его трепещущее горло.

"Они приближались все ближе и ближе, громко рыча,
С налитыми кровью глазами и красными пастями, с которых капала пена;
И когда я попытался остановить их дикость,
и заговорил словами, но ни один голос не прозвучал внятно,
Лишь немое, низкое блеяние. Тогда вся толпа
Набросилась на меня и разорвала на куски!"
Льюис Моррис.

Диане широко поклонялись, и ей посвящали множество храмов; среди них - всемирно известное святилище в Эфесе. Древние также отмечали множество праздников в честь этой прекрасной богини Луны, которая всегда была готова оказать свое покровительство всем достойным смертным.

ВЕНУС ДЕ МИЛО. (Лувр, Париж.)

ГЛАВА VII.

ВЕНЕРА.

Рождение Венеры.

Венера (Диона, Афродита, Цитерия), богиня красоты, любви, смеха и брака, по одним мифам, была дочерью Юпитера и Дионы, богини влаги: по другим, она возникла из пены морской.

"Смотри, смотри, почему сияют
Эти плавающие пузырьки таким божественным светом?
Они лопаются, и из их тумана лилия
Поднимается из волны, красотой согретой.
Волна синими ногами едва давит,
Шелковистые кольца плывут по ее груди,
скрывая ее сказочную прелесть; а глаза ее
Нежен и глубок, как синь небес.
Прекрасная родилась, и море и земля
Могут благоговеть перед часом этого таинственного рождения".
Шелли.

Океанские нимфы первыми обнаружили ее, лежащую на голубой волне; они унесли ее в свои коралловые пещеры, где нежно ухаживали за ней и учили ее с величайшей заботой. Затем, когда ее обучение было завершено, морские нимфы решили, что пришло время представить ее другим богам, и с этой целью вынесли ее на поверхность моря, где Тритоны, Океаниды и Нереиды столпились вокруг нее, громко выражая свое горячее восхищение, и предложили ей жемчуг и отборные кусочки кораллов из глубины в качестве дани за ее очарование.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧАС НОЧИ. Рафаэль.

Затем они уложили ее на мягкую подушку на большой волне и вверили ее заботам Зефира, мягкого южного ветра, который дунул нежным дыханием и унес ее на остров Кипр.

Четыре прекрасные Ногæ (Времена года), дочери Юпитера и Фемиды, богини правосудия, стояли там на берегу, чтобы приветствовать ее.

"Неземная группа
Времена года - четыре.
Зеленокудрая весна, румяное лето, золотой запас
Осенний серп, зимний морозный иней".
Китс.

И не одни они следили за ее приходом, ведь три Чариты (Грации, или Гратииэ) тоже присутствовали.

"Эти трое дарят людям все благодатные дары,
Которые украшают тело и миндаль,
Чтобы сделать их прекрасными или благосклонными;
Как прекрасная карета, развлечение кинды,
Сладкие поклоны, дружеские услуги,
И все дополнения к куртуазности:
Они учат нас, как в каждой степени и степени
Мы должны себя понижать, опускать, приветствовать,
К друзьям, к врагам; это умение люди называют Цивилизацией".
Спенсер.

Дочери Юпитера и Эвриномы, эти девы, носившие имена Аглая, Евфросиния и Талия, жаждали показать свою любовь к новой госпоже. Когда волна, на которой она откинулась, стала приближаться, появились "розовокудрые Часы, прекрасная Венера". Наконец ветер благополучно вынес прекрасную богиню на берег, и, как только ее нога коснулась белого песка, все склонились в почтении перед ее непревзойденной красотой и с благоговением наблюдали, как она сушит волосы.

"Прекрасна идалийская Афродита,
Свежая, как пена, только что омытая в пафийских колодцах,
Розовыми тонкими пальцами назад отводила
С теплых бровей и лона ее глубоких волос
Амброзные, золотые вокруг ее ясного горла
И плечо: из фиалок легкая ножка ее
Сияла розово-белая, и над ее округлой формой
Меж теней виноградных гроздьев
Плыли солнечные блики, когда она двигалась".
Теннисон.

Завершив этот поспешный и несколько примитивный туалет, Венера и ее последователи отправились на гору Олимп, и по пути к ним присоединились Гимерус, бог желания любви; Потос, бог любовных утех; Суадела, бог мягкой речи любви; и Гимен, бог брака.

Венера и Вулкан.

Для ожидаемой богини был приготовлен трон, и, когда она внезапно появилась, чтобы занять его, собравшиеся боги не смогли сдержать восторженного ропота восхищения. Ее красота поразила их, а грация покорила их сердца; но, хотя они все до единого выразили желание жениться на ней, Венера презрительно отвергла их предложения. Даже царь богов отнесся к

ней с пренебрежением, и, чтобы наказать ее за гордыню, он постановил, что она должна выйти замуж за Вулкана, бога кузницы, самого неблагоприятного из всего небесного совета.

Этот принудительный союз не был счастливым, потому что Венера никогда не проявляла никакой привязанности к своему уродливому супругу и, вместо того чтобы быть верной женой, вскоре покинула его и открыто заявила, что будет улаживать себя сама.

История Алектриона.

Первым ее увлечением был Марс, прекрасный бог войны, который не замедлил ответить на ласки прекрасной богини, и много и сладко было их тайных бесед. Однако, опасаясь, как бы кто-нибудь из проходящих мимо богов не обнаружил их вместе, Марс всегда ставил на страже своего помощника Алектриона, приказывая ему предупреждать о приближении кого-либо, и особенно звать его до восхода солнца, так как влюбленные особенно хотели, чтобы Аполлон не стал свидетелем их прощальных ласк.

Все шло своим чередом, пока однажды ночью несчастный Алектрион не уснул; и так глубока была его дремота, что он даже не пошевелился, когда Аврора распахнула восточные ворота, и Аполлон выскочил вперед, чтобы принять мелодичные приветствия пернатых обитателей леса.

Бог солнца быстро ехал вперед, поглядывая направо и налево и отмечая все, что видел. Ничто не ускользало от его яркого и пронзительного взора, метавшего свои лучи туда и сюда, и вскоре он узнал спящего сторожа и провинившихся влюбленных. Быстро, как только могли нести его быстроногие кони, Аполлон поспешил к Вулкану, которому он живо описал зрелище, представшее его глазам.

Разгневанный муж не стал терять времени, а, схватив сеть из стальных прутьев, отправился на поиски сбежавшей жены. Незаметно подобравшись к беседке влюбленных, он ловко набросил сеть на обоих спящих, которые попали в ее тонкие сети и не могли выбраться; и так он держал их в заточении, несмотря на их мольбы, пока все боги не увидели их унижительную участь и не превратили их в посмешище. Но когда он наконец освободил их, Марс бросился прочь, поклявшись отомстить нерадивому часовому, который все еще блаженно спал. Набросившись на него, Марс грубо разбудил его, сделал резкий упрек, превратил в петуха, изгнал во двор и приговорил ежедневно предупреждать о приближении солнца.

"И вот из соседнего двора,
громко прокричал петух Алектрион".
Лонгфелло.

Дети Венеры.

У Марса и Венеры родилось несколько прекрасных детей. Гермiona, или Гармония, их дочь, вышла замуж за Кадма, царя Фив; а Купидон (Купидон, Эрос, Амор), их маленький сын, был назначен богом любви. Несмотря на нежную заботу, второй ребенок не рос, как другие дети, а оставался маленьким, розовощеким, пухленьким, с лиловыми крылышками и плутоватым, с ямочками лицом. Тревожась за его здоровье, Венера обратилась к Фемиде, которая прорицательно ответила: "Любовь не может расти без страсти".

Напрасно богиня пыталась уловить скрытый смысл этого ответа. Он открылся ей только после рождения Антероса, бога страсти. Вместе с братом Купидон рос и расцветал,

превращаясь в красивого, стройного юношу; но, разлучившись с ним, он неизменно возвращался к своему детскому облику и озорным привычкам.

Венера и Адонис.

Венера, однако, не расточала всю свою любовь Марсу: говорят, что она испытывала нежную страсть к юноше по имени Адонис, смелому молодому охотнику, чья необдуманная погоня за опасной дичью вызывала у Венеры множество тревожных предчувствий. Напрасно она умоляла его отказаться от удовольствий погони и остаться с ней. Он со смехом уходил и продолжал вместе с другими охотниками заниматься своим любимым делом. Но, увы, однажды, после увлекательной погони, он смело напал на кабана, который, доведенный до безумия, повернулся к нему, вонзил свой крепкий клык в незащищенный бок юноши и затоптал его до смерти.

"Белый клык кабана пронзил его белое бедро.

* * *

"Юноша лежит мертвый, а вокруг воют его собаки,
И нимфы громко плачут из тумана холма".

Бион (перевод миссис Браунинг).

Венера бежала прямо к месту его трагической гибели, продираясь сквозь заросли и кустарники, разрывая свою нежную кожу, и ее кровь окрашивала все белые розы на своем пути в тускло-розовый цвет. Когда она добралась до места, то нашла своего возлюбленного Адониса холодным и мертвым, а ее страстные ласки не находили отклика. Тогда она разразилась такими страстными слезами, что лесные и водные нимфы, боги, люди и вся природа вместе с ней стали оплакивать возлюбленного юношу.

"О ее потере сожалеют влюбленные:

Горе, Венера, горе! Адониса больше нет".

Бион (перевод Элтона).

Спящая любовь. Перро.

С большой неохотой Меркурий наконец явился, чтобы проводить душу усопшего в адские области, где ее приветствовала Прозерпина, царица царства, и проводила туда, где чистые и добродетельные смертные наслаждаются вечностью блаженства. Венера, все еще безутешная, пролила бесчисленные слезы, которые, падая на землю, превращались в анемоны, а красные капли, упавшие с бока Адониса, - в красные розы.

"Столько же капель, сколько и с Адониса,
Столько же слез пролила скорбящая Венера:
Для каждой капли на земле растет цветок:
Анемоны - слезы, роза - кровь".
Бион (перевод Элтона).

Поскольку время не только не смягчило горе Венеры, но, напротив, делало его все более невыносимым, она отправилась на Олимп, где пала к ногам Юпитера, умоляя его освободить Адониса из объятий смерти или позволить ей разделить его участь в Аиде.

Юпитер не мог допустить, чтобы Красавица покинула землю, и не мог противиться ее мольбам: в конце концов он постановил, что Адонис должен быть возвращен в ее жаждущие объятия. Но Плутон, чьим подданным он стал, отказался отдать Адониса, и после долгих споров был достигнут компромисс, по которому Адонису разрешалось проводить половину года на земле, а остальные шесть месяцев он должен был проводить на Елисейских полях.

Итак, ранней весной Адонис покинул Нижний мир и стремительным шагом направился к своей возлюбленной. На его пути распускались цветы и пели птицы, чтобы выразить свою радость по поводу его прихода. Эмблема растительности, которая ранней весной поднимается из земли, чтобы украсить ее прекрасной листвой и цветами и заставить птиц петь от радости, Адонис неохотно вернулся в Аид, когда Зима, жестокий вепрь, снова сразил его своим белым клыком, заставив природу снова поникнуть и оплакивать его уход.

"Но даже в смерти сильна Любовь,
Я не мог полностью умереть; и год за годом,
Когда наступает яркая весна и земля оживает,
Любовь открывает эти страшные ворота и зовет меня вперед
Через пропасть".
Льюис Моррис.

Венера и Анхис.

Богиня красоты также полюбила Анхиза, принца Трои, но, устыдившись того, что оказывает благосклонность простому смертному, взяла с него обещание, что он никогда не раскроет их тайный брак. Однако, к несчастью, Анхис был хвастлив, и вскоре он поддался искушению и раскрыл тайну, вызвав ее гнев до такой степени, что некоторые мифологи обвиняют ее в том, что она позаимствовала одну из молний Юпитера и убила его. Другие же сообщают, что Анхис дожил до глубокой старости и спасся из горящей Трои на спине своего сына Энея. Однако вся любовь Венеры перешла к ее сыну Энею, которого она оберегала на протяжении всей его сложной карьеры.

История Геро и Леандра.

Самыми горячими поклонниками и верными почитателями Венеры были молодые люди, ведь она наслаждалась их юношескими чувствами и всегда была готова протянуть руку помощи всем истинным влюбленным, когда на их пути возникали, казалось бы, непреодолимые препятствия.

Так было и с прекрасной девой по имени Геро, которую родители посвятили в слуги Венеры, и она, как только достигла совершеннолетия, проводила все свое время в храме, прислуживая богине, или в одинокой башне на берегу моря, где жила одна со своей престарелой кормилицей.

"Медово-сладкая Геро, из княжеского рода,
Была жрицей царицы Венеры в том месте;
И в башне отца своего, у моря, поселилась...
Царицей любви, хоть и девой еще...
Dwelt."
Эдвин Арнольд.

Красота девы росла с годами, пока слава о ней не разнеслась по всему родному городу Сестусу и даже перевалила через Геллеспонт и достигла Абидуса, где Леандр, самый храбрый и красивый юноша города, загорелся желанием посмотреть на очаровательную юную жрицу.

Как раз в это время в Сестусе должен был состояться торжественный праздник в честь Венеры, на который были сердечно приглашены все юноши и девы. Под предлогом почтения к богине Леандр вошел в ее храм и увидел юную жрицу, чьи прелести превосходили все описания.

Венера, как уже говорилось, всегда живо интересовалась молодыми влюбленными, и когда она увидела этих двоих, так хорошо сочетающихся по красоте и грации, она велела Купидону пронзить их своими любовными дротиками, и озорной бог немедленно повиновался.

"Бог Эрос, ставящий зарубку на струне,
Ранил два лона одним выстрелом,
Девичью и юношескую - Леандра он,
И прекрасная Геро, Сестоса милейшая, она;
Она - город свой, а он - свой, хвастливый;
Благородная пара!"
Эдвин Арнольд.

Так в обоих юных сердцах одновременно разгорелась неугасимая страсть, и, благодаря помощи Венеры, Леандр успел обменяться с Герой несколькими словами, признался ей в любви, умолял ее отнестись к его иску благосклонно и, главное, дать ему частную беседу, иначе он непременно умрет.

Дева слушала его мольбы с радостью и ужасом, ведь она знала, что родители ни за что не согласятся на их союз. Тогда, боясь, как бы кто-нибудь не заметил, что она разговаривает с незнакомцем, она велела ему удалиться; но он отказался идти, пока не узнает, где она живет, и предложил переплыть Геллеспонт, когда сгустятся сумерки и никто не сможет увидеть его цель, и навестить ее в ее одинокой башне.

"Милая! Ради любви твоей, - вскричал он, - море я рассеку,
Пусть пена будет огненной, и волны пламенем пышут,
Я не боюсь бурь, если они несут тебя;
И не дрогну от шипения моря!
И я буду приходить - о, позвольте мне приходить каждую ночь,
Плыть по стремительному потоку к моей дорогой радости:
Ведь белый Абидос, где я живу, стоит перед
Твой город здесь, через наш Геллеспонт".
Эдвин Арнольд.

Наконец его молитвы победили угрызения совести девы, и она согласилась принять его в своей башне с морской рубашкой, пообещав в назначенный час зажечь факел и держать его над головой, чтобы он благополучно переплыл море. И только тогда он ушел.

Наступила ночь, тьма опустилась на землю, а Леандр нетерпеливо расхаживал по песчаному берегу и ждал обещанного сигнала, который не заставил себя ждать, и он с ликованием погрузился в темные волны и с воодушевлением рассекал их, спеша через глубину к своей возлюбленной. Временами огромные волны вздымались над его головой; но когда он выныривал из их угрожающих глубин и поднимался на пенистые гребни, он мог разглядеть ярко горящий факел и представлял себе робкий, сладкий румянец, который окрасит щеки Геро, когда он прижмет ее к своему страстному сердцу.

"Леандр не боялся - он рассекал волны.
Что за опасность, на которую не отважатся пылкие сердца!"
Лэндон.

Венера с вершины "многовершинного Олимпа" с улыбкой наблюдала за успехом своего замысла, и рука Леандра напряглась, чтобы рассечь стремительное течение. Наконец он достиг ступеней башни и был с любовью встречен Герой, чье сердце заколотилось от

тревоги при мысли о том, на какие опасности идет ее возлюбленный ради того, чтобы еще раз увидеть ее.

Лишь когда рассвет забрезжил на востоке, влюбленные закончили беседу и расстались: он - чтобы вернуться в Абидус, а она - чтобы подготовиться к повседневным обязанностям, которые вскоре потребуют ее внимания. Но дневная разлука - это все, что могли вынести влюбленные, и ночь за ночью, как только появлялись первые звезды, Геро зажигала свой факел, и Леандр спешил к ней, чтобы пробыть рядом до рассвета.

"Так в восторге проходили летние тени:

Леандр пришел так же уверенно, как ночь,

И когда утро проснулось на море,

Не увидела она его, ибо дома он был".

Хант.

Никто не подозревал об их встречах, и все шло хорошо, пока над Геллеспонтом не пронеслись первые жестокие зимние бури. Геро, в серой мгле зимнего утра, умоляла своего возлюбленного не оставлять ее сражаться с волнами, которые так яростно бились о каменную башню; но он мягко посмеялся над ее страхами и ушел, пообещав вернуться ночью, как обычно.

Буря, бушевавшая так яростно уже ранним утром, с каждым днем становилась все сильнее, пока волны не превратились в пену, а ветер завывал все более зловеще с наступлением темноты; но ни один из этих признаков не смог удержать Леандра от визита к Геро.

"Наступила одна ночь, самая бурная в году,

Когда ветер бил, как острие шипящего копья,

И бледные волнорезы гремели на берегу".

Эдвин Арнольд.

Весь день Геро надеялась, что ее возлюбленный откажется от ночного путешествия, но все же, когда наступил вечер, она зажгла свой факел, чтобы служить маяком, если он, рискуя всем, сдержит свое слово. Ветер дул так яростно, что факел колебался и мерцал, и едва не погас, хотя Геро защищала его слабое пламя, стоя над ним с распростертыми одеждами.

Увидев долгожданный сигнал, Леандр, которого уже однажды отбили волны, предпринял вторую попытку пересечь пролив, призывая богов оказать ему помощь. Но на этот раз его молитвы остались неслышанными, утонув в ярости шторма; еще некоторое время он боролся с именем Геро на устах.

ГЕРОЙ И ЛИНДЕР. Боденхаузен.

Наконец, обессилив и готовый утонуть, он снова поднял глаза, чтобы увидеть ободряющий свет. Он исчез, погашенный порывом ветра. Как камень, Леандр погрузился в воду, раз, два, три, и волны навсегда сомкнулись над его головой.

Геро тем временем вновь зажгла свой факел и, совершенно не осознавая произошедшей трагедии, стояла на башне, напрягая глаза, чтобы пронзить темноту. Всю ночь она ждала не пришедшего возлюбленного и, когда первые лучи солнца осветили колышущееся море, бросила тревожный взгляд на Абидус. Насколько она могла видеть, никого не было видно.

Она уже собиралась спуститься вниз, чтобы заняться своими повседневными делами, как вдруг, бросив взгляд на подножие башни, увидела труп своего возлюбленного, покачивающийся на волнах.

"Как на беспокойной подушке,
Его голова колышется вместе с набегаящим потоком;
Эта рука, чье движение не есть жизнь,
И все же, кажется, слабо грозит раздором,
Отброшена приливом ввысь,
А потом сравнялась с волной".
Байрон.

Сердце Геро разбилось при этом печальном зрелище, и ей захотелось тоже умереть, чтобы не разлучаться с Леандром. Чтобы ускорить их встречу, она бросилась в море и погибла в волнах, рядом с ним. Так жили и умерли верные влюбленные, чья привязанность превратилась в пословицу.

Байрон, знаменитый английский бард, попытался совершить подвиг Леандра, переплыв Геллеспонт, и по возвращении из этого опасного путешествия написал следующие строки, которые так хорошо знакомы всем англоговорящим людям

"На волне Хелле бушуют ветры,
Как в ту бурную ночь.
Когда Любовь, пославшая, забыла спасти
Юных, прекрасных, храбрых,
Одинокую надежду дочери Сестоса.
О! Когда в одиночестве под небом
Факел ее башни пылал высоко,
Хотя бушевал шторм и пенился,
и крики морских птиц предупреждали его о возвращении домой;
И тучи над головой, и приливы внизу,
знаками и звуками запрещали идти,
Он не мог видеть, он не мог слышать,
Ни звука, ни знака, предвещающего страх;
Его взор видел лишь свет любви,
Единственную звезду, что градом над головой;
Его ухо звенело песней Героя,
"Вы, волны, не разлучайте влюбленных надолго!
Эта история стара, но любовь заново
Может нервы юных сердец подтвердить".

Пирам и Этбе.

Не менее любящей и несчастной парой были Пирам и Трибун. Хотя их не разделяли никакие волны, и им посчастливилось жить в соседних домах в Вавилоне, их родители поссорились, и им запретили видеться и разговаривать друг с другом. Это постановление разжалобило их нежные сердца, и их непрекращающиеся вздохи наконец коснулись Венеры, готовой оказать им помощь. Благодаря любезным услугам этой богини в стене дома была обнаружена щель, через которую влюбленные могли подглядывать друг за другом, разговаривать и даже, говорят, обменяться поцелуем или двумя.

Порой украденные через эту щель беседы вызывали у них желание непрерывных и необузданных встреч, поэтому они договорились встретиться в определенный день и час под белым тутовым деревом, прямо за городскими воротами.

Этабе, которой не терпелось увидеть своего возлюбленного, первой добралась до места свидания и, медленно расхаживая взад-вперед, чтобы скоротать время ожидания, размышляла о том, что же случилось, что задержало Пирама. Ее размышления внезапно прервал шорох в соседних кустах, и, решив, что Пирам спрятался там, она уже собиралась окликнуть его, чтобы он обнаружил себя, как вдруг вместо возлюбленного из зарослей вышел лев и направился к ней, медленно разминая бока хвостом и облизывая окровавленные челюсти. С ужасом вскрикнув, девушка бросилась бежать, уронив вуаль, которую лев поймал в свою окровавленную пасть и разорвал в клочья, после чего скрылся в лесу.

Вскоре после этого вбежал Пирам, запыхавшийся и полный любовных оправданий перед Этбе, которой, однако, не оказалось рядом, чтобы принять их. Удивленный ее отсутствием, Пирам огляделся по сторонам и после недолгих поисков обнаружил львиные следы и разорванную вуаль. Этих признаков было достаточно, чтобы убедить его в том, что Этбе погибла, и в порыве отчаяния он выхватил из ножен кинжал и вонзил его себе в сердце.

Спустя несколько минут Этбе осторожно приблизилась, с тревогой оглядываясь по сторонам, чтобы понять, не затаился ли лев поблизости. При первом же взгляде на него Пирам замертво распростерся под тутовым деревом с окровавленной вуалью, судорожно прижатой к губам. С криком ужаса она бросилась к нему и попыталась привести его в чувство, но, убедившись, что все ее усилия тщетны, выхватила кинжал из его груди и, погрузив его в собственное лоно, упала рядом с ним безжизненной.

"В ее лоно погрузился меч,
Весь теплый и вонючий от убитого владыки".
Овидий (перевод Юсдена).

С того зловещего дня плоды тутового дерева, бывшие до этого белыми, приобрели оттенок, похожий на кровь, окрашенную кровью, которая текла из смертельных ран Пирама и Тисбы.

Эхо и Нарцисс.

Прекрасная и болтливая нимфа Эхо жила беззаботно и беззаботно, пока не встретила Нарцисса, охотившегося в лесу. Не успела эта легкомысленная девушка увидеть юношу, как тут же влюбилась в него по уши и очень огорчилась, увидев, что он не отвечает на ее ласки.

Все ее уговоры были бесполезны, и в отчаянии от его жестокосердия она умоляла Венеру наказать его, заставив испытать муки безответной любви; затем, меланхоличная и жаждущая смерти, она удалилась в горы, подальше от мест, где жили ее прежние спутники, и там, постоянно размышляя о своей печали, тосковала до тех пор, пока от нее не остался только ее мелодичный голос.

Боги, недовольные отсутствием у нее должной гордости, осудили ее бродить по скалам и уединенным местам и, в качестве предупреждения другим импульсивным девам, повторять последние звуки, которые долетали до ее слуха.

"Но голос ее по-прежнему жив, бессмертен.
Тот самый, который вы часто слышали

В своих скитаниях по долинам и лесам,
Повторяя свое последнее слово".
Сакс.

Одна лишь Венера не забыла последней страстной молитвы бедной Эхо и не торопилась наказывать пренебрежительного Нарцисса. Однажды, после продолжительной погони, он поспешил к одинокому водоему, чтобы утолить жажду.

"В каком-то восхитительном странствии он нашел
Небольшое пространство с ветвями, сплетенными вокруг;
И посреди всего этого - более чистый бассейн.
Чем когда-либо отражался в его приятной прохладе.
Голубое небо то тут, то там безмятежно проглядывало
Сквозь венки из ветвей причудливо ползущих".
Китс.

Быстро опустившись на траву, он наклонился над прозрачной водой, чтобы сделать глоток, но вдруг остановился, удивленный. Внизу, у галечного дна, он увидел лицо, столь прекрасное, что у него сразу же екнуло сердце, ибо он решил, что это какая-то водная нимфа смотрит на него сквозь прозрачный поток.

С внезапной страстью он ухватился за прекрасное видение, но, как только его руки коснулись воды, нимфа исчезла. Ошеломленный и встревоженный, он медленно отошел на небольшое расстояние и, затаив дыхание, ждал возвращения нимфы.

Вскоре взволнованные воды вновь обрели зеркальную гладкость, и Нарцисс, бесшумно приблизившись на цыпочках и осторожно заглянув в бассейн, увидел сначала вьющиеся, растрепанные локоны, а затем пару прекрасных, внимательных, тревожных глаз. Очевидно, нимфа только что решила выйти из своего укрытия, чтобы провести разведку.

На этот раз юноша проявил больше благоразумия и постепенно наклонился над бассейном, и, успокоенный его благосклонным взглядом, нимфа показала всю свою голову. Юноша обратился к ней нежным тоном, и ее рубиновые губы разошлись и зашевелились, словно она отвечала, но до его слуха не донеслось ни звука. В волнении он начал жестикулировать, и две снежные руки повторили все его жесты; но когда, ободренный ее любящим взглядом и действиями, он снова попытался заключить ее в свои объятия, она исчезла так же быстро, как и в первый раз.

Снова и снова повторялась та же пантомима, снова и снова нимфа ускользала от его прикосновений, но очарованный юноша не мог оторваться от места, где его преследовал этот милый образ, чье чуткое лицо отражало все его чувства, и которая становилась такой же бледной и увядшей, как и он, - очевидно, как и он, жертвой любви и отчаяния.

Даже тени ночи не могли согнать Нарцисса с его поста, и, когда бледные лунные лучи осветили его убежище, он наклонился над бассейном, чтобы убедиться, что она тоже встревожена и не спит, и увидел, что она с тоской смотрит на него.

Так и пролежал Нарцисс день и ночь, не ел и не пил, пока не умер, не подозревая, что причудливая нимфа была лишь его собственным образом, отраженным в прозрачных водах. Эхо было отомщено, но боги Олимпа с состраданием взирали на прекрасный труп и

превратили его в цветок, носящий имя юноши, который с тех пор расцветает у тихих водоемов, где ясно отражается его бледный образ.

"Одинокий цветок он увидел,
Кротко и печально, без гордости,
Сбросив свою красоту над водной гладью,
Чтоб грустный образ свой к нему приблизить:
Глухой к свету Зефира, он не шевелился;
Но все равно, казалось бы, поник, затосковал, полюбил".
Китс.

Пигмалион и Галатея.

Пигмалион, король Кипра, был очень известным скульптором. Все свободные минуты он посвящал достоверному изображению богов и богинь. Однажды его опытная рука создала образ Галатеи. Оно было так прекрасно, что еще до завершения работы автор полюбил его. Когда работа была завершена, Пигмалион восхитился ею еще больше, посчитал ее слишком красивой, чтобы оставаться неодушевленной, и попросил Венеру дать ей жизнь, заявив, что хотел бы иметь такую же жену.

Поскольку Пигмалион всегда был упрямым холостяком и часто заявлял, что никогда не женится, Венера обрадовалась, увидев его наконец жертвой нежной страсти, и решила удовлетворить его просьбу. Пигмалион прижал изящный образ к груди, чтобы влить в ледяную грудь немного своего тепла, и прижимал поцелуй за поцелуем к точеным губам, пока наконец они не стали мягкими и теплыми от его прикосновения, и слабый румянец заиграл на бледных щеках, а дыхание расширило ее легкие и пустило кровь по жилам.

"Как некогда с молитвами в страсти струились,
Пигмалион обнял камень,
Пока из застывшего мрамора не засиял
Свет чувств его озарил".
Шиллер.

Восторг Пигмалиона при виде своего прекрасного образа живой и дышащей девы был безграничен, и после короткого, но страстного ухаживания объект его привязанности стал его счастливой женой.

Купидон и Психея.

В те же далекие времена "сладостной мифологии" жил царь, три дочери которого славились на весь мир своей несравненной красотой. Психея, младшая из сестер, была настолько прекрасна, что подданные отца признали ее достойной называться богиней красоты и предложили воздавать ей почести вместо Венеры. Оскорбленная этим предложением, от которого у Психеи хватило ума отказаться, Венера решила убедительно доказать этой неразумной расе, что дева смертна. Поэтому она приказала своему сыну Купидону убить ее.

Вооруженный луком и стрелами и снабженный смертельным ядом, Купидон отправился исполнять ее повеление и в сумерках добрался дворца, бесшумно прокрался мимо спящих стражников, по пустынным залам и подошел к апартаментам Психеи, в которые незаметно проскользнул. Незаметно он подошел к кушетке, на которой спала прекрасная дева, и склонился над ней, чтобы ввести отравленную дозу.

Лунный луч, упавший на ее лицо, открыл ее непревзойденную красоту и заставил Купидона удивленно отпрянуть назад, но в этот момент одна из его собственных любовных стрел вонзилась в его розовую плоть и нанесла рану, от которой ему предстояло страдать долгие дни.

Не сознавая всей тяжести нанесенной ему раны, он зачарованно смотрел на спящую деву, и ее прекрасный образ запал ему в душу; затем, бесшумно войдя, он вышел, поклявшись, что никогда не причинит вреда такой невинности и красоте.

Рассвело утро. Венера, ожидавшая увидеть, как солнце осветит труп ее соперницы, увидела ее, как обычно, в дворцовых садах и с горечью поняла, что ее первый план полностью провалился. Поэтому она начала придумывать различные мелкие мучения и так безжалостно преследовала бедную девушку, что та сбежала из дома с твердым намерением покончить с жизнью, которой больше не могла спокойно наслаждаться.

Для достижения этой цели Психея с трудом взобралась на суровую гору и, подкравшись к самому краю пропасти, бросилась вниз, рассчитывая разбиться вдребезги о зазубренные скалы внизу; Но Купидон, с негодованием, но беспомощно наблюдавший за всеми преследованиями своей матери, незаметно последовал за Психеей и, заметив ее намерение покончить с собой, воззвал к Зефиру (Южному ветру) и попросил его подхватить деву в свои сильные, но нежные руки и отнести на далекий остров.

И вот, вместо стремительного, резкого падения и мучительной смерти, Психею плавно понесло по холмам и далям, по сверкающим водам; и не успела она устать от этого нового способа передвижения, как ее бережно положили на цветочный берег посреди изысканного сада.

Ошеломленная, она медленно поднялась на ноги, потеряла свои прекрасные глаза, чтобы убедиться, что ей не приснилось, и с удивлением стала прогуливаться по прекрасным окрестностям. Вскоре она оказалась в заколдованном дворце, двери которого широко распахнулись перед ней, нежные голоса пригласили ее войти, а невидимые руки перенесли ее через порог и стали ждать.

Когда наступила ночь, и тьма вновь покрыла землю, Купидон явился на поиски своей возлюбленной Психеи. В благоухающих сумерках он признавался в любви и нежно просил вернуть его.

И хотя угасающий свет не позволял ей разглядеть облик или черты лица неизвестного возлюбленного, Психея слушала его нежные слова с нескрываемым удовольствием и вскоре согласилась на их союз. Тогда Купидон попросил ее не пытаться узнать его имя или разглядеть его лицо, предупредив, что если она сделает это, то он будет вынужден покинуть ее и никогда не вернуться.

"Дорогая, я с тобой лишь до тех пор, пока скрыт
Мой облик скрыт; и если ты хоть раз увидишь
Мое лицо, я должен покинуть тебя: высокие боги
соединяют Любовь с Верой, и он удаляется

От полного взгляда Знания".
Льюис Моррис.

Психея торжественно пообещала уважать желания своего таинственного возлюбленного и полностью отдалась наслаждению его обществом. Всю ночь они проговорили, а когда над горизонтом показалась первая слабая полоска света, Купидон попрощался с Психеей, пообещав вернуться с долгожданными ночными тенями. Весь день Психея думала о нем, тосковала по нему и, как только заходило солнце, мчалась в беседку, где птицы сонно трепетали, исполняя свою вечернюю песню, и, затаив дыхание, ждала, когда он придет к ней.

"Теперь на широких шестеренках с вышины
Спускается Купидон в кипрскую рощу;
В его широкие объятия бросается очарованная Психея,
И прижимается к возлюбленному на аврелиевых крыльях.
Пурпурный поясок через плечо перекинут,
И окаймленные золотом трепетные валы".
Дарвин.

Хотя дневные часы казались бесконечными, проведенные в полном одиночестве, но в сладостном обществе Любви ночные часы показались Психее слишком короткими. Каждое ее желание исполнялось почти сразу же, как только оно было высказано; и наконец, воодушевленная явным стремлением возлюбленного доставить ей удовольствие, она высказала свое желание еще раз увидеться и пообщаться с сестрами. Пылкий любовник не мог отказать ей в этой просьбе, но Психея заметила, что его согласие было каким-то нерешительным и неохотным.

На следующее утро, прогуливаясь в одиночестве, Психея неожиданно встретила своих сестер. После восторженных объятий и бессвязной череды вопросов и ответов они уселись за стол, чтобы насладиться долгим разговором. Психея рассказала о своей отчаянной попытке самоубийства, о чудесном спасении от верной смерти, об аэральном путешествии, о входе в заколдованный дворец, о любви к таинственному ночному гостю - в общем, обо всем, что произошло с тех пор, как она покинула отчий дом.

Старшие сестры всегда завидовали красоте Психеи, а когда увидели ее роскошное окружение и услышали ее восторги по поводу возлюбленного, то позавидовали и решили омрачить счастье, которым не могли насладиться. Поэтому они сделали все возможное, чтобы убедить бедную Психею, что ее возлюбленный, должно быть, какое-то чудовище, настолько отвратительное, что не смеет выходить на широкий свет дня, чтобы не заставить ее возненавидеть его, и еще добавили, что, если она не будет очень осторожна, он, вероятно, закончит тем, что пожрет ее.

Купидон пробуждает Психею.

После этого они посоветовали бедной, обеспокоенной Психее спрятать лампу и кинжал в квартире своего возлюбленного и тайно наблюдать за ним, когда его глаза будут закрыты во сне. Если свет лампы покажет, как они были уверены, отвратительный лик и искаженную форму чудовища, они велели ей использовать кинжал, чтобы убить его. Затем, довольные своей работой, сестры удалились, оставив Психею одну исполнять свои злые намерения.

Оказавшись в безопасности дома, сестры не переставали размышлять над сказками, которые влила им в уши Психея, и, надеясь обеспечить себе такой же роскошный дом и такого же очаровательного возлюбленного, каждая из них тайно поспешила в горное ущелье, бросилась в пропасть и погибла.

С наступлением ночи, принесшей обычно столь желанного Купидона, Психея, терзаемая сомнениями, с трудом скрывала свое волнение. После неоднократных попыток вывести ее из молчаливого настроения Купидон уснул, и, как только его ровное дыхание возвестило о том, что он погрузился в дремоту, Психея бесшумно зажгла лампу, взяла кинжал и, осторожно подойдя к кушетке, склонилась над спящим возлюбленным. Лампа, которую она держала высоко над головой, бросала свет на лицо и фигуру прекрасного юноши.

"То трепещет, то растеряна, то смела,
А теперь она кажется нерешительной;
Голубая лампа мерцает в ее руках,
А в руке ее сверкает кинжал.
Готовясь нанести удар, она приближается к нему,
И тут сверху мерцает голубой свет,
Отвратительное зрелище ожидает со страхом.
И взирает на бога Любви".
Аполлоний.

Сердце Психеи громко забилося от радости и гордости, когда она увидела вместо чудовища этого изящного юношу; и, залюбовавшись им, она забыла всякую осторожность. Нечаянным движением она опрокинула лампу, и капля горящего масла, перетекая через узкий ободок, упала на обнаженное плечо Купидона.

От резкой боли он резко открыл глаза. Зажженная лампа, сверкающий кинжал, трепещущая Психея - вот и вся история. Купидон вскочил с дивана, схватил свой лук и стрелы и, бросив на Психею последний горестный, укоризненный взгляд, улетел через открытое окно, воскликнув.

"Прощай! Нет Любви, кроме Веры,
А твоя мертва! Прощай! Я больше не приду!"
Льюис Моррис.

Покинутая Психея.

Когда он скрылся в сумрачном воздухе, ночные ветры перестали дуть, и вдруг разразилась буря с такой яростью, что бедная испуганная Психея не посмела остаться одна во дворце, а поспешила выйти в сад, где вскоре потеряла сознание своего несчастья в глубоком обмороке. Когда она снова открыла глаза, буря уже утихла, солнце стояло высоко в небе, а дворец и сады исчезли.

Бедная Психея провела там следующую и многие последующие ночи, тщетно надеясь на возвращение Купидона и проливая много горьких слез раскаяния. Наконец она решила покончить жизнь самоубийством и с этой целью окунулась в соседнюю реку; но бог потока выловил ее и вынес на берег, где его дочери, водные нимфы, вернули ее к жизни. Вынужденная жить, Психея бродила в унынии, искала Купидона и расспрашивала всех

встречных, нимф, Пана и Цереру, которые с состраданием выслушали ее признание в любви к мужу.

"Не так, как земная любовь, что пульсирует и пылает
Вокруг земных святынь, но чистый дух,
Прекраснее всех воплощенных любовей, чище
И прекрасней; но никогда на глаза его
Я не смотрела, которые все еще были скрыты, и я не знала
О нраве его природы; ибо ночью,
когда глаза слепы, но душа видит,
Пришел он и велел мне не допытываться.
Ни откуда он пришел, ни куда. Не знал я и
его имени. И всегда перед наступлением дня,
словно бог Солнца, задерживаясь
с какой-нибудь слишком любимой девой, он поднимался
И исчезал до вечера".
Льюис Моррис.

Церера часто видела Купидона и в то утро услышала, что Венера перевязывает ему рану на плече, поэтому она посоветовала Психее отправиться к богине красоты, поступить к ней на службу и выполнять все поручения с радостной готовностью, зная, что такой путь в конце концов приведет к встрече и примирению влюбленных.

Психея с благодарностью приняла совет Цереры и стала трудиться допоздна, чтобы угодить своей взыскательной госпоже, которая поручала ей такие сложные задания, что бедная девушка никогда бы не смогла их выполнить, если бы ей не помогали все звери и насекомые, которые очень любили ее.

Путешествие Психеи в Аид.

Венера неоднократно проверяла ее верность и выносливость и, наконец, решила в качестве решающего эксперимента отправить ее в Аид за шкатулкой с мазью, рецепт которой был у одной лишь Прозерпины. Направляемая Зефиром, своим старым другом, Психея благополучно преодолела ужасы Аида, передала свое послание и получила взамен небольшую шкатулку. Врата Аида закрылись за ней, и она уже почти завершила свою последнюю задачу, как вдруг подумала, что неплохо было бы использовать немного волшебного препарата, чтобы стереть следы бессонных ночей и многочисленных слез.

Однако в шкатулке оказался лишь дух Сна, который, набросившись на Психею, уложил ее на обочине дороги. Купидон, проходя мимо, увидел ее там, заметил разорение горя, вспомнил о своей любви и ее страданиях и, борясь с духом, заставил его вновь покинуть тесные пределы своей тюрьмы и разбудил Психею любовным поцелуем.

"Любимая, закрой глаза.
Теперь ты можешь смотреть на меня. Я больше не уйду,
но навеки принадлежу тебе".
Льюис Моррис.

CHARON AND PSYCHE.-Neide.

Рука об руку они взлетели на Олимп, вошли в зал совета, и там Купидон представил Психею, свою избранную невесту, собравшимся божествам, которые обещали присутствовать на церемонии бракосочетания. Даже Венера, забыв о своей прежней зависти, приветствовала румяную невесту, которая была счастлива до конца дней своих.

Древние, для которых Купидон был эмблемой сердца, считали Психею олицетворением души и представляли ее с крыльями бабочки; это маленькое насекомое было еще одним символом души, которая не может умереть.

Волосы Береники.

Один из последних мифов о Венере - миф о Беренике, которая, опасаясь за жизнь любимого мужа, обратилась к богине с просьбой защитить его в бою, поклявшись принести в жертву свои роскошные волосы, если он вернется домой в целости и сохранности. Молитва была услышана, и прекрасные локоны Береники возложили к святилищу Венеры, откуда они, однако, очень загадочно исчезли. Астролог, к которому обратились по поводу предполагаемой кражи, торжественно указал на быстро приближающуюся комету и объявил, что боги поместили волосы Береники среди звезд, чтобы они вечно сияли в память о ее супружеском самопожертвовании.

Поклонение Венере.

Венера, богиня красоты, изображалась либо полностью обнаженной, либо в скудной драпировке, называемой "цестом". Сидя в своей колеснице, сделанной из одной жемчужной раковины, и влекомая белоснежными голубями, ее любимыми птицами, она путешествовала от святилища к святилищу, благодушно любясь пышными украшениями из драгоценностей и цветов, которые ей приносили поклоняющиеся. Подношения юных влюбленных всегда были наиболее благосклонны к ней.

"Венера любит шепот
Юноши и девы,
В лунном свете апрельской слоновой кости
Под тенью каштана".
Маколей.

Многочисленные античные и некоторые современные статуи этой богини украшают различные картинные галереи, но среди них наиболее совершенной является всемирно известная Венера Милосская.

Праздники Венеры всегда были сценами изящных увеселений, а ее поклонники носили венки из свежих благоухающих цветов, олицетворяющих всю природную красоту.

ГЛАВА VIII.

МЕРКУРИЙ.

Рождение Меркурия.

Как уже неоднократно говорилось в этой работе, Юпитер никогда не был строго верным супругом и, несмотря на уговоры жены, не мог удержаться от того, чтобы не потакать своему капризу в отношении каждой красотики, встречавшейся ему на пути. Поэтому, поддавшись чарам богини равнин Майи, он провел несколько блаженных часов в ее обществе. Кульминацией счастья этой божественной пары стало появление на свет их маленького сына, Меркурия (Гермеса, Психопомпа, Онейкопомпа), который родился в гроте на горе Циллина в Аркадии.

"Меркурий, которого родила Maia,
Милая Maia, на инеистой вершине Циллины".
Вергилий (перевод Каупера).

Этот бог-младенец был совсем не похож на смертных детей, что легко понять по многочисленным шалостям, которые он устраивал сразу после своего рождения. Сначала он вскочил с колен матери, схватил валявшийся на земле черепаший панцирь, просверлил в его боках отверстия, натянул струны по всей его впадине и, перебирая их руками, издал звуки сладчайшей музыки, изобретая таким образом первую лиру.

"Так она и лежала, мокрая и сухая,
Пустая, как последний новый сонет,
Пока не появился Меркурий,
И, поразмыслив,
"Вот, - воскликнул он, - вещь из вещей
По форме, материалу и размеру!
Дайте ему только струны, и, о, он поет,
Чудесное изобретение".
Лоуэлл.

Кража Меркурия.

Проголодавшись к вечеру, юный Меркурий сбежал от спящей матери и отправился на поиски пищи. Не успел он далеко уйти, как пришел на широкий луг, где паслись стада Аполлона. Волы были тучные и гладкие, и маленький озорной бог, убедившись, что они молоды, а значит, обещают быть нежными и сочными, отогнал пятьдесят из них в укромное место, позаботившись о том, чтобы обвить их ноги листвой, чтобы они не оставили следов. Затем, благополучно добравшись до своего укрытия, Меркурий хладнокровно убил двух быков, которых затем съел.

Аполлон вскоре соскучился по своему скоту и начал искать хоть какую-то зацепку для их укрытия или для вора. Однако ему не удалось обнаружить ничего, кроме сломанных веток и разбросанных листьев. Вдруг он вспомнил, что младенец, о рождении которого рано утром возвестили на Олимпе, был назначен богом воров. Поэтому, не теряя времени на бесполезные поиски и догадки, он отправился на гору Циллину, где нашел Меркурия, мирно спящего в своей колыбели. Грубым толчком бог солнца пробудил его от дремоты и велел вернуть украденный скот. Меркурий притворялся невиновным, пока Аполлон, разгневавшись, не утащил его на Олимп, где его признали виновным в краже и приговорили вернуть украденное имущество. Меркурий подчинился, привел оставшихся волов, а в обмен на двух пропавших отдал Аполлону лиру, которую только что изготовил.

ЛЕТАЮЩИЙ МЕРКУРИЙ. Болонья. (Национальный музей, Флоренция.)

Этот миф, как и большинство других, допускает естественное объяснение. Аполлон (Солнце), как полагали древние, владеет большими стадами скота и овец - облаками; а Меркурий, олицетворение ветра, рожденный ночью, после нескольких часов существования становится достаточно сильным, чтобы прогнать облака и скрыть их, не оставляя никаких следов своего пребывания, кроме нескольких сломанных веток и разбросанных листьев.

Жезл, колпак и туфли Меркурия.

Дар лиры так понравился Аполлону, что он в ответ пожелал сделать подарок Меркурию и подарил ему волшебную палочку, называемую Кадуцеем, которая обладала способностью примирять все противоречивые стихии. Меркурий, желая испытать его, просунул его между двумя ссорящимися змеями, которые тут же дружно обвились вокруг него. Это так обрадовало его, что он велел им остаться там навсегда и пользоваться жезлом во всех случаях.

"Жезл, окруженный змеями;
Классические авторы называют ее Кадуцеем.
И очень известна за несколько применений".
Голдсмит.

В свое время Меркурий был назначен посланником богов, которые, чтобы сделать его быстроногим, подарили ему крылатые сандалии - таларии, наделившие его удивительной быстротой движений. Однако, поскольку этих сандалий оказалось недостаточно, боги добавили к крылатой обуви крылатую шапочку - Петасус.

"Меркурий в перьях" показался возвышенным
За верхушками высоких деревьев; и за меньшее время
Чем стреляет косой град, вниз он опустился
К земле; но не остановился, не остановился
Ни на миг не отрываясь от своего дома; лишь к болоту
Он палочкой легкой коснулся, и в небо
Стремительней, чем взгляд, унесся".
Китс.

Меркурий был не только вестником богов, но и богом красноречия, торговли, дождя, ветра, а также особым покровителем путешественников, пастухов, мошенников и воров.

История Ио.

Юпитер часто доверял Меркурию сообщения деликатного характера и всегда находил в нем бесценного союзника; но верный вестник никогда не был так нужен и так глубоко ценим, как во время ухаживания Юпитера за Ио, несравненной дочерью речного бога Инаха.

Чтобы избежать упреков Юноны, Юпитер вел это дело даже более скрытно, чем обычно, навещая свою возлюбленную только тогда, когда был уверен, что жена спит, и принимая дополнительные меры предосторожности: над местом, где он обычно встречался с ней, нависало облако, чтобы уберечь ее от всякой возможности быть замеченной с Олимпа.

В один прекрасный полдень, когда все условия были благоприятны, Юпитер поспешил спуститься на землю, чтобы увидеть Ио, и стал прогуливаться с ней вверх и вниз по берегу реки. Они не обращали внимания на полуденный зной, так как облако над их головами закрывало их от слишком жаростных солнечных лучей.

По какой-то причине сон Юноны оказался менее продолжительным, чем обычно, и вскоре она поднялась с дивана, чтобы осмотреть свое царство, обстановку и убедиться, что все в порядке. Вскоре ее внимание привлекло непрозрачное, неподвижное облако вблизи земли - облако, которому там не место, ведь не она ли велела им всем лежать неподвижно на

голубом фоне, пока она не проснется? Подозрительность этого облака пробудила в ней подозрения, она стала искать своего мужа на Олимпе и, не найдя его, спустилась на землю, отмахнувшись в спешке от облака.

Юпитер, предупрежденный о ее приходе, успел переодеть девицу рядом с собой в телку, пока его жена не вышла и не поинтересовалась, что он там делает. Небрежно указав на телку, бог заявил, что коротал время за ее созданием, но это объяснение не удовлетворило Юнону, которая, не видя поблизости других живых существ, заподозрила, что ее супруг занимался тайным флиртом и укрыв свой прекрасный объект от ее гнева лишь внезапным превращением.

Осторожно рассеивая эти подозрения, Юнона умоляла мужа отдать ей свое новое творение, в чем он не мог ей отказать, но выполнил просьбу с большой неохотой, тем самым еще больше подтвердив ее ревнивые опасения. Тогда царица небесная удалилась, забрав с собой Ио, и отдала ее под присмотр Аргуса, одного из своих слуг, обладавшего мириадами глаз, но половину из которых он закрывал за раз.

"Глаза Аргуса, дозорного Неба:

Тысячи глаз, что бдят попеременно,

И не бодрствовали, и не спали все его тело".

Стаций (перевод Элтона).

Дозор Аргуса.

Она велела ему внимательно следить за телкой и сообщать обо всем необычном в ее действиях. Однажды, наблюдая за пастбищем своей подопечной у реки, Аргус услышал, как она рассказывает своему отцу, Инаху, историю своего превращения, и тут же сообщил о своем открытии Юноне, которая, посоветовав еще внимательнее следить за ней, отправила его обратно на пост.

Юпитер тем временем впал в отчаяние: уже несколько дней он не мог перемолвиться с Ио ни словом, ни освободить ее из заточения. Наконец он призвал на помощь Меркурия и велел ему придумать какой-нибудь план по ее спасению. Вооружившись горстью маков, Меркурий подошел к Аргусу и предложил скоротать время, рассказывая ему сказки.

Поскольку Меркурий был принцем рассказчиков, это предложение не заставило себя ждать, и Аргус с радостью принял его; но вместо того чтобы стараться развлечь, Меркурий стал рассказывать такие длинные и неинтересные истории, что Аргус вскоре закрыл половину глаз в глубоком сне. Продолжая говорить все так же монотонно, Меркурий тихонько тряс маки над головой великана, пока одно за другим не закрылись оставшиеся веки, и Аргус погрузился в глубокую дремоту.

Тогда Меркурий выхватил у великана меч и одним метким ударом отрубил его голову от огромного ствола. Успешно была выполнена лишь половина задачи: пока Меркурий отгонял телицу, Юнона обнаружила его попытку и немедленно послала огромного овода мучить бедное животное, которое, доведенное до безумия жестокими жалами, бежало из одной страны в другую, переходило вброд ручьи и наконец погрузилось в море, которое с тех пор называется Ионическим. Переплыв его, она укрылась в Египте, где Юпитер вернул ей всю ее девичью прелесть и где родился ее сын Эпаф, ставший первым царем и основателем Мемфиса.

"В грядущие времена эта впадина моря
Будет носить имя Ионическое и представлять
памятник проходу Ио,
всем смертным".
Э. Б. Браунинг.

Юнона горько оплакивала потерю своего верного Аргуса и, собрав его бесчисленные глаза, разбросала их по хвосту своей любимой птицы - павлина, чтобы рядом с ней всегда была память о ее верном слуге.

"Из убитого Аргуса вырос расписной павлин,
Трепещут его перья, окрашенные в разные оттенки".
Мосхус.

Эта история также является аллегорией. Ио олицетворяет луну, беспокойно блуждающую с места на место; Аргус - небо, чьи звездные глаза неустанно следят за каждым движением луны; Меркурий - дождь, чье появление гасит звезды одну за другой, убивая тем самым Аргуса, который, как известно, никогда не закрывал все свои глаза сразу.

Службы и поклонение Меркурию.

Меркурию было поручено проводить души усопших в Аид, и когда он занимался этим, то носил имя Психопомп, а когда обращался к нему как к проводнику снов, то был Онейкопомпомпом.

"Нежно, как поцелуй, пришла Смерть, чтобы оторвать
От плоти духа, и в царство мрака
Бледные тени с бесстрашным челом спустились
В Аид, крылатым богом сопровождаемые".
Бойесен.

Он был одним из двенадцати главных богов Олимпа, и ему широко поклонялись. Ему посвящались храмы, алтари и святилища по всей территории древних стран. Его статуи считались священными пограничными знаками, а их удаление каралось смертью. В Риме в честь Меркурия ежегодно устраивались торжественные праздники в мае месяце, от которого он и получил свое название - Меркуралия.

ГЛАВА IX.

МАРС.

Характер Марса.

Марс (Арес), сын Юпитера и Юноны, был богом войны, олицетворением гневного облачного неба, и, хотя ему мало поклонялись в Греции, он был одним из главных римских божеств. Считается, что впервые он увидел свет во Фракии, стране, известной своими свирепыми бурями и воинственными людьми.

"Младенец Марс, где возвышались горы Фракии,
Давил своими выносливыми конечностями снега, покрытые коркой".
Стаций (перевод Элтона).

Никогда не пресыщаясь раздорами и кровопролитием, этот бог предпочитал грохот битвы любой другой музыке и не находил себе занятия более приятного, чем тяготы и опасности войны. От него никогда не ждали добрых поступков, к нему не обращались с молитвами, и древние не испытывали к нему любви, а, напротив, содрогались от ужаса при упоминании его имени.

Марс обычно изображался в блестящих доспехах, в шлеме с плюмажем на гордой молодой голове, с копьем в одной мускулистой руке и щитом тонкой работы в другой, демонстрируя готовность сразиться с врагом.

Слуги Марса.

Его помощники, или, как говорят некоторые, дети, от души сочувствовали его ссорам и с удовольствием следовали его примеру. Это были Эрис (Раздор), Фобос (Тревога), Метус (Страх), Демиос (Ужас) и Паллор (Ужас).

Беллона, или Эннио, богиня войны, также сопровождала его, управляла его колесницей, парировала опасные удары и следила за его общей безопасностью. Поэтому Марсу и Беллоне поклонялись вместе в одном храме, и их алтари были единственными, которые когда-либо осквернялись человеческими жертвоприношениями.

"Огнеглазой деве дымной войны,
Все горячее и кровоточащее, мы принесем их в жертву:
На алтаре своем воссядет Марс почтовый,
По уши в крови".
Шекспир.

История Отуса и Эфиальта.

Поскольку вражда была его любимой стихией, Марс был очень активен во время войны между богами и гигантами, но в своем боевом пылу он часто забывал об осторожности. Однажды ему пришлось сдаться Отусу и Эфиальту - двум гигантам, которые, хотя и достигли девятилетнего возраста, были уже огромного роста, так как увеличивались в высоту на девять дюймов каждый месяц.

Гордые своей победой над богом войны, эти гиганты с триумфом несли его на руках и сковывали железными цепями, продетыми в железные кольца. День и ночь они караулили его; и даже когда они спали, грохот цепей, когда кто-нибудь из богов пытался освободить его, будил их и сводил на нет все попытки освободить его. В течение пятнадцати томительных месяцев бедный Марс пребывал в гнусном заточении, пока Меркурий, принц воров, бесшумно и ловко не вынул цепи из колец и не вернул ему свободу.

В отместку за жестокое обращение, которому подверглись Отус и Эфиальт, Марс уговорил Аполлона и Диану использовать свои отравленные стрелы и таким образом избавил мир от этих двух уродливых и бесполезных гигантов.

Ареопаг.

Обладая вспыльчивым нравом, Марс никогда не был склонен прощать обиды, и когда Халирротий, сын Нептуна, осмелился похитить его дочь Алкиппу, Марс горячо преследовал похитителя и быстро расправился с ним. Нептун, разгневанный этим актом жестокого правосудия, потребовал, чтобы бог войны предстал перед судом, который проходил под открытым небом, на холме возле недавно основанного города Афины.

Тогда было принято рассматривать такие дела ночью, в полной темноте, чтобы на судей не влияла внешность истца или ответчика; не допускалось никаких риторических выступлений, чтобы их разум оставался совершенно беспристрастным. Марс предстал перед судьями, просто изложил свое дело и был оправдан. С тех пор холм, на котором проходил суд над Марсом, стал называться Ареопагом (холмом Ареса) или Марсовым холмом, а судьи главного судебного органа Афин получили название Ареопагиты.

Дети Марса.

Несмотря на то, что Марс был сторонником раздоров, он был невосприимчив к более мягким чувствам и страстно ответил на преданность Венеры, которая родила ему трех прекрасных детей - Гармонию, Купидона и Антероса. Марс также влюбился в прекрасную юную весталку Илию, потомка Энея, которая, несмотря на торжественное обещание не слушать уговоров возлюбленного, пока не закончится срок ее службы у алтаря богини Весты, поддалась на бурные ухаживания Марса и согласилась на тайный союз.

Ромул и Рем.

Тайно выйдя замуж, Илия продолжала жить в храме до рождения своих сыновей-близнецов Ромула и Рема. Ее родители, узнав, что она нарушила обет, велели подвергнуть ее предписанному наказанию - похоронить заживо, а детей отдать на растерзание зубам и когтям диких зверей леса. Двойной приговор был безжалостно приведен в исполнение, и молодая мать погибла; но, вопреки всем ожиданиям, младенцы выжили и, после того как их некоторое время сосала волчица, были найдены и усыновлены пастухом.

ВЕНУС ДЕ МИЛО И МАРС.

Под добрым присмотром этого человека Ромул и Рем выросли сильными и бесстрашными. Когда они достигли зрелого возраста, им захотелось найти более широкое поле для своей юношеской деятельности, и, покинув гору, где они выросли, они отправились в мир на поиски своей судьбы. Через некоторое время они пришли в красивую холмистую страну, где решили основать великий город, столицу своего будущего царства. Соответственно, братья начали очерчивать границы своего города, и при этом поссорились из-за названия будущего города.

Ослепленный гневом, Ромул внезапно поднял инструмент, который держал в руках, и нанес Рему такой жестокий удар, что тот упал на землю, убитый своим братом в порыве страсти. Оставшись один, Ромул сначала тщетно пытался продолжить свое дело, но вскоре к нему присоединились несколько таких же злых и беспринципных авантюристов, как и он, они объединили свои силы и построили знаменитый город Рим.

"Тогда, подпоясанный волчьей шкурой своей кормилицы,
Ромул утвердит свой род,
Пригласит их в свой новый возвышенный дом,
И назовет боевой город Римом".
Вергилий (перевод Конингтона).

Основав этот город, Ромул стал его первым царем и правил народом такой железной рукой, что его тирания в конце концов стала невыносимой. Сенаторы, уставшие от его поборов и произвола, наконец решили освободиться от его присутствия. Воспользовавшись затмением, которое погрузило город в полуденную тьму, когда все собрались на Форуме, магистраты убили Ромула, разрубили его тело на части и спрятали их под своими широкими тогами.

Квирин.

Когда вернулся свет, и перепуганные и потрясенные люди, несколько успокоившись, стали искать своего царя, им сказали, что он ушел и никогда не вернется, унесенный бессмертными богами, которые пожелали, чтобы он разделил их обитель и достоинство. Далее сенаторы сообщили легковерному населению, что Ромул отныне будет почитаться как бог под именем Квирина, и отдали приказ о возведении храма на одном из семи холмов, который с тех пор известен как гора Квиринал. После этого в Риме ежегодно проводились праздники в честь Ромула под названием Квириналия.

Марсу понравился новый город Рим и его буйные, незаконные граждане, и он взял его под свое особое покровительство; однажды, когда свирепствовала чума, грозившая уничтожить весь народ, римляне толпой бросились к его храму и стали просить знака его благосклонности и защиты.

The Ancile.

Говорят, что пока они молились, с неба упал щит Ancile, и голос отчетливо провозгласил, что Рим будет существовать до тех пор, пока сохранится этот знак доброй воли бога. В тот же день чума прекратила свои страшные бедствия, и римляне, обрадованные результатом своих прошений, поместили небесный щит в один из своих главных храмов.

Затем, испытывая постоянный страх перед тем, что кому-то из врагов удастся его украсть, они приказали изготовить еще одиннадцать щитов, настолько похожих на посланный небом Анцилий, что никто, кроме жрецов-хранителей Салиев, которые постоянно следили за ними, не мог отличить оригинал от факсимиле. В марте, который из-за бурной погоды был посвящен Марсу и носил его имя, ancilæ проносили в процессии через весь город, салийцы распевали свои грубые военные песни и исполняли замысловатые военные танцы.

Римский полководец, отправляясь в любой военный поход, всегда входил в святилище Марса, касался священного щита острием копья, тряс копьём в руках у чучела бога и громко зывал: "Марс, охраняй нас!"

Поклонение Марсу.

Среди римских солдат было распространено суеверие, что Марс под именем Градива лично шел во главе их армии и вел их к победе. Поэтому главными почитателями Марса были римские солдаты и юноши, чьи площадки для упражнений назывались в его честь *Campus Martius*, или Марсово поле. Все лавровые короны, дарованные победоносным полководцам, возлагались к подножию его статуй, а бык был обычным благодарственным приношением после успешной кампании.

"Солдат, из успешных лагерей возвращаясь
С лавровым венком и богатой вражеской добычей,
Подносит быка Марсу".
Приор.

ГЛАВА X.

ВУЛКАН.

Падение Вулкана.

Вулкан, или Гефест, сын Юпитера и Юноны, бог огня и кузницы, редко входил в общий совет богов. Его отвращение к Олимпу было давним. Когда-то он был нежно привязан к своей матери, осыпал ее всеми доказательствами своей привязанности и даже пытался утешить ее, когда она оплакивала пренебрежение Юпитера. Однажды, желая наказать Юнону за один из ее обычных приступов ревности, Юпитер подвесил ее на небе, привязав золотой цепью; Вулкан, увидев ее в таком положении, изо всех сил дернул за цепь, притянул ее к себе и уже собирался освободить, когда Юпитер вернулся и, разгневанный вмешательством сына в свои супружеские дела, выгнал его с неба.

Промежуток между небом и землей был так велик, что падение Вулкана продолжалось целый день и ночь, прежде чем он коснулся вершины горы Мосикл на острове Лемнос.

"С утра
до полудня он падал, с полудня до росистого вечера,
Летний день; и с заходящим солнцем
Падал из зенита, как падающая звезда,
На Лемнос, остров Эгейский".
Мильтон.

Конечно, для любого другого бога такое ужасное падение оказалось бы смертельным; и даже Вулкан не избежал полной гибели, так как повредил одну из ног, из-за чего остался хромым и несколько деформированным до конца жизни.

Кузница Вулкана.

Несмотря на то что Вулкан так рисковал и так страдал, принимая участие в жизни своей матери, она даже не сделала ни малейшей попытки проверить, благополучно ли он добрался

до Земли. Обиженный ее равнодушием и неблагодарностью, Вулкан поклялся никогда больше не возвращаться на Олимп и удалился в уединенные места горы Этна, где в самом сердце горы он основал большую кузницу в сотрудничестве с циклопами, которые помогли ему изготовить множество хитроумных и полезных предметов из металлов, в изобилии встречающихся в недрах земли.

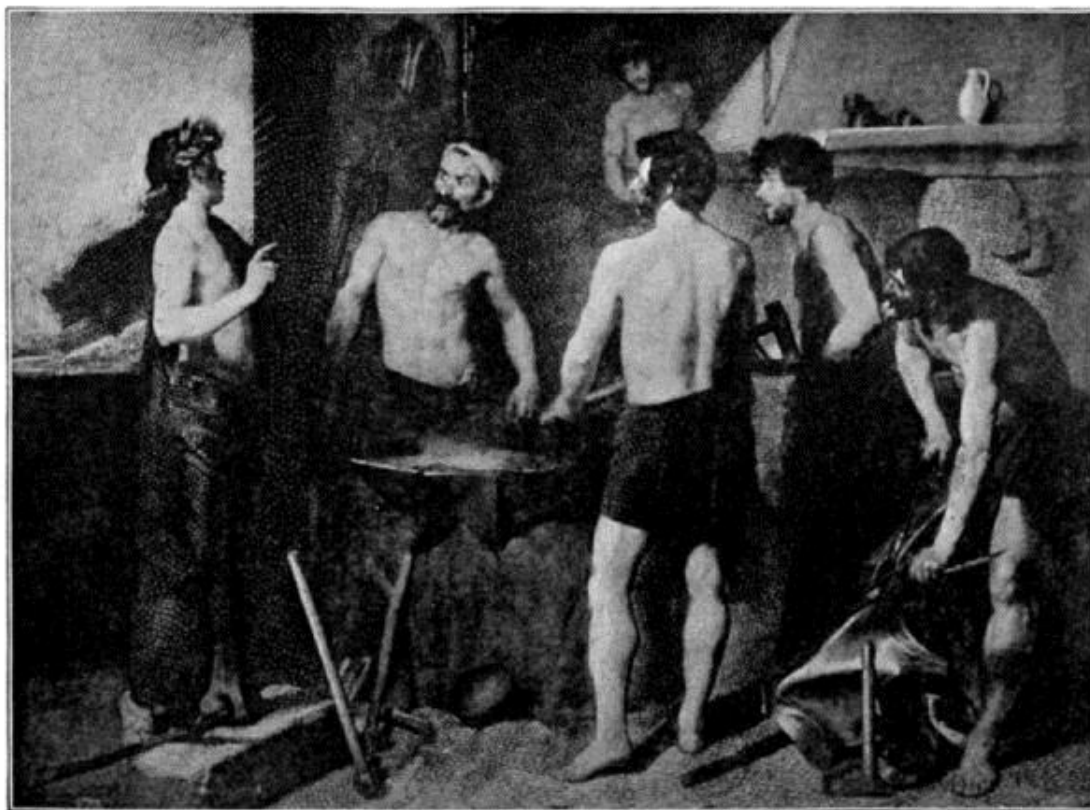
Среди этих хитроумных приспособлений были две золотые служанки, наделенные способностью двигаться, которые сопровождали бога, куда бы он ни шел, и поддерживали его замирающие шаги.

"Две золотые статуи, похожие по форме и виду
Как живые девы, помогали твердой походкой
Шаги монарха".
Гомер (перевод Брайанта).

Золотой трон.

Вулкан также придумал золотой трон с бесчисленными скрытыми пружинами, который, будучи незанятым, не представлял собой ничего необычного; но как только кто-нибудь решался им воспользоваться, пружины приходили в движение, и кресло, смыкаясь вокруг сидящего на нем человека, пресекало все попытки подняться и вырваться из его предательских объятий.

Закончив строительство, Вулкан отправил этот трон своей матери, которая, восхищенная его красотой и тонкой работой, гордо уселась на него и оказалась в плену. Напрасно она пыталась бежать, напрасно все боги галантно бросились ей на помощь. Их объединенная сила и мастерство оказались бесполезны против коварных пружин.

ФОРЖ ВУЛКАНА. Веласкес. (Музей, Мадрид.)

Наконец к Вулкану был послан Меркурий с дипломатичной просьбой почтить своим присутствием высокий Олимп; но все красноречие и уговоры Меркурия не смогли побудить бога кузницы покинуть свою сажу, и бог-посланник был вынужден вернуться один и сообщить о неудаче своей попытки. Тогда боги посовещались и решили послать Вакха, бога вина, надеясь, что его сила убеждения окажется более действенной.

Вооружившись флягой с лучшим вином, Вакх предстал перед Вулканом и предложил ему освежающий напиток. Вулкан, предрасположенный к жажде и побуждаемый к пьянству самой природой своего труда, принял предложенный кубок и, поддавшись на уговоры, стал пить снова и снова, пока не опьянел окончательно. В таком состоянии Вакх пассивно привел его на Олимп, заставил отпустить Царицу Небесную и призвал обнять отца и попросить прощения.

Восстановленный в правах, Вулкан не стал постоянно оставаться на Олимпе, а предпочел вернуться в свою кузницу и продолжить труды. Однако он взялся за строительство великолепных золотых дворцов для каждого из богов на олимпийских высотах, изготовил для них роскошную мебель из драгоценных металлов и еще больше украсил свою работу богатым орнаментом из драгоценных камней.

"Затем боги уходят в свои звездные чертоги,
Сияющие памятники искусства Вулкана:
Jove on his couch reclin'd his awful head,
А Юнона дремала на золотом ложе".
Гомер (перевод Поупа).

С помощью циклопов Вулкан изготовил оружие Юпитера - грозные молнии, чьей страшной силе никто не мог противостоять, и дротики Купидона, вдохновляющие на любовь.

Любовь Вулкана.

Вулкан, несмотря на свое уродство, крайнюю некрасивость и известное отвращение к любому дому, кроме своей кузницы, был не менее склонен влюбляться в различных богинь. Сначала он сватался к Минерве, которая, поклявшись никогда не жениться, презрительно отклонила его предложение. Чтобы утешить Вулкана за этот отказ и одновременно наказать богиню красоты, которая, по мнению некоторых мифологов, отказала ему даже в адресе, Юпитер даровал ему прекрасную руку Венеры и отправил ее вместе с озорным отрядом Любовников и Граций жить в темные пещеры горы Этна.

Забавляясь странными видами и звуками, богиня поначалу казалась вполне довольной, но через некоторое время мрачная обитель Вулкана потеряла свою привлекательность, и она оставила своего нелюбимого мужа и отправилась на поиски другой, более подходящей спутницы жизни.

Спустя некоторое время Вулкан женился на одной из Граций, которая, однако, похоже, тоже вскоре устала от его общества, так как покинула его.

Дети Вулкана были в основном чудовищами, такими как Какус, Перифет, Церцион и т. д., все они играют важную роль в героической мифологии. Он также считается отцом Сервия Туллия, шестого царя Рима, от рабыни Окрисии, которую он часто посещал в облике яркого пламени, безбидно игравшего вокруг нее.

Вулкану поклонялись все кузнецы и ремесленники, которые признавали его своим особым покровителем и соответственно почитали его.

"Те, кто трудится
В потной кузнице, кто острит кривую косу,
Гнут неподатливую сталь и закаляют сверкающие доспехи,
Признают помощь Вулкана".
Приор.

В честь этого бога устраивались большие праздники, Вулканалии и Гефестии, которые обычно изображались в виде невысокого, мускулистого мужчины, у которого одна нога короче другой, на его кудрявых локонах - шапочка рабочего, верхняя одежда короткая, а в руках - кузнечные инструменты.

ГЛАВА XI.

НЕПТУН.

Когда Юпитер выделил каждому из своих братьев отдельный участок вселенной, он постановил, что Нептун, или Посейдон, должен управлять всеми водами на лице земли и быть единственным монархом океана.

"Нептун, могучий морской бог, я пою;
Движитель Земли и царь бесплодного океана.
Что Геликон и Эгейские глубины держит.
О ты, сотрясатель земли; твое повеление, двойное
Боги разделили, сделав тебя коней
Ужасным укротителем, а морские силы
Уверенным хранителем. Радуйся, о рожденный Сатурном!
Чьи изящные зеленые волосы облепили всю землю.
Благосклонный ум; и рука твоя благосклонная
Одолжи все, что покорно твоему грозному веленью".
Гомер (перевод Чепмена).

До появления этого нового правителя титан Океан владел скипетром моря; с сожалением он передал его своему юному вытеснителю, которым, тем не менее, искренне восхищался и в ярких красках описывал своим братьям.

"Видели ли вы юного бога морей?
Моего соперника? Видели ли вы его лицо?
Видели ли вы его колесницу, запряженную
Его крылатые создания, которых он создал?
Я видел его на успокоившихся водах,
С таким сиянием красоты в глазах,
Что заставил меня печально проститься
Со всей моей империей".
Китс.

ФОНТАН НЕПТУНА. Болонья. (Болонья.)

Изгнание Нептуна.

Нептун, олицетворение и бог моря, отличался крайне посягательским нравом. Недовольный отведенной ему долей, он однажды задумал свергнуть Юпитера, но, к несчастью для успеха его затеи, его план был раскрыт прежде, чем он успел привести его в исполнение, и Юпитер в наказание за его дерзость сослал его на землю. Там он был приговорен к строительству стен

Трои для Лаомедона, царя этого города, который, в свою очередь, обещал хорошую компенсацию.

Аполлон, также изгнанный в это время с небес, вызвался помочь Нептуну, играя на своей лире и передвигая камни силой сладостных звуков (с. 65). Задача была успешно выполнена, но скупой и бесчестный царь Лаомедон отказался от обещанной награды, и тогда Нептун создал ужасное чудовище, которое вышло на берег, пожрало жителей, опустошило все, что было в пределах его досягаемости, и внушило всем великий ужас.

"Великий змей из глубин,
поднял свою ужасную голову над их домами,
пожирал детей".
Льюис Моррис.

Чтобы спастись от ужасной смерти, которая грозила им всем, троянцы обратились к оракулу, который посоветовал принести в жертву прекрасную девственницу и пообещал, что чудовище исчезнет, как только пожрет назначенную жертву.

История Гесионы.

По жребию выбрали молодую девушку, привели ее на берег моря и собственными руками жреца приковали к склизкой скале. Как только оплакивающие ее друзья оставили ее, отвратительный змей вышел из своего логова в волнах и пожрал ее; затем он исчез, и о нем больше ничего не было слышно в течение целого года, по истечении которого он снова появился и возобновил свои прежние злодеяния, которые удалось остановить только после принесения в жертву второй девственницы.

Однако год за годом он возвращался, и год за годом прекрасная девушка была обречена на гибель, пока наконец жребий не пал на Гесиону, единственную дочь короля. Он не мог смириться с ужасной участью, ожидавшей ее, и испробовал все возможные средства, чтобы спасти ее. В качестве последнего средства он послал глашатаев объявить во всеуслышание, что царь даст большую награду тому, кто осмелится напасть на чудовище и сумеет его убить.

Геракл, возвращавшийся с места одного из своих грандиозных трудов, услышал это объявление и, не имея иного оружия, кроме дубины, которую он обычно носил с собой, сразил чудовище как раз в тот момент, когда оно собиралось утащить бедную Гесиону в свою склизкую пещеру. Лаомедон, конечно же, обрадовался смерти чудовища, но, верный своей натуре, снова отказался от обещанной награды и своей нечестностью навлек на себя ненависть и презрение и этого героя. Спустя некоторое время, закончив свое рабство у Эврисфея, Геракл в сопровождении отряда искателей приключений пришел в Трою, чтобы наказать его за вероломство. Город был взят штурмом, царь убит, а его жена и дети уведены в Грецию в качестве пленников. Там Гесиона стала невестой Теламона, а ее брат Подарс, позже известный как Приам, был выкуплен своим народом и стал царем Трои.

Неуплата Лаомедоном справедливых долгов стала главной причиной вражды, которую Аполлон и Нептун проявили к троянцам во время их знаменитой войны с греками (с. 305).

Состязания Нептуна.

Срок их изгнания закончился, боги были восстановлены в своих возвышенных положениях и поспешили вернуться к своим прежним занятиям; но, несмотря на полученный суровый урок, Нептун еще не излечился от своих хватательных наклонностей. Вскоре после возвращения из Трои он поссорился с Минервой за владение недавно основанным городом Афины, тогда еще безымянным, и вступил в памятный поединок, в котором потерпел значительное поражение (с. 57). Он также оспаривал у Минервы суверенитет Трезена, а у Аполлона - Коринфа. В последнем случае спорщики выбрали в качестве арбитра Бриарея, и приз был присужден ему как самому могущественному из всех богов, кроме Юпитера.

Власть Нептуна.

Как бог моря, Нептун обычно не оставался на Олимпе, а обитал далеко внизу, в коралловых пещерах своего царства, над которым он властвовал с неослабевающей силой. Одним словом он мог взбудоражить или успокоить самый дикий шторм, заставить волны реветь от ярости или утихнуть в мирной ряби.

"Он говорил, и вокруг него собирались тучи.

И пробудил океан, взяв в руку

трезубец, - вызвал все ураганы

Всех ветров, и покрыл землю и небо

Туманом, а сверху ночь

Упала внезапно".

Гомер (перевод Брайанта).

Реки, фонтаны, озера и моря не только подчинялись его власти, но он также мог по своему желанию вызывать страшные землетрясения и, когда ему было угодно, поднимать острова из глубин, как он сделал, когда Латона просила его укрыть ее от преследований Юноны (стр. 62).

Говорят, что Нептун любил богиню Цереру и следовал за ней во время долгих поисков ее дочери Прозерпины. Раздраженная его настойчивыми ухаживаниями, богиня, чтобы спастись от него, приняла облик кобылы, но морской бог, ничуть не обманутый этой уловкой, тут же принял облик коня, в котором удовлетворенно рысил за ней и возобновлял свои ухаживания.

Жены Нептуна.

Потомством этой конной пары был Арион, прекрасный крылатый конь, одаренный силой речи, раннее воспитание которого было доверено nereидам. Они научили его с невероятной быстротой нести отцовскую колесницу по волнам и с сожалением расстались с ним, когда он был отдан Копрею, сыну Пелопса. Этот чудесный конь последовательно переходил в руки Геракла и Адраста, и последний, благодаря своей быстроте, побеждал во всех гонках на колесницах.

В другой раз Нептун, сильно влюбившись в деву по имени Феофана и опасаясь, как бы кто-нибудь из многочисленных ухажеров не оказался в ее глазах раньше, чем он успеет начать свои ухаживания, внезапно превратил ее в овцу и перевез на остров Крумисса, где принял облик барана и в таком метаморфозном состоянии продолжал свои ухаживания, которые в конце концов увенчались успехом. Потомством этого союза стал златогривый баран, который доставил Фрикса в целости и сохранности к колхидским берегам, и чья шкура стала целью экспедиции аргонавтов (с. 265).

Нептун также любил и женился на Медузе в дни ее молодости и красоты, а когда несколько капель крови упали с ее отрубленной головы в соленую морскую пену, он произвел из них грациозного крылатого коня Пегаса (с. 244).

Нептун также считается отцом гигантов Отуса и Эфиальта, Нелея, Пелиаса и Полифема.

Амфитрита.

Царица океана, истинная и законная жена Нептуна, была nereидой, одной из пятидесяти дочерей Дорис и Нерея, олицетворением спокойствия и солнечного света моря. Ее звали Амфитрита, или Салакия. Поначалу она очень трепетно относилась к своему знатному поклоннику и в страхе убегала при его приближении, не оставляя ему возможности полюбоваться ни одной из своих прелестей, кроме грации и быстроты, с которой ей удавалось ускользать, вернее, скользить, из его поля зрения.

"Вдоль глубины

С прелестными лодыжками Амфитрита скользит".

Гесиод (перевод Элтона).

Такое поведение так сильно огорчило Нептуна, что он послал дельфина, чтобы тот заступился за него и уговорил прекрасную нимфу разделить его трон. Посланник, заранее тщательно проинструктированный, выполнил все указания с таким мастерством, что Амфитрита официально согласилась стать женой Нептуна.

Царь глубин был так обрадован этой радостной вестью, что перенес дельфина на небо, где он образовал известное созвездие. В свое время Нептун и Амфитрита стали счастливыми родителями нескольких детей, среди которых самым известным является Тритон, тело которого наполовину состояло из человека и рыбы, и который дал свое имя всем своим потомкам мужского пола.

История Идаса и Марпессы.

Как и все остальные боги, Нептун проявлял живой интерес к делам людей и иногда вмешивался в их дела. Однажды, например, он даже одолжил свою прекрасную колесницу юноше по имени Идас, который, сильно полюбив одну девицу и не сумев добиться согласия ее отца на их союз, решил похитить ее. Марпесса, так звали девушку, без протеста позволила увести себя, и влюбленные блаженно мчались на колеснице Нептуна, когда ее отец, Эвенус, заметив их побег, пустился в погоню. Несмотря на все усилия, он не смог догнать убегающую пару и в гневе бросился в реку, где утонул и которая от него получила имя Эвенус.

Идас и Марпесса как раз поздравляли себя с удачным спасением, как вдруг перед ними появился Аполлон и, остановив их коней, заявил, что тоже любит девицу и не уступит ее сопернику.

Это было равносильно вызову, и Идас, сойдя с колесницы, уже собирался вступить в схватку, как вдруг с ясного неба на землю обрушилась молния, и раздался властный голос, объявивший, что ссора может быть разрешена только Марпессой, и что она должна сама выбрать себе в мужа того, кто ей больше по душе.

Дева взглянула на обоих своих возлюбленных и быстро оценила их привлекательность. Вспомнив, что Аполлон, будучи бессмертным, сохранит всю свою молодость, когда ее более эфемерная красота исчезнет, и что тогда он, вероятно, перестанет ее любить, она протянула

руку Идасу, заявив, что предпочитает связать свою судьбу со смертным, который состарится, когда состарится она, и будет любить ее, пока они оба живы. Этот выбор был одобрен Юпитером, и влюбленные, добравшись до безопасного места, вернули Нептуну чудесную колесницу с многочисленными благодарностями за своевременную помощь.

Сопровождающие Нептуна.

Все nereиды, тритоны и прочие морские божества составляли часть свиты Нептуна и Амфитриты и следовали за ними, когда те отправлялись осматривать свое царство.

Кроме того, у Нептуна было множество подчиненных, в обязанности которых входило присматривать за различными морями, озерами, реками, фонтанами и т. д., вверенными их особой заботе. В соответствии со своими занятиями эти божества были либо хрипылыми речными богами (например, отец Нила), либо стройными юношами, либо прекрасными девами, либо маленькими лепечущими детьми. Они редко покидали прохладные волны назначенного им жилища и стремились заслужить одобрение Нептуна в основном за счет усердия, которое они проявляли при исполнении своих различных обязанностей.

Протей, еще одно низшее божество, тоже заботился о стадах на глубине, и он всегда сопровождал Нептуна, когда можно было оставить его огромные стада морских телят греться на солнечных берегах.

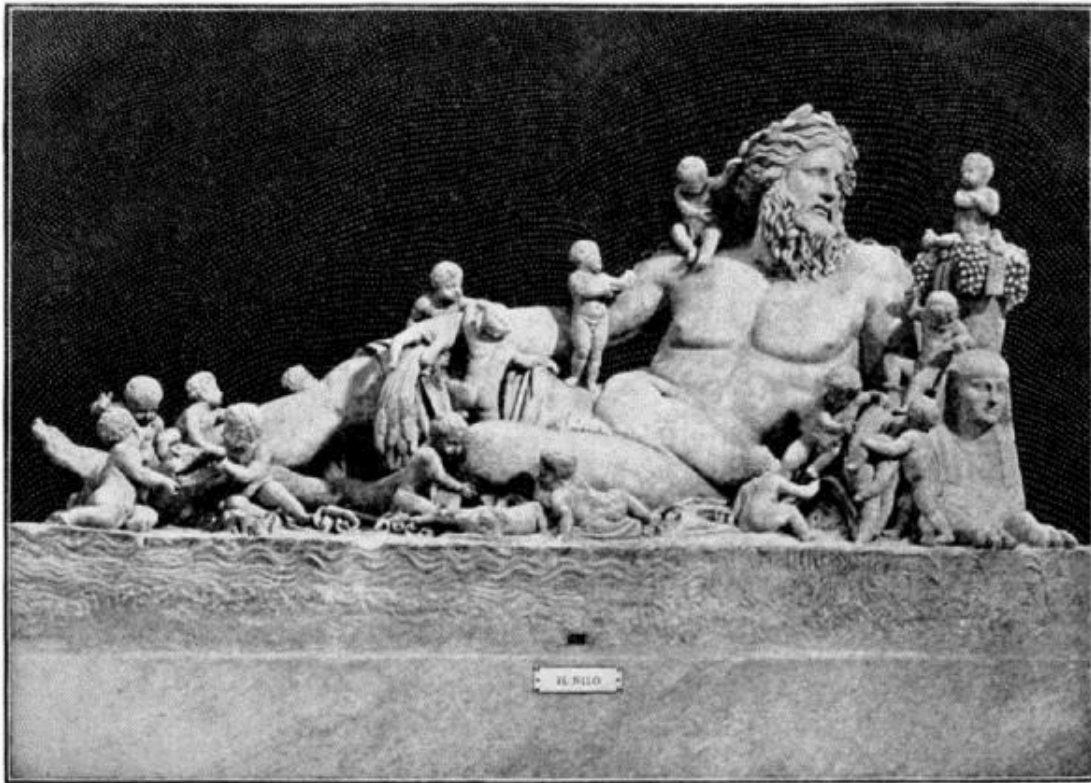
"В минувшие века старый Протей со своими стадами
Морских телят, стремился к горам и рощам".
Коупер.

Протей.

Как и все остальные боги, Протей обладал даром пророчества и мог принимать любой облик по своему усмотрению. Первый дар он использовал с большой неохотой, и когда смертные хотели с ним посоветоваться, он менял свой облик с обескураживающей быстротой, и, если они не прижимались к нему во время всех его изменений, они не могли получить ответа на свои вопросы.

"С криком [мы] схватили бога: наша сила уклоняется,
Вскоре он возобновляет свои различные искусства:
Лев теперь, он завивает суровую гриву;
Вдруг наши руки пятнистый пард сдерживают;
Потом, вооруженный клыками, с молнией в глазах,
Кабана непристойный облик бог обманывает:
На спиральных томах, там, скачет дракон;
Здесь, из наших строгих объятий, он скользит по ручью;
И, наконец, возвышенно, величественно растет он,
Древо, и листву хорошо разобрал".
Гомер (перевод Поупа).

Но если эти проявления оказывались безуспешными, чтобы прогнать своих потенциальных слушателей, бог отвечал на все вопросы иносказательно.

ОТЕЦ НИЛ. (Ватикан, Рим.)

Амфитрита, жена Нептуна, - обычно изображаемая в виде прекрасной обнаженной нимфы, увенчанной морскими водорослями и возлежащей на колеснице из жемчужной раковины, запряженной дельфинами или морскими конями, - почиталась вместе со своим мужем.

Поклонение Нептуну.

Нептун, величественный и среднего возраста, с длинными, ниспадающими волосами и бородой, в короне из морских водорослей и с трезубцем или трехконечной вилкой, был широко почитаем по всей Греции и Италии и имел бесчисленные святилища. Главными его почитателями были моряки и тренеры лошадей, которые часто обращались к нему за помощью.

"Славься, Нептун, величайший из богов!
Ты владыка соленых морских потоков;
Ты с глубокими и темно-зелеными волосами,
Ты с золотым трезубцем;
Ты, простерший обе руки,
Обильно покрываешь землю, по которой мы ступаем:
Ты - звери с плавниками и чешуей,
Что вокруг колесницы твоей плывут,
Плюхаясь и кувыркаясь, быстро и свободно,
Все безрассудно следуют по морю".
Арион.

Многие большие храмы были посвящены исключительно поклонению Нептуну, и в его честь часто устраивались игры. Самыми известными из них, несомненно, были Истмийские игры - национальный фестиваль, проводившийся раз в четыре года в Коринфе, на одноименном

перешейке. Сюда съезжались люди со всех точек компаса и из всех уголков известного тогда мира, чтобы стать свидетелями или принять участие в знаменитых поединках по борьбе, боксу и скачкам, а также в музыкальных и поэтических конкурсах.

ГЛАВА XII.

ПЛУТО.

Плутон^[1] (Дис, Аид, Оркус, Аидоней), сын Кроноса и Реи, получил в качестве своей доли мира надзор за Адскими областями, расположенными под землей, а также был назначен богом мертвых и богатства, поскольку все драгоценные металлы погребены глубоко в лоне земли.

[1] Кроме Плутона, бога адских областей, греки поклонялись Плуту, сыну Цереры и Ясона, который был известен исключительно как бог богатства. Брошенный в младенчестве, он был воспитан Пакс, богиней мира, которая часто изображалась держащей его на коленях. Поскольку Плут настаивал на том, чтобы одаривать своими милостями только добрых и благородных смертных, Юпитер вскоре лишил его зрения. С тех пор дары слепого бога раздавались без разбора.

Этот бог внушал всем людям великий страх. Они никогда не говорили о нем без трепета и горячо молились, чтобы никогда не видеть его лица; ведь когда он появлялся на поверхности земли, то только в поисках какой-нибудь жертвы, чтобы затащить ее в свою мрачную обитель, или чтобы убедиться, что там нет щели, через которую мог бы проскочить солнечный луч, чтобы скрасить ее мрак и разогнать тени. Всякий раз, когда суровый бог отправлялся в одну из таких экспедиций, он ехал на колеснице, запряженной четырьмя угольно-черными конями; и если на пути его следования возникало какое-нибудь препятствие, он ударял по нему своей двузубой вилкой, эмблемой своей власти, и препятствие немедленно устранялось. Именно в один из таких случаев Плутон похитил Прозерпину, прекрасную богиню растительности, дочь Цереры, которую он посадил на свой трон в Аиде и короновал своей царицей (с. 183).

Поклонение Плутону.

Плутон всегда изображается в виде сурового, темного, бородатого человека с плотно сомкнутыми губами, с короной на голове, скипетром и ключом в руках, чтобы показать, как тщательно он охраняет тех, кто попадает в его владения, и как тщетны их надежды на побег. Ему не было посвящено ни одного храма, и статуи этого бога встречаются очень редко. На его алтарях иногда приносили человеческие жертвы, а на его праздниках, проводившихся каждые сто лет и получивших название Светских игр, не убивали ничего, кроме черных животных.

Аид.

Его царство, обычно называемое Аидом, было очень труднодоступным. Согласно римским традициям, попасть в него можно было только через Авернус, но греки утверждали, что есть еще один вход, расположенный у мыса Тенарум. Однако оба народа сходились во мнении, что выбраться обратно, если человек отважился войти, было почти невозможно.

"К теням можно спуститься по склону, это легкий путь;
Но вернуться и вновь насладиться днем,
это труд, труд!"
Вергилий.

Чтобы все смертные не могли войти, а все духи не могли выйти, Плутон поставил охранять ворота огромного трехголового пса по имени Цербер.

"Там, в государстве, сидел старый Цербер,
Трехголовый пес, жестокий, как судьба,
Охраняющий вход рано и поздно".
Сакс.

Отсюда длинный подземный ход, по которому беспрестанно скользили теневые духи, вел в тронный зал, где восседали Плутон и Прозерпина, облаченные в свои соболиные одежды. От подножия трона текли реки, по которым протекал Нижний мир. Одна из них, Коцит, катила соленые волны, состоящие не из чего иного, как из слез, непрерывно текущих из глаз преступников, осужденных на каторжные работы в Тартаре, части Аида, предназначенной исключительно для нечестивых.

"Коцит, имя громких причитаний
Слышны на горестном потоке".
Гомер.

Реки Аида.

Чтобы отделить эту часть от остального царства, Плутон окружил ее Флегетоном, огненной рекой, а Ахерон, черный и глубокий поток, должны были пройти все души, прежде чем они достигнут трона Плутона и услышат его указ. Течение этой реки было столь стремительным, что даже самый смелый пловец не мог ее перейти; а поскольку моста не было, все духи вынуждены были полагаться на помощь Харона, престарелого лодочника, который переправлялся с берега на берег на единственном доступном плавсредстве - дырявой, изъеденной червями лоханке. Он не позволял ни одной душе войти в свою лодку, если ему не давали мелкую монету, называемую обол - платой за проезд паромщика, которую древние заботливо клали под язык умерших, чтобы они могли без промедления отправиться к Плутону. Не успела дырявая лодка Харона коснуться берега, как множество жаждущих духов устремились вперед, чтобы занять место. Жестокий лодочник грубо отталкивал их, размахивая веслами, и неторопливо выбирал тех, кого ему предстояло переправить через реку.

"Армия стоит,
И просят прохода, протягивая руки.
То этих, то тех, угрюмый лодочник переправлял;
Остальных он гнал вдаль от берега".
Вергилий (перевод Драйдена).

Все, кто не мог принести требуемый обол, должны были ждать сто лет, по истечении которых Харон нехотя переправлял их бесплатно.

В Аиде также находилась священная река Стикс, на водах которой боги давали свои самые бесповоротные клятвы, и благословенная Лета, воды которой были способны заставить человека забыть обо всем неприятном, тем самым подготавливая его к состоянию бесконечного блаженства на Елисейских полях.

ФУРИИ. Этюд к маске Купидона. Берн-Джонс.

"Lethe, the river of oblivion, rolls
В ее водный лабиринт, из которого кто пьет,
Забудет прежнее состояние и бытие,
Забывает и радость, и горе, и наслаждение, и боль".
Мильтон.

Судьи.

Рядом с тронем Плутона сидели три судьи Аида - Минос, Радамант и Эак, чьей обязанностью было допрашивать все вновь прибывшие души, сортировать путаную массу хороших и плохих мыслей и поступков и класть их на весы Фемиды, беспристрастной богини правосудия с завязанными глазами, которая носила острый меч в знак того, что ее постановления будут безжалостно исполнены. Если добро перевешивало зло, дух отправлялся на Елисейские поля; если же, напротив, зло преобладало, дух обрекался на страдания в огне Тартара.

"Где его постановления
Душу виновную в горящих вратах
Тартара принудить, а добрых послать
Обитать в вечном здравии и покое,
В долине Элизиума".
Акенсид.

Фурии.

Виновные души всегда вверялись трем змееподобным фуриям (Эринниям, или Эвменидам), которые своими жалящими плетями гнали их к воротам Тартара. Эти божества, которые были сестрами и детьми Ахерона и Никс, отличались индивидуальными именами Алекто, Тисифона и Мегера и вместе с богиней мести Немезидой были отмечены за свои черствые сердца и безжалостную манеру, с которой они торопили вверенных их попечению призраков через огненный поток Флегетона и медные ворота их будущего места непрерывных мучений.

ТРИ СУДЬБЫ. Туманн.

"Вот катится стремительный Флегетон с громоподобным шумом,
Его разбитые скалы, и кружатся его волны.
На могучих колоннах возвышенных висят
Массивные ворота, непроницаемо крепкие.
Напрасно люди, напрасно боги старались,
Чтоб балки из адаманта сбить.
Вот поднялась железная башня: перед воротами,
Днем и ночью бодрствующая фурия,
Бледная Тисифона; в халат она была одета,
Со всей пышностью ужаса, в крови умирала".
Вергилий (перевод К. Питта).

Судьбы.

Три судьбы (Моерæ, Парсæ), сестры, также сидели у трона Плутона. Клото, самая младшая, пряла нить жизни, в которой переплетались светлые и темные линии. Лахесис, вторая, скручивала ее, и под ее пальцами она то крепла, то слабела.

"Крутите, крутите, крутите! Даже так,
Смешайте оттенки радости и горя,
Надежды, и страха, и мира, и раздора,
В нити человеческой жизни".
Скотт.

Атропос, третья сестра, вооружившись огромными ножницами, безжалостно обрывает нить жизни - намек на то, что еще одна душа вскоре попадет в темное царство Аида.

Тартар.

Когда ворота Тартара повернулись на своих петлях, чтобы принять новоприбывшего, на его слух обрушился хор криков, стонов и проклятий, доносящихся изнутри, вперемешку со свистом плетей, которыми непрерывно орудовали божества возмездия.

"Какие звуки раздавались,
Какие сцены представляли перед ним,
Над всеми унылыми берегами!
Ужасные отблески,
ужасающие крики,
Огненные вспышки,
Крики горя,
Угрюмые стоны,
Полые стоны,
И крики измученных призраков".
Поуп.

Данаиды.

Многие жертвы, прославившиеся на земле своей жестокостью, нашли здесь справедливое наказание за свои грехи. Сначала внимание привлекла группа прекрасных девиц, которые несли воду, чтобы наполнить бездонную бочку. Длинной процессией они спускались к

ручью, наполняли водой свои урны, с трудом взбирались по крутому и скользкому берегу и выливали воду в бочку; но когда, измученные и готовые потерять сознание от усталости, они останавливались на мгновение, чтобы отдохнуть, на их обнаженные плечи падала режущая плеть и подстегивала их к новым усилиям, чтобы выполнить задачу, настолько безнадежную, что она вошла в пословицу.

Эти прекрасные девы были Данаидами, дочерьми Даная, который отдал пятьдесят своих дочерей в залог пятидесяти сыновьям своего брата Эгипта. Приготовления к свадьбе были уже закончены, как вдруг Данай вспомнил древнее пророчество, которое совершенно вылетело из его памяти и предвещало, что он погибнет от руки своего зятя.

Теперь уже было поздно препятствовать браку, поэтому, отозвав своих дочерей в сторону, он рассказал им о том, что сказал оракул, и, дав каждой по острому кинжалу, велел зарубить своих мужей в брачную ночь. Бракосочетание было отпраздновано, как и положено, с весельем, танцами и песнями, и веселье продолжалось до поздней ночи, когда гости разошлись, а новобрачные удалились. Но как только дочери Даная убедились, что их мужья крепко спят, они достали кинжалы и зарубили своих супругов.

"Данаус вооружил руку каждой дочери.
Чтобы запятнать кровью брачное ложе".
Еврипид (перевод Поттера).

Только одна из невест, Гипермнестра, слишком сильно любила своего мужа, чтобы подчиниться приказу отца, и когда наступило утро, только сорок девять сыновей Эгипта были найдены безжизненными. Единственный оставшийся в живых Линсей, чтобы отомстить за смерть братьев, убил Даная, исполнив тем самым злое пророчество, а боги, разгневанные бессердечием Данаид, отправили их в Аид, где они были вынуждены наполнить бездонную бочку.

Тантал.

Тартар также задержал в своих медных порталах жестокого царя Тантала (отца Ниобы), который, находясь на земле, морил голодом и жестоко обращался со своими подданными, оскорблял бессмертных богов, а однажды даже посмел приготовить и подать им своего собственного сына Пелопса. Большинство богов сразу поняли, что их обманывают, и отказались от нового блюда, но Церера, которая была очень меланхолична из-за недавней потери дочери, не обратила внимания на предложение и в порыве рассеянности съела часть плеча юноши.

Боги из жалости вернули юношу к жизни, а Церера заменила недостающее плечо на одно из слоновой кости или золота. Изгнанный из своего царства, захваченного царем Трои, Пелопс укрылся в Греции, где управлял обширным полуостровом Пелопоннес, до сих пор носящим его имя.

Чтобы наказать бесчеловечного Тантала, боги отправили его в Тартар, где он стоял по подбородок в потоке чистой воды, мучимый жаждой; всякий раз, когда он наклонялся, чтобы попить, вода вытекала из его пересохших губ. Над его головой висела ветка с сочными фруктами. Голод его был столь же нестерпим, как и жажда; но когда он хватался за плод, ветка взмывала вверх и ускользала от его жадной хватки.

"Над, под, вокруг его несчастной головы,
раскинулись деревья со всевозможными вкусными плодами.

Он пытается схватить плод, но раздаются взрывы,
Подбрасывают его ввысь и вздымают к небесам".
Гомер (перевод Поупа).

Это необычное наказание, которому подвергся Тантал, породило выражение "мучить".

Сизиф.

Другим преступником был Сизиф, который, будучи царем Коринфа, злоупотреблял своей властью, грабил и убивал путешественников и даже обманывал богов. Его предосудительное поведение было наказано в Тартаре, где он был приговорен катить огромный камень на вершину очень крутого холма; и как только он достигал вершины и думал, что его задача выполнена, камень выскальзывал из его рук и катился к подножию холма, заставляя его возобновлять все свои усилия.

"Много усталых шагов, много стонов,
он взбирается на высокий холм и катит огромный круглый камень;
Огромный круглый камень, получившийся в результате,
Грохочет стремительно вниз и дымится по земле.
И снова неугомонный шар возобновляет свой труд,
Пыль вздымается тучами, а пот сходит росой".
Гомер (перевод Поупа).

Салмонея.

Другой царь Салмонея тщетно пытался заставить своих подданных поверить, что он Юпитер. Для этого он однажды проехал по медному мосту, чтобы имитировать раскаты грома, и, чтобы имитировать молнии, бросил зажженные факелы вниз на толпу, специально собравшуюся внизу.

"Дерзкий негодяй запряг четырех огненных коней:
Он факел поднял над головой и, безумный, тщетный,
Искал богоподобного поклонения у подневольного войска.
Амбициозный глупец, рогатыми копытами пронесся
По полым аркам из звонкой меди,
Соперничать с громом в его стремительном беге,
И подражать неподражаемой силе!"
Вергилий (перевод Драйдена).

Эта дерзкая пародия так разгневала Юпитера, что он схватил одну из своих самых смертоносных молний, на мгновение взмахнул ею, а затем с мстительной силой метнул в надменного царя. В Тартаре Салмонея поместили под нависающую скалу, которая на мгновение грозила обрушиться и раздавить его своей массой.

"Он был обречен сидеть под огромным камнем,
Который отец богов
Держал над его головой в подвешенном состоянии.
Так он и сидел

В постоянном страхе перед его падением,
И лишился всех удобств".
Пиндар.

Титий.

Еще дальше лежал Титий, гигант, чье тело занимало девять акров земли. Он осмелился нанести оскорбление Юноне, и в наказание был закован в цепи, как Прометей, а стервятник питался его печенью.

"Там увидел Титий, который родился
с небес, а вскормлен на сытой земле:
Здесь его гигантские конечности с огромными объятиями,
Обхватили девять акров inferнального пространства.
Стервятник в его открытом боку
Ее кривой клюв и жестокие когти:
Все еще для растущей печени копала его грудь,
А растущая печень все еще обеспечивала пир".
Вергилий (перевод Драйдена).

Иксион.

Здесь же, в Тартаре, находился Иксион, царь лапифов, которому отдали в жены руку Дии с условием, что он даст ее отцу оговоренную сумму денег в обмен, но который, как только дева стала его, отказался выполнить свое обещание. Тесть был скупым человеком и так громко требовал свои деньги, что Иксион, чтобы избавиться от его назойливости, убил его. Такой акт насилия не мог остаться без внимания богов, поэтому Юпитер призвал Иксиона предстать перед ним и изложить свое дело.

Иксион так искусно оправдывался, что Юпитер уже собирался объявить его оправданным, как вдруг застал его за занятием любовью с Юноной, и этот проступок показался ему настолько непростительным, что он отправил его в Тартар, где привязал к постоянно вращающемуся огненному колесу.

"Гордый Иксион (обреченный испытывать
Муки вечного колеса,
Связанный рукой разгневанного Джова)
Получил должную награду за нечестивую любовь".
Софокл (перевод Франклина).

Елисейские поля.

Вдали от жалких звуков, которые постоянно доносились из Тартара, находились Елисейские поля, освещенные солнцем и луной, украшенные самыми благоухающими и прекрасными цветами и снабженные всеми прелестями, которые только могла дать природа или искусство. Никакие бури и ветры не лишали эти поля их весенней красоты, и здесь блаженные проводили вечность в приятном общении с друзьями, которых они любили на земле.

"Патриоты, погибшие за права своей страны,
Или благородно побеждали на полях сражений:
Там стояли святые священники и святые поэты,
Которые воспевали с восторгом бога:
Достойные люди, чья жизнь была утончена полезными искусствами;
С теми, кто оставил после себя бессмертное имя,
Друзья мира и отцы человечества".

ГЛАВА XIII.

БАКХУС.

Среди всех смертных дев, удостоенных любви Юпитера, царя богов, не было более привлекательной, чем Семела, дочь Кадма и Гармонии.

"Ибо Семела была вылеплена в форме
изящества; красота ее расы
Сияла в ее челе".
Ноннус (перевод Элтона).

История Семелы.

Хотя Семела и сознавала свою привлекательность, она была чрезмерно застенчива, и Юпитеру, переодетому смертным, лишь с большим трудом удавалось настоять на своем. Добившись наконец согласия, он рассказал ей, кто он такой, рассчитывая на эффект, который должно произвести такое откровение.

Он не ошибся в своих предположениях, так как Семела, гордая тем, что привлекла величайшего из богов, больше не сопротивлялась и согласилась на их союз. Их любовь росла и процветала, и Юпитер как можно чаще спускался с Олимпа, чтобы насладиться обществом своей возлюбленной. В конце концов его частые отлучки вызвали подозрения Юноны, и она, как обычно, не пожалела сил, чтобы узнать, какое могущественное очарование могло отвратить его от нее. Через несколько дней она все узнала и тут же решила отомстить и наказать своего непостоянного супруга. Чтобы успешно осуществить задуманное, она приняла облик Бероз, старой кормилицы Семелы, и, ничего не подозревая, проникла в апартаменты молодой царевны.

"Дряхлая старуха Бероз одета,
Ее морщинистый облик и иссиня-зеленые волосы;
И дрожащей походкой она шатается,
И учится говорить тоном кормилицы".
Овидий (перевод Эддисона).

Там она немедленно вступила в разговор со своей мнимой нянькой, искусно вырвала у нее полное признание, с подавляемым гневом выслушала, как долго Юпитер ухаживал за ней, пока наконец не добился согласия девы, и получила восторженный и подробный перечень всех его личных прелестей и конспект всего, что они оба сказали.

Лже-кормилица слушала с видимым сочувствием, но на самом деле она была в ярости и, чтобы положить конец всему этому, спросила Семелу, уверена ли она, что он царь богов, как он утверждает, и посещает ли он ее во всей пышности своих царственных одежд. Дева стыдливо ответила, что он обычно посещает ее только в облике смертного, после чего Бероз с притворным негодованием сказала своей сестре, что он либо гнусный самозванец, либо не любит ее так же сильно, как Юнону, в присутствии которой он редко появлялся иначе, как в божественном одеянии.

Искусными словами она так подействовала на бесхитростную натуру своего соперника, что, когда Юпитер пришел в следующий раз, дева использовала все свои ухищрения, чтобы добиться от него торжественной клятвы исполнить любую ее просьбу. Влюбленный не очень-то взвешивает свои слова в таких обстоятельствах, и Юпитер дал самую торжественную из всех клятв, чтобы удовлетворить ее прихоть.

"Свидетельствуй мне, Земля, и вы, широкие небеса.
Над нами, и вы, воды Стикса,
что текут под нами, могущественнейшая клятва из всех,
И самая почитаемая благословенными богами!"
Гомер (перевод Брайанта).

Получив обещание, восхищенная Семела велела своему возлюбленному поскорее вернуться на Олимп, облачиться в свой величественный облик и наряд и поспешить к ней, окруженный всей своей небесной пышностью и вооруженный грозными молниями. Юпитер, ужаснувшись этой неосторожной просьбе, умолял ее попросить о чем-нибудь другом и освободить его от обещания, чреватого для нее такой опасностью; но все было напрасно. Семеле, как и многим другим прекрасным дамам, нравилось иметь свой собственный путь, и она честно заставила его подчиниться.

Юпитер вернулся на Олимп, максимально изменил свой наряд, приглушил славу, где только мог, и выбрал самый слабый из всех своих болтов, ибо прекрасно знал, что ни один смертный не выдержит потрясения от его полного великолепия. Затем, оседлав бледную молнию, он помчался обратно к Семеле.

"Чтобы выполнить свое обещание, он поднимается и окутывает
Свое грозное чело вихрями и тучами;
В то время как все вокруг, в ужасных рядах,
грохочут его громы и сверкают молнии.
И все же ослепительный блеск не ослабевает,
Он не вышел на сцену во всей своей пышности,
Одетый в самые мягкие небесные молнии,
И вооружен громом наименьшего размера:
Не те огромные болты, которыми убивали великанов,
лежали поверженными на флегрейской равнине.
Они были из меньшего сплава и легче по весу;
Они называют его громом второго сорта.
Ибо грубый циклоп, что по веленью Юпитера
Закалил болт и повернул его в своей руке,
В нем было меньше пламени и ярости,
И погасил его скорее в стоячем озере.
Таким образом, украшенный ужасом,

Прославленный бог, спустившись со своей высоты,
Набросился на нее в буре света".
Овидий (перевод Эддисона).

Но, несмотря на то, что это явление было гораздо мягче обычного, человеческие нервы бедной Семелы не выдержали, и она упала на пол в обмороке при первом же взгляде на своего возлюбленного. Не обращая внимания ни на что, кроме своего тревожного состояния, Юпитер бросился к ней, но молния, сверкнувшая в его голове, подожгла весь дворец, который превратился в пепел.

Рождение Вакха.

Сама Семела погибла, сгорев дотла; единственным человеком во всем здании, который остался невредим, был Вакх (Liber, Dionysus), младенец, сын Юпитера и Семелы, которого спасла сильная рука отца. Юпитер сначала был безутешен смертью Семелы и, чтобы доказать всем смертным, как сильно он ее любил, вознес ее дух на небо, где возвел ее в ранг божества.

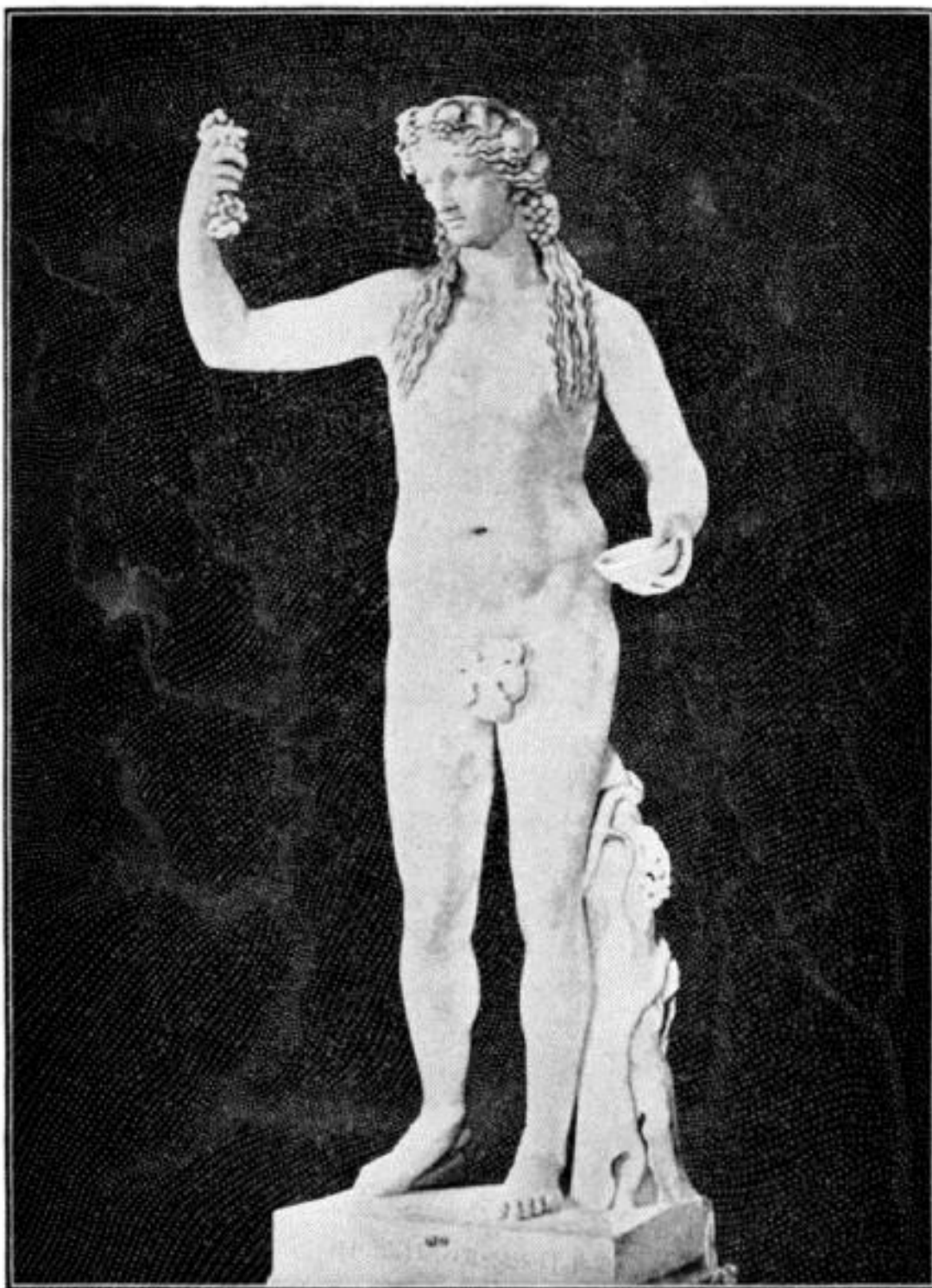
"Семела с ниспадающими волосами,
Погибшая в пламени грома,
К обожествленному бытию пришла".
Приор.

Младенец Вакх был сначала передан на попечение своей тетки Ино, второй жены фиванского царя Атамаса, которая ухаживала за ним так нежно, как если бы он был ее собственным ребенком. Но вся ее любовь не смогла уберечь его от последствий упорной ненависти Юноны, и Юпитер, опасаясь, как бы его драгоценный сын не пострадал, велел Меркурию отнести его в далекий дом Нисиадов - нимф, которые преданно охраняли его.

Юнона, не смея продолжать преследования, обрушила весь свой гнев на бедную Ино и ее несчастных домочадцев, послав фурию Тисифону довести Атамаса до безумия. В приступе безумия он преследовал жену и детей, словно диких зверей. Один из его сыновей, Леарх, пал под его стрелами, а Ино, спасаясь от его убийственной ярости, бросилась в море со вторым ребенком на руках. Боги, сжалившись над ее страданиями, превратили ее в богиню Лейкотею, а ее сына - в морское божество по имени Палемон.

Слуги Вакха.

Еще в юности Вакх был назначен богом вина и веселья и вверен Силену, сатиру, наполовину человеку, наполовину козлу, который обучал его и сопровождал во всех путешествиях; ведь он любил бродить по всему миру, ведомый своими последователями, или ездить на колеснице, запряженной дикими зверями, а его воспитатель следовал за ним, сидя на осле, поддерживаемый с обеих сторон сопровождающими.

БАХУС. (Ватикан, Рим.)

"А рядом с ним ехал Силенус на своем коне,
Осыпанный цветами, когда он проезжал мимо".
Китс.

Поезд Вакха был очень большим и состоял из мужчин и женщин, нимф, фавнов и сатиров, увенчанных листьями плюща, которые пили вино - напиток, приготовленный специально для

них из воды и солнечного света, - лакомились виноградом, танцевали и пели, и громко провозглашали его своим избранным вождем.

"Мы следуем за Вакхом! Вакх на крыльях,
Завоеватель!
Вакх, юный Вакх! Хорошо это или плохо,
Мы танцуем перед ним во всех королевствах".
Китс.

Самыми непокорными среди его женских последователей были вакханки, которые наслаждались весельем и находились в состоянии вечного опьянения, когда переходили с ним из страны в страну, где он обучал людей выращиванию виноградной лозы и искусству изготовления вина. Говорят, что он путешествовал по всей Греции и Малой Азии и даже доходил до Индии и Эфиопии.

Вакх и пираты.

Во время этих долгих путешествий Вакх, как и следовало ожидать, встретил множество приключений, которые стали благодатной темой для поэзии и искусства. Однажды, оторвавшись от своих последователей и сбившись с пути, Вакх прилег отдохнуть на песок на берегу моря. Проплывавшие мимо пираты увидели красивого спящего юношу и бесшумно отнесли его на свое судно, намереваясь продать в рабство в Египет.

Они были уже далеко в море, когда бог проснулся и в немом удивлении огляделся вокруг. Придя в себя, он велел морякам отвести его на сушу, но те ответили лишь смехом и издевками. Однако их веселье было прервано, так как корабль внезапно остановился, и, когда они наклонились к бортам, чтобы выяснить, почему весла больше не могут двигать его вперед, они увидели, что из моря выросла виноградная лоза, которая с молниеносной скоростью обвилась своими ветвями и усиками вокруг весел, мачты и такелажа, превратив судно в плавучую беседку. Затем до их изумленных ушей донеслись звуки музыки и веселья: по бортам корабля появились последователи Вакха, верхом на диких зверях и воспевая хвалу своему богу и его любимому напитку.

"Хором мы поем о вине, сладком вине,
Его сила благотворна, а вкус божественен".
Мартинес де ла Роса.

Эти необычные зрелища и звуки так обескуражили бедных моряков, что они потеряли всякое присутствие духа и прыгнули за борт в море, где утонули и превратились в дельфинов.

В другой раз Силенус после бурного веселья заблудился в лесу и беспомощно бродил с места на место в поисках своих товарищей, пока наконец не попал ко двору Мидаса, царя Лидии, известного своими ослиными ушами (с. 75).

Проклятие золота.

Не успел Мидас разглядеть красный нос и раздутый вид странника, как узнал в нем воспитателя Вакха и вызвался проводить его к своему божественному ученику. Обрадованный тем, что снова видит Силену, Вакх пообещал Мидасу любую награду, какую тот пожелает; тогда Мидас, старый скупой царь, упал на колени и смиренно попросил бога, чтобы все, к чему он прикоснется, превратилось в золото.

"Дай мне, - говорит он (не думая, что просит слишком много),
"Чтобы все, к чему я прикасаюсь своим телом,
изменив свою прежнюю природу,
В желтое золото превратилось".
Овидий (перевод Кроксалла).

Вакх немедленно дал знак, что его молитва исполнена, и Мидас, обрадованный успехом своего смелого предприятия, вернулся в свой дворец, проверяя свою новую силу, которая превращала все в золото одним лишь прикосновением пальцев.

"Спустился он с неприметной ветки и достал веточку,
Ветка прямо сверкала золотым блеском.
Взял он камень - камень превратился в золото:
К комку он прикоснулся, и тот рассыпался.
Вскоре признал великую преобразующую силу,
По весу и содержанию как масса руды.
Он сорвал кукурузу, и сразу же в его руках появился
Наполненная золотыми колосьями.
Затем он берет яблоко, и кажется, что он держит
Яркое гесперийское растительное золото:
Рука его небрежно ложится на колонну,
И сияют золотом рифленые колонны".
Овидий (перевод Кроксалла).

Вид этих и многих других чудес, сотворенных одним лишь прикосновением, наполнил его сердце радостью; и в своем восторге он велел слугам приготовить роскошный пир и пригласить всех придворных разделить его веселье. Его приказания были исполнены с величайшей быстротой, и Мидас сиял от удовлетворения, когда занял место во главе стола и рассматривал блюда и вина, приготовленные для его удовольствия.

Однако и здесь его ждало новое откровение: ткань, тарелки и кубки превратились в золото, а еда и напитки - в золото, как только они коснулись его жадных губ.

"Чьи могучие руки не успевают держать хлеб,
но все его содержимое превращается в золото:
Он подносит к губам пикантное мясо,
Которое превращается в золото, пока он пытается есть:
Благородный сок его покровителя пурпурного оттенка,
К губам его прикоснувшись, позолоченным стал,
Непригодный для питья; и, что удивительно,
Из пасти его струйка золотая потекла.
Богатый бедный дурак, сбитый с толку удивлением,
В голоде лежит при всем своем изобилии".
Овидий (перевод Кроксалла).

Среди изобилия теперь ощущались грызущие муки голода, и драгоценный дар, мешавший ему их утолить, вскоре потерял всю свою привлекательность. На усталых ногах Мидас повторил путь, пройденный им в гордыне несколько часов назад, снова бросился к ногам

Вакха и на этот раз умолял его забрать неудобный дар, мешавший ему удовлетворять естественные аппетиты.

Его беда казалась настолько реальной, что Вакх велел ему пойти и омыться в реке Пактол, если он хочет избавиться от силы, которая так скоро превратилась в проклятие. Мидас поспешил к реке и окунулся в ее прилив, заметив, что даже песок под его ногами превратился в золото; с тех пор,

"Пактолус поет над золотыми песками".
Грей.

Наксос.

Любимым местом отдыха Вакха был остров Наксос, который он посещал после каждого путешествия. Во время одного из своих путешествий он обнаружил прекрасную деву, одиноко лежащую на песчаном берегу. Ариадна, так звали девушку, была оставлена там своим возлюбленным Тесеем, который уплыл, пока она спала (с. 257). Как только она проснулась, она позвала своего неверного возлюбленного, но ни один звук не донесся до ее слуха, кроме насмешливых звуков Эхо. В отчаянии она била себя по груди, но внезапно ее причитания прекратились, когда она уловила слабые звуки музыки, долетавшие до нее на летнем ветерке. С нетерпением повернувшись в сторону приятной музыки, она увидела веселую процессию, возглавляемую богом вина.

"И когда я сидела над светло-голубыми холмами.
Шум пирующих раздался: ручьи
В широкий поток влились пурпурного оттенка.
Это был Бахус и его команда!
Труба заговорила, и серебряные трели
От поцелуев кимвалов раздавался веселый звон.
'Twas Bacchus and his kin!
Как движущийся виноград, они спустились вниз,
Увенчанные зелеными листьями, с пылающими лицами;
Все безумно танцевали по приятной долине".
Китс.

Бракосочетание Бахуса и Ариадны. Тинторетто. (Герцогский дворец, Венеция.)

Вакх и Ариадна.

Вакх, первым заметив прекрасную скорбящую, поспешил к ней и пустил в ход все свои силы убеждения, чтобы утешить ее. В конце концов, его преданность побудила ее забыть об ушедшем любовнике, и после недолгих ухаживаний Вакх получил ее в невесты.

Их свадьба была самой веселой из всех, что когда-либо видели, а пир продолжался несколько дней. Жених подарил невесте корону, украшенную семью сверкающими звездами, - украшение, которое выгодно подчеркивало ее несравненную красоту. Однако вскоре после свадьбы бедная Ариадна заболела и умерла, оставив безутешного вдовца, который взял венец, который она так часто носила, и подбросил его в воздух. Она поднималась все выше и выше, пока боги не закрепили ее на небе, где она до сих пор образует блестящее созвездие, известное как Корона Ариадны, или Корона.

"И до сих пор ее знак виден на небе,
И среди сверкающих символов небес,
Звездный венец Ариадны скользит".
Аполлоний Родий.

Легкомыслие Вакха исчезло, и он больше не получал удовольствия от музыки, танцев и веселья, пока Юпитер, сжалившись над его утратой, не вернул Ариадну в его жаждущие объятия и, чтобы она снова не досталась смерти, не подарил ей бессмертную жизнь.

История Пентея.

Находясь на небольшом расстоянии от Фив, Вакх однажды послал глашатая к царю Пентею, чтобы сообщить о своем приближении и попросить о достойном приеме и пышных развлечениях. Слухи о шуме и беспорядке, которые, казалось, были неизменным сопровождением присутствия бога, уже дошли до Пентея, и он отпустил глашатая с наглым сообщением, что Вакху лучше оставаться за городскими воротами.

Чтобы отомстить за это оскорбление, Вакх внушил фиванским женщинам слабоумие, которое заставило их одновременно броситься из города и присоединиться к его последователям. Затем все они стали просить разрешения стать свидетелями религиозных обрядов в его честь, обычно называемых Мистериями, и это разрешение было милостиво даровано.

Царские шпионы доложили обо всем, что произошло, и их рассказы вызвали у Пентея желание посмотреть на церемонии в тайне. Поэтому он замаскировался и спрятался в кустах неподалеку от освященного места, надеясь увидеть все незаметно, но случайное движение привлекло внимание уже возбужденных Вакхов, которые под предводительством Агавы, матери самого царя, вытащили его из укрытия и разорвали на части.

Поклонение Вакху.

Вакху, богу вина, поклонялись во всем древнем мире, и в его честь проводилось множество праздников. Самыми известными из них были Большая и Малая Дионисии, Либералии и Вакханалии, где все участники могли предаваться самому дикому веселью и разгулу.

"Вакх, к тебе зывают они, в гимнах божественных,
И вешают статуи твои на высокой сосне:
Оттого изобилием наполнен каждый смеющийся виноградник,
В глубоких долинах и на склонах холмов;
Там, где бог склоняет свой прекрасный лик,
И больше сочных плодов на богатых плантациях.
Так воспоем же должным образом хвалу Вакху,
И освященные пироги, и зарядные ящики принесем,
Козлы-жертвы пусть истекают рогами,
И зажарим на вертелах из орешника перед священным огнем".

"Приди, священный государь, с пышными гроздьями,
Здесь все богатства твоего царствования;
Каждое поле краснеет от осени,
И в глубоких приливах для тебя пенится виноград".
Вергилий (перевод Вартона).

Вакх обычно изображается в виде прекрасного юноши, увенчанного плющом или виноградными листьями и гроздьями, несущего в качестве скипетра тирс - жезл, увитый плющом, и едущего на колеснице, запряженной пантерами или леопардами.

ГЛАВА XIV.

ЦЕРЕРА И ПРОЗЕРПИНА.

Церера и Прозерпина.

Церера (Деметра), дочь Кроноса и Реи и одна из многочисленных супруг Юпитера, была богиней земледелия и цивилизации. Ее многообразные заботы разделяла дочь Прозерпина (Кора, Ферефатта, Персефона), богиня растительности. Когда позволяли обязанности, эта прекрасная юная богиня спешила на остров Сицилию, свое любимое место отдыха, где целыми днями бродила в сопровождении веселой девичьей свиты, собирая цветы, по зеленым склонам горы Этна и танцуя с нимфами на прекрасной равнине Энны.

Однажды, устав от трудов, Прозерпина позвала этих прекрасных подружек присоединиться к ней и провести веселый день, собирая цветы.

"И в одно прекрасное утро...

Не все века его зачеркнул, - на берегу
Этны мы блуждали. Тогда было
Ни лета, ни зимы, ни весны, ни времени
урожая, но мягкое неизменное солнце
Светило всегда, и время сева было одно
с жатвой".
Льюис Моррис.

Плутон похищает Прозерпину.

Девы пели веселые песни, наматывая на себя длинные гирлянды, и их радостные голоса и переливы серебристого смеха привлекли внимание Плутона, который как раз проезжал мимо на своей темной колеснице, запряженной четырьмя огненно-угольно-черными конями. Чтобы выяснить, откуда доносятся эти звуки, бог вышел из машины и осторожно заглянул сквозь густую листву.

Он увидел Прозерпину, сидящую на мшистом берегу, почти утопающую в многоцветье, и ее смеющихся спутниц, живописно сгрудившихся вокруг нее. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедить Плутона в ее прелести и грации и заставить его почувствовать, что его счастье зависит от обладания этим ярким юным созданием.

Еще задолго до этого он пытался уговорить одну за другой богинь разделить его мрачный трон, но все до единой отказывались от этой чести и не желали сопровождать его в страну, где никогда не светит солнце, не поют птицы и не распускаются цветы. Обиженный и разочарованный этими отказами, Плутон дал торжественную клятву никогда больше не свататься, и вместо того, чтобы нежно пригласить Прозерпину стать его королевой, он решил похитить ее.

Продираясь сквозь кусты, он направился прямо к тому месту, где она сидела. Шум трещащих веток и торопливых шагов заставил всех собравшихся дев быстро обернуться. Одного взгляда было достаточно, чтобы узнать незваного гостя, ибо никто, кроме него, не мог похвастаться таким мрачным, опустившимся лицом; и все воскликнули в смешанном удивлении и ужасе от его неожиданного присутствия в этих залитых солнцем краях.

Просвещение Прозерпины. Шобелт.

"Это он, это он: он приходит к нам
Из глубин Тартара.
Что за зло бродит он
Из своего красного и мрачного дома,
в центре мира,
куда сбрасывают грешных мертвецов?
Заметьте, как он движется,
Запряженный черными и сильными конями,

Такими, как у Ночи.
Перед тем, как она отправится в свой утренний полет.
Вот колесница остановилась: бог
По нашему травянистому миру ступает:
Как титан он ступает,
но в то же время полон своей божественности.
На его могучих плечах лежат
Вороньи локоны, а в глазах его
Жестокая красота, какой никто
Никто из нас не может смотреть с умом".
Барри Корнуэлл.

Напуганные его стремительным приближением, трепещущие нимфы сначала столпились вокруг Прозерпины, которая в изумлении и трепете уронила все свои прекрасные цветы и неподвижно стояла среди них. Ее неуверенность в его намерениях была лишь кратковременной, так как, подхватив ее на свои мускулистые руки, прежде чем она успела сделать попытку вырваться, он, несмотря на мольбы и борьбу, отнес ее к своей колеснице и помчался прочь так быстро, как только могли нести его быстрые кони.

Вскоре он уже не слышал диких криков и причитаний нимф, которые тщетно преследовали его и пытались догнать свою любимую госпожу. Боясь, как бы Церера не пришла и не заставила его отказаться от новообретенного сокровища, Плутон гнал все быстрее и быстрее, не останавливаясь ни на мгновение, пока не достиг берегов реки Киане, воды которой при его приближении начали угрожающе бурлить и реветь и изо всех сил раздвинулись, чтобы остановить его бегство.

Плутон быстро сообразил, что пытаться переправиться через реку на своей колеснице было бы безумием, а если бы он пошел по своим следам, то рисковал бы встретить Цереру и быть вынужденным отказаться от своего приза. Поэтому он решил прибегнуть к другим средствам и, схватив свои страшные двузубые вилы, нанес по земле такой мощный удар, что под его ногами разверзлась огромная расщелина, через которую кони и колесница погрузились во тьму Нижнего мира.

Прозерпина опустила заплаканные глаза, чтобы бросить прощальный взгляд на покидаемую ею прекрасную землю, а затем, с нежностью подумав о своей встревоженной матери, которая с наступлением вечера будет тщетно искать свое дитя во всех любимых местах, она быстро бросила свой пояс в Киану и позвала водяную нимфу, чтобы та отнесла его Церере.

Обрадованный успехом своего смелого предприятия и не опасаясь немедленной погони, счастливый бог прижал к груди свою прекрасную пленницу, осыпал поцелуями ее свежие юные щеки и пытался успокоить ее ужасы, пока черные кони мчались все быстрее и быстрее по темному проходу, не останавливаясь, пока не достигли подножия трона своего повелителя.

"Радуетя, когда он заключает ее в свои железные объятия,
Устрашает тихими вздохами, нежными словами тревожит".
Дарвин.

Поиски Цереры.

Тем временем солнце опустилось за сицилийский горизонт, и Церера, возвращаясь с полей быстро созревающего зерна в свое жилище, искала пропавшую Прозерпину, от которой не осталось и следа, кроме рассыпанных цветов. Мать бродила туда-сюда, звала дочь и гадала, где та может быть и почему не выходит ей навстречу. Шло время, а Прозерпина все не появлялась, и сердце Цереры учащенно билось от страха, а слезы текли по щекам, когда она металась с места на место, зовя дочь.

"Что с ней, что она не возвращается домой?

Деметра ищет ее повсюду,

И, мрачно нахмутив брови, непрестанно бродит

С утра до вечера.

"Жизнь моя, пусть бессмертная,

ничтожна!" - плачет она, - "из-за отсутствия тебя",

Персефона-Персефона!"

Ингелоу.

Наступила ночь, и Церера, зажегшая факел у вулканических костров горы Этна, продолжила поиски. Наступил день, а мать все еще звала, пробуждая утреннее эхо своими тоскливыми криками о ребенке. Все ее повседневные обязанности были заброшены. Дождь больше не освежал поникшие цветы, зерно было иссушено яростными лучами солнца, трава погибла, а Церера все бродила по холмам и долам в поисках Прозерпины.

Утомленная безнадежными поисками, богиня присела на обочине дороги, недалеко от города Элевсиса, и предалась всепоглощающему горю.

"Долго искала ты

Прекрасной Прозерпины, и не прерывала ты

Свой скорбный пост, пока далекий Элевсис

Принял тебя, странствуя".

Орфический гимн.

Церера и Триптолем.

Чтобы ее не узнали, она приняла облик престарелой короны; сидя на обочине в слезах, она привлекла сострадательные расспросы дочерей царя Селея. Выслушав ее стенания о потере ребенка, они упросили ее прийти во дворец и, зная, что ничто так хорошо не успокаивает разбитое сердце, предложили ей взять на попечение их младенца, брата Триптолема.

Церера, тронутая их готовым сочувствием, приняла предложение, и когда она прибыла во дворец, царский наследник был вверен ее заботам. Богиня нежно поцеловала маленькое исхудавшее личико ребенка, и от ее прикосновения малыш стал румяным и здоровым, к неопишуемому изумлению царской семьи и всего двора.

Ночью, когда Церера сидела наедине со своим подопечным, ей пришло в голову, что она может даровать ему еще большее благословение - бессмертие: она помазала его конечности нектаром, прошептала мощное заклинание и положила его на раскаленные угли, чтобы поглотить все тленные элементы, оставшиеся в его теле.

Королева Метанейра, посчитавшая несколько неосмотрительным оставить ребенка наедине с незнакомцем, бесшумно вошла в квартиру, с диким криком бросилась к огню и выхватила ребенка из пламени, прижала его к своей груди и, убедившись, что он совершенно

невредим, повернулась, чтобы обрушить свое негодование на нерадивую кормилицу; но пожилая нищенка исчезла, а вместо нее перед ней предстала сияющая богиня земледелия.

ЦЕРЕС. (Ватикан, Рим.)

"От ее благоухающих одежд
Распространялся прекрасный аромат, а вдали
Сиял свет, исходивший от ее божественной кожи,
И желтые локоны на ее плечах развевались;

Белый, как молния, весь дом был наполнен
великолепием".
Гомеровский гимн.

Мягко упрекнув царицу за несвоевременное вмешательство, Церера объяснила, что ей хотелось бы сделать, и исчезла, чтобы продолжить свои странствия в других землях. В конце концов она вернулась в Италию, и однажды, когда она бродила по берегу реки, воды вдруг бросили к ее ногам сверкающий предмет. Поспешно наклонившись, чтобы рассмотреть его, она узнала пояс, который носила ее дочь, когда расставалась с ней на Сицилии.

С радостью она взяла его в руки и, решив, что теперь ей предстоит идти по следу Прозерпины, поспешила дальше, пока не подошла к хрустальному фонтану, у которого присела отдохнуть. Глаза ее отяжелели от слез, усталости и жары, и она уже готова была погрузиться в сон, как вдруг журчание фонтана усилилось, и ей показалось, что он заговорил, но не так, как это делают смертные, а на своем серебристом языке.

Аретуза и Алфей.

Богиня не ошиблась: через несколько минут она различила слова и услышала, как фонтан умоляет ее прислушаться, если она хочет узнать, что случилось с ее ребенком. Фонтан рассказал, что не всегда был простым ручьем, а когда-то был нимфой по имени Аретуза, служившей Диане, и как однажды, изнывая от жары, она искала прохладный ручей, в котором могла бы искупать свои разгоряченные конечности.

Нимфа - Крей.

Вскоре она нашла такой ручей, реку Алфей, и выбрала место, где деревья нависали над прозрачной водой, где песок на дне был мелким и ровным, и где никто из смертных не мог увидеть ее, когда она отбрасывала сандалии и верхнюю одежду. Она наслаждалась освежающим ощущением водной ряби вокруг своих разгоряченных конечностей и упивалась полным одиночеством, как вдруг река, до сих пор гладкая, как зеркало, зашумела волнами, которые все ближе и ближе подбирались к испуганной нимфе, пока она в испуге не выскочила из воды.

Тогда раздался голос речного бога Алфея, который умолял ее остановить бегство и выслушать его ухаживания; но когда стремительный бог, не дождавшись ответа, поднялся из воды и бросился сжимать ее в объятиях, она в ужасе повернулась и убежала. Она бежала, а он преследовал ее. По холмам и долам, по лесам и полям бежала Аретуза, все еще преследуемая своим слишком пылким любовником, пока, обессилив, не остановилась, чтобы перевести дух, и не воззвала к Диане, чтобы та пришла ей на помощь.

Ее молитва была услышана. Мгновение спустя ее окутал густой туман и превратил в фонтан. Алфей больше не мог ее видеть, но бродил вокруг, оплакивая ее исчезновение и страстно взывая к ней.

"О Аретуза, несравненная нимфа! Почему ты боишься такой нежности, как моя? Великий Диан, почему? Почему ты не услышала ее молитвы? О, если бы я Я бы сейчас по ее изящной красоте порхал, Кружась вокруг ее талии и пытаюсь Заманить ее на нырок! А потом прокрасться Меж ее роскошных губ и тонких век".
Китс.

Туманное облако, в которое окутала Аретузу заботливая Диана, было вскоре развеяно озорным дыханием Зефира; и Алфей, все еще витавший неподалеку, вдруг увидел фонтан, которого раньше не было, и догадался, что произошло. Превратившись в стремительный поток, он бросился к своей возлюбленной, которая выскочила из своего мшистого ложа и помчалась по камням и палкам, пока Диана, видя ее новое положение, не открыла расщелину, через которую она скользнула от яркого солнечного света, который она так любила, в глубины царства Плутона.

Скользя там во мраке, Аретуза мельком увидела Прозерпину на ее соболином троне, рядом с сурово нахмурившимся Плутоном. Однако она не стала допытываться, как она туда попала, а поспешила дальше, пока очередная расщелина не дала ей возможность вернуться в верхний мир и вновь увидеть голубое небо и солнце на сицилийских равнинах.

Монотонный рокот фонтана снова затих, перейдя в свой обычный тон, и Церера, зная, где искать свою дочь, уже собиралась уходить, как вдруг услышала шум и рев большого водоема. Повернувшись, она увидела Алфея, который после безутешных поисков потерянной Аретузы под землей нашел расщелину, через которую он прошел, чтобы присоединиться к своей возлюбленной на сицилийских равнинах.

"Алфей, поток Элиды, говорят они,
Под морями здесь нашел свой путь,
И теперь его воды смешиваются
С твоими, о фонтан Аретузы,
Под сицилийскими небесами".
Вергилий (перевод Конингтона).

Несмотря на все свои попытки сбежать от него, Аретуза, должно быть, была очень рада снова увидеть его, ведь Церера слышала ее довольное бормотание, когда она погружалась в его объятия и слушала все более громкие звуки его восторженной любви.

Девы в Греции имели обыкновение бросать свежие гирлянды в реку Алфей; и говорили, что те же самые цветы, унесенные его течением, вскоре снова появились в сицилийском фонтане, принесенные туда в качестве любовных приношений очарованной рекой.

"О мой возлюбленный, как божественно сладка
Чистая радость, когда встречаются родственные духи!
Как он, бог реки, чьи воды текут,
С любовью, единственным светом, через пещеры внизу,
С триумфом неся все цветочные косы
И праздничные кольца, которыми олимпийские девы
Украшали его течение, подношение встречая
Чтобы возложить к сияющим ногам Аретузы.
Подумайте, когда он наконец встретит свою невесту у фонтана.
Какая совершенная любовь всколыхнется в его приливе!
И затеряется в каждом, пока не сольется в одно,
Их жребий одинаков для тени и для солнца,
И в глубину они устремляются, как образец истинной любви".
Мур.

Скорбь Цереры.

И хотя бедная Церера узнала, где искать свою пропавшую дочь, горе ее ничуть не уменьшилось, ибо она была уверена, что Плутон никогда не откажется от нее по доброй воле. Поэтому она удалилась в темную пещеру, чтобы оплакивать ее без посторонних глаз, и еще больше пренебрегла своими привычными обязанностями.

Голод грозил настигнуть людей, и они молили и зывали к ней о помощи; но, поглощенная горем, она не обращала внимания на их беды и поклялась, что ничто на земле не должно расти с ее позволения, пока ее дочь будет находиться в Аиде. В отчаянии от такого ужасного положения дел люди обратились к Юпитеру с просьбой сжалиться над их страданиями и позволить Прозерпине еще раз побывать в верхнем мире.

"Встань и освободи деву;
Почему мир должен испытывать такую скорбь
Из-за Персефоны?"
Ингелоу.

Как только ей стало известно об этой просьбе, Церера поспешила на Олимп, чтобы присоединить свои мольбы к воплям, доносившимся со всех концов земли; пока Юпитер, утомленный этими просьбами, не согласился на возвращение Прозерпины, при условии, однако, что она не прикоснется ни к какой пище за все время своего пребывания в адских областях.

"И наконец, сам Зевс,
жалая о содеянном зле, отправил
Своего посланника за западный край
Чтобы вернуть меня на землю".
Льюис Моррис.

Гранатовые зерна.

Церера лично поспешила в новую обитель своей дочери и уже собиралась увести ее, несмотря на Плутона, как вдруг дух Аскалаф заявил, что царица в тот же день съела несколько гранатовых зерен. Прозерпина не смогла опровергнуть обвинение, и Юпитер постановил, что за каждое съеденное зернышко она должна проводить один месяц в году в мрачном царстве своего мужа.

Так Прозерпина была обречена проводить в Аиде половину года и могла оставаться на светлой земле только по полгода.

Меркурий был избран вести ее в Аид и обратно; и всякий раз, когда он выводил ее из мрачной темницы, небо становилось голубым и солнечным, трава зеленела под ее упругими шагами, цветы распускались на ее пути, птицы издавали веселые трели, и все было радостно и светло.

"А когда в весеннюю пору сладко пахнувшие цветы
Различных видов земля расцветет, ты придешь
Из мрачной тьмы - великая радость
Для богов и смертных людей".
Гомеровский гимн.

Возвращение Прозерпины.

Церера, обрадованная тем, что ее любимая дочь снова у нее, весело и старательно выполняла все свои обязанности и благословляла землю изобилием; но когда прошло полгода, и небо плакало, и вся природа оплакивала уход Прозерпины, она снова вернулась в свою пещеру, откуда ее не могли выманить никакие уговоры.

Что же касается веселой и жизнерадостной Прозерпины, то, как только за ней закрылись порталы Аида, она стала бледной и меланхоличной; никому и в голову не могло прийти, что игривая, увенчанная цветами богиня растительности была идентична печальнолицей, облаченной в соболью одежду царице Аида (теперь ее называют Гекатой), которая держала в одной руке гранат, а в другой - факел. Прозерпина, как и Адонис, была олицетворением растительности, заметно процветающей в течение шести благоприятных месяцев года и скрывающейся под холодной землей в остальное время.

Поклонение Церере.

В Греции и Италии было много прекрасных храмов, посвященных Церере и Прозерпине, где с большой помпой отмечались ежегодные праздники - Тесмофории и Цереалии.

"Церере воздаются главные ежегодные обряды,
На зеленом газоне, под благоухающей тенью,
Когда кончается зима, и весна безмятежно сияет,
Тогда тучны ягнята, тогда мягки вина,
И сладок сон на цветущей земле,
И густой тенью увенчаны высокие горы.
Пусть все олени склонятся перед святилищем Цереры;
Мед сладкий для нее смешайте с молоком и мягким вином;
Трижды обнесите жертву новыми плодами,
И Церера зовет, и звучат хоровые гимны:

Не думайте, лебеди, зрелое зерно пожинать,
Пока, увенчанные дубом, не вскочите вы на ноги,
Обращаясь к Церере, и в торжественных песнях,
Превозносите бессмертную хвалу вашей сельской царицы".
Вергилий (перевод К. Питта).

В память о долгих поисках дочери Церера вернулась в Элевсис, обучила своего бывшего кормильца Триптолема различным секретам земледелия и подарила ему свою колесницу, велел ездить повсюду и учить людей пахать, сеять и жать; а затем она учредила Элевсинии - праздники в честь своей дочери и себя в Элевсисе.

Триптолем не преминул выполнить поручение богини и отправился в далекое путешествие, пока наконец не добрался до двора скифского царя Линка, где лже-монарх вероломно убил бы его, если бы Церера своевременным вмешательством не помешала осуществлению его подлой цели, превратив предателя в рысь, эмблему вероломства.

Церера обычно изображалась в виде прекрасной, мужественной женщины, облаченной в струящиеся драпировки, иногда увенчанной пшеничными колосьями и несущей сноп зерна и серп, или с плугом и рогом изобилия, выбрасывающим к ее ногам плоды и цветы. Ей часто посвящали рощи, и любой смертный, имевший неосторожность зарубить топором одно из этих священных деревьев, непременно навлекал на себя гнев богини, как это доказывает история Эрисихтона.

История Эрисихтона.

Этот человек, очевидно, был вольнодумцем и, чтобы показать свое презрение к суеверному почитанию деревьев Цереры, взял топор и срубил один из ее священных дубов. При первом же ударе из дерева начала сочиться кровь, но, не обращая внимания ни на это явление, ни на уговоры прохожих, Эрисихтон продолжал. Наконец, раздосадованный просьбами зрителей, он повернулся и убил одного или двух, а затем завершил свое святотатство.

Церера, разгневанная его дерзостью и жестокостью, придумала страшное наказание для несчастного и послала Голод, чтобы тот грыз свои жилы и мучил его днем и ночью. Несчастный, мучимый голодом, который не могла утолить никакая пища, продал все свое имущество, чтобы получить средства для пропитания; но его чудовищный аппетит не утихал, и, поскольку у него осталась одна дочь, он продал ее в рабство, чтобы получить пищу.

Хозяин девушки оставил ее на минуту одну на берегу моря, и в ответ на ее молитву Нептун избавил ее от рабства, превратив в рыбака. Когда хозяин вернулся и обнаружил, что его рабыня исчезла, он расспросил рыбака и, не получив никакой удовлетворительной информации, ушел. Тогда Нептун вернул деву в ее собственный облик и позволил ей вернуться домой; но поскольку отец снова продал ее, бог был вынужден еще раз вмешаться в ее судьбу, пока наконец Эрисихтон, лишенный средств к добыванию пищи, не пожрал сам себя.

Церера и Стеллио.

Еще один анекдот, иллюстрирующий могущество Цереры, рассказывает о мальчике Стеллио, который насмехался над богиней во время ее путешествия за то, что она поспешила избавиться от миски с кашей, предложенной каким-то благотворителем. Чтобы наказать мальчика за грубость, Церера выплеснула остатки каши ему в лицо и превратила его в ящерицу.

ГЛАВА XV.

ВЕСТА.

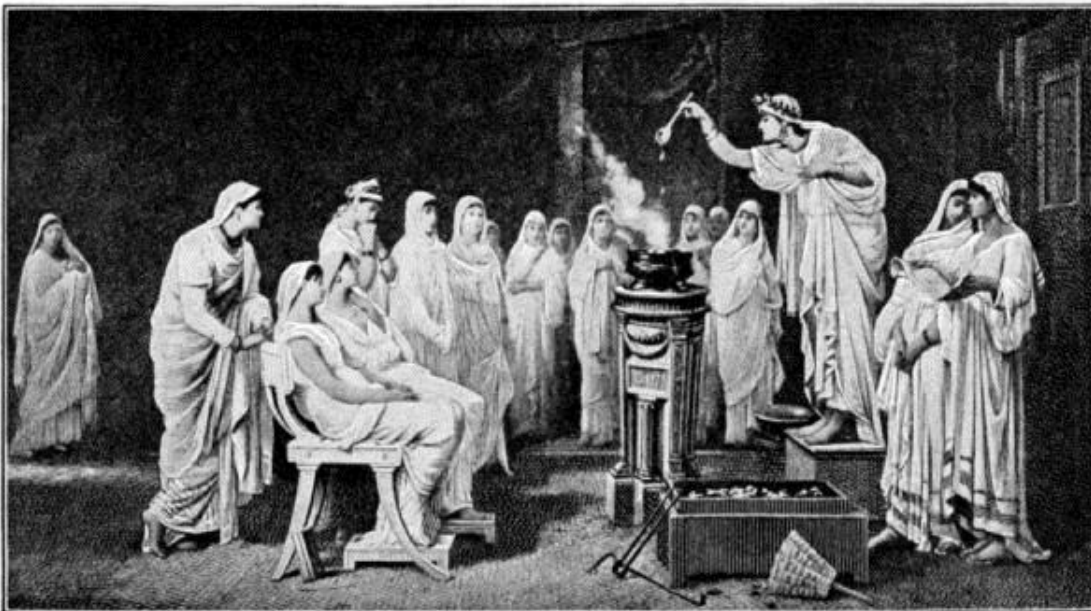
Поклонение Весте.

Веста, или Гестия, дочь Кроноса и Реи, богиня огня и семейного очага, ангел-хранитель человечества, почиталась главным образом в Италии, хотя ее святилища были также в Греции и Малой Азии.

Семейный очаг в древности имел далеко не то значение, что сейчас, и считался семейным алтарем, поскольку там отец семейства возносил свои ежедневные молитвы и жертвоприношения. "Так как, согласно старому языческому обычаю, все люди считались врагами, если только особым договором они не становились друзьями, Веста в первую очередь отвечала за истинные и верные дела", и поэтому ее обычно представляли чистой и непорочной.

Прекрасный круглый храм в Риме был посвящен служению Весте; здесь хранился Палладий из Трои, а также священный огонь богини, первоначально зажженный лучами солнца.

Этот огонь - эмблема пламени жизни, которое, по представлениям древних, поддерживала в каждой человеческой груди Веста, подательница жизни, - постоянно горел и никогда не гас из-за недостатка топлива или своевременного ухода. Его пламя также должно было олицетворять чистоту богини, которая, несмотря на множество любовников, среди которых Аполлон и Нептун могут по праву претендовать на первенство, всегда оставалась девственницей.

ШКОЛА ВЕСТАЛЬСКИХ ДЕВСТВЕННИЦ.- Ле Ру.

Римляне считали, что ее поклонение было введено в Италии Энеем, их знаменитым предком, который привез туда своих домашних богов и который, согласно традиции, выбрал первых весталок.

Весталки.

Второй царь Рима, Нума Помпилий, построил прекрасный храм и учредил различные религиозные церемонии в честь Весты. Самые прекрасные и благородные из римских дев были выбраны для служения этой богине и стали известны как весталки, или весталки-девственницы. Принятые в храм в раннем возрасте шести лет, они должны были отслужить десять лет, чтобы подготовиться к выполнению обязанностей, которые они должны были исполнять в течение следующего десятилетия в качестве жриц и хранительниц священного огня. Последние десять лет уходили на обучение послушниц; а когда тридцатилетняя служба заканчивалась, они были вольны либо оставаться в храме, где к ним относились с величайшим уважением, либо покинуть его и даже выйти замуж, если это было им угодно.

Во время службы они должны были соблюдать обеты целомудрия и верности своей покровительнице, а также поддерживать ее священный огонь под страхом погребения заживо в сводчатой камере, созданной для этой цели по приказу Нумы Помпилия. По очереди каждая из жриц следила за огнем, обновляла топливо и раздувала пламя, не упуская его из виду ни днем, ни ночью, так как римляне считали угасание священного огня предвестником какого-то большого общественного бедствия.

Однако весталки были настолько чисты и бдительны, что за тысячу лет лишь восемнадцать из них не смогли удовлетворительно выполнить свои обеты и понесли наказание. Весталка Тучча была обвинена в нарушении веры, но в доказательство своей чистоты получила власть носить воду в сите из Тибра в храм.

Весталка Тукция. Ле Ру.

В благодарность за те важные услуги, которые весталки оказывали государству, поддерживая этот священный огонь, они пользовались многими привилегиями: в том числе тем, что их сопровождал ликтор с фасциями, когда они выходили за город; занимали почетные места на общественных церемониях и праздниках; были похоронены в черте города (эта привилегия давалась очень немногим); и получали помилование преступников,

которых они случайно встречали на пути к месту казни. Любимые и очень почитаемые всеми, весталки стали образцами всего чистого и прекрасного в женщине.

"Этим трепетным огнем,
как у Весты, вечно горят; и, как у нее,
Священны помыслы непорочные и чистые".
Юнг.

Весталки отличались также одеянием из чистого белого льна с пурпурной каймой и широкой пурпурной мантией. Во время войны или опасности они отвечали за сохранность священного огня, который им разрешалось переносить в любое безопасное место; несколько раз они выносили его из Рима и спускали по Тибру, чтобы он не попал в руки врага.

Весталки продолжали исполнять свои обязанности до правления Феодосия Великого, который, обратившись в христианство в 380 г., отменил поклонение Весте, разогнал весталок и погасил священный огонь.

Праздники.

Служения Весте проводились с большой помпой, а ее праздники, Весталии, были одними из самых красивых и популярных в Риме. Статуи этой богини, обычно изображающие женщину величественной красоты, облаченную в длинные одежды, держащую в одной руке зажженный факел или лампу, а в другой - вотивную чашу, проносили по главным улицам города по всем торжественным случаям.

В общественных процессиях весталки имели привилегию нести свой священный огонь, а римские матроны, радуясь возможности пополнить свои ряды, следовали за ними, босиком, воспевая хвалу доброй богине Весте.

"И из храма приносит
Грозная Веста со своими святынями,
Ее ужасные филейные части и огонь.
Чьи священные угли никогда не погаснут".
Вергилий (перевод Конингтона).

По этим случаям перед каждым домом готовились большие банкеты, приостанавливалась вся повседневная работа, жернова украшались цветами, а ослов, которые должны были их вращать, покрывали гирляндами и вели в процессиях.

Среди римлян Веста была не единственной богиней, к которой обращались у семейного очага, ведь она делила это почетное место с Ларесом, Манесом и Пенатами, которые пользовались особым почитанием и приносили жертвы.

Ларес, Манес и Пенаты.

Ларесов, совершенно неизвестных грекам, было двое - дети Меркурия и Лары, наяды, славившейся как своей красотой, так и чрезвычайной болтливостью, которую никто не мог сдерживать. Предание гласит, что эта прекрасная дева болтала с утра до ночи и рассказывала все, что знала. Однажды она навлекла на себя гнев Юпитера, рассказав Юноне о подслушанном ею разговоре между ним и одной из его многочисленных любовниц.

Чтобы наказать ее и в то же время предотвратить дальнейшие рассказы, царь богов отрезал Ларе язык и, призвав Меркурия, велел ему отвести ее в Аид и оставить там навечно. Но по дороге в мрачную обитель мертвых бог-посланник влюбился в свою прекрасную подопечную, которая, будучи теперь полностью излеченной от своего единственного недостатка, была неотразимо очаровательна; и, вместо того чтобы послушаться Юпитера, он занялся с ней любовью и пантомимой добился ее согласия на их союз. Она родила ему двоих детей, которых от нее стали называть Ларами, и которым римляне всегда воздавали божественные почести, отводя для них особое место у семейного очага, поскольку они должны были стоять во главе дома и семьи. Их статуи напоминали обезьян, покрытых шкурами собак, а у их ног всегда изображалась лающая собака, символ их заботы и бдительности.

Маны - так обычно называли души, отделившиеся от тела, - также причислялись к римским божествам, и под этим именем часто поклонялись знаменитым предкам разных семей.

Что касается пенатов, то они управляли домами и домашними делами. Каждый глава семьи имел обыкновение выбирать себе Пенатов, к которым он обращался как к своим особым покровителям. Статуи Пенатов были из глины, воска, слоновой кости, серебра или золота, в зависимости от богатства семьи, чей очаг они украшали, а подношения им обычно составляли небольшую часть каждой трапезы.

Переезжая из одного дома в другой или из одного места в другое, глава семьи, как правило, также перевозил своих домашних богов и устанавливал их, прежде чем думать о собственном комфорте или комфорте своей семьи, и в ответ на эту любезную заботу пенаты благословляли его миром и процветанием.

ГЛАВА XVI.

ЯНУС.

Янус, бог прошлого, настоящего и будущего, ворот, входов, войны и мира, покровитель всех начинаний, хотя и был одним из самых важных римских божеств, был совершенно неизвестен грекам.

Согласно некоторым мифам, он был сыном Аполлона; и, хотя он родился в Фессалии, в начале жизни он приехал в Италию, где основал город на Тибре, которому дал имя Яникул. Здесь к нему присоединился изгнанный Сатурн, с которым он щедро поделился своим трон. Вместе они цивилизовали диких жителей Италии и благословили их таким процветанием, что их правление часто называли золотым веком.

"Сатурн бежал перед победоносным Юпитером,
изгнанный из царства.

Он, по справедливым законам, воплотил в жизнь весь поезд,
Который бродил по холмам и привел их на равнину;
Там закрепился, и Латиум назвал новой обителью,
Чьи дружелюбные берега скрывали скрытого бога.
Этими царствами, в мире, монарх долго управлял,
И благословил народы веком золотым".
Вергилий (перевод К. Питта).

Два лица Януса.

Януса обычно изображают с двумя лицами, повернутыми в противоположные стороны, потому что он был знаком с прошлым и будущим, а также с настоящим, и потому что он считается эмблемой солнца, которое открывает день при его восходе и закрывает его при заходе.

В некоторых статуях он представлен с одним беловолосым и бородатым лицом, а с другим - совсем юным, в то время как другие изображают его с тремя и даже четырьмя головами.

"Янус - это я; старейший из властителей;
Вперед я смотрю, и назад, и ниже
Я считаю, как бог проспектов и ворот,
Годы, которые через мои порталы приходят и уходят.

"Я перекрываю дороги и заношу поля снегом;
Я гоню диких птиц из замерзшего болота;
Мои морозы сковывают реки в их течении;
Мои костры освещают очаги и сердца людей".
Лонгфелло.

Начало каждого нового года, месяца и дня считалось священным для Януса, и в это время у его святилищ совершались особые жертвоприношения и молитвы. Он также руководил всеми воротами и проспектами, и считалось, что только через него молитвы достигают бессмертных богов: поэтому во всех религиозных церемониях его имя всегда упоминалось первым. В связи с этим он часто изображается с ключом в правой руке и жезлом в левой; или, когда он возглавляет год, он держит в одной руке число 300, а в другой - 65.

Поклонение Янусу.

Предполагалось, что он также следит за миром и войной, и ему было посвящено множество храмов по всей Италии. Один из самых знаменитых храмов назывался Янус Квадрифонс, потому что был идеально квадратным. С каждой стороны здания находилась одна дверь и три окна. Все эти проемы были символическими - двери четырех времен года, а окна - двенадцати месяцев в году.

Во время войны ворота храма были широко открыты, так как люди, нуждаясь в помощи и утешении, стремились войти и принести свои подношения; но когда воцарялся мир, двери немедленно закрывались, так как в заступничестве бога больше не было необходимости. Однако римляне были настолько воинственным народом, что ворота храма закрывались лишь трижды за более чем семь веков, да и то на очень короткий срок.

Праздники в честь Януса отмечались в первый день нового года, а один месяц носил имя бога и считался священным для него. В первый день этого месяца друзья и родственники обменивались приветствиями, добрыми пожеланиями и подарками - римский обычай, действующий и по сей день.

Древние деления времени.

Янус - не единственный среди греческих и латинских божеств, чье имя было присвоено части года или недели; в латинском языке названия дней - *dies Solis* (день Солнца), *dies Lunæ* (день

Луны), *dies Martis* (день Марса), *dies Mercurii* (день Меркурия), *dies Jovis* (день Юпитера), *dies Veneris* (день Венеры), *dies Saturni* (день Сатурна); Латинские названия, которые до сих пор используются в законодательных и судебных актах, в то время как в английском языке обычная номенклатура происходит от имен соответствующих саксонских божеств.

ГЛАВА XVII.

СОМНУС И МОРС.

Пещера сна.

Покинув безрадостные края царства Плутона и следуя по ровному течению реки Лете, древние, как им казалось, достигли большой пещеры в отдаленной и тихой долине. В этой пещере обитали Сомнус (или Хупнос), бог сна, и его брат-близнец Морг (или Танатос), бог смерти; оба они были сыновьями богини Ночи, некогда правившей всей Вселенной. У входа в пещеру постоянно дежурили теневые фигуры, которые осторожно трясли большие букеты маков и, прикладывая палец к губам, призывали к молчанию всех, кто осмеливался приблизиться. Это были джинны сна и смерти, которых в искусстве изображали увенчанными маками или амарантами, а иногда держащими в руках погребальную урну или перевернутый факел.

Сомнус и Морфей.

Пещера была разделена на камеры, каждая из которых была темнее и тише предыдущей. В одной из внутренних комнат, которая была вся задрапирована соболиными занавесками, стояла пуховая кушетка, на которой возлежала монаршая особа сна. Одежда его была также черной, но вся усыпана золотыми звездами. На голове у него была корона из маков, а в вялой руке он держал кубок, наполненный маковым соком. Его сонную голову поддерживал Морфей, его премьер-министр, который неусыпно следил за его затянувшейся дремой и не позволял никому нарушить его покой.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ СМЕРТИ. (Гробница Климента XIII; собор Святого Петра, Рим).

"Глубоко в пещере обитает дремлющий бог:
Чей мрачный особняк не посещает ни восходящее солнце,
ни заходящее, не посещает, ни светлый полдень:
Но ленивые испарения вокруг него летают,
Вечные сумерки и неясное небо;
И ни один петух не покажет своих крыльев,
И рогатым клювом не провоцирует день:
Ни бдительные собаки, ни бодрствующие гуси,

Не нарушают ночным шумом священный покой:
Ни звери, ни прирученные звери не приближаются,
Ни деревья с бурей, ни людской крик;
Но безопасный покой, без единого дуновения,
здесь обитает, и немая тишина рядом со смертью.
Рукав Леты с нежным течением,
поднимается вверх из скалы внизу,
По дворцовым рвам, по гальке ползет,
И тихим журчанием зовет к себе спящих;
Вокруг его входа растут кивающие маки,
И все прохладные симпоты дарят сладкий покой;
Ночь из растений вытягивает их сонную силу,
И, проходя, проливает ее на безмолвные равнины:
Ни одна дверь в этом доме не охранялась,
на скрипучих петлях, чтобы нарушить его сон.
Но в мрачном дворе возвышалась кровать,
усланное черными плюмажами, и на эбеновой стеле:
Черным было и покрывало, на котором лежал бог,
И спал он бездыханно, а конечности его были выставлены вперед.
Над его головой летали фантастические видения,
Которые дают различные образы вещей,
И насмеваются над их формами; не больше листьев на деревьях,
Ни бородатых колосьев в полях, ни песков на берегу".
Овидий (перевод Драйдена).

Сны и кошмары.

Вокруг кровати и над ней витали толпы утонченных духов - Снов, которые склонялись, чтобы нашептать на ухо приятные послания; в то время как в дальних углах квартиры таились отвратительные Кошмары. Сны часто отправлялись на землю под командованием Меркурия, чтобы навестить смертных.

Из долины сна вели двое ворот - одни из слоновой кости, другие из рога. Сны, проходившие через сверкающие ворота из слоновой кости, были обманчивы, а те, что через домашние ворота из рога, со временем должны были сбыться.

"Мечты, о незнакомец, некоторые из них бессмысленны.
И пустые, и никогда не исполнятся.
Два портала есть для их теневых форм,
Один из слоновой кости, другой из рога. Сны
что приходят сквозь резную слоновую кость, обманывают
Обещаниями, которые никогда не исполняются;
Но те, что проходят через двери из полированного рога,
И видят люди, вечно правдивы".
Гомер (перевод Брайанта).

Через роговые ворота также часто посылались сны, чтобы подготовить смертных к несчастьям, как в случае с Халкионом.

История Цейкса и Халкионы.

Однажды фессалийский царь Цейкс был вынужден расстаться со своей любимой женой Халкионой, чтобы отправиться в Дельфы для консультации с оракулом. Со многими слезами расставалась эта любящая пара, а Халкиона смотрела на уменьшающийся парус, пока он совсем не скрылся из виду; тогда она вернулась в свой дворец, чтобы молиться о благополучном возвращении мужа. Но, увы, боги распорядились, чтобы они никогда больше не встретились на земле, и, пока Халкиона молилась, поднялась буря, которая разбила судно Цейкса, а сам он и вся его команда погибли в бурлящих волнах.

День за днем царица спешила на берег моря в сопровождении своих слуг, чтобы следить за возвращающимися парусами судна своего мужа; ночь за ночью она лежала на своем ложе, с тревогой ожидая наступления утра, которое, как ей казалось, должно было оказаться благоприятным. Боги, видя ее тревогу и желая подготовить ее к известию о его смерти, а особенно к тому, чтобы она могла спокойно смотреть на его труп, который, по их решению, должен быть выброшен на берег, послали к ней Мечту.

Приняв облик и форму Цейкса, Сон проскользнул через роговые ворота, поспешил к постели Халкионы и прошептал, что ее муж мертв и что его тело уже выброшено солеными морскими волнами на гладкий песчаный пляж. С диким криком ужаса и горя проснулась Халкиона, и поспешила к берегу моря, чтобы убедить себя, что сон был ложным; но не успела она дойти до берега, как волны вынесли труп ее мужа к ее ногам.

Выдержать жизнь без него показалось бедной Халкионе непосильной задачей, и она тут же бросилась в море, чтобы погибнуть рядом с ним. Тронутые столь реальным и сильным горем, боги превратили оба тела в птиц, которые с тех пор известны как птицы Халкионы, и постановили, что они должны вечно жить на воде. Считалось, что эти птицы строят свои гнезда и выводят птенцов на волнах, а при угрозе шторма издают пронзительные крики, предупреждая моряков, чтобы те готовились к удару и поспешили укрыться в порту, если их не постигнет печальная участь бедного Цейкса.

Морс.

Морс, бог смерти, занимал один из углов пещеры Сомнуса. Это было отвратительное, похожее на труп божество, облаченное в намотанную простыню, в руках оно держало песочные часы и косу. Его впалые глаза были устремлены на песок времени, и когда он заканчивался, он знал, что жизнь кого-то из людей подходит к концу, и выходил вперед с косой в руках, чтобы с неутомимой радостью уничтожить свою жертву.

Нет нужды говорить, что это жестокое божество вызывало у древних страх и неприязнь, и ему не воздавали должного.

Однако эти два божества не имели большого значения в общей схеме античной мифологии, в которой Прозерпина обычно рассматривалась как олицетворение смерти, и поэтому они были скорее местными божествами. Лакедемоняне уделяли им наибольшее внимание и неизменно ставили их статуи рядом.

Морфей.

Морфей, сын и премьер-министр Сомнуса, также назывался богом сна, и смертные были вынуждены ходатайствовать о его благодеяниях. Обычно его изображают в виде спящего ребенка огромного телосложения и с крыльями. В одной руке Морфей держал вазу, в другой - маки, которые он нежно тряс, чтобы вызвать состояние дремоты, - по его словам, апогея блаженства.

ГЛАВА XVIII.

ЭОЛУС.

Не так далеко от спокойного царства Сомнуса и Морса, но на поверхности земли, находились Эоловы острова, ныне известные как Липарские, где Эол, бог бури и ветров, управлял очень непокорным и беспокойным населением.

Считается, что свое царское достоинство он получил из прекрасных рук Юноны и поэтому с особым рвением исполнял все ее повеления. Считается, что он женился на Авроре, или Эос, которая подарила ему шесть сыновей: Борея, северный ветер; Коруса, северо-западный ветер; Аквило, западный ветер; Нотуса, юго-западный ветер; Эвра, восточный ветер; и, наконец, Зефира, нежный и любящий южный ветер, чья миссия заключалась в том, чтобы возвещать смертным о возвращении долгожданной весны.

Дети Эола.

Пятеро старших сыновей Эола отличались шумным, бродячим, озорным, буйным нравом, и мир и покой были для них совершенно невозможны. Поэтому, чтобы они не натворили бед, он управлял ими очень строго, держал их в тесном заточении в большой пещере и выпускал на волю только по одному, чтобы они размяли конечности и немного потренировались.

"Эол в пещере огромной
С болтами и оковами наперевес
Мятежный шторм и воющий ветер.
Они с гулким грохотом скалы
С грохотом бьются у дверей своей тюрьмы.
А он, возвышаясь на троне, размахивает скипетром,
Управляет их настроениями, утишает их гнев".
Вергилий (перевод Конингтона).

Хотя ветры и были очень непокорны, они всегда слушались голоса своего отца и по его приказу, пусть и неохотно, возвращались в свою мрачную тюрьму, где тратили свою бессильную ярость на попытки сотрясти ее крепкие стены.

По своему настроению или по просьбе богов Эол либо отправлял более мягкие ветры играть среди цветов, либо, отозвав их, выпускал на свободу самых свирепых из своих детей с приказом нагромоздить волны высотой с гору, взбить их в пену, порвать паруса всех морских судов, сломать их мачты, выкорчевать деревья, сорвать крыши с домов и т. д., - словом, причинить весь возможный вред.

"Вот поднялись все разом и не знают покоя,
Со всех сторон ревет стремительный ветер:
Сначала с широких берегов Атлантического океана,
Бурный Корус поднимает свою грозную голову,
Покорные глубины управляют его мощным дыханием,
И, с высоты гор, пенный поток он катит;
Ему Северо-восток, встретив яростный вызов, бросил,
И отбросил назад уступчивый прилив.

Вьющиеся потоки громко противостоят друг другу,
Склоняют свои гордые головы, и ревут, когда бьются;
А пронзительный Борей со скифских берегов
Вздымает волны и зачерпывает самый низкий песок.
И Эвр тогда, я думаю, не остался жить,
И Нотус в эолийской келье,
Но каждый со всех сторон хвастался своей силой,
Сплотил свои гордые силы для защиты побережья".
Лукан.

Эол, царь ветров, разделил с Дедалом честь изобретения парусов, которые так быстро приводят в движение корабли во время прилива. Именно он, по словам Гомера, связал всех своих детей, кроме одного, в кожаный мешок, который подарил Улиссу, когда тот посетил Эолию. Благодаря этому подарку Улисс достиг берегов Итаки и высадился бы на берег в безопасности, если бы его люди не развязали мешок, чтобы исследовать его содержимое, и тем самым освободили разъяренные ветры, которые подняли самую страшную бурю в мифических летописях.

Храм Эола.

Древние, особенно афиняне, уделяли особое внимание ветрам, которым они посвятили храм, сохранившийся до наших дней и известный как Башня ветров или Храм Эола. Этот храм шестиугольный, и на каждой его стороне изображена летящая фигура одного из ветров.

Эвр, восточный ветер, обычно изображался "в виде молодого человека, летящего с большой стремительностью и часто появляющегося в игривом и беспутном настроении". Нотус, или Аустер, юго-западный ветер, "обычно изображался в виде старика с седыми волосами, мрачным лицом, головой, покрытой тучами, в соболином одеянии и с сумрачными крыльями", поскольку считался подателем дождя и всех внезапных и сильных ливней. Зефир, мягкий и нежный, был усыпан цветами и, по афинскому поверью, был женат на Флоре, с которой был совершенно счастлив и посещал все земли по очереди. Корус, северо-западный ветер, гнал перед собой тучи снега, а Аквило, грозный на вид, вызывал холодные мурашки по спине при одном только его виде. Борей, тоже грубый и дрожащий, был отцом дождя, снега, града и бурь, поэтому его обычно изображали скрытым в непроницаемых тучах. Его излюбленным местом обитания были Гиперборейские горы, откуда он совершал дикие набеги. Во время одной из таких вылазок он увлек за собой Орифию, которая всегда бежала при его приближении. Но вся ее ловкость не могла спасти ее: ее догнали и унесли в недоступные снежные и ледяные края, где он задержал ее и сделал своей женой. Она стала матерью Зетеса и Калеса, которые участвовали в экспедиции аргонавтов и изгнали гарпий (стр. 267), и двух дочерей, Клеопатры и Хионы.

В другой раз Борей, превратившись в коня и соединившись с кобылами Дардана, царя Трои, стал отцом двенадцати коней, таких быстрых, что никто не мог их обогнать.

ГЛАВА XIX.

ГЕРКУЛЕС.

"Сыну твоему дано будет,
С его широким сердцем, чтобы завоевать путь к небесам;
Двенадцать трудов он понесет; и все точные
И жестокие вещи свергнет, и грубых людей худших;
И в Трахинии погребальный костер
Смерть свою огнем очистит;
И он взойдет среди звезд, и будет
Признан родственником тех, кто завидовал тебе,
И послал эти рожденные в логове формы, чтобы сломить его судьбу".
Theocritus (Hunt's tr.).

Древние не ограничивались поклонением только богам, но и приносили жертвы нескольким смертным, которые своими героическими поступками и добродетельной жизнью вызывали восхищение и уважение. Главным среди этих героев, которых обычно называют полубогами, был Геракл (Геракл, Алкид), сын Юпитера и Алкмены, смертной принцессы.

Юнона преследует Геракла.

Как только весть о рождении Геракла достигла Олимпа, Юнона начала придумывать, как уничтожить ребенка своей соперницы. По ее приказу две колоссальные змеи с ядовитыми клыками были посланы, чтобы напасть на младенца в колыбели. Чудовища бесшумно подкрались, незаметно проникли во дворец, обвили вокруг колыбели и уже собирались насмерть раздавить ребенка в своих объятиях, когда, к полному изумлению беспомощных служителей, маленький Геракл поймал их за шею каждой крошечной рукой и задушил, дав тем самым первое доказательство чудесной силы, которая должна была сделать его знаменитым.

ГЕРКУЛЕС В МЛАДЕНЧЕСТВЕ. (Лувр, Париж.)

"Сначала два страшных змея по мстительному кивку Юноны
Взобрались вокруг колыбели спящего бога;
Разбуженные пронзительным шипением и шуршанием,
И крики прекрасных служанок, трепещущих вокруг,
Их задышающиеся глотки он сжимает руками;
И Смерть распутывает их спутанные складки".
Дарвин.

Когда Юнона увидела, как легко Геракл избежал грозившей ему опасности, она сочла бесполезным предпринимать новую попытку лишить его жизни, но решила раздражить его гордый дух, причинив ему множество мелких неприятностей, и не дать ему обрести прочный покой или счастье.

Для достижения этой цели она сначала вырвала у Юпитера указ, согласно которому Геракл должен был в течение определенного количества лет служить своему двоюродному брату Эврисфею - подлому и трусливому принцу, правившему Аргосским царством.

За воспитанием Геракла тщательно следил Хирон, ученый кентавр, который научил его владеть всеми видами оружия и обучил всем видам атлетического спорта. Годы проходили счастливо и быстро, пока, наконец, не наступило время, когда образование Геракла было завершено, и перед ним открылся целый мир, полный приятных возможностей и богатый множеством достопримечательностей.

Выбор Геракла.

Юный герой, уволенный своим наставником, отправился на поиски своей судьбы. Но не успел он отойти далеко, как встретил двух прекрасных женщин, которые тут же вступили с ним в разговор и вытянули из него признание, что он ищет приключений. Женщины, Арета (Добродетель) и Какия (Порок), предложили ему стать проводником, но предложили ему выбрать, за кем он предпочтет следовать.

Какия, чтобы побудить его последовать ее руководству, обещала богатство, легкость, внимание и любовь, а Арета, скромная дева, предупредила, что вслед за ней он будет вынужден вести непрерывную войну со злом, терпеть лишения, проводить дни в труде и нищете.

Молча размышлял Геракл некоторое время над этими двумя столь несхожими предложениями, а затем, помня о неоднократных наставлениях своего наставника, поднялся со своего места на обочине и, обратившись к Арете, заявил, что готов подчиниться любому ее приказу.

"Юный Геракл с твердым презрением
Отважился на нежные улыбки блудниц;
К доблестным трудам направил свои сильные конечности,
И отдал Добродетели весь свой могучий ум".
Дарвин.

Мужественно ступая по указанному ею грубому и тернистому пути, он терпеливо выполнял различные поручения, которые она перед ним ставила, освобождая угнетенных, защищая слабых и исправляя все несправедливости.

Безумие Геракла.

В награду за эти добрые дела он получил в жены Мегару, дочь Креона, царя Фив, и имел от нее троих детей, которых нежно любил. Но Юнона вовсе не была довольна тем, что он ведет такую мирную и благополучную жизнь, и, прервав ее равномерное течение, свела героя с ума.

В припадке бреда он бросил свое потомство в огонь и, как нам рассказывают, убил свою любимую жену. Только тогда он пришел в себя и испытал муки скорби и раскаяния за

ужасные преступления, которые невольно совершил. В своем горе он удалился в горное уединение, где, вероятно, и прожил бы всю оставшуюся жизнь, если бы за ним не пришел Меркурий и не объявил, что в течение двенадцати месяцев он должен служить Эврисфею, царю Аргоса.

Геракл в рабстве.

Тогда бог-посланник предложил привести его к назначенному начальнику. Но когда Геракл узнал, что обречен быть рабом, он впал в такую страсть, что едва не потерял рассудок; и вместо того чтобы убивать вредных зверей и завоевывать благословение людей своими добрыми делами, он тупо и бесцельно бродил по городу, пока наконец не понял, как тщетны его попытки бороться с судьбой, и, побуждаемый своим избранным советником Аретой, добровольно предложил свои услуги Эврисфею, который сообщил ему, что он должен совершить двенадцать великих трудов, прежде чем снова обретет свободу.

Немейский лев.

С нетерпением приступив к выполнению намеченных задач, Геракл первым делом отправился на поиски и уничтожение чудовищного льва, логово которого находилось в Немейском лесу. Далеко и широко, по всей округе, этот монстр совершал свои злодеяния, уводя скот и овец, мужчин, женщин и детей, чтобы пожирать их по своему усмотрению. Все предупреждали Геракла об опасности и трудности этой затеи, рассказывали о неудачных попытках убить чудовище и пророчили, что он никогда не вернется живым. Герой не стал отговариваться, а вошел в лес, выследил льва в его логове, схватил его за горло и задушил, как в детстве душил змей. Затем он снял с чудовища шкуру, лохматая шкура которой стала его любимым покрытием.

"Так из логова Немеи вышел Алкид,
И львиная желтая шкура струилась по его плечам".
Flaccus (Elton's tr.).

Гидра из Лерны.

По возвращении в Аргос, чтобы сообщить об успешном завершении первого задания, Гераклу было велено отправиться в болота Лерны, где скрывалась семиглавая змея, гидра, и положить конец ее хищнической карьере, ибо эта змея пожирала людей и зверей. Вооружившись огромным мечом, Геракл сумел отрубить одну из семи голов, но не успел он это сделать, как, к своему ужасу, увидел, что из кровоточащего обрубка внезапно появились еще семь голов. Чтобы предотвратить повторение этого неприятного чуда, Геракл велел своему другу Иолаю, который сопровождал его, чтобы посмотреть на его доблесть, взять зажженное клеймо и прижечь раны, как только они были нанесены. Благодаря этому мудрому плану чудовище было наконец убито, хотя дружелюбный краб, посланный Юноной для защиты Гидры, постоянно щипал Геракла за ноги. Разгневанный таким вмешательством, герой раздавил краба, который, однако, получил свою награду, так как Царица Небесная поместила его на небо в виде созвездия Рака (Краба). Таким образом, страна была освобождена от своего долгого рабства; но прежде чем покинуть место своего второго труда, Геракл обмакнул свои стрелы в ядовитую кровь гидры, прекрасно зная, что любая рана, которую они нанесут, даже самая незначительная, обязательно окажется смертельной.

Олень Серинеи.

Третьим заданием Эврисфея была поимка золоторогого и медноногого оленя Керинея, чья стремительность была такова, что он, казалось, едва касался земли. Геракл был вынужден преследовать это животное на протяжении многих изнурительных миль, прежде чем смог его догнать; ему удалось поймать его, загнав в глубокий сугроб в далекой северной стране, из которого он его извлек и с триумфом доставил домой.

Эриманфский вепрь.

Таким же успехом увенчался его четвертый труд - поимка эриманфского вепря в Аркадии. Напав на кентавров во время выполнения этого задания, Геракл направил на них свои смертоносные стрелы и случайно ранил своего любимого наставника Хирона, который пришел разрешить спор. Тщетно герой прикладывал все целебные травы. Рана оказалась смертельной, и Хирон умер, но в награду за его добрые услуги боги перенесли его на небо, где он известен как созвездие Стрельца.

Авгиевы конюшни.

Далее Геракл был послан к Аугею, царю Элиды, у которого были огромные стада скота. Стойла, в которых обычно содержались эти животные, находились в невероятно грязном состоянии, так как их не чистили годами, и теперь Гераклу было поручено удалить накопившуюся грязь и полностью очистить помещение.

Недалеко от этих конюшен протекал поток, а точнее, река - Алфей. Геракл с одного взгляда увидел, какую пользу можно извлечь из этого стремительного потока: он запрудил его и повернул в сторону от его русла, так что воды проходили прямо через конюшни, унося все нечистоты и омывая их до полной чистоты.

ГЕРКУЛЕС И КЕНТАВР. Болонья. (Флоренция.)

"Ничто другое
Не могло очистить авгиевы конюшни".
Вордсворт.

Когда Геракл увидел, что работа по очищению полностью завершена, он направил поток обратно в его первоначальное русло и вернулся домой, чтобы объявить, что пятый труд завершен. Сказочная грязь авгиевых конюшен и радикальные методы, использовавшиеся для их очищения, породили пословичные выражения, которые до сих пор используются.

Критский бык.

Далее Геракл отправился на Крит, чтобы выполнить свое шестое задание - поймать бешеного быка, подаренного Нептуном царю острова Миносу. Бог послал животное с указанием принести его в жертву, но Минос, очарованный его необычными размерами и красотой, решил оставить его себе, а для религиозной церемонии взял быка из своего стада.

Разгневанный тем, что его приказ был так бесцеремонно нарушен, Нептун разъярил быка, и тот с диким криком помчался по всему острову, причиняя огромный ущерб. Именно это животное Геракл с присущей ему силой и ловкостью поймал и связал, завершив тем самым выполнение шестой задачи.

Кони Диомеда.

Затем он поспешил во Фракию, где царь Диомед держал несколько прекрасных коней, питавшихся человеческой плотью. Чтобы получить достаточное количество свежего мяса для своих лошадей, Диомед распорядился, чтобы всех чужеземцев, которые осмелятся войти в его царство, схватывали и, когда они достаточно растолстеют, казнили и подавали в ясли его лошадям. Чтобы наказать Диомеда за это непрекращающееся варварство, Геракл скормил его собственным лошадям, которых затем отвел к Эврисфею в знак того, что седьмой труд окончен.

Пояс Ипполита.

При дворе Эврисфея жила его прекрасная дочь Адмета, тщеславная принцесса, любившая наряды и драгоценности и никогда не бывшая счастливой, когда получала какое-нибудь новое украшение или предмет одежды. Однажды Адмета услышала, как один путешественник описывал пояс, который носила Ипполита, королева амазонок, и ее сразу же охватило желание обладать этим украшением.

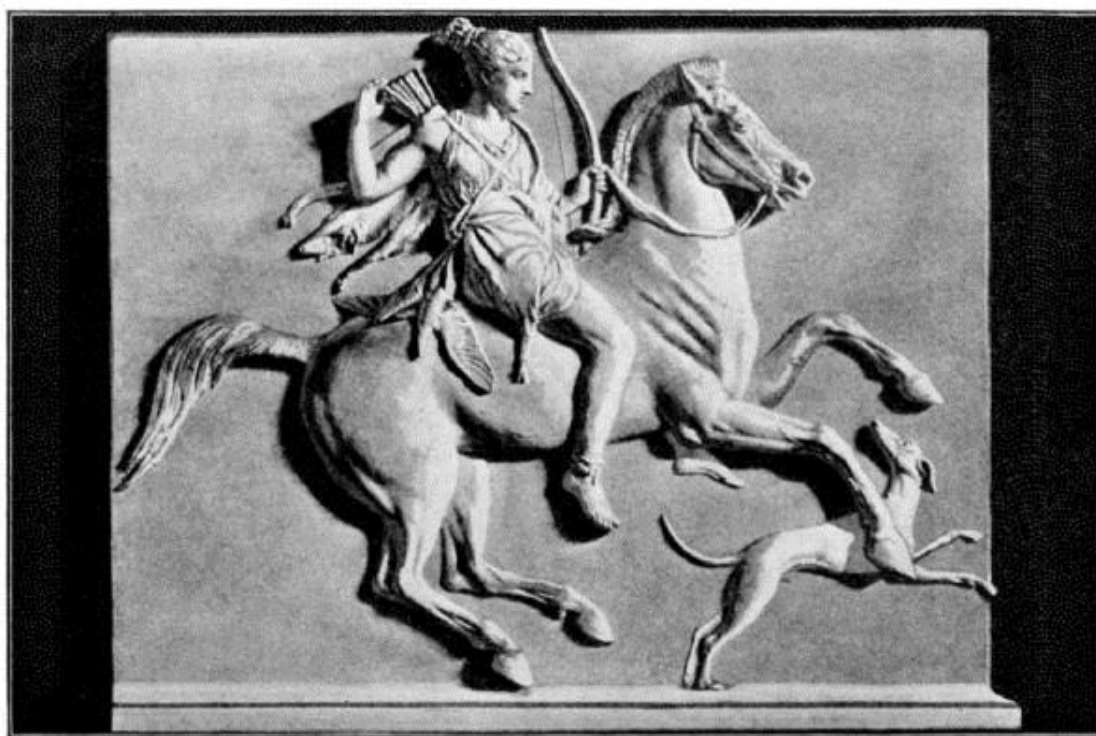
Она передала это желание Эврисфею, который, желая удовлетворить ее, пока это можно сделать без риска и хлопот, отправил Геракла на поиски желанной драгоценности. Путешествие в страну амазонок - свирепого, воинственного женского народа - было долгим и опасным, но Геракл шел не останавливаясь, не останавливаясь, кроме тех случаев, когда его услуги были необходимы для выполнения какого-то доброго дела для смертных, пока не достиг их земли, предстал перед их царицей и смело объяснил причину своего присутствия. Ипполита выслушала его объяснения и просьбу с царской снисходительностью, обещала рассмотреть вопрос, а пока велела ему пировать и отдыхать в своем дворце.

Геракл без труда справился бы с этой задачей, если бы Юнона вдруг не вспомнила о его существовании и не решила продолжить свои никогда не забываемые гонения. В облике амазонки она смешалась с женщинами и искусно распространила информацию о том, что Геракл действительно пришел похитить их царицу, а притворные поиски пояса - всего лишь предлог, призванный отвлечь их внимание от его истинной цели. Амазонки безоговорочно поверили этим слухам, бросились к оружию и окружили свою царицу.

"Амазонки выстроили свои ряды,
В расписных объятых с сияющим блеском

Вокруг Ипполиты царицы".
Вергилий (перевод Конингтона).

Собравшиеся напали на Геракла, который в одиночку встретил их натиск, победил их и, наконец, унес приз, ради которого так рисковал. Именно на обратном пути из этой экспедиции он спас Гесиону, дочь Лаомедона, из пасти морского чудовища, которое собиралось поглотить ее, как до этого поглотило многих прекрасных троянских дев (с. 152).

Горная Амазонка, отправляющаяся в погоню. Торвальдсен. (Копенгаген.)

Стимфалийские птицы.

Эврисфей, довольный тем, как Геракл выполнил восемь из двенадцати заданий, велел ему теперь отправиться и убить опасных птиц с медными когтями, которые парили над застойными водами Стиμφалийского озера. Отравленные стрелы сослужили ему хорошую службу и позволили быстро покончить со всей стаей.

"Его стрелы убили
Чудовищ, на которых пал Стиμφалус".
Катулл.

Скот Герионов.

Далее Гераклу было велено захватить божественный скот Герионеса, великана из Эритреи. По дороге домой с этим чудесным стадом Геракл остановился на горе Авентин, где ночью отвратительный великан Какус украл несколько его коров. Чтобы наказать его за эту кражу, Геракл пробрался в его пещеру, напал на него и после незабываемой схватки убил его.

Вскоре животные попали в руки Эврисфея, который отправил Геракла на поиски золотых яблок Гесперид.

Гесперийские яблоки.

Это поручение сильно озадачило Геракла, так как он не знал, в какой части света ему найти эти яблоки, подаренные Юноне на свадьбу и переданные ею на попечение Гесперид, дочерей Геспера, бога Запада. После многочисленных путешествий и расспросов Геракл узнал, что девы увезли эти яблоки в Африку, повесили их на дерево в своем саду, а у его подножия посадили дракона Ладона, чтобы тот днем и ночью охранял их сокровища. К сожалению, никто не мог сказать Гераклу, в какой части Африки может находиться сад Гесперид, и он отправился в путь, решив путешествовать, пока не получит хоть какие-то сведения. На своем пути он встретил множество приключений и увидел множество странных достопримечательностей. Так, например, он впервые встретил нимф реки Эрида и, расспросив их о золотых яблоках, получил совет обратиться к богу моря Нерею, который, возможно, сможет дать ему какие-то сведения по этому вопросу.

Геракл, застигнув это престарелое божество во время сна на берегу моря, крепко держал его в руках, несмотря на множество превращений, которые он претерпел в тщетной надежде отпугнуть своего потенциального собеседника. В ответ на вопрос Геракла он, наконец, с большой неохотой посоветовал ему обратиться к Прометею, который один сможет направить его на путь истинный.

Повинуясь этому совету, Геракл отправился в Кавказские горы, где на краю могучей пропасти нашел Прометея, все еще закованного в адамантиновые цепи и ставшего жертвой хищного стервятника (с. 28). Подняться по склону горы, убить жестокую птицу, разорвать адамантиновые цепи и освободить благодетеля всего человечества было делом нескольких минут для такого героя, как Геракл; и в благодарность за избавление, которого он так долго тщетно добивался, Прометей направил Геракла к своему брату Атласу, сказав ему, что тот наверняка знает, где можно найти яблоки.

Пигмеи.

Геракл направился в Африку, где жил Атлас, и по пути проезжал через страну уменьшительной расы людей, называемых пигмеями, которые были так малы, что жили в постоянном страхе перед своими соседями, гораздо более крупными и сильными, чем они, и перед журавлями, которые пролетали над их страной большими стаями и иногда слетались, чтобы пожирать их урожай.

Чтобы защититься от этих постоянных вторжений, пигмеи в конце концов приняли услуги Антея, великана, сына Геи, который великодушно предложил защищать их от всех врагов. Когда эти маленькие люди увидели вдали могучую фигуру Геракла, они громко закричали от страха и велели Антею идти и убить нового захватчика, который, как они ошибочно полагали, замышлял против них зло.

Гордый своей силой, Антей вышел навстречу Гераклу и бросил ему вызов. В результате этого вызова сразу же завязалась ожесточенная борьба, и, поскольку бойцы были равны по росту и силе, победа казалась весьма сомнительной. Наконец Геракл почувствовал, что его огромные силы начинают иссякать, и заметил, что каждый раз, когда его противник касался земли, он, казалось, вновь обретал бодрость. Поэтому он решил попытаться одержать победу с помощью стратегии и, воспользовавшись удобным случаем, обхватил Антея за талию, поднял его с земли и заключил в свои мощные объятия.

Гигант из всех сил пытался освободиться, но Геракл держал его крепко и чувствовал, как он становится все слабее и слабее, когда его больше не поддерживает мать Земля, от которой он черпал все свои силы, пока, наконец, его борьба не прекратилась, и он повис безжизненным и хромым в сокрушительных объятиях Геракла.

"Поднимает Геракл гордого Антея с материнской земли,
и крепко обхватывает сопротивляющегося гиганта;
Падает его обморочная голова и слипшиеся волосы,
Слабые конечности его затряслись, и жизнь его повисла в воздухе".
Дарвин.

Атлас.

Теперь, когда гигантский защитник пигмеев больше не преграждал ему путь, Геракл отправился дальше в поисках Атласа, которого он наконец нашел, поддерживающего небеса на своих широких плечах. Атлас внимательно выслушал все, что рассказал Геракл, заявил, что знает, где можно найти яблоки, и пообещал принести их, если герой лишь ненадолго освободит его от бремени. Обрадованный тем, что так легко выполнил свою цель, Геракл позволил переложить бремя небес на свои плечи, и Атлас поспешил выполнить свою часть договора.

Издалека великан увидел золотой плод, сверкающий в лучах солнца. Незаметно он приблизился, вошел в сад, убил дракона во сне, сорвал яблоки и вернулся без охраны туда, где оставил Геракла. Но шаги его становились все медленнее и медленнее, и, приближаясь к герою, он с ужасом думал о том бремени, которое ему предстоит так скоро взвалить на себя и нести, возможно, веками без облегчения.

Эта мысль угнетала его. Свобода была так сладка, что он решил сохранить ее и, спокойно подойдя к Гераклу, объявил, что отнесет золотые яблоки Эврисфее и оставит его вместо себя поддерживать небеса. Прикинувшись довольным, чего он отнюдь не чувствовал, Геракл согласился, но на мгновение задержал Атласа, попросив его подержать небо, пока он не сможет положить ему на плечи подушку. Добродушный, как и полагается великанам, Атлас бросил яблоки на траву рядом с собой и принял на себя лежащий груз, но Геракл, вместо того чтобы приготовиться к его возвращению, подобрал яблоки, оставив Атласа одного, в том же положении, в каком он его нашел, и оставался там до тех пор, пока какой-нибудь более сострадательный герой не придет и не освободит его.

"Вот Атлас, сын великого Иапетуса,
Со склоненной головой и вечно опущенными руками,
Поддерживает просторные небеса".
Гесиод.

Именно во время одного из своих могучих трудов Геракл одним взмахом своей мощной руки пробил расщелину в горах и позволил водам Моря влиться в Океан; с тех пор скалы по обе стороны Гибралтарского пролива носят имя Геракловых столбов.

Двенадцатая и последняя задача, поставленная Эврисфеем, была самой сложной из всех. Гераклу было велено спуститься в Аид и вывести оттуда надежно связанного пса Цербера.

"Но в последний раз, в мрачную обитель Плутона
Сквозь темные челюсти Тенара он прошел,

Чтоб трехглавого пса на свет вытащить".
Еврипид (перевод Поттера).

Этот приказ, как и все остальные, был быстро выполнен, но Эврисфей был так напуган видом трехголового пса, из пены которого капала паслена, что укрылся в огромном кувшине и не выходил оттуда, пока Геракл не отнес чудовище обратно в свою пещеру.

Олимпийские игры.

Двенадцать назначенных работ были завершены, время рабства закончилось, и Геракл, свободный человек, мог странствовать по своей воле и наслаждаться счастьем свободы. Бродячее существование, в силу привычки, стало необходимостью: так герой первым делом отправился в Олимпию, где учредил игры, которые должны были проводиться каждый пятый год в честь Юпитера, его отца. Затем он бродил из места в место, творя добро, и пришел в дом Адмета, где с удивлением обнаружил, что весь двор в трауре.

Его сочувственные расспросы вскоре привели к полному рассказу о том, как Алкестида пожертвовала собственной жизнью ради бессмертия мужа (с. 65). Сердце героя было тронато одиночеством царя, и он, вновь преодолев ужасы Аида, вернул Алкестиду из могилы и вернул ее в объятия мужа.

Геракл принимал активное участие во многих героических предприятиях. В частности, он участвовал в экспедиции аргонавтов (с. 266), в битве между кентаврами и лапифами (с. 260), в войне богов и гигантов, а также в первой осаде Трои (с. 152), которая оказалась успешной.

Геракл и Омфала.

Но герой, так недавно вырвавшийся из рабства, вскоре был вынужден вернуться в рабство; в порыве гнева он убил человека и был осужден собравшимися богами служить Омфале, царице Лидии, в течение определенного времени.

Теперь от Геракла не требовалось великих подвигов, его сила была осмеяна новой хозяйкой, которая, легко управляя им благодаря его восхищению ею, заставляла его заниматься недостойными мужчины делами и, пока он был занят прядением, наряжалась в его львиную шкуру и размахивала его знаменитой булавой.

"Его лев портит смех, который требует Ярмарка,
И дает прялку его неловким рукам".
Дарвин.

ГЕРКУЛЕС У НОГ ОМФАЛА. Глейр.

Какими бы недостойными ни казались эти женоподобные задания для такого героя, они оказались очень приятными для Геракла, который, влюбившись в свою новую госпожу, казалось, не желал ничего лучшего, чем навсегда остаться ее рабом и провести свои дни в праздности и удовольствиях. Однако его могучую руку ждали великие труды, и в назначенное время боги освободили его от рабства у лидийской царицы и повелели ему идти и творить все добро, на которое он способен.

Геракл и Деянира

Во время своих странствий Геракл встретил Дейнеру, дочь Сѐneus, и, влюбившись в нее, выразил желание жениться на ней. Но, к несчастью, другой жених, речной бог Акелус, уже получил согласие отца.

"Пришел Акелус,
Речной бог, чтобы спросить голос отца,
И схватил меня в свои объятия".
Софокл (перевод Франклина).

Этот поклонник был настолько уверен в своей привлекательности, что даже не счел нужным заручиться благосклонностью деви, и когда Геракл признался ей в любви, она тут же пообещала выйти за него замуж, если только он освободит ее от любовника, которого отец хотел бы навязать ей. Обрадованный тем, что сможет завоевать невесту и одновременно наказать соперника, Геракл бросил вызов Акелусу, и начался поединок, слава о котором дошла до нас через все последующие века.

Ахелай был противником, достойным Геракла, и, кроме того, воспользовался своей способностью менять форму по своему желанию, чтобы еще больше озадачить и досадить выносливому герою. Наконец он принял облик быка и с опущенными рогами бросился на Геракла, намереваясь отшвырнуть его в сторону. Герой, ловко уклонившись от его первого удара, схватил его за один из своих огромных толстых рогов и держал так крепко, что все попытки быка освободиться от его мощной хватки были тщетны, пока рог не сломался.

Богиня изобилия, аттическая Фортуна, ставшая свидетельницей этой странной схватки, присвоила себе сломанный рог, засунула в его дупло свои сокровища и была так довольна эффектом, что постановила, что отныне он должен стать одним из ее атрибутов. Поединок, приостановленный лишь на время, возобновился с удвоенным рвением, ибо каждый из влюбленных намеревался добиться руки прекрасной Деяниры.

ФОРТУНА. (Ватикан, Рим.)

"Теплее, и теплее становится конфликт:
Ужасный шум от бряцания луков,
противостояния фронта с фронтом и руки с рукой:
Глубокая борьба была одушевлена
За любовь, за завоевание и за жизнь".
Софокл (перевод Франклина).

Победа, хотя и долгое время оставалась неясной, в конце концов осталась за Гераклом, который с триумфом удалился со своей с таким трудом завоеванной невестой, ибо судьба не позволила ему долго задерживаться в каком-либо месте. Вместо того чтобы бродить в одиночестве, не имея никого, кто мог бы подбодрить или посочувствовать, Геракл взял с собой Дейнеру, и через много дней они пришли к реке Эвнус, чьи обычно неглубокие и спокойные воды были вздуты и мутны, так как над этой частью страны недавно прошли сильные ливни.

История Нессуса.

Геракл на мгновение остановился, чтобы рассмотреть поток, и огляделся в поисках безопасного способа переправить Деяниру. Пока он размышлял, к нему на помощь пришел кентавр по имени Нессус и предложил перевезти прекрасную юную невесту на другой берег в полной безопасности, если только она согласится сесть на его широкую спину.

"Хриплый кентавр, который по обычаю нанимался
чтобы нести путешественника через бурный поток
глубокого Эвнуса: не с веслами и не под парусом.
Не веслами и не парусом, а нервной рукой
противостоял и проходил его; я, когда только стала невестой,
Я покинула гостеприимный кров моего отца
С моим Алкидом, на руках его неся
Против течения".
Софокл (перевод Франклина).

Геракл, не преминувший воспользоваться любезным предложением кентавра о помощи, быстро помог Дейнеиры подняться на ноги, увидел, как они спускаются в воду, и приготовился следовать за ними, держа лук и стрелы наготове в одной руке, а другой разгоняя волны.

Кентавру Нессусу не часто выпадала удача перевезти через реку такую красивую пассажирку, как Деянира, и, пока он плыл, он решил ускакать с ней галопом, как только достигнет противоположного берега. Поэтому ему пришлось приложить все свои силы и энергию, и когда он достиг берега, то вместо того, чтобы остановиться и дать своей прекрасной ноше возможность сойти на берег, он пустился бежать так быстро, как только мог.

Одеяние Нессуса.

Громкий крик Деяниры привлек внимание Геракла, и через секунду одна из его отравленных стрел повалила потенциального насильника на землю, пронзив сердце. Умиравший кентавр Нессус покался и велел Деянире взять его халат, слегка испачканный кровью из раны, нанесенной отравленной стрелой, и бережно хранить его, ибо он обладает магической силой; и если она когда-нибудь обнаружит, что любовь ее мужа ослабевает, он заверил ее, что, если она побудит его надеть его, вся его прежняя привязанность возродится, такая же чистая и пылкая, как во время их медового месяца.

"Возьми
этот белый халат. Она дорого стоит. Видишь, моя кровь
немного запятнала его. Я поступил неправильно:
Я знаю это, и покайтесь. Если настанет

время, когда он остынет, - ведь вся раса
Герои странствуют, и ни одна любовь не может
Надолго закрепить их любовь - возьмите ее и укутайте его,
И он снова полюбит".
Льюис Моррис.

Дейнеара с благодарностью приняла подарок и пообещала бережно хранить его, хотя искренне надеялась, что он ей никогда не пригодится. Шли годы. Геракл часто покидал Дейнеру, чтобы избавить угнетенных и облегчить страдания, ведь люди приезжали издалека, чтобы попросить его о помощи; и хотя его отсутствие иногда затягивалось, он всегда возвращался к ней, такой же любящий, как и прежде, и у нее не было причин для жалоб. Наконец долг привел его ко двору Эврита, где он увидел Иоле, которую увидел и полюбил в начале своей карьеры, но которую был вынужден оставить для выполнения своих трудных задач. Она была все так же молода и очаровательна, и первый взгляд на ее милое лицо возродил всю его былую страсть. День за днем он не отходил от нее, забыв о долге, о Дейанейре и обо всем, кроме своей первой мечты о любви и счастье. Когда Дейнеира отсутствовала, до нее доходили слухи о его героических свершениях; но в этот раз до ее слуха дошло лишь сообщение о том, что он вернулся к верности своей первой любви, и это пробудило ее ревность, так долго дремавшую.

Ревность Деяниры.

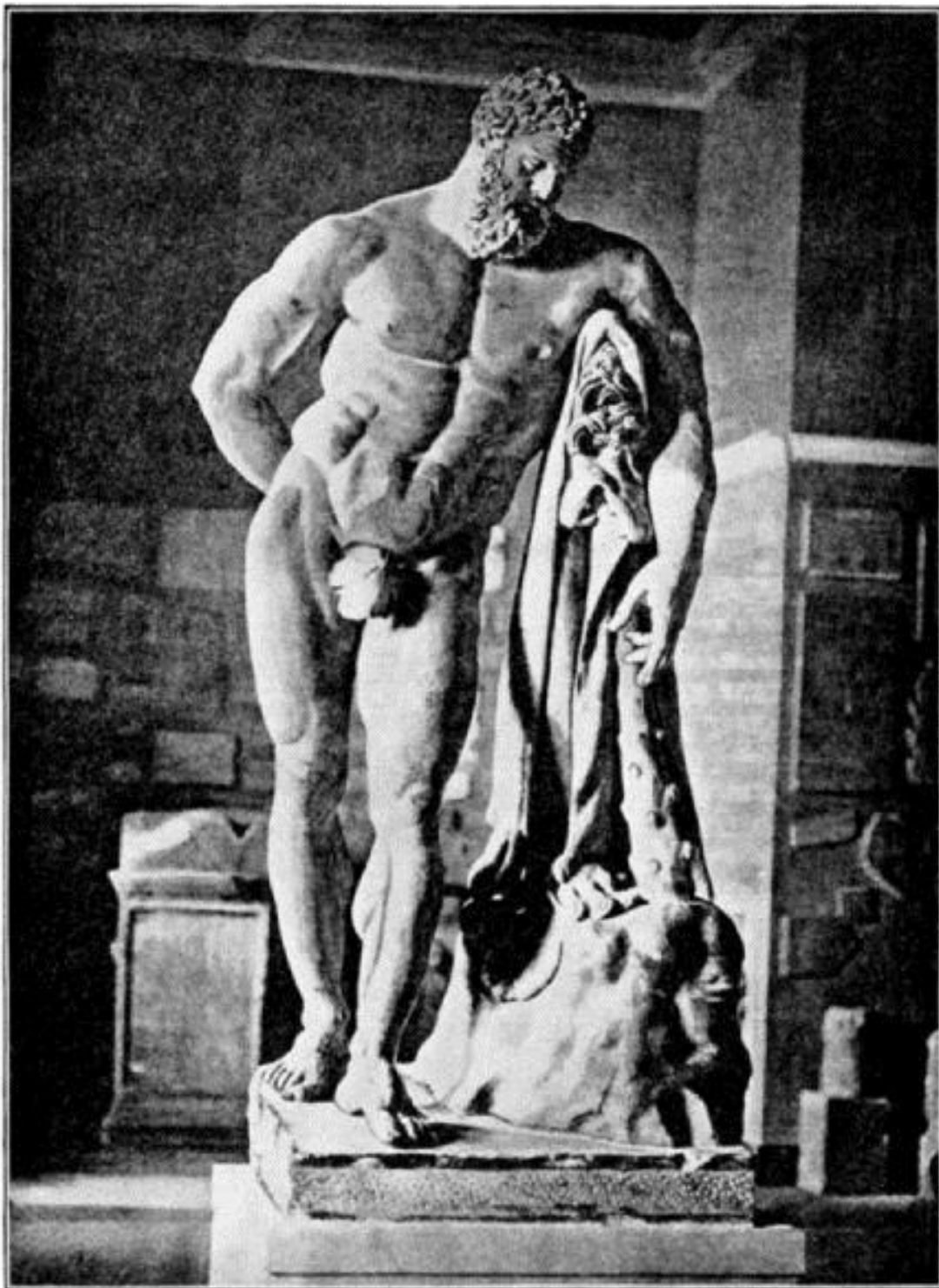
Наконец она услышала, что Геракл снова направляется домой, и сердце ее забилося от радости, но только для того, чтобы еще сильнее опуститься, когда ей сказали, что его сопровождает Иоле и многочисленный поезд. Тогда она вспомнила о давно забытом даре кентавра. Дрожащими руками она отыскала сверкающую мантию, отдала ее гонцу и велела ему поспешить на встречу с Гераклом, чтобы уговорить его надеть ее для триумфального возвращения. Посланец Лихас поспешил исполнить ее просьбу, а Деянира с быстро бьющимся сердцем ждала успеха своей затеи.

"Я лишь желаю, чтобы чары имели силу
Чтобы отбить у Алкида любовь этой девы,
И вернуть его в объятия Деяниры".
Софокл (перевод Франклина).

Лихас добросовестно выполнил поручение, а Геракл, увидев дорогое одеяние и желая предстать перед светлыми очами Иолы в наилучшем виде, немедленно облачился в богато расшитый халат.

Смерть Геракла.

Не успел он надеть его, как отравленная кровь кентавра начала свою смертоносную работу. Сначала он почувствовал жжение, которое, словно огонь, пробежало по каждой жилке. Он тщетно пытался сорвать роковую одежду. Оно цеплялось за его конечности, а яд проникал в плоть, пока боль не стала сильнее, чем он мог вынести.

ГЕРКУЛЕС ФАРНЕЗЕ. (Национальный музей, Неаполь.)

В ярости от разыгранного с ним трюка он схватил Лихаса - несчастного носителя отравленной мантии - за ногу и сбросил его с вершины горы $\Sigma\epsilon\tau\alpha$ вниз в море, где тот и погиб.

"И Лихас с вершины горы $\Sigma\epsilon\tau\alpha$ бросился
В Эвбейское море".
Мильтон.

Решив положить конец этим невыносимым мучениям смертью, достойной всей его жизни, Геракл позвал своих слуг и велел им сложить погребальный костер на вершине горы; но они в слезах отказались повиноваться, ибо не могли смириться с мыслью о расставании с любимым господином. Не помогли им ни просьбы, ни уговоры, и тогда Геракл в одиночку взобрался на вершину горы, вырвал с корнем огромные дубы и стал валить их один на другой, пока не образовалась мощная груда, на которую он водрузил свои колоссальные, израненные болью конечности, и велел своему другу Филоктету поджечь эту чудовищную массу.

Сначала Филоктет тоже отказался выполнить его просьбу, но, подкупленный обещанием знаменитых на весь мир отравленных стрел, он все-таки согласился исполнить желание Геракла, и красное пламя поднималось все выше и выше, дерево трещало и горело, и вскоре герой был окутан пламенем, которое очистило его от всего смертного.

Тогда Юпитер спустился из своей славной обители, подхватил благородную душу на свои могучие руки и унес ее на Олимп, чтобы там навсегда поселиться в счастье с Гебой, прекрасной богиней юности, чья рука была отдана ему в жены.

"Пока бог, земную часть оставив,
С человеком в пламени разлучился,
Пил чистейшее дыхание небесных эфиров.
Радуюсь новой, непривычной легкости,
Земное мрачное, тяжкое бремя потеряно в смерти.
Высокий Олимп слаженно приветствует
В зал, где царствует обожаемый им государь;
Светлая богиня юности, румяная при встрече,
Дарит нектар своему повелителю".
Шиллер (перевод С. Г. Б.).

Поклонение Геркулесу.

Геркулесу, особому божеству атлетического спорта и силы, поклонялись в основном юноши. В искусстве его обычно изображают высоким, мощно сложенным мужчиной с маленькой бородатой головой, небрежно перекинутой через плечо львиной шкурой и опирающимся на массивную дубину.

"Великий Алкид, сгорбившись от труда,
Опирается на свою дубину".
Папа.

Говорят, что некоторые игры в Олимпии проводились в его честь, хотя первоначально он учредил их в честь Юпитера, своего отца. Немейские игры, которые проводились в лесу Немей, месте его первых великих трудов, были главными играми, проводившимися в Греции в память о его благородных деяниях и ранней смерти.

ГЛАВА XX.

ПЕРСЕЙ.

Акрисий и Даная.

Жизнь Акрисия, царя Аргоса, была ему в тягость с того злополучного дня, когда оракул предсказал, что он будет убит своим внуком. До тех пор царь очень любил своего единственного ребенка, Даная, и с гордостью думал о том времени, когда отдаст ее замуж за самого благородного из всех, кто придет свататься.

Теперь же все его планы изменились, и единственным его желанием было удержать ее без брака, что было нелегко, ибо дева была очень красива, и Акрисий знал, что коварный бог любви постарается найти способ перехитрить его и свести его планы на нет. После долгих раздумий Акрисий решил запереть Даная в медной башне, вокруг которой расставил стражу, чтобы никто не мог даже приблизиться к плененной принцессе.

Но, хотя Даная была надежно укрыта от людских глаз, ее прекрасно видели вечные боги; Юпитер, глядя с Олимпа, видел ее во всей ее прелести и во всем ее одиночестве. Она сидела на вершине своей медной башни и с тоской смотрела в сторону города, где девушки ее возраста наслаждались свободой и могли выходить замуж, когда им заблагорассудится.

Золотой дождь.

Юпитер, жалея ее замкнутость и восхищаясь ее красотой, решил спуститься и немного поговорить с ней. Чтобы его не заметили, он превратился в золотой дождь и плавно опустился на башню рядом с ней, где его присутствие и пылкая беседа вскоре покорили сердце девы.

"Данаи, в башне дерзкой.

Где не было любви, полюбила душ".

Шелли.

Этот первый удачный визит часто повторялся, и Даная больше не чувствовала себя одинокой и покинутой, так как Юпитер проводил с ней большую часть времени, усердно ухаживая за ней, и в конце концов склонил ее к тайному браку, против которого никто не возражал, так как никто не подозревал о его визитах, которые он продолжал совершенно беспрепятственно.

Рождение Персея.

Но однажды утром стражники в ужасе бросились во дворец Акрисия, чтобы сообщить, что Даная, его дочь, родила сына, которого за его красоту называли Персеем. Не успел царь узнать эту удивительную новость, как пришел в ярость, поклялся, что мать и дитя должны погибнуть, и отправил стражников за несчастными жертвами.

Однако Акрисий не был настолько жесток, чтобы запятнать свои руки кровью ребенка или стать свидетелем его казни, поэтому он приказал поместить ее вместе с беспомощным младенцем в пустой бочонок и подвергнуть ярости волн. Приказ был быстро исполнен, и сердце Данаи заняло от ужаса, когда она почувствовала, как бочонок захлестывают

огромные волны, далеко от суши и вне пределов досягаемости помощи. Прижимая к груди младенца, она горячо молила богов присмотреть за ними обоими и доставить их в целости и сохранности к какому-нибудь гостеприимному берегу.

"Когда вокруг крепко сколоченного ковчега подул ветер
И водовороты глубины зашумели.
с бурным напором, казалось, грозили перевернуть.
Широкогрудая посудина, не без слез на щеках
Мать нежно обняла младенца.
И плакала: "Ах я! Дитя мое!
Какие страдания я терплю! А ты спишь,
Вдыхая в свою молочную грудь
Бальзам дремоты".
Симонид (перевод Элтона).

Даная у Серифа.

Ее жалобная молитва, очевидно, была услышана, так как после долгих метаний бочку наконец вынесло на берег острова Серифа, где царь Полидект любезно принял мать и ребенка. Здесь золотоволосый Персей вырос до зрелого возраста и впервые появился на свет в играх и сражениях.

Тем временем Полидект влюбился в Даная и выразил желание жениться на ней, но Даная не ответила на его ласки и не дала согласия. Разгневанный ее упорным отказом, Полидект захотел заставить ее подчиниться и тем самым навлек на себя гнев юного Персея, который громко заявил, что никто не смеет принуждать его мать, пока он рядом и защищает ее. Это хвастовство ничуть не умерило гнев монарха, и, надеясь избавиться от юного хвастуна, он велел ему пойти и убить Медузу, если тот хочет убедить людей в своей храбрости.

Горгоны.

Эта Медуза была одной из трех Горгон. Ее сестры, Эвриала и Сфено, хотя и были бессмертны, никогда не претендовали на красоту, но Медуза, когда была еще девочкой, считалась очень красивой. Ее дом в стране, где никогда не светит солнце, был ей очень неприятен, и она упросила Минерву отпустить ее на прекрасный солнечный юг.

Но когда Минерва отказалась исполнить ее желание, она разгневала богиню и заявила, что к такому отказу ее могло побудить только убеждение, что смертные больше не будут считать ее прекрасной, если хоть раз увидят Медузу. Это самонадеянное замечание так разгневало Минерву, что в наказание за тщеславие она превратила свои прекрасные локоны в шипящих, извивающихся змей и постановила, что одного взгляда на ее по-прежнему прекрасное лицо будет достаточно, чтобы превратить смотрящего в камень.

"Роковая красавица! Ты казалась
Призраком страшного сна.
Крайности ужаса и любви
Попеременно овладевают нашими чувствами,
Когда, восторженные и замороженные, мы смотрим
Ужасающие витки, которые обвивают тебя,
И отмечаем твою дикую, непреходящую улыбку,
освещенную ни одним смертным огнем,

Созданная для того, чтобы притягивать к себе все взгляды,
И все же их увяданье неминуемо;
Твоя сила таинственная сгущается
И из крови жизни тепло украсть,
Чтоб окаменела смертная глина
В первом отблеске дикого ужаса,
Это страшный дар для такого, как ты,
Проклятый ненавистой судьбой".
Миссис Сент-Джон.

Поиски Персея.

Боги, внимательно наблюдавшие за Персеем в детстве и юности, теперь решили оказать ему помощь, чтобы он смог успешно справиться с великой задачей - убить Медузу. Плутон одолжил ему волшебный шлем, который по желанию делал его обладателя невидимым; Меркурий прикрепил к пяткам юноши свои крылатые сандалии, чтобы наделить его стремительностью полета; а Минерва вооружила его своим зеркальным щитом - страшной Эгидой.

"Так Минерва одолжила Персею свой щит;
и, уверенный в победе, отправил его в бой:
Герой поступил так, как велела царица,
И слава его была полна".
Приор.

Грæ.

Снаряженный таким образом, Персей летел на север, пока не попал в страну вечной тьмы, где жили Грææ, три ужасные сестры, обладавшие одним глазом и одним зубом, которые они передавали друг другу и использовали по очереди, и которые были единственными живыми существами, знавшими о месте, где обитала Медуза.

Невидимый благодаря своему волшебному шлему, Персей приблизился к пещере, не боясь быть обнаруженным, и перехватил глаз на пути от одной сестры к другой. Как только глаз оказался в его руках, он заговорил с ними, пообещав вернуть его, если они только дадут ему точные указания, как найти Медузу. Сестры, жаждущие вернуть заветный глаз, тут же дали желаемую информацию, и Персей, с честью выполнив свою часть договора, отправился на поиски Медузы.

Смерть Медузы.

Наконец Персей различил вдали жилище Горгоны и, зная о склонности Медузы к окаменению, с большой осторожностью двинулся вперед, держа щит под таким углом, чтобы все окружающие предметы отражались на его гладкой зеркальной поверхности.

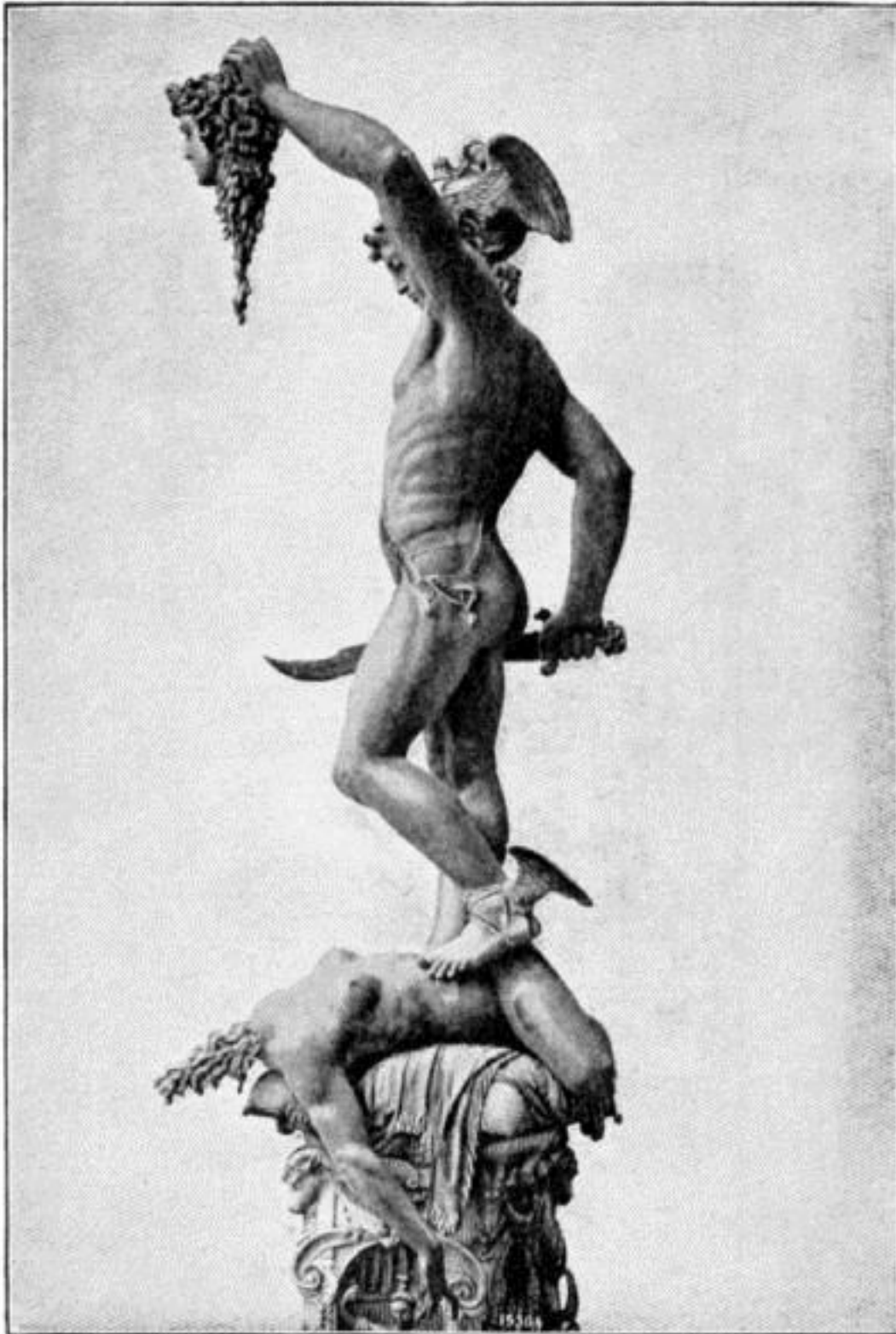
Обнаружив спящую Медузу, он поднял меч и, не глядя ни на что, кроме ее зеркальной формы, отделил ее голову от тела, схватил ее в одну руку и, упорно держа за спиной, поспешно улетел, чтобы две оставшиеся Горгоны не набросились на него и не попытались отомстить за смерть сестры.

Рождение змей.

Персей стремительно пронесся над сушей и морем, бережно держа за спиной свой ужасный трофей; и пока он летел, кровь Медузы стекала на горячий африканский песок, где дала начало роду ядовитых рептилий, которым суждено было населять этот край в будущие века и стать причиной смерти многих отважных исследователей. Капли, упавшие в море, были использованы Нептуном, который создал из них знаменитого крылатого коня Пегаса (с. 154).

"И жизнь капает с головы твоей
На ливийские пески пролил Персей,
Из них возникла бичующая раса.
Упали типы искусной тайны".
Миссис Сент-Джон.

Обратный путь был долгим и утомительным, и по дороге герой пережил немало приключений. Однажды, пролетая высоко над горной страной, он мельком увидел Атласа с бледным лицом, обращенным к небу, чей груз он терпеливо нес в течение долгих лет, - бремя, казавшееся еще более тяжким после короткой свободы, которой он наслаждался, пока вместо него стоял Геракл (стр. 228-9).

ПЕРСЕЙ. Челлини. (Лоджия де Ланци, Флоренция.)

"Поддерживая на своих плечах огромный столп
Неба и земли, груз громоздкий ухватив".
Эсхил (перевод Поттера).

Атлас окаменел.

Когда Атлас увидел летящего к нему Персея, в нем ожила надежда, ибо он вспомнил, что судьба распорядилась так, что именно этот герой должен был убить Горгону; и он подумал, что если ему удастся хоть раз взглянуть на ее каменное лицо, то он навсегда избавится от боли и усталости. Как только герой оказался в пределах слышимости, Атлас обратился к нему со следующими словами:...

"Поспешి, Персей, и дай мне взглянуть на лицо Горгоны, ибо муки моего труда едва ли не сильнее, чем я могу вынести". И Персей прислушался к словам Атласа, и тот открыл перед ним мертвое лицо Медузы. С волнением вглядывался он в неизменный лик, словно под чернотой великого ужаса видел еще обломки ее древней красоты и жалел ее за безысходное горе. Но в одно мгновение напряженные глаза стали жесткими и холодными, и Персею, когда он снова поднялся в бледно-желтый воздух, показалось, что седые волосы, струившиеся с головы великана, похожи на снег, лежащий на вершине большой горы, а вместо дрожащих конечностей он увидел лишь расщелины и трещины на неровном склоне холма".

Таким образом, один лишь вид Медузы превратил Атласа в суровые горы, которые с тех пор носят его имя; а поскольку их вершины теряются в облаках, древние полагали, что они выдерживают всю тяжесть небесного свода.

История Андромеды.

Так летел Персей, пока не достиг берега моря, где его встретило странное зрелище. Вдали на "скалистом берегу", так близко к пенящимся волнам, что их брызги постоянно обдавали ее прекрасные конечности, к нависающей скале была прикована прекрасная дева. Этой девой была принцесса Андромеда. Чтобы искупить тщеславие своей матери Кассиопеи, утверждавшей, что она прекраснее всех морских нимф, она была выставлена там в качестве добычи для ужасного морского чудовища, посланного опустошить дома на побережье.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА. Койпель.

Оракул, к которому обратились, объявил, что чудовище не уйдет, пока Андромеда не будет принесена в жертву его ярости; и Персей даже сейчас мог видеть удаляющуюся процессию, которая торжественно сопровождала ее к назначенному месту жертвоприношения и заковывала в цепи.

В то же время он видел, как под девой пенились воды под хвостом чудовища, а чешуя его отвратительного тела медленно поднималась из воды. Завороженная этим ужасным зрелищем, дева не сводила глаз с чудовища. Она не заметила стремительного приближения своего избавителя, который, осмелев, выхватил меч из ножен и, налетев на чудовище, бросился на него, подбадриваемый криками людей, которые видели его и теперь бросились назад, чтобы увидеть, как убивают их врага.

"На холмах раздался крик
радости, а на скалах - звон почты;
И пока злорадные глаза голодной змеи
На меня устремлены были, рыцарь в чехле золотом
И с пылающим щитом, с клинком сверкающим
На чудовище обрушился. Долго длился бой,
пока все скалы не окрасились кровью и слизью,
И все же мой чемпион вырвался из этих ужасных челюстей
И страшных спиралей был без следа".
Льюис Моррис.

Конечно, у этой ожесточенной борьбы могло быть только одно завершение, и когда Персей убил чудовище, освободил Андромеду от оков и вернул ее в объятия обрадованных родителей, они тут же предложили любую награду, на которую он мог бы претендовать. Когда же он выразил желание жениться на столь отважно спасенной им деве, с радостью отдали ему ее руку, хотя в ранней юности принцесса была обещана своему дяде Финею.

Финей окаменел.

Немедленно начались приготовления к свадьбе, и прежний жених, который был слишком труслив, чтобы решиться на один удар, чтобы избавить ее от чудовища, приготовился сразиться с соперником, который собирался унести его обещанную невесту. Не дождавшись ответа, он пришел на брачный пир с несколькими вооруженными последователями и уже собирался унести Андромеду, как вдруг Персей велел своим приверженцам встать позади него, обнажил голову Медузы и, повернув ее зловещее лицо к Финею и его последователям, превратил их всех в камень.

Прерванный брачный пир возобновился, а когда он закончился, Персей отвел свою невесту к Серифу. Там, узнав, что Полидект посмел плохо обращаться с его матерью, потому что она все еще отказывалась подчиниться его желанию и стать его женой, он превратил нетерпеливого царя в камень, показав ему свой трофей Медузы, отдал царство брату царя и, сопровождаемый женой и матерью, вернулся на родину. Одолженные шлем, сандалии и щит были возвращены владельцам, а голова Медузы была отдана Минерве в знак благодарности за помощь. Обрадованная этим подарком, богиня установила ее в центре своей страшной Эгиды, где она сохранила всю свою окаменевшую силу и служила ей во многих битвах.

Возвращение в Аргос.

Прибыв в Аргос, Персей обнаружил, что на трон его деда претендует узурпатор. Изгнать незаконного претендента с его возвышенного места и заставить его полностью возместить ущерб и искупить вину было пустяком для героя, победившего Медузу; и Акрисий, теперь уже старый и немощный, был извлечен из темницы, где томился, и восстановлен в своих заслуженных почестях тем самым юношей, которого его учили бояться.

Но указ богов рано или поздно должен был исполниться, и однажды, когда Персей играл в квоиты, он случайно убил своего деда. Оставаться в Аргосе, преследуемом воспоминаниями об этом невольном преступлении, было слишком мучительно для него, поэтому он променял свое царство на другое, Микенское, которым правил мудро и хорошо. Когда Персей умер после долгого и славного царствования, боги, которые всегда любили его, поместили его среди звезд, где его и сейчас можно увидеть вместе с его женой Андромедой и тещей Кассиопеей.

ГЛАВА XXI.

ТЕСЕЙ.

Еще будучи совсем молодым человеком, афинский царь Эгей отправился в Тризну, где полюбил и женился на прекрасной юной принцессе по имени Эфра. По какой-то причине, которую мифологи не раскрывают, царь был вынужден вернуться в Афины один; но перед отъездом он спрятал свой меч и сандалии под камнем, велел жене запомнить, что, как только силы их сына Тесея позволят, он должен поднять камень, взять меч и сандалии и прийти к нему в Афины, где он должен быть представлен народу как его сын и наследник. Получив эти указания, Эгей с нежностью попрощался с женой и младенцем-сыном и вернулся домой.

Годы шли, они приносили Тесею силу, красоту и мудрость, и слава о нем стала распространяться по всему миру. Наконец Эфра сочла его достаточно сильным, чтобы поднять скалу, под которой лежало верное оружие его отца, и, приведя его к месту, где оно находилось, рассказала ему всю историю и велела испытать свои силы.

Тесей немедленно повиновался. Сильным усилием он поднял камень и, к своему огромному удовлетворению, обнаружил меч и сандалии в идеальной сохранности. С мечом в руке он отправился в Афины - в долгий и опасный путь. Он шел медленно и осторожно, ибо знал, что на его пути таится множество опасностей и что, прежде чем он достигнет города своего отца, ему придется столкнуться с гигантами и чудовищами, которые будут стремиться преградить ему путь.

Перифет.

Он ничуть не ошибся в своих предположениях: едва Трезен скрылся из виду, как наткнулся на великана Перифета, сына Вулкана, который стоял на дороге и атаковал огромной дубиной, удары которой обычно были смертельными, всех, кто пытался пройти мимо. Ловко уклонившись от первого удара великана, Тесей вонзил свой меч в его огромный бок, прежде чем тот смог возобновить атаку, и безжизненно повалил его на землю.

Синис.

Тесей обезоружил павшего врага и, сохранив дубину для дальнейшего использования, спокойно продолжил свой путь, пока не добрался до Коринфского перешейка, где его ждали два приключения. Первое - с жестоким великаном по имени Синис, прозванным Сосношибателем, который обычно сгибал огромную сосну так, что ее верхушка касалась земли, и призывал любого ничего не подозревающего прохожего схватить ее и на мгновение протянуть ему руку помощи. Затем, как только невинный незнакомец выполнял его просьбу, он внезапно отпускал сосну, которая, освободившись от его гигантской хватки, возвращалась в вертикальное положение и подбрасывала несчастного путника далеко в воздух, чтобы он разбился вдребезги о скалистый склон горы.

Тесей, уже прослышавший об уловке великана, ловко избежал опасности и в конце концов заставил Синиса погибнуть той же жестокой смертью, которой он погубил многих других.

Сцирон.

В одном месте Коринфский перешеек был очень узким, и единственный удобный путь вел по скалистому выступу, охраняемому разбойником по имени Сцирон, который заставлял всех, кто пытался пройти мимо него, мыть ноги. Пока путник стоял на коленях на узкой тропинке и выполнял его просьбу, он внезапно поднимал ногу, пинал его через край и бросал вниз, в море, где огромная черепаха с зияющими челюстями ждала, чтобы сожрать жертву.

Вместо того чтобы уступить требованиям Сцирона, Тесей выхватил меч и своей решительной поступью так напугал разбойника, что тот предложил ему проплыть бесплатно. Однако это предложение не удовлетворило Тесея, и он заявил, что отбросит меч только при условии, что Сцирон будет выполнять для него ту рутинную работу, которую он навязывал многим другим. Сцирон не посмел отказаться и в страхе и трепете повиновался; но он был обречен больше никогда ни к кому не приставать, так как Тесей сбросил его с обрыва в омут, где черепаха пирила его останками с таким же острым наслаждением, как и прежними жертвами.

Церцион и Прокруст.

Расправившись с другим всемирно известным разбойником, Церсионом (Борцом), Тесей столкнулся с Прокрустом (Носильщиком), жестоким великаном, который под предлогом развлечения заманивал путешественников в свой дом, где у него были две кровати разных размеров: одна необычайно короткая, другая необычайно длинная. Если несчастный путешественник был невысокого роста, его укладывали на длинную кровать и вытягивали конечности, чтобы он на ней поместился; если же, наоборот, он был высоким, ему отводили короткую кровать и под тем же предлогом отрубали лишнюю длину конечностей. Застав Прокруста врасплох, Тесей дал ему слабое представление о страданиях, которые он причинял другим, заставив его опробовать каждую кровать по очереди, а затем, чтобы он не продолжал эту дурную практику, положил конец его жалкому существованию.

Тесей успешно совершил еще несколько подобных подвигов и наконец добрался до Афин, где обнаружил, что его слава опередила его.

"В давние времена жил в Афинах могущественный человек,
Доблестный принц, и звали его Тесей:
Вождь, который в ратных подвигах превзошел всех,
Ни восходящее, ни заходящее солнце не видело".
Моррис.

Призыв Медеи.

Первой вестью, дошедшей до его слуха, была весть о том, что Эгей только что женился на Медее, очаровательнице; но, хотя эти вести были очень нежелательны, он поспешил ко двору отца, чтобы заявить о себе и получить обещанный столько лет назад прием. Медея, сидевшая рядом с Эгеем, не сразу увидела, как молодой незнакомец приблизился, и узнала его, предвидя, что он пришел требовать своих прав. Чтобы предотвратить его притязания, которые могли бы помешать ее будущему потомству, она поспешно подмешала смертельный яд в кубок, который наполнила ароматным вином, и велела Эгею поднести его незнакомцу.

Монарх уже собирался исполнить свой, казалось бы, гостеприимный замысел, как вдруг его взгляд остановился на мече у Тесея, который он сразу же узнал. Один быстрый взгляд в открытое лицо юноши убедил его, что перед ним стоит сын Этры, и он с нетерпением протянул руки, чтобы прижать его к сердцу. От этого резкого движения кубок разбился, и ядовитое содержимое, упав на собаку, лежавшую у ног царя, вызвало ее почти мгновенную смерть. Увидев, что ее преступление раскрыто, а Тесей узнан, Медея быстро села в свою волшебную драконью машину и скрылась в Медии, откуда уже никогда не вернулась.

Дань Минотавру.

Однажды, спустя некоторое время после прибытия в Афины, Тесей слышал плач и причитания по всему городу, и в ответ на его удивленные расспросы ему рассказали, что со времен неудачной войны между критянами и афинянами последние, потерпев поражение, были обязаны ежегодно платить дань в виде семи юношей и стольких же девушек, предназначенных в пищу Минотавру. Дальнейшие вопросы развил тот факт, что Минотавр был отвратительным чудовищем, собственностью Миноса, царя Крита, который держал его в запутанном лабиринте, построенном специально для этой цели Дейдалом, знаменитым архитектором.

"Давным-давно в знаменитом городе Афины жил и процветал некто Дедал,
Один Дедал, плотник гениальный и знаменитый;
(*'Twas he was who with augur taught mechanics how to bore, -*)
Искусство, которое до него монополизировали философы.)".
Сакс.

ДЕДАЛ И ИКАРУС.

Дедал и Икар.

Этот лабиринт был настолько запутанным, что вошедшие в него не могли найти выход; и даже Дедал и его сын Икар после многодневных попыток обнаружили, что не могут его покинуть. Чтобы не оставаться навсегда в заточении, Дедал изготовил крылья для себя и для своего сына и решил воспользоваться ими, чтобы совершить побег.

"Плотник Дедал сделал пару крыльев,
из дерева, перьев и хитроумных пружин,
С помощью которых владелец мог подняться на любую высоту,
И парить среди облаков легко, как коршун".
Сакс.

После неоднократных предостережений сыну, чтобы он не рисковал забираться слишком высоко, дабы солнечный жар не растопил воск, скрепляющий перья с каркасом, Дедал велел Икару надеть свое оперение и лететь в страну, где они будут свободны, пообещав вскоре последовать за ним.

"Мой Икар!" - говорит он, - "Я предупреждаю тебя, лети
По среднему пути: ни низко, ни высоко;
Если низко, то на твоих плечах могут появиться брызги океана;
Если высоко - солнце бросит свой огненный луч".
Овидий (перевод Элтона).

Обрадованный новым способом передвижения, Икар стремительно полетел дальше. Постепенно он забывал об опасности и предостережениях отца и поднимался все выше и выше, пока не смог погреться под прямыми лучами яростного солнца. Тепло, казавшееся таким приятным после зябкого полета, вскоре размягчило и растопило воск на его крыльях, и Икар, уже не поддерживаемый легкими перьями, опускался все ниже и ниже, пока не упал в море, где утонул и которое в память о нем и по сей день носит имя Икарий.

Эти разнообразные подробности разожгли в Тесее любовь к приключениям и еще больше укрепили его во внезапном решении присоединиться к скорбному каравану, испытать свои силы в борьбе с ужасным Минотавром и, если возможно, спасти свою страну от дальнейших подобных наказаний.

"Пока Аттика стонала от бед и страданий;
Обиды его страны воспламенили грудь храброго Тесея;
Мгновенно душа его родовая решила спасти
Великого отпрыска Цекропса от вечной могилы".
Катулл.

Даже слезы и уговоры отца не смогли отвратить его от задуманного, и, когда настал час, он сел на корабль с черными парусами, который должен был ежегодно доставлять дань на Крит, пообещав сменить черные паруса на белоснежные, если ему посчастливится вернуться победителем.

Талус.

Благоприятные ветры вскоре донесли галеру до далекого Крита, и когда они плыли вдоль побережья в поисках гавани, им бросил вызов наглый великан Талус, который ежедневно трижды обходил весь остров, убивая прикосновением своего раскаленного тела всех, кто не имел права высаживаться на этом берегу. Однако, зная, что галера с черным парусом привезла свежий груз юношей и девушек для ужасного Минотавра, Талус пропустил ее невредимой, и жертвы были доставлены в присутствии Миноса, который лично осматривал каждый новый груз, чтобы убедиться, что афиняне его не обманывают.

Подсказка Ариадны.

Рядом с монархом стояла его прекрасная дочь Ариадна, чье нежное сердце наполнилось состраданием при виде хрупких девиц и галантных юношей, которым предстояло погибнуть от столь отвратительной смерти. Тесей, по праву своего рождения, претендовал на первенство и предложил стать первой жертвой - просьбу, которую царь удовлетворил с сардонической улыбкой, после чего вернулся к прерванному пиру.

Незаметно для всех Ариадна выскользнула из дворца и под покровом темноты проникла в темницу, где находился Тесей. Там она с трепетом протянула ему клубок бечевки и острый меч, велев привязать один конец бечевки к входу в лабиринт, а другой держать в руке как ключ, чтобы найти выход, если меч поможет ему убить страшного Минотавра. В знак благодарности за своевременную помощь Тесей торжественно пообещал Ариадне взять ее с собой в Афины в качестве невесты, если только ему удастся осуществить задуманное.

На рассвете следующего дня Тесея привели к входу в лабиринт и оставили там ждать милостей от Минотавра. Как и все герои, он предпочел встретить любую опасность, а не оставаться в бездействии, поэтому, помня наставления Ариадны, прикрепил свою бечевку ко входу, а затем смело проник в запутанные ходы лабиринта, где множество белеющих костей открыли судьбу всех, кто был до него.

Тесей и Минотавр.

Не успел он далеко уйти, как столкнулся с Минотавром - существом более отвратительным, чем может изобразить фантазия, - и ему пришлось применить все свое умение и изобретательность, чтобы не стать жертвой аппетита чудовища, и всю свою силу, чтобы наконец уложить его на землю.

Убив Минотавра, Тесей поспешно направился по своим следам.

"И тонкий ключ,
Приготовленный втайне влюбленной девой,
По извилистому лабиринту его шаги".
Катулл.

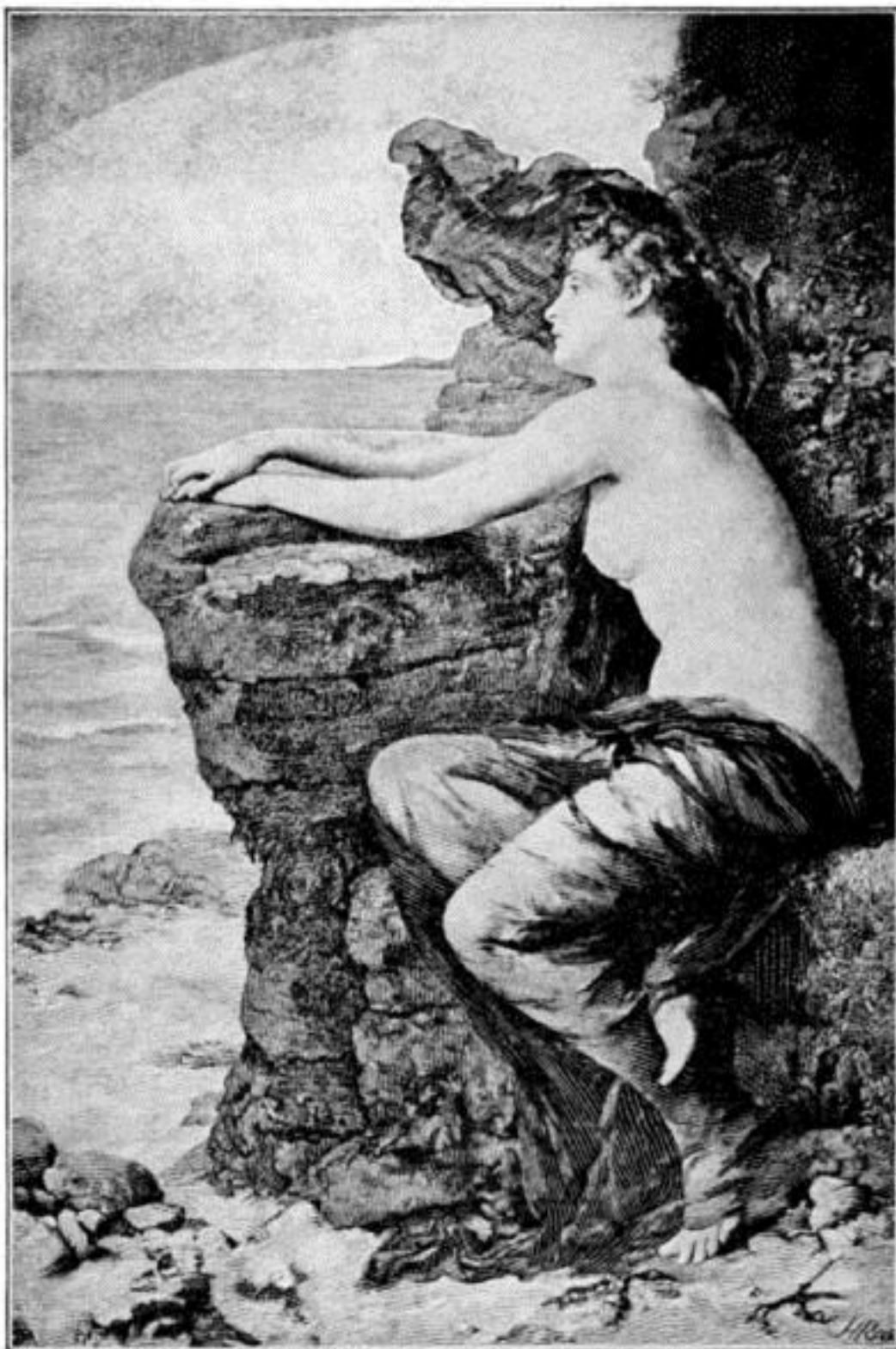
Бегство Тесея.

Прибыв к месту, где его корабль стоял на якоре, он обнаружил, что его ждут спутники и Ариадна, и, вскочив на борт, приказал матросам как можно быстрее бросить якорь. Они уже почти приблизились к критским берегам, когда в поле зрения появился Талус и, заметив, что пленники его хозяина собираются бежать, наклонился вперед, чтобы поймать судно за такелаж. Тесей, увидев это, бросился вперед и нанес гиганту такой удар, что тот потерял равновесие и упал в морские глубины, где и утонул, и где термальные источники до сих пор свидетельствуют о жаре его наглого тела.

Ариадна оставлена.

Возвращающееся судно, благоприятствуемое ветром и приливом, зашло только в один порт - Наксос; здесь юноши и девы высадились, чтобы осмотреть прекрасный остров. Ариадна отошла в сторону и бросилась на землю, чтобы отдохнуть, и не успела она опомниться, как ее настиг сон. Тесей, хотя и был очень храбр, но не отличался постоянством. Он уже устал от любви Ариадны и, увидев ее спящей, подло созвал своих спутников, сел с ними на корабль и

отплыл, оставив ее одну на острове, куда вскоре прибыл Вакх, чтобы утешить ее в связи с потерей неверного возлюбленного (с. 181).

АРИАДНА.

Наказание Тесея.

Тесей, совершив чудовищный в глазах богов и людей поступок, был обречен понести справедливое наказание. В своих заботах он совсем забыл о своем обещании сменить черные паруса на белые, и Эгей со скалистого берега Аттики, увидев соболиные паруса, когда судно было еще далеко от суши, сразу же решил, что его сын мертв, и в горе бросился в море, известное с тех пор как Эгейское, где и погиб.

"Как со снежной вершины горы гонят
Как с горной снежной вершины Сгоняют тучи грубые небесные порывы;
Так и из памяти потерянного Тесея исчезли
Те веления, что прежде его разум поколебали:
Но теперь его отец с высоты валов
весь в слезах, направляет его жаждущий взор;
Над широким морем, затянутым штормом,
Он с ужасом видит яркий парус".
Катулл.

Царствование и женитьба Тесея.

Въехав в город, Тесей узнал о смерти отца, а когда понял, что она произошла по его неосторожности, его охватили горе и раскаяние. Все заботы царской власти и мудрые меры, которые он принимал для счастья своего народа, не могли отвлечь его от этой ужасной катастрофы, и в конце концов он решил сложить с себя полномочия и снова отправиться на поиски приключений, которые помогли бы ему забыть о своих горестях. Поэтому он отправился в страну амазонок, где его опередил Геракл, и привез оттуда Ипполиту, на которой женился. Теперь Тесей был очень счастлив, и вскоре все его надежды увенчались рождением сына, которого он назвал Ипполитом. Вскоре после этого радостного события амазонки вторглись в его страну под предлогом спасения похищенной ими царицы, и в завязавшейся битве Ипполита была случайно ранена стрелой и умерла в объятиях Тесея.

Затем Тесей отправился с афинским войском на бой с Пиритом, царем лапифов, который осмелился объявить войну; но когда армии оказались лицом к лицу, оба вождя, охваченные внезапной симпатией друг к другу, одновременно бросили оружие и, упав друг другу на шею, обнялись и поклялись в вечной дружбе.

Кентавры и лапифы

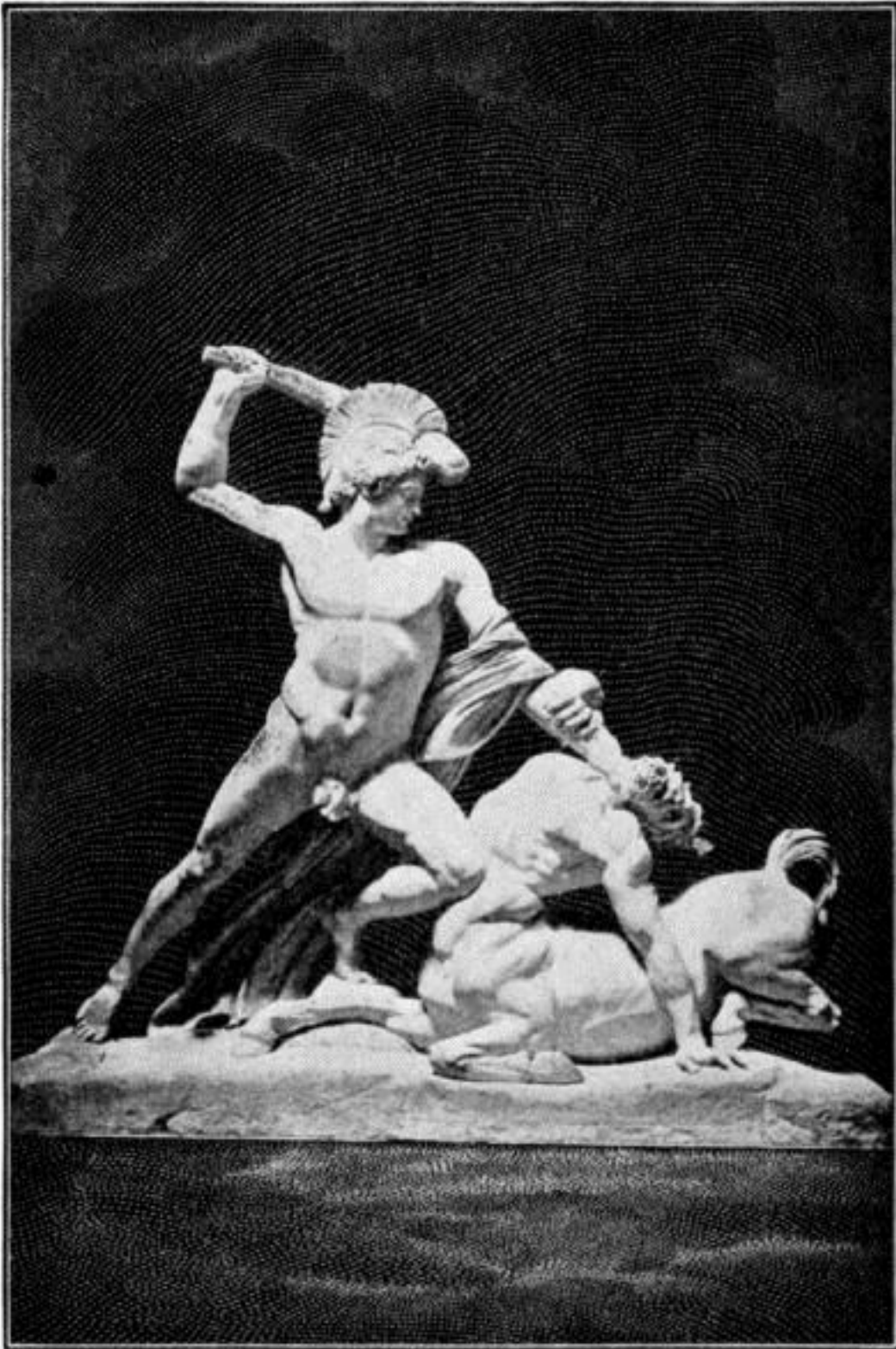
Чтобы показать свою преданность новообретенному другу, Тесей согласился сопровождать его ко двору Адраста, царя Аргоса, и стать свидетелем его свадьбы с Гипподамией, дочерью царя. Разумеется, на бракосочетании присутствовало много гостей, в том числе Геракл и несколько кентавров. Последние, пораженные восхищением необыкновенной красотой невесты, предприняли попытку похитить ее, которую пресекли лапифы, поддержанные Тесеем и Гераклом. Ужасная борьба, последовавшая за этим между противоборствующими сторонами, всегда была излюбленным сюжетом в искусстве и известна как "Битва кентавров и лапифов".

Тесей в Аиде.

Однако горячо оспариваемая невеста прожила недолго, и вскоре Пиритос, как и Тесей, оказался безутешным вдовцом. Чтобы избежать подобных утрат в будущем, они оба решили заручиться поддержкой богинь, которые, будучи бессмертными, навеки разделили бы их троны. С помощью Пирита Тесей похитил Елену, дочь Юпитера (стр. 311), и, поскольку она

была еще ребенком, поручил ее заботам своей матери, Этры, пока она не достигнет возраста, подходящего для брака. Затем, в обмен на добрые услуги Пирифоя, он сопровождал его в Аид, куда они намеревались увезти Прозерпину.

Пока они занимались этим, братья-близнецы Елены, Кастор и Поллукс, прибыли в Афины, освободили ее из плена и с триумфом доставили домой. Что касается Тесея и Пирита, то их коварный замысел был вскоре раскрыт Плутоном, который посадил первого на заколдованную скалу, с которой он не мог спуститься без посторонней помощи, а второго привязал к постоянно вращающемуся колесу его отца, Иксиона.

ТЕСЕЙ. Канова. (Фольксгартен, Вена.)

Когда Геракл был в Аиде в поисках Цербера (стр. [229](#)), он избавил Тесея от неприятного положения и таким образом позволил ему вернуться в свой собственный дом, где он теперь рассчитывал провести остаток жизни в мире.

Федра и Ипполит.

Хотя к этому времени Тесей несколько постарел, он все еще хотел жениться и искал себе жену, которая могла бы развеселить его одиночество. Вдруг он вспомнил, что младшая сестра Ариадны, Федра, должна быть очаровательной молодой принцессой, и отправил посольство, чтобы получить ее руку в жены. Посольство оказалось успешным, и Федра приехала в Афины; но, будучи молодой и необычайно красивой, она не была в восторге от своего престарелого мужа и, вместо того чтобы влюбиться в него, отдала все свои привязанности его сыну Ипполиту, добродетельному юноше, который наотрез отказался выслушать ее предложения сбежать. Разгневанная тем, что ее ухаживания были отвергнуты, Федра отправилась к Тесею и обвинила Ипполита в попытке похитить ее. Тесей, сильно разгневанный бесчестным, по его мнению, поступком сына, обратился к Нептуну с просьбой наказать юношу, который в это время ехал на своей колеснице недалеко от берега. В ответ на эту молитву внезапно поднялась огромная волна, обрушилась на колесницу и утопила молодого возницу, чей безжизненный труп был выброшен на берег к ногам Федры. Когда несчастная царица увидела результат своих ложных обвинений, она призналась в своем преступлении и, раскаявшись и отчаявшись, повесилась.

Смерть Тесея.

Что касается Тесея, то, ожесточившись от повторных несчастий, он стал таким суровым и тираничным, что постепенно отторгал от себя привязанность людей, и в конце концов они возненавидели его и изгнали на остров Скирос, где, повинувшись тайному приказу, царь Ликомед вероломно убил его, сбросив с вершины крутой скалы в море. Как обычно, слишком поздно афиняне раскаялись в своей неблагодарности и в порыве запоздалого раскаяния обожествили этого героя, построив в его честь великолепный храм на Акрополе. В этом здании, которое сейчас используется как музей, хранится множество реликвий греческого искусства. Кости Тесея были благочестиво привезены и захоронены в Афинах, где ему долгое время поклонялись как полубогу.

ГЛАВА XXII.

ЯСОН.

В Иолке, в Фессалии, некогда царствовал добродетельный царь Исон со своей доброй женой Алкимедой. Однако вскоре их счастье было нарушено Пелиасом, братом царя, который с помощью вооруженного войска силой завладел тронном. Исон и Алкимед, опасаясь за свою жизнь, были вынуждены прибегнуть к поспешному и тайному бегству, прихватив с собой единственного сына Ясона.

Царь и царица вскоре нашли убежище, но, опасаясь, что их убежище будет обнаружено и все они будут убиты жестоким Пелиасом, они доверили своего сына кентавру Хирону, открыв ему одному тайну рождения ребенка и попросив воспитать его, чтобы он отомстил за их злодеяния.

Хирон добросовестно исполнял свои обязанности, с большой заботой обучал юного принца и вскоре сделал его самым мудрым и искусным из своих учеников. Годы, проведенные Ясоном в усердном приобретении знаний, силы и умений, прошли очень быстро, и наконец настало время, когда Хирон открыл ему тайну его рождения и историю о злодеяниях, причиненных узурпатором Пелиасом его несчастным родителям.

Клятва Ясона.

Эта история вызвала гнев юного принца, и он торжественно поклялся наказать своего дядю или погибнуть в попытке. Хирон побудил его начать, а на прощание велел помнить, что только Пелий причинил ему вред, но все остальные представители рода человеческого имеют право на любую помощь, которую он может оказать. Ясон почтительно выслушал последние наставления своего наставника, а затем, опоясавшись мечом и надев сандалии, отправился в путь в Иолк.

Была ранняя весна, и юноша не успел далеко уйти, как наткнулся на ручей, который из-за обычных для этого времени года приливов был почти непроходим. Однако Джейсон, ничуть не смущаясь бурлящих и пенящихся вод, уже собирался попытаться переправиться, как вдруг увидел неподалеку от себя пожилую женщину, которая в беспомощном отчаянии смотрела на воды, через которые не могла перебраться.

Будучи по природе добросердечным и отзывчивым, а кроме того, помня о последней рекомендации Хирона, Ясон предложил старухе свою помощь, предложив перенести ее на своей спине, если она даст ему свой посох, чтобы он мог опереться на него. Старуха с радостью приняла это предложение, и через несколько мгновений Ясон, согнувшись под своим странным грузом, уже боролся с быстрым течением.

После долгих усилий, задыхаясь и почти обессилив, Ясон добрался до противоположного берега и, положив свою ношу на землю, вскарабкался рядом с ней, бросив горестный взгляд на поток, который сорвал одну из его золотых сандалий. Он уже собирался расстаться со старой дамой, любезно попрощавшись, как вдруг она превратилась в большую, красивую, властную женщину, в которой, благодаря павлину на ее боку, он сразу же узнал Юнону, царицу небес. Он низко склонился перед ней и попросил помощи и защиты, которые она милостиво обещала, как только скрылась из виду.

Нетерпеливыми шагами Ясон двинулся дальше, не останавливаясь, пока не увидел родной город. Приблизившись, он заметил необычное скопление людей и, расспросив их, выяснил, что Пелиас отмечает праздник в честь бессмертных богов. По крутому подъему, ведущему к храму, Ясон поспешил вверх и протиснулся в самый дальний круг зрителей, пока не оказался на виду у своего врага Пелиаса, который, не подозревая о грядущем зле, продолжал приносить жертву.

Одна сандалия.

Наконец церемония была завершена, и царь окинул собравшихся высокомерным взглядом. Вдруг его взгляд упал на обнаженную ногу Ясона, и он побледнел от ужаса, так как в его памяти промелькнуло воспоминание о древнем оракуле, предупреждавшем его остерегаться человека, который предстал перед ним в одной лишь сандалиии. Пелий с трепетом приказал стражникам вывести незваного чужеземца. Его приказ был выполнен, и Ясон, смело обратившись к своему дяде, призвал его полностью вернуть власть, которую он так несправедливо захватил.

Фрикс и Хелле.

Отказаться от власти и богатства и вернуться в безвестность было невысказано, но Пелий искусно скрыл свое недовольство и сказал племяннику, что они обсудят этот вопрос и придут к полюбовному согласию после пира, который уже был накрыт и ожидал их присутствия. Во время праздничной трапезы барды пели о подвигах великих людей, а Пелий разумной лестью побуждал Ясона к подобным подвигам. Наконец музыканты рассказали историю о

Фриксе и Хелле, сыне и дочери Атамаса и Нефелы, которые, спасаясь от жестокого обращения мачехи Ино (с. 174), сели на крылатого барана с золотыми крыльями, посланного Нептуном, чтобы перевезти их в Колхиду.

Баран летел над сушей и морем; но Хелле, испугавшись при виде волн, плещущихся далеко внизу, внезапно потеряла контроль над золотым руном и упала со спины барана в часть моря, известную с тех пор как Геллеспонт,

"Где прекрасная Хелле нашла водяную могилу".
Мелеагр.

Фрикс, более удачливый, чем его сестра, благополучно добрался до Колхиды и в благодарность богам принес в жертву барана, которого они послали, чтобы избавить его, и повесил золотое руно на дерево, возле которого поставил дракона, чтобы тот охранял его днем и ночью. Далее барды рассказывали, что сверкающий трофей до сих пор висит там, ожидая, когда найдется рука, достаточно смелая, чтобы убить дракона и снять его.

Золотое руно.

Этот рассказ и обильные возлияния сильно взволновали юношу Ясона, а Пелий, заметив это, лицемерно пожалел, что ему не удалось завоевать золотое руно, и мягко намекнул, что юноши нынешнего поколения не настолько храбры, чтобы рисковать жизнью в таком славном деле. Коварные замечания узурпатора возымели желаемое действие: Ясон внезапно вскочил со своего места и поклялся, что отправится на поиски золотого руна. Пелий, уверенный в том, что опрометчивый юноша погибнет при попытке и тем самым не причинит лишних хлопот, с большим трудом сдержал все проявления радости и отважился на эту попытку.

"В ужасе, боясь, что от руки Ясона
Снять с него корону, Пелий пытался
С помощью темных махинаций убить своего врага.
Из царства Колхиды золотое руно принести
Он поручил юноше".
Орфическая аргонавтика.

Говорящий дуб.

Когда Ясон, протрезвев и освежившись после долгого ночного отдыха, понял, как глупа была его клятва, он хотел бы от нее отказаться; но, помня наставления Хирона всегда быть верным своему слову, он решил отправиться в Колхиду. Чтобы заручиться помощью Юноны, он начал с посещения ее святилища в Додоне, где оракул, говорящий дуб, заверил его в доброй воле и действенной защите богини. Затем Говорящий дуб велел ему отрубить одну из своих могучих сучьев и вырезать из нее фигуру для быстроходного парусного судна, которое Минерва по просьбе Юноны построит для него из сосен, растущих на горе Пелион.

Арго с экипажем.

Закончив работу над фигуркой, Ясон обнаружил, что она тоже обладает даром речи и время от времени дает мудрые советы по ведению его дел. Закончив работу, Ясон назвал свое судно "Арго" (быстроходное) и быстро собрал команду из таких же отважных героев, как и он сам, среди которых были Геракл, Кастор, Поллукс, Пелей, Адмет, Тесей и Орфей, которые с

радостью отправились в опасное путешествие в неведомые земли. Чтобы ускорить их путь, Юнона выторговала у Эола благоприятные ветры и запретила любые бури, которые могли бы причинить им вред.

"Тогда Юнона со свистом наполнила парус,
И "Арго", самозабвенно надуваясь, устремился в шторм".
Ономакрит (перевод Элтона).

История Хайласа.

Несколько раз герои высаживались на берег, чтобы пополнить запасы провизии или набраться сил, но в целом каждая задержка приносила им несчастье. Однажды Геракл, высадившись на берег вместе с юношей по имени Хилас, чтобы нарубить дров для новых весел, велел ему пойти к соседнему источнику и набрать кувшин воды, чтобы утолить жажду, вызванную его усилиями. Юноша быстро удалился, но когда он склонился над фонтаном, нимфы, очарованные его красотой, увлекли его в свою влажную обитель, чтобы он составил им компанию. Тщетно дождавшись возвращения Хайласа, Геракл отправился на его поиски, но не нашел никаких следов и, огорченный смертью своего юного друга, отказался продолжать экспедицию и, бросив аргонавтов, отправился домой один и пешком.

Финей и гарпии.

В другой раз, когда Ясон посетил Финея, слепого царя Фракии, он услышал, что жизнь этого монарха была ущемлена гарпиями, мерзкими чудовищами, частью женщинами, частью птицами, которые съедали или оскверняли всю еду, поставленную перед ним, и никогда не давали ему спокойно съесть ни одного рта. Рассказав эту историю своим спутникам, двое сыновей Борея, которые также находились на Арго, попросили разрешения прогнать их. Ясон не мог отказать им в просьбе, и двое юношей, обнажив мечи, преследовали гарпий до Строфадских островов, где птицы обещали остаться.

Тем временем на Ясона напала стая птиц с медными перьями, которые обрушили на аргонавтов дождь из своего острого оперения, тяжело ранив многих из них. Капитан экспедиции, видя, что оружие бесполезно против этих врагов, обратился к фигурке и, повинувшись ее указаниям, стал бить руками о щит, пока напуганные грохотом птицы не улетели прочь, издавая нестройные крики ужаса.

Симплегады.

Во время своего путешествия аргонавты оказались у Симплегад - плавучих скал, которые постоянно сталкивались друг с другом и превращали в порошок все предметы, попавшие между ними. Ясон знал, что должен пройти между этими скалами или отказаться от экспедиции, поэтому, рассчитав, что скорость его судна равна скорости голубя на крыльях, он выпустил одного из них перед собой. Голубь благополучно пролетел между скалами, потеряв лишь одно из хвостовых перьев, когда они снова столкнулись. Улучив удобный момент, Ясон приказал своим людям грести быстро. Арго проскочил в отверстие, и, когда скалы снова соприкоснулись, они лишь задели руль. Поскольку судно прошло между ними невредимым, сила зла покинула их, и они были прикованы ко дну моря, недалеко от устья Босфора, где и остались неподвижными, как любые другие скалы.

Прибытие в Колхиду.

После других приключений, слишком многочисленных, чтобы пересказывать их подробно, аргонавты достигли колхидских берегов и предстали перед царем Этесом, которому и изложили свое поручение. Не желая расставаться со своим золотым сокровищем, Эет объявил, что прежде чем Ясон сможет получить руно, он должен поймать и запрячь двух диких огнедышащих быков, посвященных Вулкану, и использовать их для вспашки каменистого участка земли, священного для Марса. После этого он должен засеять поле зубами дракона, как это сделал Кадм (с. 48), победить гигантов, которые появятся, и, наконец, убить дракона-хранителя, иначе руно никогда не достанется ему.

Помощь Медеи.

Одного этого задания хватило бы, чтобы привести в ужас многих отважных юношей, но Ясон был из тех, кто не ведает страха, и просто поспешил на судно, чтобы спросить у кормчего, как ему лучше поступить. По дороге на берег моря он встретил царскую дочь Медею, прекрасную молодую волшебницу, очарованную его скромным, но твердым поведением и готовую прибегнуть к помощи своей магии, если он только пообещает жениться на ней. Ясон, поддавшись ее влечению и освободившись от противоречивых связей, с готовностью согласился на ее предложение, и, выполняя ее указания, поймал и запряг огненных быков, вспахал поле и засеял его зубами дракона.

"И как он запряг быков, чье дыхание пылало огнем,
И зубами дракона засеял борозды".
Ономакрит (перевод Элтона).

Но когда он увидел, как из земли вырастают сверкающие копья и шлемы, и увидел тесные ряды гигантов в полном вооружении, его охватил ужас, и он бы убежал, если бы это было возможно. Однако, понимая, что такое выступление гарантирует ему гибель, он устоял на ногах и, когда фаланга была уже совсем рядом, бросил в лицо гигантам горсть пыли. Слепленные песком, гиганты набросились друг на друга и в короткое время были истреблены.

"Они, как быстрые собаки,
свиристывая, друг на друга ополчились
Бурный бой. На землю-матушку
Своими копьями они тонули; как сосны или дубы,
Поваленные вихрем в горных далях".
Аполлоний Родий (перевод Элтона).

Руно захвачено.

В сопровождении Медеи Ясон поспешил к дереву, где дракон стерег его сокровища. Опиат, приготовленный волшебницей Медеей, вскоре заставил дракона забыться глубоким сном и позволил Ясону приблизиться настолько, чтобы отсечь его страшную голову от отвратительного туловища. Затем Ясон сорвал желанное руно с ветки, где оно висело много лет, и с триумфом понес его на "Арго".

"Ликующий Ясон схватил блестящую шкуру,
Последний свой труд и завидную гордость.
Медленно со стонущей ветки сорвал руно".

Флакк (перевод Элтона).

Его спутники, приготовившиеся к поспешному отплытию, уже сидели за веслами, и, как только он вместе с Медеей и ее спутниками взошел на борт, "Арго" отчалил из колхидской гавани.

ЯСОН И ДРАКОН. Спасительница Роза.

"Как нежно кралась из дома незадачливая дева-жених,
Сквозь тьму ночную, в льняном одеянье;
Судьба к Арго вела, побуждаемая нежным желаньем,
И не убереглась от яростного гнева отца".
Ономакрит (перевод Элтона).

Когда наступило утро и Эет проснулся, он узнал, что дракон убит, руно украдено, дочь исчезла, а греческий корабль находится далеко от берега. Не теряя времени на бесполезные причитания, он поспешно спустил на воду корабль и лично отправился в погоню за беглецами, которые, к тому же, захватили самое дорогое его сокровище - единственного сына и наследника Абсирта. Хотя колхидцы были хорошими моряками и искусными гребцами, они не заметили "Арго", пока не подошли к устью Дуная, и Эет дико воззвал к своей дочери, чтобы она вернулась в свой дом и к своему отцу.

"Останови свой опрометчивый бег! И с далекого берега...
Ведь ты можешь, дочь моя, - вернись.
Куда отплыть? Корабль назад направить;
Здесь ждут тебя друзья твои, твой нежный отец".
Flaccus (Elton's tr.).

Смерть Абсирта.

Но Медея не желала вырываться из объятий Ясона и, не слушая уговоров отца, побуждала аргонавтов удвоить усилия. Постепенно расстояние между двумя судами сокращалось, колхидские гребцы настигали греков, и Медея поняла, что если она не найдет средств задержать отца, он догонит ее и заставит вернуться. Поэтому она собственными руками убила своего младшего брата Абсирта и разрубила его тело на куски, которые один за другим сбросила на борт судна. Эет, беспомощный свидетель этого жестокого и ужасного деяния, благочестиво собрал останки своего сына и, приостановившись, потерял из виду "Арго" и всякую надежду вернуть свою неестественную дочь; с грустью вернулся он в Колхиду, где с должной торжественностью похоронил останки своего сына.

Медия. Сихел.

Пелий свергнут с престола.

Тем временем Пелий спокойно царствовал в Фессалии, уверенный, что Ясон никогда не вернется. Представьте себе его ужас, когда он узнал, что прибыл корабль "Арго" с Ясоном, теперь уже гордым обладателем знаменитого золотого руна. Не успел он принять меры,

чтобы сохранить узурпированную власть, как появился Ясон и заставил его отказаться от трона в пользу законного царя Эсона.

К сожалению, Эсон был уже так стар и дряхл, что власть не действовала на него, и Ясон попросил Медею применить к нему свою магию и вернуть ему бодрость и красоту ранней юности. Чтобы угодить Ясону, Медея пустила в ход всю свою магию и каким-то таинственным образом вернула Исону былую молодость, силу, активность и грацию.

"Заклинания Медеи рассеяли груз лет,
И Исон стал юношей среди сверстников".
Вордсворт.

Волшебный рецепт.

Как только дочери Пелиаса узнали об этом чудесном превращении, они поспешили к Медее и попросили ее дать им рецепт, чтобы они могли омолодить и своего отца. Колдунья злобно велела им разрезать тело отца на мелкие кусочки и сварить их в котле с определенными травами, заявив, что если тщательно выполнить все указания, то результат будет удовлетворительным; но, когда слишком доверчивые девы выполнили эти указания, они лишь убили отца, которого так дорого любили.

Дни и годы проходили для Ясона и Медеи счастливо и беззаботно, но в конце концов их привязанность друг к другу ослабла, и Ясон влюбился в Глаусу, или Креусу. Обезумев от ревности, Медея приготовила и послала деве волшебный халат, который та не успела надеть, как ее охватили страшные судороги, от которых она умерла. Медея, все еще полная обиды на Ясона, убила собственных детей и, сев в свою драконью машину, улетела, оставив Ясону послание, в котором говорилось, что арго еще станет причиной его смерти.

Смерть Ясона.

Жертва угрызений совести и отчаяния, Ясон стал вести изнуренную и печальную жизнь и каждый день приходил на берег, где сидел под сенью медленно гниющего корпуса "Арго". Однажды, когда он сидел и размышлял о своих юношеских приключениях и странном пророчестве Медеи, внезапный шторм оторвал балку, которая, упав ему на голову, проломила череп и стала причиной мгновенной смерти.

Экспедиция аргонавтов символизирует первое длительное морское путешествие, предпринятое греками в коммерческих целях, а золотое руно, которое Ясон привез из Колхиды, - это символ несметных богатств, которые они нашли на Востоке и привезли на родину.

ГЛАВА XXIII.

КАЛИДОНСКАЯ ОХОТА.

Рождение Мелеагра.

Царь и царица Калидона в Этолии *Æneus* и *Althæa* были очень счастливы, что у них родился маленький сын Мелеагр, которому было всего несколько дней от роду, пока не узнали, что судьба распорядилась так, что ребенок проживет лишь до тех пор, пока на очаге будет дымиться и потрескивать клеймо. Родители застыли от горя, пока Алфея с истинно материнской смекалкой не выхватила клеймо из огня, погрузила его в глиняный кувшин, наполненный водой, погасила разгорающееся пламя и, бережно отложив его в сторону, объявила о своем намерении хранить его вечно.

Мелеагр, спасенный от безвременной кончины благодаря душевному порыву матери, вырос храбрым и красивым юношей и присоединился к экспедиции аргонатов. Пока он отсутствовал, его отец не принес ежегодную жертву Диане, и та, разгневанная его пренебрежением, послала чудовищного вепря, чтобы пожрать его подданных и опустошить его царство. По возвращении Мелеагр собрал всех храбрецов страны и устроил большую охоту, главной целью которой была поимка или смерть несносного вепря.

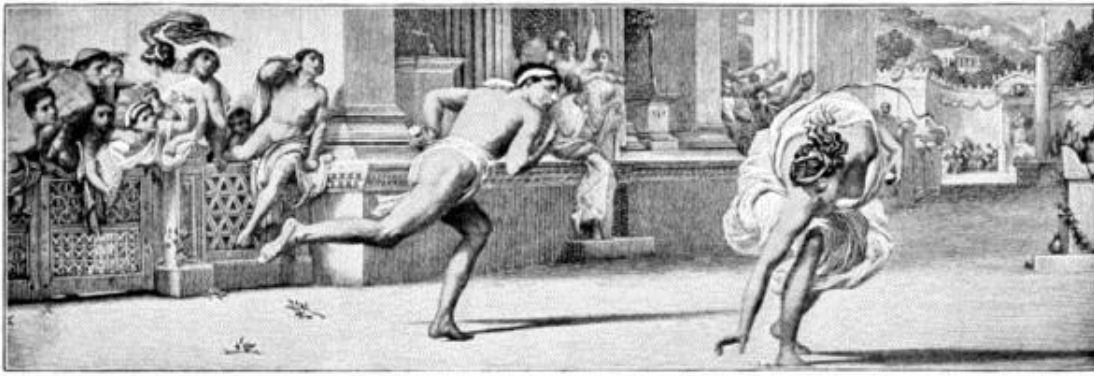
Охотники.

Ясон, Нестор, Пелей, Адмет, Тесей, Пирифой и многие другие известные герои пришли по его зову, но особое внимание всех зрителей привлекли Кастор и Поллукс, а также прекрасная Аталанта, дочь Иасия, царя Аркадии. Эта принцесса вела жизнь, полную приключений; когда она была еще младенцем, ее отец, разочарованный тем, что вместо желанного сына у него родилась дочь, выставил ее на горе Парфений на растерзание диким зверям. Несколько охотников, проезжавших там вскоре после этого, нашли младенца, бесстрашно выкормившего медвежонка, и из сострадания отнесли его домой, где приучили любить погоню.

Большую Калидонскую охоту возглавили Мелеагр и Аталанта, которые очень любили друг друга и смело повели остальных в погоню за кабаном. Из одного конца Калидонского леса в другой бежал кабан, преследуемый охотниками, и наконец был остановлен Аталантой, которой удалось нанести ему смертельную рану. Но даже в предсмертной борьбе кабан убил бы ее, если бы Мелеагр не пришел ей на помощь и не нанес смертельный удар.

Мелеагр убивает своих дядей.

Вся охота собралась вокруг трупы кабана и наблюдала, как Мелеагр забирает добычу, которую он галантно вручил Аталанте. Два брата Альтии присутствовали на охоте и, желая завладеть шкурой, по дороге домой горько упрекали племянника за то, что он отдал ее незнакомцу. К этим упрекам они добавили насмешки, которые так разгневали Мелеагра, что в порыве страсти он убил их обоих. Когда Алфея увидела трупы своих братьев и узнала, что их убил ее сын, она поклялась отомстить за их смерть, достала из тайника бережно хранимое клеймо и бросила его в огонь, ярко пылавший на очаге. Когда последний кусочек драгоценного дерева рассыпался в прах, Мелеагр умер. Вся привязанность Альтии к сыну вернулась, когда к ней принесли его безжизненный труп, и в отчаянии она покончила с собой.

Гонка Аталанты. Пойнтер.

Гонка Аталанты.

Тем временем Аталанта, гордая своим мастерством и добычей, вернулась ко двору отца, где, поскольку другого наследника не нашлось, ее с радостью приняли и стали просить о замужестве. Многие женихи приходили свататься к прекрасной принцессе, но большинство из них воздерживались от своих притязаний, когда узнавали, какие условия ставятся перед каждым, кто добивается ее руки; ведь Аталанта не одобряла брака и, желая сохранить свою свободу, постановила, что выйдет замуж только при условии, что ее жених победит ее в беге на ногах. Если же его победят, он должен будет заплатить за свое поражение потерей жизни.

Золотые яблоки.

Несмотря на эти варварские условия, несколько юношей попытались обогнать ее; но им это не удалось, и их безжизненные головы были выставлены на поле для скачек, чтобы отпугнуть всех остальных женихов. Неустрашимый этими ужасными трофеями, Гиппомен, или Миланион, однажды пришел к Аталанте и выразил желание состязаться с ней. Этот юноша заранее заручился покровительством Венеры и спрятал под своей одеждой ее подарок - три золотых яблока. Аталанта, как обычно, приготовилась к забегу и, как обычно, обошла соперницу, но как раз в этот момент одно из золотых яблок упало к ее ногам. На мгновение она приостановилась, затем опустила его и подняла, после чего возобновила гонку. Ее противник обошел ее и вырвался вперед, но вскоре она догнала его, когда второе золотое яблоко вызвало вторую задержку. Она уже собиралась достичь цели первой, как обычно, но тут третье золотое сокровище заставило ее остановиться и позволило Гиппомене выиграть гонку.

"Гиппомен сбивает ее с пути

Золотыми иллюзиями, которые он бросает на ее пути".

Мур.

Теперь Аталанта уже не могла отказаться от брака, и вскоре состоялось ее бракосочетание. От счастья, что ему досталась такая несравненная невеста, Гиппомен забыл воздать обещанную благодарность Венере, за что он и его жена были жестоко наказаны: их превратили в львов и обрекли тащить машину Кибелы (с. 19).

Кастор и Поллукс.

Братья-близнецы Кастор и Поллукс, Диоскуры, или Близнецы, которые сильно отличились своей смелостью на Калидонской охоте, были сделаны божествами бокса, борьбы и всех конных упражнений.

"Сыновей Леды я озвучу,
Прославленные близнецы, которые
За борьбу эту и за скачки прославленные".
Гораций.

Один из этих близнецов, Кастор, был смертным и в схватке с сыновьями Афарея был убит. Бессмертный Поллукс умолял Юпитера позволить ему умереть, чтобы не разлучаться с братом, и это доказательство братской привязанности так тронуло отца богов, что он разрешил Кастору вернуться к жизни при условии, что Поллукс проведет половину своего времени в Аиде.

Позднее, убедившись, что и эта жертва не слишком велика для их братской любви, он перенес их обоих на небо, где они образуют яркое созвездие, один из знаков Зодиака. Кастор и Поллукс обычно изображаются в виде прекрасных юношей, восседающих на снежных колесницах.

"Так похожи они были, что ни один смертный
Не отличит от других:
Белые, как снег, были их доспехи:
Их кони были белы как снег".
Маколей.

Их появление при определенных обстоятельствах предвещало успех в войне, и римляне верили, что они сражались во главе своих легионов в знаменитой битве у озера Регилл. Их именем также называли метеоры, которые иногда видели в море и которые, подобно огненным шарам, прикреплялись к мачтам кораблей - верный знак, по мнению моряков, хорошей погоды и благоприятного путешествия.

"Безопасно идет корабль в гавань,
сквозь бури и шторма,
Если однажды Великие братья-близнецы
На парусах сияют".
Маколей.

Праздники в честь этих братьев-близнецов, называемые Диоскуриями, проводились во многих местах, но особенно в Спарте, их родине, где они устраивали всемирно известные борцовские поединки.

ГЛАВА XXIV.

ŒDIPUS.

Лаий и Иокаста, царь и царица Фив в Беотии, очень обрадовались рождению маленького сына. В радости они послали за жрецами Аполлона и попросили их предсказать, какие славные дела совершит их наследник; но вся их радость сменилась горем, когда им сказали, что ребенку суждено убить отца, жениться на матери и навлечь на родной город большие несчастья.

"Однажды Лаюс,
не от Аполлона, а от его жрецов, получил
Оракул, в котором говорилось, что ему предписано
Он должен быть убит собственным сыном".
Софокл (перевод Франклина).

Чтобы предотвратить исполнение этого страшного пророчества, Лаий велел слуге вынести новорожденного из города и положить конец его слабой жизни. Повеление царя было выполнено лишь частично, так как слуга, вместо того чтобы убить ребенка, подвесил его за ноги к дереву в отдаленном месте и оставил там умирать от голода и облучения, если его пощадят дикие звери.

Когда он вернулся, никто не стал спрашивать, как он справился с заданием, но все вздохнули с облегчением, решив, что пророчество никогда не исполнится. Однако ребенок не умер, как все полагали. Пастух, искавший бездомного ягненка, услышал его крики, вызволил его из мучительного положения и отнес к Полибу, царю Коринфа, который, не имея собственного наследника, с радостью принял маленького незнакомца. Царица Коринфа и ее подручные поспешили с нежной заботой искупать распухшие лодыжки и назвали младенца Œdipus (распухшие ножки).

Прошли годы. Юный принц рос в полном неведении о печальных обстоятельствах, при которых он впервые появился при дворе, пока однажды на пиру один из его собутыльников, разгоряченный выпивкой, не начал ссориться с ним и насмехаться над его происхождением, заявляя, что те, кого он привык называть родителями, никак не связаны с ним.

"Пьяный развратник на пиру провозгласил.
Что я лишь мнимый сын
Коринфского царя".
Софокл (перевод Франклина).

Эдип обращается к оракулу.

Эти слова в сочетании с несколькими многозначительными взглядами, которыми поспешно обменялись гости, возбудили подозрения Эдипа и заставили его задать вопрос царице, которая, боясь, что в первый момент своего отчаяния он может причинить себе вред, если ему откроется правда, прибегла к уклончивости и успокоила его, заверив, что он - ее любимый сын.

Однако что-то в ее поведении оставило в душе Эдипа томительное сомнение, и он решил обратиться к дельфийскому оракулу, слова которого, как он знал, откроют ему истину. Он

отправился к этому святилищу, но, как обычно, оракул ответил несколько двусмысленно и лишь предупредил его, что судьбой предначертано убить отца, жениться на матери и причинить великие беды родному городу.

"Я чувствовал
тайное страдание и, неведомо для них.
Обратился к пифийскому оракулу, но тщетно;
О родителях своих я ничего не мог узнать;
Но ужасны были беды, которые он возвестил
Против меня; такова судьба моя, сказал Аполлон,
Жениться на моей матери, чтобы произвести на свет род
Проклятый и отвратительный; и, наконец, убить
моего отца".
Софокл (перевод Франклина).

Эдип покидает Коринф.

Что? Убить Полиба, который всегда был таким снисходительным отцом, и жениться на царице, которую он почитал как мать! Никогда! Чем совершить эти ужасные преступления и навлечь гибель на жителей Коринфа, которых он любил, он уйдет по лицу земли и никогда больше не увидит ни города, ни родителей.

"Чтобы не сбылось это страшное предсказание,
Мгновенно я бежал из Коринфа, по звездам
Направляли мой злосчастный путь".
Софокл (перевод Франклина).

Но сердце его было наполнено сильной горечью, и по дороге он не переставал проклинать судьбу, которая увезла его из дома. Через некоторое время он подошел к трем перекресткам, и пока он стоял, размышляя, в какую сторону направиться, навстречу ему стремительно выехала колесница, в которой сидел пожилой человек.

Смерть Лаия.

Предшествовавший ей глашатай надменно призвал юношу посторониться и освободить место для своего господина; но Идип, который, как наследник Полиба, привык, чтобы к нему относились с почтением, возмущен повелительным тоном и отказался повиноваться. Разгневанный беспримерной дерзостью, глашатай ударил юношу, и тот, отвечая, безжизненно распростер своего обидчика у его ног.

Эта ссора привлекла внимание хозяина и других слуг. Они тут же набросились на убийцу, который убил их всех, тем самым неосознанно исполнив первую часть пророчества; ведь этот пожилой человек был Лаий, его отец, путешествовавший *инкогнито* из Фив в Дельфы, где он хотел посоветоваться с оракулом.

Неторопливо следуя по дороге, Эдип дошел до ворот Фив, где застал весь город в волнении, "потому что царь был найден безжизненным на обочине дороги, а все его сопровождающие были убиты рядом с ним, что, предположительно, было делом рук разбойников или убийц".

"Он пал
Чужестранцы убили его, так гласит слава,

Разбойниками в том месте, где сходятся три дороги".
Софокл (перевод Франклина).

Конечно, Эдип не связывал убийство такой великой личности, как фиванский царь, неизвестной бандой разбойников со смертью, которую он причинил высокомерному старику, и поэтому он спокойно поинтересовался, о каком втором несчастье идет речь.

Сфинкс.

Понизив голос, словно боясь быть подслушанными, фиванцы описали женскую голову, птичьи крылья и когти, львиное тело - внешнее обличье страшного чудовища, называемого Сфинксом, которое расположилось у городских ворот рядом с шоссе и не позволяло никому войти или выйти, не задав сложной загадки. Если же кто-либо медлил с ответом или не давал его правильно, его безжалостно пожирал ужасный Сфинкс, на которого никто не смел напасть или прогнать.

Слушая эти вести, Эдип увидел, как по улице прошел глашатай, возвестивший, что трон и рука королевы станут наградой тому, кто осмелится встретиться со Сфинксом и сумеет освободить страну от его ужасного присутствия.

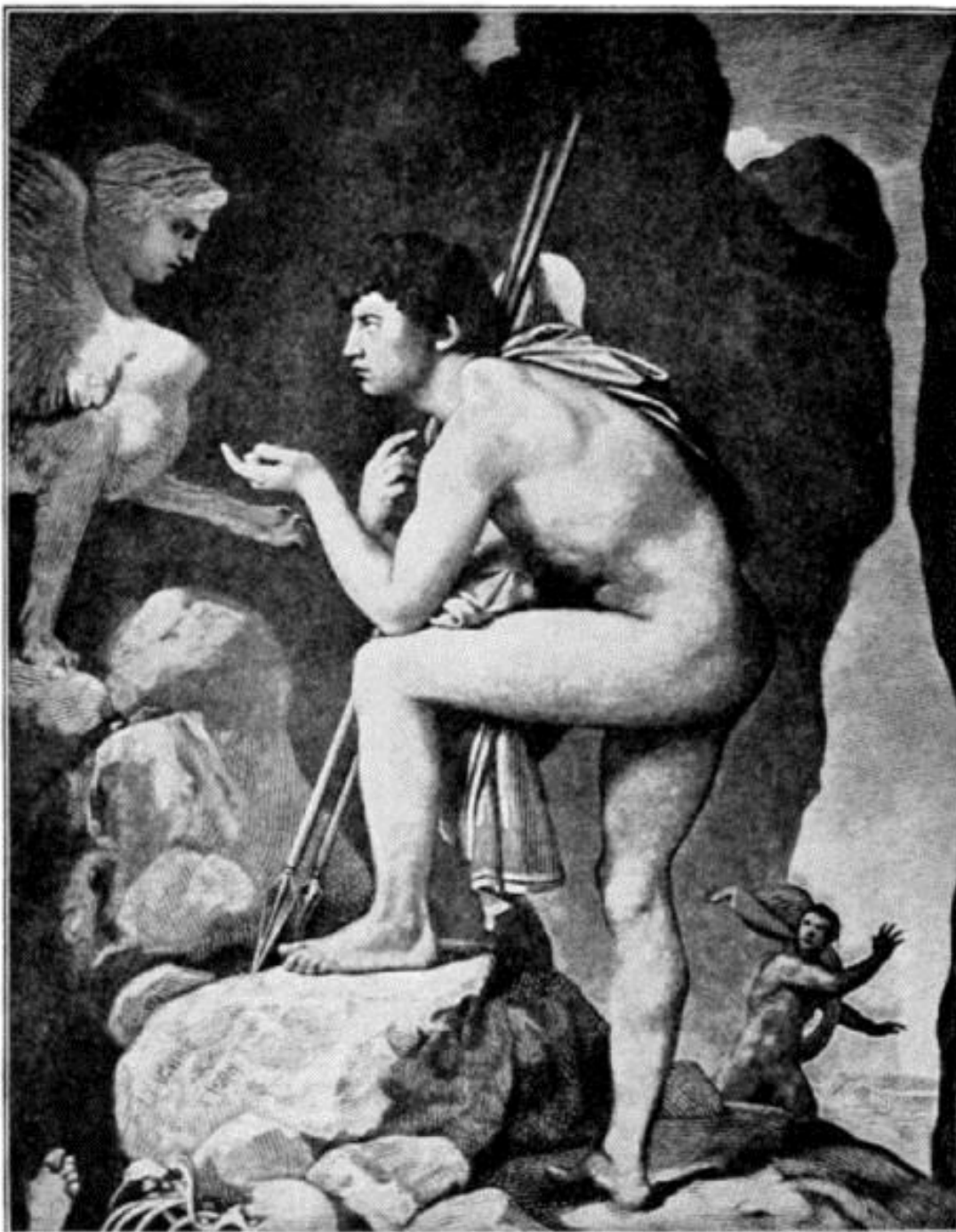
Загадка.

Поскольку Эдип не придавал особого значения жизни, опустошенной предсказаниями оракула, он решил убить страшное чудовище и с этой целью медленно, с мечом в руке, двинулся по дороге, где скрывался Сфинкс. Вскоре он нашел чудовище, которое издали задало ему следующую загадку, предупредив при этом, что если он не даст правильный ответ, то лишится жизни: - "Скажи мне, что это за животное?"

"Скажи мне, что это за животное.

У которого утром четыре ноги,
В полдень - две, а ночью - три?"

Приор.

ŒDIPUS AND THE SPHINX.-Ingres. (Лувр, Париж.)

Дипус не был лишен разума и вскоре пришел к выводу, что животным может быть только человек, который в младенчестве, когда слишком слаб, чтобы стоять, ползает на руках и коленях, в зрелом возрасте ходит прямо, а в старости поддерживает свои шатающиеся шаги посохом.

Эдип женится на своей матери.

Этот ответ, очевидно, столь же правильный, сколь и неожиданный, был воспринят сфинксом с хриплым криком разочарования и ярости, когда он повернулся, чтобы лететь; но прежде чем он смог осуществить свою цель, его остановил Эдип, который острием меча загнал его на край соседнего обрыва, где он и погиб. По возвращении в город Эдип был встречен

радостными криками, посажен на колесницу, коронован как царь Фив и женат на своей собственной матери Иокасте, невольно исполнив второй страшный пункт пророчества.

Чума.

Прошло несколько счастливых и в меру спокойных лет, и Эдип стал отцом двух мужественных сыновей, Этеокла и Полиника, и двух прекрасных дочерей, Исмены и Антигоны; но процветание недолго было обречено благоволить ему.

Именно тогда, когда он считал себя самым счастливым и предвкушал спокойную старость, Фивы посетил страшный бич, от которого погибло множество верных подданных, а сердца всех наполнились великим ужасом. Народ обратился к нему с мольбой о помощи, как это уже было однажды, когда ему угрожал Сфинкс; и Эдип отправил гонцов к дельфийскому оракулу, который объявил, что чума прекратится только тогда, когда убийцы прежнего царя будут найдены и наказаны.

"Чума, - сказал он, - должна прекратиться, когда будут найдены те, кто убил Лаия, и заплатили за свое преступление смертью, или изгнанием".

Софокл (перевод Франклина).

Во все стороны были разсланы гонцы, чтобы собрать все возможные сведения об убийстве, совершенном так давно, и через некоторое время они принесли неопровержимые доказательства, уличающие Oedipus в преступлении. В то же время виновный слуга признался, что не убивал ребенка, а выставил его на горе, откуда он был доставлен царю Коринфа.

Смерть Иокасты.

Цепочка доказательств была завершена, и теперь Эдип обнаружил, что невольно стал виновником трех преступлений, ради которых он бежал из Коринфа. Слух об этих страшных открытиях вскоре дошел до Иокасты, которая в отчаянии от того, что оказалась соучастницей, покончила с собой.

Узнав о ее намерении, Эдип слишком поздно ворвался в ее апартаменты, чтобы помешать его осуществлению, и нашел ее безжизненной. Несчастный монарх не смог вынести этого зрелища и в отчаянии ослепил себя одним из ее украшений.

"Он сорвал с ее одеяния
Золотую пряжку, украшавшую ее бок,
И зарыл себе в глаза отточенное острие,
Плача, он больше никогда не взглянет на нее,
И никогда больше не увидит своих преступлений и ошибок,
Или тех, кого он никогда не сможет увидеть без вины виноватым,
Или тех, к кому он теперь должен обратиться за помощью".

Софокл (перевод Франклина).

Смерть Эдипа.

Без гроша в кармане, слепой и пеший, он покинул место своих ужасных преступлений в сопровождении дочери Антигоны, единственной, кто все еще любил его и был готов направить его неуверенные шаги, куда бы он ни пожелал пойти. После долгих дней утомительного странствия отец и дочь достигли Колонуса, где рос могучий лес, священный для божеств-мстителей, фурий, или эвменид.

Здесь Эвменид выразил желание остаться и, ласково попрощавшись с верной дочерью, в одиночестве отправился в темный лес. Поднялся ветер, сверкнула молния, прогремел гром, но, хотя, как только буря закончилась, его стали искать, никаких следов так и не нашли, и древние решили, что фурии утащили его в Аид, чтобы он понес наказание за все свои преступления.

Этеокл и Полиникс.

Антигона, больше не нужная своему несчастному отцу, потихоньку вернулась в Фивы, где обнаружила, что чума прекратилась, но ее братья поссорились из-за престолонаследия. В конце концов было принято компромиссное решение, согласно которому Этеокл, старший сын, должен был править один год, а по истечении этого срока передать трон Полинику на равный срок; таким образом, оба брата поочередно осуществляли царскую власть. Это соглашение показалось Этеоклам удовлетворительным; но когда в конце первого года Полиникс вернулся из своих странствий по чужим странам и потребовал скипетр, Этеокл отказался от него и, воспользовавшись своей властью, прогнал претендента.

"Ты видишь меня изгнанным из родной земли,
Изгнан несправедливо, ни за какое другое преступление.
А за то, что я пытался удержать фиванский трон,
по праву рождения принадлежащий мне, от того, кто изгнал меня оттуда",
Молодого Этеокла: не ему притязания
По справедливости, и не мне его слава в оружии
превосходит; но мягким, убедительным искусством
Он завоевал мятежный город для своей любви".
Софокл (перевод Франклина).

Семь вождей перед Фивами.

Натура Полиника была не такова, чтобы терпеливо сносить такое оскорбление, и он поспешил в Аргос, где уговорил царя Адраста отдать ему в жены свою дочь и помочь вернуть наследство. Верный своему обещанию, Адраст вскоре снарядил большое войско, которое возглавили семь решительных и прославленных вождей, готовых рискнуть всем в этой попытке и либо победить, либо погибнуть.

"Семь доблестных вождей маршируют
К Фивам, решив победить или умереть".
Софокл (перевод Франклина).

Однако их храбрость оказалась бесполезной, так как Фивы были хорошо укреплены и защищены, и после семилетней осады они оказались не ближе к своей цели, чем в начале войны. Утомленные однообразием этой ссоры, враждующие армии наконец постановили, что разногласия должны быть улажены поединком между враждующими братьями, которые,

едва оказавшись лицом к лицу, бросились друг на друга с такой враждебностью, что оба пали.

По приказу отца Иокасты, Креона, труп Этеокла был похоронен со всеми греческими почестями, а труп Полиника остался лежать на равнине, став добычей птиц и диких зверей.

"Жалкая туша Полиника лежит
Непогребенная, не оплаканная, оставленная на всеобщее обозрение.
Пир для голодных стервятников на равнине".
Софокл (перевод Франклина).

Преданность Антигоны.

Тогда был издан указ, что если кто-либо посмеет похоронить тело павшего принца, то будет наказан погребением заживо. Не обращая внимания на это предписание и мольбы Исмены воздержаться от угрозы собственной жизни, Антигона вырыла могилу для останков брата и без посторонней помощи совершила все обычные похоронные обряды. Она уже почти закончила свою работу, когда ее обнаружили стражники и притащили в присутствие Креона, который, несмотря на то что она была родственницей и обещанной женой его сына Хеймона, приговорил ее к смерти.

"Пусть ее сразу же отнесут в пещеру,
И оставьте ее там одну, жить или умереть;
Кровь ее не лежит на нас, но она больше не
Не должна дышать на земле".
Софокл (перевод Франклина).

Антигона и Хемон.

Хемон страстно молил ее о жизни, но, увидев, что его мольбы тщетны, побежал к месту заточения Антигоны, ворвался в ее тесную келью, крепко обхватил ее руками и не хотел покидать. Там их замуровали; страдания Антигоны были милосердно прерваны удушьем, и когда Хемон увидел, что ее больше нет, он в полном отчаянии вонзил кинжал себе в бок и тоже погиб.

АНТИГОН И ИСМЕНА. Тешендорф.

"На себя он обрушил весь свой гнев,
Оружие в бок ему вонзилось, но все же,
Пока жизнь оставалась, на нежном лоне висела
Милой девы, и дух его последний дышал
На ее бледной щеке, обогрелой его кровью.
Так лежала несчастная пара, соединившись в смерти,
И отпраздновали свое бракосочетание в могиле".

Софокл (перевод Франклина).

Исмена, последняя из несчастного рода Эдипа, умерла от горя, и таким образом пророчество полностью исполнилось. Однако фиванская война не была полностью закончена, ибо, когда оба брата пали, обе армии бросились в атаку друг на друга; и такова была их храбрость, что многие пали, и только один из семи вождей вернулся в Аргос. Там он терпеливо ждал, пока дети этих храбрых вождей подрастут и смогут носить оружие, а затем предложил им напасть на Фивы и отомстить за смерть отцов.

Эпигоны (или те, кто придет после), как принято называть этих молодых людей, приняли это предложение с восторгом; и Фивы, вновь осажденные, попали в их руки и были должным образом разграблены, сожжены и разрушены, как и предсказывал дельфийский оракул за много лет до этого.

ГЛАВА XXV.

БЕЛЛЕРОФОН.

Беллерофон, храбрый молодой принц, внук Сизифа, царя Коринфа, имел большое несчастье убить своего родного брата во время охоты в лесу. Его горе было, конечно, сильным, а ужас, который он испытывал перед местом, где произошла катастрофа, и страх перед судебным наказанием за свое невольное преступление заставили его бежать в Аргос, где он укрылся у царя Прита, который был его родственником.

Вероломство Антея.

Он прожил там совсем недолго, прежде чем царица Антея влюбилась в него; и хотя ее муж, Прэт, относился к ней с величайшей добротой, она решила покинуть его и попыталась склонить Беллерофона к побегу с ней. Слишком честный, чтобы предать человека, который относился к нему как к другу, молодой принц отказался выслушать предложения царицы. Однако его отказ дорого ему обошелся: когда Антея увидела, что юноша ни за что не уступит ее желаниям, она очень разгневалась, стала искать своего мужа и обвинять молодого незнакомца в преступлениях, о которых он даже не мечтал.

Прхет, возмущенный глубоким вероломством почетного гостя, но не желая наказывать его собственноручно, как он того заслуживал, отправил Беллерофона к Иобату, царю Ликийи, с запечатанным посланием, в котором просил предать его смерти.

Совершенно не понимая смысла этого письма, Беллерофон весело отправился в путь и предстал перед Иобатом, который принял его очень гостеприимно и, не спрашивая ни имени, ни поручения, в течение многих дней развлекал его по высшему разряду. Через некоторое время Беллерофон вдруг вспомнил о вверенном его попечению запечатанном послании и поспешил доставить его Иобату с многочисленными извинениями за свою забывчивость.

Химера.

С побледневшими щеками и всеми внешними признаками ужаса царь прочел послание, а затем погрузился в глубокую задумчивость. Ему не хотелось лишать жизни чужого человека, и все же он не мог отказаться выполнить настоятельную просьбу Прхета: после долгих

раздумий он решил послать Беллерофона напасть на Химеру, страшное чудовище с головой льва, телом козла и хвостом дракона.

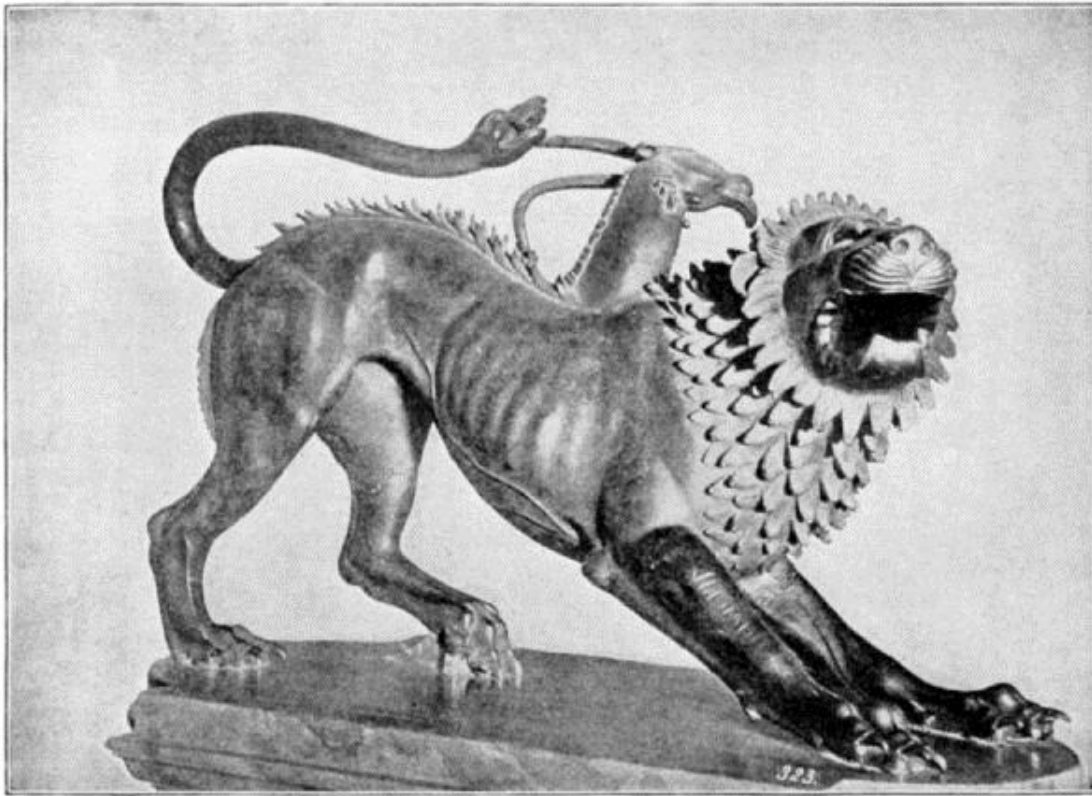
"Страшное завоевание Химеры было предписано;
Смешанное чудовище, не похожее на смертных;
За спиной - драконий огненный хвост;
На грубом теле козла - львиная голова;
Из ее дырявых ноздрей истекает чешуйчатое пламя;
Ее зияющая глотка испускает inferнальный огонь".
Гомер (перевод Поупа).

Главным мотивом, побудившим его выбрать эту сложную задачу, было то, что, хотя многие храбрецы отправлялись на истребление чудовища, ни один из них так и не вернулся, ибо все погибли при попытке.

Хотя Беллерофон был очень храбр, его сердце учащенно забилося от страха, когда ему сказали, какое великое дело он должен совершить; и он покинул дворец Иобата с большой печалью, потому что очень любил прекрасную дочь царя, Филоною, и боялся, что больше никогда ее не увидит.

Совет Минервы.

Внутренне сокрушаясь о несчастье, которое так упорно преследовало его, Беллерофон вдруг увидел Минерву, представшую перед ним во всем своем великолепии, и услышал, как она нежным тоном осведомилась о причине его слишком явного уныния. Не успел он рассказать ей о возложенной на него трудной задаче, как она пообещала ему свою помощь, а перед тем как исчезнуть, подарила ему прекрасную золотую уздечку, которой велела управлять Пегасом.

ХИМЬЕРА. (Египетский музей, Флоренция.)

С уздечкой в руках Беллерофон стоял, размышляя над ее словами, и постепенно вспомнил, что Пегас - чудесный крылатый конь, рожденный из крови, упавшей в пену морскую из отрубленной головы Медузы (с. 244). Этот конь, белый как снег, одаренный бессмертной жизнью и невероятной скоростью, был любимым скакуном Аполлона и муз, которые с удовольствием совершали на его широкой спине воздушные полеты; и Беллерофон знал, что время от времени он спускался на землю, чтобы испытать прохладных вод Гиппокрены (фонтана, бьющего там, где его копыта впервые коснулись земли) или посетить столь же прозрачный источник Пирен, расположенный недалеко от Коринфа.

Пегас в уздечке.

Беллерофон отправился к последнему фонтану, где, простояв много дней в тщетной надежде хоть мельком увидеть крылатого коня, он наконец увидел его, летящего вниз на широких виражах, как хищная птица. Укрывшись в соседних зарослях, Беллерофон подсмотрел удобный момент и, пока крылатый конь пасся, смело вскочил ему на спину.

Пегас, на котором еще никогда не ездил смертный, взвился на дыбы и взлетел на головокружительную высоту, но все его усилия не смогли сбить спесь с храброго всадника, который, не теряя времени, в конце концов вставил ему между зубов золотое удило Минервы, и тот сразу стал кротким и послушным. Сев на этого несравненного коня, Беллерофон отправился на поиски крылатого чудовища Химеры, породившей Немейского льва и загадывающего загадки Сфинкса.

Химера убита.

С безоблачного неба Беллерофон и Пегас внезапно и неожиданно обрушились на ужасную Химеру, чье огненное дыхание и огромная сила оказались бесполезными; после

продолжительной борьбы Беллерофон и Пегас одержали победу, и чудовище безжизненно лежало на залитой кровью земле.

Совершив этот великий подвиг, Беллерофон вернулся к Иобату, чтобы сообщить об успехе своего предприятия; и хотя царь был от души рад узнать, что Химеры больше нет, ему было очень жаль видеть Беллерофона целым и невредимым, и он попытался придумать какой-нибудь другой план, чтобы избавиться от него.

Поэтому он послал его сразиться с амазонками, но герой с помощью богов победил и этих воинственных женщин и вернулся в Ликию, где, вырвавшись из засады, устроенной царем для его уничтожения, снова появился при дворе победителем.

Эти неоднократные и нелегкие побеги от верной смерти убедили Иобата в том, что юноша находится под особым покровительством богов, и это побудило царя не только отказаться от дальнейших попыток убить его, но и отдать молодого героя в жены своей дочери.

Беллерофон, исполнив свои самые заветные желания, мог бы успокоиться; но его голову совершенно вскружили многочисленные возвышенные полеты на спине Пегаса, и, ободренный лстивой лестью своих придворных, он возомнил себя равным бессмертным богам и пожелал присоединиться к ним в их небесной обители.

Падение Беллерофона.

Снова призвав своего верного Пегаса, он поднимался все выше и выше и, возможно, достиг бы высот Олимпа, если бы Юпитер не послал слепня, который так жестоко ужалил бедного Пегаса, что тот злобно взвизгнул и сбросил своего слишком самоуверенного наездника далеко вниз, на землю.

"Смелый Беллерофон (так распорядился Юпитер.
В гневе) упал вниз головой с воздушных полей".
Вордсворт.

Это падение, которое, несомненно, убило бы любого, кроме мифологического героя, лишило Беллерофона зрения, и с тех пор он уныло брел по дороге, вспоминая счастливые дни, когда он скакал по воздушным тропам и смотрел на прекрасную землю у своих ног.

Беллерофон, сидящий на Пегасе, летящий на крыльях по воздуху или сражающийся с Химерой, - излюбленная тема в скульптуре и живописи, к которой часто обращались древние художники, несколько наиболее известных работ которых до сих пор хранятся в различных музеях.

Эта история, как и многие другие, является просто солнечным мифом, в котором Беллерофон, шар дня, скачет по небу на Пегасе, белом облаке, и убивает Химеру, страшное чудовище тьмы, которое он один может победить. Изгнанный из дома в раннем детстве, Беллерофон странствует по миру, подобно своему блестящему прототипу, и, как и он, заканчивает свою карьеру в полной темноте.

ГЛАВА XXVI.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ БОЖЕСТВА.

Наяды и Ореады.

По представлениям древних, на каждой горе, долине, равнине, озере, реке, роще и море обитало меньшее божество, которому могущественные боги Олимпа поручали особые обязанности. Таковы, например, наяды, прекрасные водные нимфы, обитавшие в прозрачных глубинах фонтанов и считавшиеся местными покровительницами поэзии и песен.

Ореады, или горные нимфы, должны были обитать в горных уединениях и проводить усталых путников через скалистые лабиринты.

"Отметь, как скалистые Ореады
Манят тебя в свои аркады!"
Эмерсон.

Напæ и Дриады.

Что касается Напææ, то они предпочитали оставаться в долинах, которые оставались зелеными и плодородными благодаря их бдительной заботе, в которой им помогали Дриады, нимфы растительности.

Считалось, что деревья в лесу и на обочине дороги находятся под защитой особого божества по имени Хамадриада, которое, по преданию, живет и умирает вместе с деревом, вверенным ее заботам.

"Когда приближается судьба смерти,
Сначала увядают на земле прекрасные деревья,
Кора с них облезает, ветви падают,
И душа нимфы в тот же миг покидает
Солнца свет".
Гомер.

История Дриопы.

Древние рассказывали милую и трогательную историю о смертной, которая была превращена в Гамадриаду. Эта девушка, которую звали Дриопа, была прекрасной юной принцессой, дочерью Бауциса, такой яркой и умной, что все, кто ее знал, очень любили ее. Разумеется, как только она стала достаточно взрослой, чтобы подумать о замужестве, множество женихов попросили ее руки, каждый из которых жаждал заполучить в невесты столь прекрасную и одаренную.

"Ни одна нимфа из всех *Æschalia* не могла сравниться с ней,
По красоте с Дриопой прекрасной".
Овидий (перевод Поупа).

Прекрасно понимая, как важно сделать мудрый выбор, Дриопа не торопилась и в конце концов решила выйти замуж за Андрамона, достойного молодого принца, который обладал всеми чарами, чтобы покорить сердце прекрасной девушки. Молодые люди поженились, и каждый день радовались своему счастью, которое казалось слишком большим для земли, когда они стали родителями очаровательного маленького сына.

Каждый день Дриопа носила ребенка на руках по берегу небольшого озера, расположенного неподалеку от дворца, где в изобилии цвели разноцветные цветы.

"Было озеро, с обрывистыми берегами,
Чью зеленую вершину венчали душистые мирты.
К этим оттенкам, не ведая судьбы, стремилась она,
И наядам цветочные гирлянды принесла;
Улыбающегося младенца (приятный заряд) она прижимала
меж рук своих".
Овидий (перевод Поупа).

Однажды, бродя там, как обычно, в сопровождении сестры, она увидела цветок лотоса и указала на него своему маленькому сыну. Не успел он увидеть блестящий цветок, как протянул к нему свои маленькие ручки. Чтобы порадовать его, ласковая мать сорвала его и дала ему.

Едва она это сделала, как заметила, что из сломанного стебля вытекают капли крови; и пока она стояла, потеряв дар речи от удивления, раздался голос, обвиняющий ее в убийстве нимфы Лотис, которая, спасаясь от преследования бога теней Приапа, приняла облик цветка.

"Нимфа Лотис (если сельские предания правдивы),
Когда от незаконной любви Приапа она бежала,
Потеряла свой облик и превратилась в
Цветущим растением, которое до сих пор хранит ее имя".
Овидий (перевод Поупа).

Оправившись от первого безмолвного ужаса, Дриопа повернулась, чтобы бежать, с жалким криком сострадания на бледных губах, но, к своему изумлению, не могла сдвинуться с места: ноги ее словно приковало к земле. Она бросила быстрый взгляд вниз, чтобы понять, что могло так помешать ее продвижению, и заметила вокруг себя грубую кору дерева, растущего с ужасающей быстротой.

Она поднималась все выше и выше, от коленей до талии, и все равно ползла вверх, несмотря на ее неистовые попытки оторвать ее от своих стройных конечностей. В отчаянии она воздела дрожащие руки к небу, моля о помощи, но не успела она произнести и слова, как ее руки превратились в скрюченные ветви, а ладони - в листья.

Теперь от бедной Дриопы не осталось ничего человеческого, кроме ее милого, залитого слезами лица, но и оно вскоре исчезло под всепоглощающей корой. Поэтому она поспешно покинула отца, сестру, мужа и сына, которые, привлеченные ее первым криком, поспешили оказать ей посильную помощь. Последние слова были произнесены быстро, но не слишком скоро, потому что кора сомкнулась над мягкими губами и скрыла от глаз прекрасные черты лица.

"Она перестала говорить и перестала быть,
И вся нимфа была потеряна в дереве:
Но скрытая жизнь царила в ее новых ветвях,
И долго растение человеческое тепло сохраняло".
Овидий (перевод Поупа).

Одной из последних просьб Дриопы было, чтобы ее ребенок мог часто играть под ее тенистыми ветвями; и когда проходящий ветер шелестел листьями, древние говорили, что это "одинокая Дриопа убаюкивает свое дитя".

Сатиры и Пан.

Мужские божества леса, которых также было очень много, в основном были сатирами - диковинными существами с телом человека и ногами, шерстью и рогами козла. Все они страстно любили музыку и веселье и были склонны предаваться танцам в любое время и в любом месте. Самыми известными среди сатиров были Силенус, воспитатель Вакха, и Пан, или Консентес, бог пастухов и олицетворение природы. Последний был предполагаемым сыном Меркурия и очаровательной молодой нимфы по имени Пенелопа; нам рассказывают, что когда его мать впервые увидела его, она была поражена, потому что он был как самым домашним, так и самым необычным маленьким существом, которое она когда-либо видела. Все его тело было покрыто козьей шерстью, а ноги и уши - козьими.

Повеселившись при виде этого гротескного маленького божества, Меркурий унес его на Олимп, где все боги выставили его на посмешище. Однако в старые времена Пану широко поклонялись, и древние не только украшали его алтари цветами, но и пели ему дифирамбы и устраивали праздники в его честь.

"Он велик и справедлив,
Он вечно добр и должен
быть почитаем". Нарциссы,
Розы, росинки и любимые лилии,
Давайте поклонимся, пока мы поем,
Вечно Святой! Вечно святой!
Вечно чтимый! Вечно молодой!
Великий Пан вечно поет!".
Бомонт и Флетчер.

История Сиринокс.

Пан был одинаково предан музыке, танцам и красивым нимфам. Он увидел одну из нимф, Сиринокс, которую сразу же полюбил; но, к несчастью для него, она, испугавшись его появления, убежала. Раздраженный тем, что она упорно избегает его, Пан однажды пустился в погоню и уже собирался догнать ее, как вдруг она остановилась и стала умолять Гею защитить ее. Едва молитва закончилась, как она превратилась в комок тростника, который запыхавшийся влюбленный обхватил, думая, что поймал девицу, стоявшую на этом самом месте несколько мгновений назад.

Обман и разочарование были столь сильны, что вызвали у него продолжительный вздох, который, проходя сквозь шелест камышей, издавал пронзительные звуки. Пан, видя, что

Сиринокс ушла навсегда, взял семь неравных по длине кусков тростника, связал их вместе и сделал из них музыкальный инструмент, который назвал именем прекрасной нимфы.

"Прекрасная, трепетная Сиринокс бежала
Аркадийский Пан, с таким ужасом.
Бедная нимфа! Бедный Пан! Как он плакал, найдя
Ничто, кроме прекрасного вздоха ветра
Вдоль камышового ручья; полуслышное пение
Полный сладостного опустошения и боли".
Китс.

Считалось, что Пан любит коварно настигать запоздалых путников и внушать им внезапные и беспочвенные страхи - от него и пошло название "паника". Обычно его изображают с сирингом и пастушьим посохом, с сосновой гирляндой вокруг головы неправильной формы.

Сильванские божества.

Римляне также поклонялись трем другим божествам природы, совершенно неизвестным грекам: Сильвану, Фавну и Фауне, жене последнего, которая властвовала над лесами и растениями. Приапс, бог тени, также был сельским божеством, но его поклонение было известно только на берегах Геллеспонта.

Флора и Зефир.

Самой прекрасной среди всех меньших богов, несомненно, была Флора, богиня цветов, которая вышла замуж за Зефира, нежного бога южного ветра, и счастливо странствовала с ним с места на место, рассыпая свои благодеяния с щедрой щедростью. Ей поклонялись в основном молодые девушки, а единственными подношениями на ее алтарях были фрукты и гирлянды прекрасных цветов. Ее праздники, которые обычно отмечались в мае, назывались Флоралиями.

"Благоприятная возможность" - Туманн. (Вертумн и Помона.)

"Толпы нимф,
тихоголосых, юных и веселых,
В плетеных корзинах несут колосья кукурузы,
Розы, росинки и фиалки, чтобы украсить
Святилище Флоры в начале мая".
Китс.

Вертумн и Помона.

Вертумн и Помона были особыми божествами сада и огорода. Они изображены с секаторами и ножами, садовым инвентарем, фруктами и цветами. Помона была очень скромной и не хотела выходить замуж. Вертумн, очарованный ее прелестями, делал все возможное, чтобы заставить ее передумать, но она даже не слушала его уговоров.

Тогда влюбленный прибег к хитрости, переоделся в костюм престарелой короны, вошел в сад Помоны и поинтересовался, как случилось, что столь очаровательная девушка так долго остается незамужней. Получив насмешливый ответ, он стал спорить с ней и в конце концов добился признания, что из всех женихов только один достоин ее любви - Вертумн. Вертумн воспользовался благоприятным случаем, открылся и прижал ее к своей груди. Помона, поняв, что безнадежно предала себя, больше не отказывалась от свадьбы, но позволила ему разделить ее труды и помочь ей превратить сочные плоды в зрелые в лучах осеннего солнца.

Морские божества.

Младшие морские божества были почти так же многочисленны, как и сухопутные, и включали в себя прекрасных Океанид и Нереид, а также их спутников-мужчин - Тритонов, которые обычно составляли царственную свиту Нептуна.

История Глаука.

Один из младших морских богов, Глаукс, был когда-то бедным рыбаком, зарабатывавшим на хлеб насущный продажей рыбы, которую он ловил в свои сети. Однажды он сделал отличный улов и бросил свою сеть, полную рыбы, на какую-то траву, которую тут же обгладывала рыба, и, словно наделенная необыкновенной силой, устремлялась обратно в волны и уплывала.

Сильно удивленный этим событием, Глаукс начал жевать несколько травинок этой необычной травы и тут же почувствовал безумное желание окунуться в море, - желание, которое вскоре стало настолько сильным, что он не смог больше сопротивляться ему и нырнул в воду. Одно лишь соприкосновение с солеными волнами изменило его натуру, и он, спокойно плавая в стихии, где теперь чувствовал себя как дома, начал исследовать морские глубины.

"Я погружаюсь в жизнь или смерть. Соединить
свои чувства с таким плотным дыхательным материалом.
Может показаться мучительной работой; так что недостаточно
Я не могу восхититься тем, как кристально гладко оно ощущалось,
И как плавуче вокруг моих конечностей. Поначалу я проводил
Целые дни в полном изумлении;
Совершенно забыв о собственных намерениях;
Двигаясь лишь в такт могучему приливу и отливу.
Затем, подобно птенцу, впервые показавшему свои перья.
Свои расправленные перья к утренней прохладе,
Я в страхе попробовал шестеренки своей воли.
Это была свобода! И сразу же меня посетили
Непрестанные чудеса этого океанского дна".
Китс.

Глаукусу особенно поклонялись рыбаки и лодочники, чьи суда он, как считалось, охранял от зла, и чьи сети часто наполнялись до краев благодаря его вмешательству.

ГЛАВА XXVII.

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА.

Юпитер, отец богов, однажды сильно влюбился в прекрасную морскую нимфу по имени Фетида, дочь Нерея и Дорис.

"Тетис серебряных ног, дитя
седого Древнего из глубин".
Гомер (перевод Брайанта).

Юпитер и Фетида.

Он очень хотел жениться на ней, но, прежде чем сделать столь важный шаг, счел благоразумным посоветоваться с судьбами, которые одни могли подсказать ему, будет ли этот союз на пользу его счастью или нет. Ему очень повезло, что он так поступил, ибо три сестры сказали ему, что Фетиде суждено стать матерью сына, который намного превзойдет своего отца.

Юпитер тщательно обдумал этот ответ и решил скорее отказаться от брака, чем рисковать тем, что его заставят отдать свою власть тому, кто больше него. Тогда он постановил отдать руку Фетиды в жены Пелею, царю Фтии, который преданно любил ее и долгое время тщетно добивался.

Тетис, однако, совсем не хотела принимать руку простого смертного после того, как пользовалась вниманием богов (ведь ее сватал и Нептун), и отказывалась, пока Юпитер не пообещал, что он сам и все боги будут присутствовать на брачном пире. Перспектива такой высокой чести примирила деву, и свадебные приготовления проходили в коралловых пещерах ее отца, Нерея, под пеной волн.

Туда, помня о своем обещании, прибыл Юпитер со всеми богами Олимпа.

"Затем, вместе со своей царицей, отец богов
Спустился с высоты светлых обителей Олимпа;
Спустился со всеми божествами".
Катулл.

Гости заняли свои места и поклялись жениху и невесте в наполненных кубках вина - свадебном даре Вакха для Фетиды. Все было радостно и весело, как вдруг в пиршественном зале появился незванный гость. Все присутствующие сразу же узнали Эрис, или Дискордию, богиню раздора, чьи всклоченные локоны, кислый вид и буйный нрав стали причиной того, что ее не включили в свадебный список.

"Мерзкая, что без приглашения пришла
В прекрасный Пелеев пиршественный зал".
Теннисон.

Яблоко раздора.

Это упущение возмутило ее, и она решила отомстить, нарушив гармонию, которая, очевидно, царила среди всех гостей. На мгновение она замерла у щедрого стола, затем бросила на него золотое яблоко и, выдохнув над собранием свое отравленное дыхание, исчезла. Всеобщее внимание, конечно же, было обращено на золотой плод, на котором четко прослеживалась надпись "Прекраснейшей".

Поначалу все дамы были склонны претендовать на этот приз, но постепенно все претендентки отступили, кроме Юноны, Минервы и Венеры, которые горячо спорили за обладание им. Юнона заявила, что царица богов в своем величии и могуществе, несомненно, имеет лучшее право; Минерва - что красота мудрости и знаний намного превосходит внешние прелести; а Венера улыбнулась и архаично попросила сообщить, кто может предъявить большие претензии, чем богиня красоты.

Спор становился все более ожесточенным, и разгневанные богини призвали гостей присудить приз самой достойной; но гости, все до единого, отказались выступать в роли третейского судьи, поскольку яблоко могло достаться только одной, а две другие непременно выместили бы свой гнев и разочарование на судье, который обошел их прелести в пользу третьей. Поэтому окончательное решение было передано Парису, который, хотя и выполнял скромные обязанности пастуха, был сыном Приама и Гекубы, царя и царицы Трои.

Еще младенцем Парис был выставлен на горе, чтобы погибнуть, так как оракул предсказал, что он станет причиной гибели своей семьи и падения родного города. Несмотря на жестокое обращение, он не погиб, а был усыновлен пастухом, который заставил его следовать своему призванию.

Парис и Ξενοπε.

Когда Парис достиг зрелого возраста, он был очень красивым и привлекательным юношей и завоевал любовь Ξενοπε, прекрасной нимфы, с которой был тайно соединен. Однако счастье их было недолгим, ибо судьба распорядилась так, что любовь Париса к прекрасной Ξενοпе скоро умрет.

"Судьба,
что правит волей Юпитера, закрутила дни
Париса и Ξενοπε".
Квинт Смирней (перевод Элтона).

Суд над Парисом.

Вместо того чтобы остаться рядом с прекрасной нимфой, Парис удалился на одинокую вершину горы, где три богини искали его, чтобы он рассудил их ссору. Минерва в сверкающих доспехах первой предстала перед его ослепленными глазами и предложила взятку в виде огромной мудрости, если он отдаст предпочтение ей.

Затем появилась Юнона, царица небес, в царских одеждах и знаках отличия, и прошептала, что он получит огромное богатство и неограниченную власть, если только отдаст приз ей.

"Она Парису сделала
Предложила царскую власть, обширное правление
Беспрекословное правление, переполненные доходы
С помощью которых можно украсить государство, "из многих долин
И речных раздольных шампаней, одетых в кукурузу,

И рудников, не истощенных рудой.
Честь, - сказала она, - и почтение, налоги и пошлины,
Со многих внутренних городов и больших гаваней,
Мачты под ее тенистой цитаделью.
В стеклянных бухтах среди ее высочайших башен".
Теннисон.

Но все чары и подкупы Минервы и Юноны были забыты, когда Венера в своем волшебном одеянии предстала перед судьей. Эта искусная простота была результатом долгих размышлений, ведь нам говорят, что

"Венера часто с заботой
Дважды поправляла один волос".
Каупер.

Затем, трепеща от страха, что ее усилия окажутся тщетными, она нежно приблизилась к юноше и мягко пообещала ему невесту, такую же прекрасную, как она сама, в обмен на желанное золотое яблоко.

Покоренный то ли ее превосходной привлекательностью, то ли манящей взяткой, Парис больше не колебался, а положил приз в протянутую ладонь.

"Еще не закончив речи, он вложил
В ее нежную руку плод с кожурой;
И пенорожденная Венера схватила изящное лакомство,
Войны, злобной войны, семя быстрорастущее".
Coluthus (Elton's tr.).

Разумеется, этот необъективный поступок вызвал гнев и ненависть Юноны и Минервы, которые, не торопясь, ждали удобного случая, чтобы отомстить; а Венера, торжествуя и желая искупить свое обещание, велела Парису вернуться в Трою, объявиться родителям, которые, как обещала богиня, тепло примут его, и получить от них флот, на котором он мог бы отплыть в Грецию.

ПАРИЖ. (Ватикан, Рим.)

Повинуясь этим указаниям, Парис безжалостно покинул прекрасную и верную Елену и, присоединившись к группе молодых пастухов, отправился в Трою под предлогом присутствия на торжественном празднике. Там он принял участие в атлетических играх, отличился и привлек внимание своей сестры Кассандры.

Возвращение Париса в Трою.

Эта принцесса отличалась красотой, и, как говорят, за ней даже ухаживал Аполлон, который, надеясь завоевать ее расположение, наделил ее даром пророчества. По какой-то причине иск бога не увенчался успехом, и, не имея возможности вернуть дарованную власть, он аннулировал ее, заставив слушателей отказаться верить ее словам.

Кассандра тут же обратила внимание родителей на необычайное сходство Париса с другими братьями, а затем, разразившись пророческими речами, предсказала, что он принесет разрушение своему родному городу. Приам и Гекуба, презрев ее пророчество, радостно приняли своего давно потерянного сына, с любовью заставили его поселиться в своем дворце и пообещали искупить свое прошлое пренебрежение, исполняя любое его желание.

Парис отплывает в Грецию.

По совету Венеры Парис вскоре изъявил желание отплыть в Грецию под предлогом спасения Гесионы, сестры своего отца, которую Геракл увез с собой после осады Трои. Ему быстро предоставили несколько хорошо оснащенных галер, и вскоре он появился при дворе Менелая, царя Спарты, чья молодая жена, Елена, была самой красивой женщиной своего времени, если верить свидетельствам ее современников.

"Полных три десятка девушек, в спортивном полете мы бродили,
Как юноши помазанные, где вдоль поляны
В ваннах прохладных Евротас играл.
Но ни одна из них не могла сравниться с Еленой,
Ни одна не казалась безупречней прекрасной.
Как утро, с вермишелевым взором, смотрит с высоты,
Когда торжественная ночь исчезла вдруг;
Когда зима тает и освобождает застывшие часы,
И зеленая ветвь весны украшена серебристыми цветами:
Так расцветала в наших глазах дева Елена,
С полными сладострастными конечностями и огромным ростом:
В фигуре, в росте, в статном облике прекрасном,
Прямая, как борозда, скользящая от доли;
Кипарис в садах, пылающий ввысь,
Как скакун в фессалийских машинах.
Так розовощекая Елена очаровывала взор;
Благодать нашей Спарты, наша слава и отрада".
Феокрит (перевод Элтона).

Ухажеры Елены.

Дочь Юпитера и Леды (которую Юпитер обхаживал в облике белоснежного лебедя), Елена имела множество женихов, которые страстно желали завоевать ее расположение. Самые благородные, самые храбрые и лучшие приходили свататься и надеялись на победу, но все оставались в недоумении, так как дева не выказывала никаких предпочтений и отказывалась огласить свой выбор.

Отчим Елены Тындарей, полагая, что отвергнутые женихи могут попытаться увести ее у любого выбранного ею мужа, предложил всем претендентам на ее руку дать торжественную клятву, обязавшись уважать супружеские права избранника и помочь ему вернуть жену, если кто-то решится похитить ее.

"Это послужило причиной
Тындарусу, ее отцу, много сомнений,
Отдать или не отдать ее, и как лучше
Сделать удачу своей: в конце концов пришла мысль.
Что каждый из сватов дает
клятву, и скрепили руки, и на пламя
возлияния, и торжественными клятвами
Скрепили свою твердую веру в то, что тот, кто получит
Девственницу в невесты, все они будут помогать;
Если кто захочет схватить и унести ее,
И силой оттолкнуть мужа от ложа,
Все объединились бы в оружии, и отложили бы его город,
Греческий или варварский, с землей сравнять".
Еврипид (перевод Поттера).

Все согласились с этим предложением, присяга была принесена, и Елена, чьи размышления подошли к концу, отдала свою руку Менелаю, царю Спарты.

Похищение Елены.

По прибытии в Спарту, в Лакедемонию, Парис был принят Менелаем и Еленой с радушным гостеприимством. Однако не успел он пробыть там и нескольких дней, как царь был вызван из дома и уехал, поручив жене заботу о развлечении своего царственного гостя. Во время его отсутствия Парис, подстрекаемый Венерой, так успешно ухаживал за Еленой, что она в конце концов согласилась сбежать с ним и позволила унести себя с триумфом в Трою.

"Тогда из чужого дома, где укрылся ее муж.
Он соблазнил Елену в пене океана".
Coluthus (Elton's tr.).

Подготовка к войне.

Менелай, вернувшись с Крита, обнаружил предательство своего гостя и поклялся не успокаиваться, пока не вернет прогулявшую жену и не накажет ее соблазнителя. Во все стороны поспешно были отправлены гонцы, чтобы призвать бывших женихов Елены сдержать клятву и присоединиться к Менелаю в Аулисе с людьми и оружием. Все быстро явились по его зову, кроме Улисса, царя Итаки, который, чтобы утешиться из-за отказа Елены, женился на ее двоюродной сестре Пенелопе и теперь не имел более дорогого желания, чем оставаться рядом с ней и любоваться своим младенцем, сыном Телемахом.

Улисс притворяется безумным.

В присутствии гонца Паламеда Улисс притворился безумным, надеясь таким образом избежать утомительного путешествия в Трою; но гонец не был так легко обманут и решил выяснить правду с помощью хитрости. Однажды, когда царь пахал берег моря на волах и лошадях, запряженных вместе, и засеивал это странное поле солью, Паламед положил младенца Телемаха в борозду, прямо перед плугом, и заметил, как ловко Улисс повернул свою злосчастную упряжку в сторону, чтобы не повредить наследника. Этого действия было достаточно, чтобы доказать Паламеду, что

царь не утратил контроль над своими чувствами, и он смог заставить Улисса подчиниться призыву Менелая.

Похищение Гелены.

Агамемнон становится вождем.

В Аулисе собравшееся войско с единодушного согласия избрало Агамемнона, брата Менелая, начальником экспедиции, в которую входили, в частности, Нестор, известный своими мудрыми советами, Аякс, гигантский по силе и мужеству, и Диомед, прославленный воин.

Войско было собрано, корабли запряжены, но перед отплытием вожди сочли нужным посоветоваться с оракулом, чтобы выяснить, суждено ли их экспедиции увенчаться успехом. В несколько завуалированной и двусмысленной форме они получили ответ, что Троя никогда не будет взята без помощи сына Пелея и Фетиды, Ахилла, которому судьбы предсказали, что он превзойдет своего отца в величии (с. 305).

Ранняя жизнь Ахилла.

Фетида так любила своего единственного ребенка, что, когда он был еще младенцем, отнесла его на берег Стикса, воды которого обладали волшебной силой делать неуязвимыми все части тела, которых они касались. Предполагая, что ее сын будет великим воином, а значит, подвергнется большой опасности, она погрузила его в воду целиком, за исключением одной пятки, за которую держала, и вернулась домой.

Спустя некоторое время оракул предсказал, что Ахилл погибнет под стенами Трои от раны в пятку, единственную уязвимую часть тела. Со слезами на глазах Фетида поклялась, что ее сын никогда не покинет ее, чтобы его не постигла такая участь, и поручила заботу о его воспитании кентавру Хирону, который по очереди обучал всех величайших героев.

У этого наставника Ахилл научился военному искусству, борьбе, поэзии, музыке и песням - в общем, всему, что должен был знать опытный греческий воин, - и, закончив обучение, вернулся ко двору отца, чтобы порадовать своим присутствием сердце любимой матери.

Однако радость Тетис сменилась печалью, когда до ее ушей дошли слухи о скорой войне между Грецией и Троей. Она знала, что сына скоро вызовут, и, чтобы не допустить его, отправила ко двору Ликомеда, где под каким-то предлогом уговорила его переодеться и смешаться с царскими дочерьми и их служанками.

Один за другим отправлялись гонцы, чтобы призвать Ахилла присоединиться к флоту в Аулисе, но один за другим возвращались, не увидев его и не сумев выяснить, где он скрывается. Греки, как ни стремились к отплытию, не решались плыть без него. Они были в отчаянии, пока хитроумный Улисс не предложил план и не предложил его осуществить.

"Улисс, человек многих искусств,
Сын Лаэрта, выросший на Итаке,
На этом суровом острове, и искусен во всех видах
Прозорливых приемов и действий мудрый замысел".
Гомер (перевод Брайанта).

Улисс обнаруживает Ахилла.

Одетый в одежду торговца, с вьюком на плечах, Улисс вошел во дворец Ликомеда, где, как он проницательно подозревал, скрывался Ахилл, и предложил свои товары на продажу. Девы выбирали безделушки, но одна из них, тщательно замаскированная, схватила оружие, спрятанное среди украшений, и так искусно им размахивала, что Улисс разгадал придуманную маскировку, объяснил свое присутствие и цель и своим красноречием убедил юного Ахилла сопровождать его в Аулис.

Греки были готовы к отплытию, но не было благоприятного ветра, чтобы надуть паруса, которые день за днем неподвижно висели на высоких мачтах их кораблей.

"Войско

Собранные и обмундированные, мы сидим здесь

Бездействуя, и из Аулиса отплыть желаем

Тщетно."

Еврипид (перевод Поттера).

Жертвоприношение Ифигении.

К Калхасу, прорицателю экспедиции, снова обратились за советом, чтобы узнать, как лучше всего завоевать благосклонность богов; ответ гласил, что ни один благоприятный ветер не подует, пока Ифигения, дочь Агамемнона, не будет принесена в жертву, чтобы умиротворить вечных богов.

Было испробовано множество других способов умиловления, но поскольку все они оказались неэффективными, Агамемнон, побуждаемый своими спутниками, послал за дочерью, притворившись, что хочет отпраздновать ее бракосочетание с Ахиллом перед своим отъездом.

"Я написал, запечатал

Письмо жене, чтобы она послала

Дочь свою к Ахиллу в качестве невесты.

с невестой".

Еврипид (перевод Поттера).

Ифигения пришла к отцу, втайне радуясь тому, что стала избранной невестой такого героя; Но вместо того, чтобы привести ее к гименейскому алтарю, ее потащили к месту жертвоприношения, где жрец с поднятым ножом уже собирался прекратить ее страдания, как вдруг появилась Диана, унесла ее в облаке и оставила вместо нее оленя, который был принесен в жертву, а Ифигению в безопасности доставили в Тавриду, где она стала жрицей в одном из храмов богини.

Прибытие в Трою.

Боги были благосклонны, поднялся ветер, наполнил паруса ожидавших кораблей и понес их быстро и неуклонно по морю к троянским берегам, где стояла армия, готовая помешать высадке греческих войск. Захватчикам не терпелось высадиться на берег, чтобы помериться силами с троянцами, но все не решались покинуть корабли, так как оракул предсказал, что первого воина, который попытается высадиться на берег, ждет мгновенная смерть.

"Дельфийский оракул предсказал.

что первый грек, который коснется троянского берега.

Должен умереть".

Вордсворт.

Протесилай и Лаодамия.

Протесилай, храбрый вождь, видя нерешительность своих товарищей и воодушевленный духом самопожертвования, смело вышел на берег и погиб, убитый врагами, как только его нога коснулась чужой земли. Когда весть о его смерти достигла его любимой жены Лаодамии, которую он оставил в Фессалии, она едва не разбила ей сердце; в отчаянии она молила богов дать ей умереть или позволить ей еще раз увидеть своего господина, хотя бы на мгновение. Ее мольба была столь трогательна, что боги не могли отказать ей в просьбе, и велели Меркурию отвести тень ее мужа обратно на землю, чтобы она побыла с ней три часа.

"Такой благодатью увенчалась молитва твоя,
Лаодамия, что по повелению Иова
Твой муж ходит по тропам верхнего воздуха:
Он пришел, чтобы пробыть с тобой три часа;
Прими дар, узри его лицом к лицу!"
Вордсворт.

С невятным криком радости Лаодамия вновь увидела любимое лицо Протесилая и из его собственных уст услышала подробный рассказ о его ранней смерти. Три часа прошли слишком быстро в восхитительном общении, и когда Меркурий снова появился, чтобы проводить его в Аид, любящая жена, не выдержав второй разлуки, умерла от горя.

Говорят, что в той же могиле покоилась и эта супружеская пара, а добросердечные нимфы посадили над их останками вязы. Эти деревья росли "до тех пор, пока не стали достаточно высокими, чтобы с них открывался вид на Трою, а затем засохли, в то время как от корней отросли свежие ветви".

"На стороне
Геллеспонта (в это верили)
Ветви спирей вековые росли
Из могилы того, за кого она умерла;
И когда они достигли такого роста.
Что стены Илиума были подвластны их взору,
и когда они достигли такого роста, что стены Илиума стали доступны их взгляду, высокие вершины деревьев поникли;
Постоянное чередование роста и болезни!"
Вордсворт.

Начались военные действия, и война между противоборствующими сторонами велась с одинаковым мужеством и мастерством. В течение девяти долгих лет непрерывной борьбы попытки греков войти в Трою, или Илиум, как ее еще называли, были тщетны, как и попытки троянцев заставить врага покинуть их берега. Этой памятной борьбе посвящено множество поэм. Древнейшая и самая известная из них, "Илиада", начинается с рассказа о событиях десятого и последнего года.

Хрисеида и Брисеида.

Среди множества пленников, взятых в стычке эллинскими войсками, были две прекрасные девы - Хрисея, дочь Хрисея, жреца Аполлона, и Брисея. Пленников, как обычно, распределили по вождям, и Агамемнон получил дочь жреца в награду за храбрость, а Ахилл с триумфом привел в свой шатер столь же прекрасную Брисею.

Узнав, что его дитя попало в руки врага, Хриз поспешил в шатер Агамемнона, чтобы предложить богатый выкуп за ее возвращение; но все мольбы престарелого отца остались без внимания, и он был отстранен от дел с бессердечными насмешками. Раздраженный таким жестоким обращением, он воздел руки к небу и умолял Аполлона отомстить за нанесенные ему оскорбления, ниспослав на греков всевозможное зло. Эта мольба была услышана, и бог солнца послал страшную чуму, чтобы уничтожить вражеские войска.

"Старец возмущенно удалился;
А Фебус - ибо жрец был ему дорог -
исполнил его молитву и послал на греков
Смертоносный вал. Люди в лагере
погибали кучами".
Гомер (перевод Брайанта).

Греки в ужасе обратились к оракулу, чтобы узнать, почему на них обрушилось это бедствие и как можно остановить развитие смертельной болезни, которая так быстро сокращает их силы. Им сказали, что чума не прекратится до тех пор, пока Агамемнон не сдастся в плен и тем самым не утихомирит гнев Аполлона, разгоревшийся из-за его грубого отказа выполнить просьбу престарелого жреца.

Все греческие вожди, собравшись на совет, решили послать Ахилла к Агамемнону, чтобы сообщить ему о своем желании освободить Хрисею, которое он немедленно согласился исполнить, если взамен ему отдадут Брисею.

Чума свирепствовала по всему лагерю; крики страдальцев оглашали воздух; многие уже пали жертвой, и всем грозила бесславная смерть. Ахилл, понимая все это и желая спасти своих любимых товарищей, согласился выполнить эту неразумную просьбу, но в то же время поклялся, что если Агамемнон действительно увезет его пленницу, то он не нанесет больше ни одного удара.

Хрисея была немедленно передана на попечение герольда, который привел ее обратно в объятия престарелого отца. Хрисея, готовая простить все, когда к ней вернулось его дитя, умоляла Аполлона остановить его руку, и чума мгновенно прекратилась.

Что касается Агамемнона, то он послал своих рабов в шатер Ахилла, чтобы они увели Брисею; и герой, верный своему обещанию, отложил доспехи, решив больше не сражаться.

"Великий Ахилл, быстроногий, остался
В своих кораблях, негодую из-за
Прекрасноволосой Брисеи".
Гомер (перевод Брайанта).

Гнев Ахилла.

Фетида, узнав о безрассудном оскорблении, нанесенном ее сыну, покинула свои коралловые пещеры, взошла на Олимп, бросилась к ногам Юпитера и со слезами на глазах трепетно молила его отомстить за Ахилла и заставить греков терпеть неудачи во всех их попытках до тех пор, пока гнев ее сына остается неудовлетворенным.

Юпитер, тронутый ее красотой и бедой, нахмурился так, что задрожала сама твердь, и поклялся, что греки будут жалеть о том дне, когда покинули родные берега,

"Оказать Ахиллу честь и заставить
Мириады греков погибли от их флота".
Гомер (перевод Брайанта).

Агамемнон введен в заблуждение.

Вследствие вероломного сна, специально посланного Юпитером, чтобы ввести его в заблуждение, Агамемнон снова собрал свое войско и предложил новый удар по троянским войскам. Но когда войско было выстроено в боевой порядок, Гектор, старший сын Приама и, следовательно, предводитель его армии, выйдя вперед, предложил, чтобы затянувшаяся ссора была окончательно решена единоборством между Парисом и Менелаем.

"Тогда Гектор выступил вперед и сказал.

"Слушайте, троянцы и благородно вооруженные ахейцы, что говорит Парис. ахейцы, что говорит Парис со мной.

Он велит троянцам и грекам сложить
Их сияющие руки на кишашую землю,
И он с Менелаем, любимым Марсом,
Сразятся в одиночном бою, на земле
Между хозяевами, за Елену и ее богатство;
И тот, кто победит и докажет, что он
Лучшим воином, в дом свой понесет
Сокровища и женщину, а остальные
Заклучат торжественный мирный договор".
Гомер (перевод Брайанта).

Менелай и Парис сражаются.

Это предложение было принято благосклонно, и вскоре Менелай и Парис сошлись в поединке, свидетелями которого стали оба войска, Елена и Приам со стен Трояна и вечные боги с лесистых высот горы Ида; но в самый разгар боя Венера, видя, что ее любимец вот-вот падет духом, внезапно выхватила его с поля боя и незаметно перенесла в свои покои, где к нему присоединилась Елена, горько упрекавшая его за трусливое бегство.

Возмущенные таким вмешательством Венеры, боги постановили возобновить войну, и Минерва, приняв облик троянского воина, направила стрелу в Менелая, который тщетно искал своего исчезнувшего противника. Этот акт вероломства стал сигналом для всеобщего призыва к оружию и возобновления военных действий. Бесчисленные подвиги совершали герои с обеих сторон, а также боги, которые смешивались в рядах и даже сражались друг с другом, пока Юпитер не отозвал их и не запретил больше воевать.

Гектор и Андромаха.

Некоторое время удача, казалось, благоволила грекам, и Гектор, поспешив в Трою, велел своей матери отправиться в храм со всеми женщинами и попытаться молитвами и дарами умиловить Минерву и получить ее помощь. Затем он поспешил на поиски своей жены Андромахи и маленького сына Астианакса, которых он хотел еще раз обнять, прежде чем броситься в бой и погибнуть.

Он нашел свой дворец пустынным и, расспросив женщин, узнал, что его жена отправилась к Скеанским воротам, куда он теперь ехал так быстро, как только могли тащить его благородные кони. Там, у ворот, произошла сцена расставания, которую заслуженно называют самой патетической во всей "Илиаде": Андромаха тщетно пыталась удержать мужа в стенах, а Гектор мягко упрекал ее и доказывал, что долг зовет его на поле боя, где он должен держать удар, если не хочет, чтобы город был взят, троянцы убиты, а женщины, включая его мать и любимую Андромаху, унесены в горький плен.

Расставание Гектора и Андромахи.

"Андромаха

Прижалась к его боку и, вся в слезах,
Вцепилась в его руку и, начав, сказала.
Слишком храбр! Твоя доблесть все же приведет к смерти.
Не жалеешь ты дитя свое нежное,
И меня, несчастную, которая скоро станет
вдовой твоей. Все греки бросятся на тебя
Чтоб жизнь твою отнять. Мне выпал более счастливый жребий,
Если мне придется потерять тебя, спуститься на землю,
Ибо нет у меня надежды, когда тебя не станет.
Ничего, кроме печали. Отца у меня нет,
И матери нет.

* * *

Гектор, ты
Теперь мне отец и мать родная,
И брат, и юная супруга моя.
Из жалости держись здесь в крепости,
Не делай сиротой ни дитя твое, ни жену твою.
вдовой".

Тогда ответил Гектор, великий в войне: "Все это
Я помню, дорогая жена; но я должен стоять
Стыд перед мужчинами и длиннорукими девами
Трои, если бы я держался в стороне и избегал
От конфликта, как трус".
Гомер (перевод Брайанта).

Затем он протянул руки к своему младенцу-сыну, который, однако, испуганно отпрянул назад при виде блестящего шлема и кивающих плюмажей и не подходил к нему, пока тот не отложил в сторону сверкающий головной убор. Страстно помолившись о будущем благополучии своего маленького наследника, Гектор отдал ребенка Андромахе и, обняв его на прощание, сел в колесницу и уехал.

"Не печалься обо мне, любимая.

Ни один живой человек не может отправить меня в тень
до срока; ни один мужчина, рожденный женщиной,
трус или храбрец, не может уклониться от своей судьбы.

Но иди домой, и там трудись, -

Паутину, дистаф, - и прикажи служанкам твоим

Чтоб ускорить работу. Военные заботы касаются

Всем людям, рожденным в Трое, а больше всего мне".

Гомер (перевод Брайанта).

Греки отбиты.

Парис, устыдившись своего прежнего бегства, вскоре присоединился к брату на поле боя, и вместе они совершили множество доблестных подвигов. Настало время, когда Юпитер должен был исполнить обещание, данное Фетиде, и постепенно греки были вынуждены уступать перед мощью троянцев, которые, воодушевленные частичным успехом и воодушевленные примером Гектора, совершали чудеса храбрости и наконец загнали нападавших в свои окопы.

Смерть и поражение теперь преследовали греческие войска, которые дюйм за дюймом удалялись от стен, все ближе к месту, где стояли на якоре их корабли. Теперь они страстно желали помощи Ахилла, одно присутствие которого в былые времена вселяло ужас в троянские сердца; но герой, хотя Брисея была возвращена невредимой, не обратил внимания на их мольбы о помощи и остался угрюмым и безучастным зрителем их бегства, в то время как троянцы начали поджигать некоторые суда своего флота.

"Рожденный богиней Ахилл, быстроногий,

У кораблей своих все еще размышлял о своем гневе,

И не вступал в совет с прославленными вождями,

И на войну, но терпел безделье.

И разъедала его сердце; ведь он любил

Шум и битвы".

Гомер (Bryant's tr.).

Обескураженные всеми этими поражениями, несмотря на мужественное сопротивление, греки в отчаянии пришли к выводу, что боги полностью оставили их, и поспешно и бесславно отступили к берегу, преследуемые врагом, который издавал громкие крики триумфа.

Патрокл надевает доспехи Ахилла.

Патрокл, близкий друг Ахилла, поспешил к герою, чтобы сообщить ему о бегстве товарищей и еще раз умолять спасти их от неминуемой гибели. Но Ахилл, призвав на помощь всю свою гордость, не дрогнул в своей решимости. Вдруг Патрокл вспомнил, что один лишь вид доспехов Ахилла может задержать продвижение врага и отвлечь внимание греков на себя: он попросил разрешения надеть их и повести мирмидонов, верных последователей Ахилла, в бой.

"Пошлите меня хотя бы на войну,
И дай мне возглавить мирмидонов твоих, чтобы таким образом
Чтоб у греков появился хоть отблеск надежды. И дай
Доспехи с плеч твоих. Я надену
Твои, и тогда троянцы при виде меня
Подумают, что я Ахиллес, и отступят от битвы.
И воинственные сыны Греции,
усталые, смогут снова вздохнуть и получить передышку.
Передышку в конфликте".
Гомер (перевод Брайанта).

Ахилл поклялся, правда, не возвращаться на место раздора, но был готов одолжить людей и оружие, если они могут быть полезны, и немедленно предоставил их в распоряжение своего друга. Патрокл поспешно облачился в сверкающие доспехи, громко призвал мирмидонов последовать его примеру и бросился навстречу врагу.

Смерть Патрокла.

Троянцы в ужасе остановились, думая, что пришел Ахиллес, и уже собирались бежать, как вдруг обнаружили обман. С новым мужеством они отразили натиск греков. Многие герои погибли в этой схватке, в том числе Сарпедон, сын Юпитера и Европы (с. 45), чьи останки унесли с поля боя божества-близнецы Сон и Смерть, а Гектор, сын Приама и главный из троянских воинов, вызвал Патрокла на единоборство. Нет нужды говорить, что они сошлись в смертельной схватке и сражались с равной доблестью, пока Патрокл, уже обессиленный предыдущими усилиями и преданный богами, наконец не пал духом.

"Герой пал
С лязгом оружия, и все греки смотрели
его падение с печалью".
Гомер (перевод Брайанта).

С громким победным криком Гектор сорвал доспехи с растерзанного трупа и быстро удалился, чтобы поживиться блестящими трофеями. Весть о гибели Патрокла быстро распространилась по греческому лагерю и достигла Ахилла, который громко зарыдал, узнав, что его любимого друга, который совсем недавно покинул его полным жизни и сил, больше нет. Так шумно оплакивал герой свою потерю, что Тетис в тихих океанских глубинах услышала его стоны и поспешила к нему, чтобы узнать их причину.

Горе Ахилла.

В сочувственное ухо матери Ахилл изложил всю историю своего горя и потери, а она старалась отвлечь его мысли от печального события и пробудить интерес к какому-нибудь занятию, менее опасному, чем война. Но все ее усилия были тщетны, ибо душа Ахилла жаждала мести, и он не раз клялся, что пойдет и убьет убийцу своего друга.

"Нет у меня желания
Ни жить, ни заботиться о делах людских
В делах людских, кроме одного: чтобы Гектор первый,
пронзенный моим копьем, должен отдать свою жизнь и заплатить
долг мести за убитого Патрокла".

Гомер (перевод Брайанта).

Тогда, внезапно испугавшись, что Гектор падет от чужой руки или уйдет с поля боя и тем самым избежит мести, Ахилл бросился бы из палатки безоружным; но мать уговорила его подождать до утра, когда она пообещает принести ему полный доспех из рук самого Вулкана. Тогда Фетида быстро пересекла широкое пространство, отделяющее побережье Малой Азии от горы Этна, где Вулкан трудился в своей кузнице.

"Она нашла его там.

Потеющего и труждающегося, и с занятой рукой
и с занятой рукой.

Гомер (перевод Брайанта).

Доспехи Ахилла.

Прибыв к нему, она, задыхаясь, рассказала о своем поручении, и бог пообещал, что оружие будет готово в указанный срок, и тут же принялся за работу по его изготовлению. Его умелыми руками было выковано чудесное оружие, и когда над горизонтом показалась первая полоска света, он передал его Фетиде, которая поспешила в палатку сына, где застала его все еще оплакивающим потерю Патрокла.

Тетис в доспехах Ахиллеса. Жерар.

Во время отсутствия Тетис в шатер Ахилла пришли гонцы, чтобы предупредить его о том, что тело Патрокла все еще находится в руках врага, и умолять его прийти и спасти драгоценный труп. Помня об обещании, данном матери, Ахилл отказался сражаться, но, вскочив на вал, произнес свой могучий боевой клич, звук которого вселил ужас в сердца врагов и заставил их уступить хорошо направленному натиску Аякса и Диомеда, которым в конце концов удалось вернуть тело, которое они с благоговением отнесли в палатку Ахилла.

Чтобы утешить Ахилла в связи со смертью друга, Фетида показала ему славные доспехи, которые только что получила, помогла надеть их, а затем велела идти и побеждать.

"Оставь нам мертвого, сын мой, раз уж богам угодно, чтобы он пал.
богам, чтобы он пал; а теперь прими

Эти роскошные доспехи, выкованные рукой Вулкана,
Прекрасные, каких не носил ни один человек".
Гомер (перевод Брайанта).

Смерть Гектора.

Вооруженный таким образом, запряженный в колесницу, запряженную его любимыми конями, и ведомый своим верным возницей Автомедоном, Ахилл отправился на битву и, увидев наконец Гектора, с которым он один хотел встретиться, с хриплым криком ярости бросился на него. Троянский герой при виде смертельной ненависти, сверкавшей в глазах Ахилла, обратился в бегство. Ахиллес преследовал его и насмехался над его трусостью, пока Гектор не повернулся и не стал сражаться со всей смелостью и безрассудством отчаяния.

Удары сыпались как град, облако пыли окутывало их борющиеся фигуры, и встревоженные свидетели слышали лишь тупой стук ударов и металлический лязг оружия. Вдруг раздался громкий крик, затем все стихло, и когда облако пыли рассеялось, троянцы с крепостных валов, где они в агонии ожидали исхода поединка, увидели, как Ахилл сорвал доспехи с тела своего чемпиона, привязал труп к колеснице и девять раз проехал вокруг городских стен, а княжеская голова Гектора волочилась в пыли. Приам, Гекуба и Андромаха, прекрасная молодая жена Гектора, со слезами на глазах наблюдали за этим бесчестным обращением и наконец увидели, как Ахилл подъехал к тому месту, где лежала погребальная груда Патрокла, и бросил труп.

Затем Ахилл вернулся в свой шатер, где долгое время продолжал оплакивать безвременную кончину своего друга, отказываясь от утешения.

Постановление богов.

Боги из своих небесных обителей также наблюдали эту душераздирающую сцену, и теперь Юпитер послал Ириду к Фетиде, чтобы она поспешила к Ахиллу и приказала ему вернуть тело Гектора его скорбящей семье. Он также велел Меркурию незаметно привести Приама в шатер Ахилла, чтобы тот забрал и унес оскверненный труп своего сына. Тетис, отыскав Ахилла в его шатре, объявила о воле Юпитера: - "Я пришла.

"Я пришла

Посланник от Юпитера, который велит мне сказать.

Бессмертные оскорблены, и он сам

Больше всех, что ты в злобе своей задержал

Труп Гектора у кораблей с клювами,

отказываясь освободить его. Тогда повинуйся,

И выкуп возьми, и мертвых восстанови".

Гомер (перевод Брайанта).

Возвращение тела Гектора.

Меркурий проявил обычную оперативность и вскоре провел Приама в безопасности через греческий лагерь к палатке Ахилла, где престарелый царь пал к ногам героя, смиренно умоляя отдать ему тело сына и предлагая взамен большой выкуп.

Ахилл, не в силах отказать в этой просьбе и растроганный слезами отца, передал труп Гектора на попечение старика и обещал заключить перемирие на четырнадцать дней, чтобы похоронный

обряд в обоих лагерях был совершен со всей пышностью и торжественностью; погребением Гектора завершается "Илиада".

Смерть Пентесилеи.

По окончании перемирия военные действия возобновились, и троянцы получили подкрепление в лице Пентесилеи, царицы амазонок, которая с отборным отрядом воинственных дев пришла предложить свою помощь. Однако храбрая царица принесла им лишь временное облегчение, так как была убита Ахиллом в первой же их схватке.

Однако и он был обречен умереть "в цвету своей юности и красоты", и судьба уже почти закончила прясть его нить жизни. В одной из ранних стычек, преследуя троянцев, сын Фетиды однажды увидел Поликсену, дочь Приама, и был до глубины души сражен ее девичьими чарами. Теперь он тщетно пытался заключить мир между враждующими народами, надеясь, что, если война все же закончится, он сможет получить ее руку в жены.

Смерть Ахилла.

Его попытки заключить мир не увенчались успехом, но в конце концов он уговорил Приама отпраздновать его помолвку с Поликсеной, оговорив, что брак состоится, как только закончится война. Церемония обручения состоялась за городскими воротами, и Ахилл уже собирался расстаться со своей румяной невестой, как вдруг вероломный Парис подкрался к нему сзади и пустил отравленную стрелу в незащищенную пятку, убив тем самым героя, из-за которого столько храбрых воинов полегло.

"Так великий Ахилл, который проявил свое усердие
В исцелении ран, умер от раненой пятки".

О. У. Холмс.

За его доспехи - славные доспехи, выкованные Вулканом, - горячо спорили Улисс и Аякс. Первый в конце концов получил желанное оружие; горе Аякса от его потери было столь сильным, что он обезумел и покончил с собой в приступе безумия, а Поликсена, безутешная из-за смерти своего суженого, покончила с собой на великолепной гробнице, воздвигнутой над его останками на троянской равнине.

Стрелы Филоктета.

Оракулы, молчавшие так долго, теперь объявили, что Троя никогда не будет взята без отравленных стрел Геракла, находившихся тогда у Филоктета (с. 238). Этот герой отправился в экспедицию, но был выброшен на берег острова Лемнос из-за раны в ногу, которая стала настолько неприятной, что никто из корабельной компании не мог выносить его присутствия на борту.

С тех пор прошло уже десять долгих лет, и, хотя отряд греков немедленно отправился на его поиски, у них было мало надежды найти его живым. Тем не менее они направились к пещере, где его оставили, и, к своему безграничному удивлению, все же нашли его. Рана не зажила, но он продолжал существовать, убивая дичь, которая попадалась ему под руку.

"Подверженный ненастному небу,
он лежит покинутый и заброшенный;
Нет рядом ни друга, ни соратника,
Чтобы успокоить его печали и разделить его заботы;

Или поискать целебное растение, способное забинтовать
Его ноющую рану и смягчить его гнев".
Софокл (перевод Франклина).

Раздраженный прежним жестоким отступлением греков, Филоктет никакими уговорами не мог заставить себя отправиться с гонцами в Трою, пока во сне ему не явился Геракл и не велел идти без промедления, ибо там он найдет Махаона (стр. 64), сына Эскулапа, который должен был исцелить его рану.

Смерть Париса и Енопе.

Мечта сбылась. Филоктет, снова целый и невредимый, присоединился к греческому войску и своими отравленными стрелами внес большой переполох в ряды врага. Один из его смертоносных снарядов попал даже в Париса, и яд, попав в его вены, причинил ему тяжкие страдания. Тогда Парис вспомнил, что его первая любовь, Енопе, знавшая все лекарства и лучшие способы их применения, однажды посоветовала ему послать за ней, если он будет ранен. Он послал за ней, но она, справедливо оскорбленная таким подлым дезертирством и долгим пренебрежением к своему возлюбленному, отказала ему в помощи и позволила умереть в мучениях. Когда он умер, Енопе раскаялась в этом решении; и когда вокруг него поднялось пламя погребального костра, она бросилась в его середину и сгорела на его трупе.

"Но когда она достигла более широкой долины и увидела
Кольцо лиц, покрасневших от пламени.

и темное тело, что лежало

В ее объятиях, приостановилась, а затем спросила

"Кто лежит на этом костре?

Но каждый из них был немой от благоговения.

Тогда, быстро шагнув вперед, пока жар

Пока жар не коснулся ее чела, Она возвысила голос
пронзительно приказала: "Кто горит на костре?

И тогда самые старые и смелые сказали,

"Тот, кого ты не хочешь исцелить!" И все разом

Утренний свет счастливого брака вспыхнул,

сквозь все туманные годы вдовства,

И, укутав свою прекрасную голову, с криком

"Муж!", она вскочила на погребальную груды,

И смешалась с ним, и сгинула в огне".

Теннисон.

Палладий.

Два сына Приама уже умерли, а Троя все не попадала в руки греков, и теперь они слышали еще одно пророчество, гласившее, что Троя никогда не будет взята, пока в ее стенах остается Паллада - священная статуя Минервы, упавшая, как говорят, с небес (с. 60). Поэтому Улисс и Диомед, переодевшись, ночью проникли в город и после многих трудностей сумели спастись с драгоценным изображением.

Деревянный конь.

Люди и вожди, нетерпеливые к дальнейшему промедлению, теперь радостно приветствовали предложение Улисса взять город хитростью. Поэтому они тайно построили колоссального деревянного коня, в полых боках которого могли спрятаться несколько храбрых воинов. Главное войско притворилось, что устало от бесконечного предприятия, и ушло, оставив коня в качестве притворного подношения Минерве, а Синон, проницательный раб, остался, чтобы убедить троянцев втащить коня в свои ворота и оставить его там, как вечный памятник их с таким трудом одержанного триумфа.

К беспредельной радости долго осаждавших троянцев, греческий флот отплыл, пока остров Тенедос не скрыл корабли из виду. Все жители Трои высыпали из города, чтобы посмотреть на деревянного коня и расспросить Синона, который притворился, что имеет большие основания жаловаться на греков, и настоятельно посоветовал им закрепить свое последнее подношение Минерве.

Троянцы восприняли эту идею с восторгом, но Лаокоон, троянский жрец, умолял их оставить коня в покое, чтобы не навлечь на себя беду.

"Несчастные соотечественники, - взывает он,
"Что за чудовищное безумие ослепляет ваши глаза?

* * *

Может быть, - кто знает? - эти дощечки
скрывают греческую засаду,
Или это свая, чтобы возвышаться над городом,
И льют с высоты на захватчиков,
Или мошенничество таится где-то, чтобы уничтожить:
Не верьте, не верьте, люди Трои!"
Вергилий (перевод Конингтона).

Смерть Лаокоона.

Глухие ко всем предупреждениям и уговорам, они втащили колоссальное изображение в самое сердце своего города, снеся часть крепостных валов, чтобы дать ему пройти, а Лаокоон поспешил на берег, чтобы принести жертву богам. Когда он стоял у импровизированного алтаря с одним из своих сыновей по обе стороны, чтобы помочь ему в этом деле, из моря вышли две огромные змеи, обвились вокруг него и его сыновей, раздавили и искусили их до смерти.

"Не обращая внимания, они
К Лаокоону путь держат;
Сначала они обвились вокруг двух его сыновей,
И перемалывают их конечности дикими зубами:
Затем, как с оружием, он приходит на помощь,
Несчастливого отца они обступают
И обвивают гигантскими складками: дважды вокруг
Вокруг его мужественной талии их шпильки обвиваются,
Дважды вокруг его шеи, а над всеми
Их головы и гребни возвышаются высоко-высоко.
Он напрягает все свои силы, чтобы разорвать их узлы,
И кровью и слизью заляпаны его филейные части,
И к беспечным небесам

Посылает свои мучительные вопли".
Вергилий (перевод Конингтона).

ЛАОКООН. (Ватикан, Рим.)

Потрясенные свидетели этой ужасной сцены, конечно же, заявили, что боги возмущены его вмешательством в судьбу деревянного коня и справедливо наказали святотатственную руку, осмелившуюся ударить его копьем, лишь для того, чтобы показать, что, будучи полым, он может

содержать вооруженный отряд. С тех пор борьба Лаокоона и его сыновей со змеями - излюбленная тема поэтов и художников.

Падение Трои.

Тем временем греки скрывались за Тенедосом; но с наступлением ночи они вернулись к месту своего десятилетнего лагеря и были впущены в город Синоном, который также освободил их спутников из заточения в деревянном коне. Застигнутые врасплох, городские стражники предприняли отчаянные попытки отбить греков, но было уже поздно: враги уже ворвались в дома и дворцы, убивали, грабили и сжигали все на своем пути.

"Меланхолические годы,
Несчастные меланхоличные годы,
Шли вперед, пока не наступил полуночный ужас,
И в свете горящих улиц я видел.
Дворцы и храмы рушились и падали,
И легионы, давно сбитые с толку, ворвались
Через ворота и бастионы, затупив меч и копье.
С неудержимой резней".
Льюис Моррис.

Даже царская семья не избежала всеобщей резни, а престарелый Приам, доживший до гибели своего последнего сына на его глазах, в конце концов нашел облегчение в смерти.

Возвращение греков.

Достигнув цели, греки немедленно отплыли на родину, их корабли были доверху нагружены добычей и рабами. Но путь домой оказался не таким радостным, как можно было ожидать; многие, вырвавшись из рук врага, погибли в волнах или нашли смерть, поджидавшую их у собственного костра.

Менелай со своей женой Еленой, которая, несмотря на прибавившиеся десять лет, сохранила всю свою юную красоту, были задержаны в Египте встречными ветрами, посланными наказать их за то, что они не принесли обычную жертву богам. В конце концов он обратился к Протею, который рассказал, как можно смягчить гнев богов и как обеспечить благоприятные ветры, чтобы они доставили его домой.

Что касается Агамемнона, предводителя греков, то он вернулся в Аргос, но был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом.

"Эгисф, нацелившийся на мою смерть,
Замышлял против меня с моей виновной женой,
И привел меня в свой дом, и убил меня там,
Даже на пиру".
Гомер (перевод Брайанта).

Тогда, смертельно боясь, чтобы Орест, сын Агамемнона, не отомстил за смерть отца, Гигист приготовился убить и его; но Электра, сестра мальчика, узнав об этом намерении, помогла ему бежать и отдала под отеческую защиту Строфия, царя Фоки, сын которого, Пилад, стал

его неразлучным другом. Их преданность друг другу была столь велика, что вошла в поговорку на всех языках.

Электра не забыла о подлом убийстве отца, хотя с момента его совершения прошло много лет, и когда Орест достиг зрелого возраста, она велела ему прийти и наказать тех, кто совершил это преступление. Орест пришел, убил Егиста и Клитемнестру, а затем, ужаснувшись содеянному, обратился в бегство, но его преследовали фурии и богиня мести Немезида, посланные богами, чтобы покарать его за то, что он взял правосудие в свои руки.

Прибыв в Дельфы, Орест обратился к оракулу и узнал, что его преступление будет прощено, если он привезет в Грецию статую Дианы в Тавриде. Юный царевич поспешил туда в сопровождении верного Пилада, который никогда не покидал его; там, в храме, он нашел свою давно потерянную сестру Ифигению, которая помогла ему получить искомое изображение и проводила его на родину, где Немезида покинула его навсегда.

ГЛАВА XXVIII.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ УЛИССА.

Как мы уже видели, греческие вожди по возвращении из Трои в большей или меньшей степени подверглись гневу богов, но никто из них не перенес столько тягот, как Улисс (Одиссей), царь Итаки, герой всемирно известного эпоса Гомера "Одиссея". В течение десяти долгих лет он скитался по морям, гонимый от родной земли неблагоприятными ветрами, переплывал с места на место, терял свои корабли и спутников, пока наконец боги не позволили ему вернуться домой. Его удивительные приключения и многочисленные злоключения в течение этих десяти лет составляют тему "Одиссеи", в которой рассказывается примерно следующее.

Осада Исмаруса.

Оставив Трою в руинах, Улисс отправился в путь со своими людьми и добычей и, благоприятствуемый попутным ветром, вскоре оказался в пределах видимости Исмаруса, дома достойных и богатых киконийцев. Чтобы приумножить богатства, которые он вез домой, он предложил своему войску высадиться и взять город штурмом - предложение было принято с энтузиазмом и немедленно исполнено.

Но когда люди собрались возле флота, то вместо того, чтобы высадиться, как призывал их Улисс, они стали пить богатое вино, жарить волов целиком, предаваться играм и веселью. Пока они были заняты этим и совершенно потеряли бдительность, соседи и союзники киконийцев настигли их врасплох и предали многих смерти.

Застигнутые врасплох, греки храбро сражались, но только когда солнце быстро зашло за горизонт, они наконец высадились на берег и покинули роковые киконийские берега.

"Вперёд мы плыли, горько оплакивая
О погибших товарищах, но счастливы, что избежали
От смерти сами".
Гомер (перевод Брайанта).

Пожиратели лотоса.

Вскоре поднялся ураган. Летящие тучи закрыли от глаз звезды. Корабли с поломанными мачтами и порванными парусами были отброшены далеко от курса и через десять дней достигли земли лотофагов, или лотосоядных, - народа, единственной пищей которого были плоды и цветы лотоса.

Трое лучших людей Улисса были отправлены на берег для разведки, но не успели они отойти далеко, как встретили туземцев, сидящих под своими любимыми деревьями и вкушающих сладкую пищу. Они радушно приняли чужеземцев и угостили их цветами лотоса; но не успели трое мужчин сделать это, как все воспоминания об ожидающих их спутниках и далеких домах исчезли из их памяти, а на них навалилась сонливость и вялость, и они захотели лежать там и пировать вечно.

"Тот, кто хоть раз отведал этой сладкой пищи.
Не желал больше видеть родной страны,
и не сообщать друзьям о своей судьбе.
И тогда мои посланцы пожелали поселиться
Среди пожирателей лотоса и питаться
На лотосе, и никогда не возвращаться".
Гомер (перевод Брайанта).

Улисс с нетерпением ждал их возвращения; затем, увидев, что они не появляются, испугался, что с ними случилось какое-то зло, и с несколькими хорошо вооруженными людьми отправился на их поиски. Вместо того чтобы найти их в цепях, как он ожидал, он вскоре увидел, что они пируют среди пожирателей лотоса. Их глаза потеряли всякое оживление и смотрели на него смутно и мечтательно, что вызвало у него подозрение. В тот же миг несколько пожирателей лотосов вышли вперед, чтобы пригласить его и его отряд присоединиться к их пиршеству.

"Они несли ветви от того заколдованного стебля,
усеянные цветами и плодами, которые они давали
Каждому, но только тому, кто их принимал,
И вкусил, как плещет волна.
Далеко-далеко, казалось, скорбит и бредит
На чужих берегах; и если его товарищ говорил,
Голос его был тонок, как голоса из могилы;
И казалось, что он глубоко спит, но все же бодрствует,
И музыку в ушах его билось сердце".
Теннисон.

Улисс быстро запретил своим людям вкушать волшебную пищу, велел схватить и связать их невольных товарищей и насильно отвести на корабль. Там волшебное действие лотосовой пищи вскоре сошло на нет, и люди стали упорно грести на запад, пока не добрались до острова Сицилия, населенного в то время циклопами, грубой расой одноглазых гигантов.

"Единственный шар зрения был закреплен
В середине их лба, отсюда и название циклопов:
Ибо один круглый глаз был широко вделан
В середине лба: сила была их, и сила,
И ремесло любопытных трудов".

Гесиод (перевод Элтона).

Основная часть флота разместилась на другом острове, расположенном неподалеку, но Улисс с двенадцатью спутниками высадился на Сицилии в поисках пищи. Перспективы были многообещающими, ведь на равнинах и склонах холмов огромные стада овец пасли нежную траву, и вскоре Улисс и его последователи пришли к большой пещере, наполненной богатыми запасами молока и сыра. Это была обитель Полифема, сына Нептуна, самого крупного и свирепого из гигантской расы циклопов. Первым побуждением греков было помочь самим себе, ведь никто не мог им запретить; но в конце концов они решили дождаться возвращения хозяина и вежливо попросить его о помощи. Они пришвартовали свое судно под нависающей скалой, где никто не мог его обнаружить, и поэтому не боялись, что их путь к спасению будет отрезан.

ТРИУМФ ГАЛАТЕИ. Рафаэль.

Полифем и Галатея.

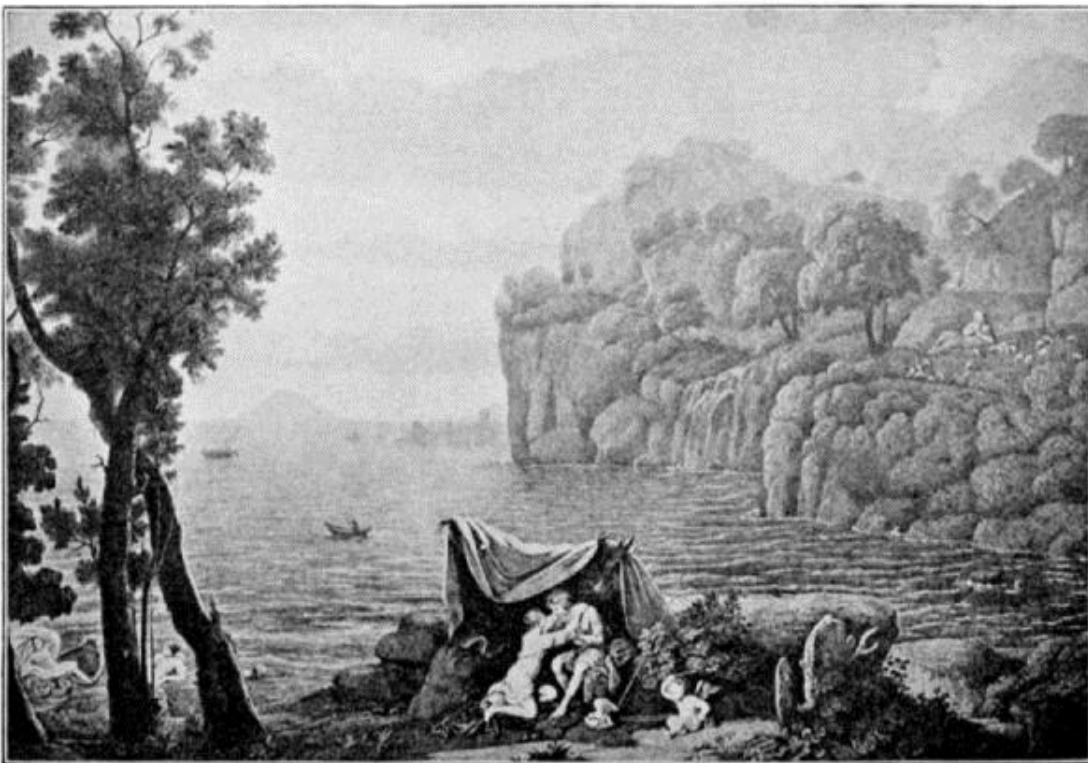
Полифем, уродливый великан, в пещере которого они ждали, однажды увидел очаровательную морскую нимфу Галатею, ехавшую в своей колеснице из жемчужной раковины, запряженной резвыми дельфинами. Ее непревзойденная красота произвела на него яркое впечатление, и вскоре он был глубоко влюблен в нее. Он пренебрег своими стадами, сторонился своих спутников и проводил все свое время у берега моря, высматривая ее и горько проклиная судьбу, которая не позволила ему найти ее в родной стихии, ибо боги прокляли род циклопов непобедимым отвращением к воде. Он

- "любил".

Не в стиле маленьких подарков,

С корзинами новых фруктов и горшками роз,
а с всепоглощающей страстью. Много раз
Его стада уходили домой сами по себе в вечернее время,
оставляя его на берегу темного моря,
А рассвет заставал его все в том же состоянии".
Феокрит (перевод Ханта).

Чтобы побудить Галатею покинуть соленые морские волны и остаться рядом с ним на белом песчаном пляже, Полифем постоянно давал самые экстравагантные обещания, но изящная нимфа лишь смеялась над всеми его уговорами и прогуливалась по берегу только тогда, когда он крепко спал. Хотя она и смеялась над его любовью, но не была столь упряма, как Ацис, очаровательный молодой пастух, которому не было нужды звать ее снова и снова, ибо она всегда уступала его первому призыву, с радостью присоединялась к нему и сидела рядом с ним под сенью большой скалы, слушая его нежные ухаживания.

АЦИС И ГАЛАТЕЯ (Вечер).- Клод Лоррен. (Санкт-Петербург.)

Однажды Полифем случайно налетел на них, и они не успели заметить его приближения. С минуту он смотрел на них сверху вниз, а затем, схватив огромный камень, поклялся, что его соперник Ацис не доживет до любви, в которой ему было отказано, и обрушил его на ничего не подозревающих влюбленных. Галатея, богиня, будучи бессмертной, спаслась невредимой, но бедный Ацис, ее возлюбленный, был раздавлен насмерть. Струя крови из его изуродованных останков была превращена богами в неиссякаемый поток прозрачной воды, который вечно спешил вниз к морю, чтобы соединиться с Галатеей.

Пещера Полифема.

Улисс и его спутники, ожидавшие в пещере, вскоре почувствовали, как земля задрожала под их ногами, и увидели, как овцы толпой вошли в пещеру и заняли свои обычные места; затем

за ними появилось ужасное явление Полифема, который поднял огромный камень и поставил его перед отверстием пещеры, препятствуя всякому выходу. Спутники Улисса в страхе забились в самые темные углы пещеры, откуда наблюдали, как великан доит своих овец, разбирает сыры и готовит вечернюю трапезу. Но свет костра вскоре обнаружил незваных гостей, и Полифем немедленно потребовал от них, кто они, откуда пришли и что ищут.

Улисс, всегда хитрый, ответил, что его зовут Никто, что он и его спутники - потерпевшие кораблекрушение мореплаватели и что они хотели бы принять его гостеприимство. В ответ на это циклоп протянул свою огромную руку и схватил двух моряков, которых принялся пожирать на десерт. Покончив со страшной трапезой, он улегся на камыши и заснул, а его громкий храп, словно гром, разнесся по огромной пещере.

Улисс бесшумно подкрался к нему с мечом в руке и уже собирался убить его, как вдруг вспомнил, что ни он, ни его люди не могут сдвинуть скалу в устье пещеры и что им никогда не удастся спастись. Поэтому он решил прибегнуть к хитрости.

Когда наступило утро, великан поднялся, подоил стадо, приготовил сыр, расставил сосуды, а затем, без малейшего предупреждения, снова схватил и сожрал двух греков. Затем его мускулистая рука отодвинула скалу, и он стоял возле нее с настороженным видом, пока все его стадо не ушло; тогда, поставив камень на место, чтобы пленники не сбежали, он отправился на дальние пастбища.

За время его отсутствия Улисс и его люди разработали хитрый план, с помощью которого они надеялись совершить побег, и сделали все приготовления, чтобы обеспечить его полный успех. Огромная сосновая дубина, которую они нашли в пещере, была должным образом заострена, закалена в огне и отложена для дальнейшего использования.

Когда на землю опустилась тьма, Полифем снова отвалил камень, чтобы впустить свои стада, внимательно следя за греками. Впустив овец, он поставил камень на место, выполнил свои обычные вечерние обязанности, а затем пожрал двоих из команды Улисса.

Улисс ослепляет Полифема.

Когда эта часть вечерней трапезы закончилась, Улисс приблизился и предложил ему кожаную флягу, наполненную пьянящим вином, которое гигант выпил одним глотком, не подозревая о его действии. Очень скоро он погрузился в глубокий пьяный сон, и тогда мужчины по знаку Улисса раскалили острие огромной дубины и выбили ему единственный глаз, несмотря на его страшные крики и проклятия, которые вскоре привлекли внимание остальных циклопов.

Они столпились у пещеры, желая узнать, кто причинил ему боль. "Никто!" - ответил циклоп, завывая от боли, - "Никто!" Этот ответ убедил его потенциальных помощников, что он не нуждается в помощи, и заставил их разойтись.

"Если никто не причинит тебе зла и ты
и ты совсем один, подумай, что никто не избежит
Болезни; их посылает бог".
Гомер (перевод Брайанта).

Бегство Улисса.

Покинутый своими товарищами, Полифем провел ночь в мучениях, а когда на рассвете его разбудило тревожное мычание стада, он неуклюже подоил их и приготовился, как обычно, выпустить их на поиски утренней пищи. Чтобы греки не сбежали, он лишь частично отодвинул камень и позволил овцам выходить по несколько штук за раз, осторожно проводя рукой по широкой спине, чтобы убедиться, что никто из пленников на них не сидит.

Тем временем Улисс, наблюдая за этим маневром, пристегнул своих спутников под баранами, оставив одного для себя, и наблюдал, как они незамеченными выходят один за другим. Затем, вцепившись в шерсть самого крупного барана, он тоже был медленно вытащен, а Полифем погладил барана и поинтересовался, как ему удалось потерять сознание последним из всех.

"Мой любимый баран, как ты теперь последним
покинуть пещеру? Не в твоём обычае
отпускать овец первыми, но ты пришел
раньше всех, чтобы покормиться среди цветущей травы,
И ты шел величественной походкой, и ты был первым
У свежего ручья, и первым на заре искал
хлеб; теперь же ты последний из всех.
Скорбишь ты о хозяине своем, который потерял
Глаз, выбитый коварным негодяем
И его гнусной шайкой?"
Гомер (перевод Брайанта).

Улисс, спасшись, вскочил на ноги, освободил своих товарищей, бросился с ними к берегу моря, взяв на борт отборных животных, а затем, когда его люди отплыли на некоторое расстояние, возвысил голос и стал насмехаться над Полифемом, раскрывая при этом свою личность.

"Ха! Циклоп! Те, кого в своей скалистой пещере
Ты, в жестокой ярости своей, пожрал,
были друзьями того, кто не был неопытен в войне;
И за свои виновные дела
на тебя. Жестокий! Кто не побоялся
Съесть чужеземцев, укрытых крышей твоей,
Пусть отомстит за них бог и другие боги!
* * *

Циклоп, если кто из смертных
Заметит твою неприличную слепоту и спросит
Повод, скажи ему, что сын Лаэрта,
Улисс, разрушитель городов, обнесенных стенами,
чей дом - Итака, выколол тебе глаз".
Гомер (перевод Брайанта).

С криком ярости Полифем побежал к берегу, вырвал несколько огромных камней, которые бросил в ту сторону, откуда доносился дразнящий голос, и в ярости чуть не погубил греков; один кусок скалы упал совсем рядом с их судном, и они были вынуждены удвоить усилия, чтобы отплыть подальше и предотвратить катастрофу.

Подарок Эола.

Греки плыли дальше, пока не достигли Эоловых островов, где жил Эол, царь и отец ветров. Услышав о доблести Улисса, он принял его радушно и на прощание подарил кожаный мешок, в котором хранились все встречные ветры, и Улисс был вправе держать его в заточении, пока благополучно не достигнет дома (с. 214).

Днем и ночью барки Улисса неслись над голубыми волнами. На девятый вечер берега Итаки были различимы нетерпеливыми глазами на борту, и все стали готовиться к высадке на берег рано утром следующего дня. Впервые с тех пор, как он покинул эолийские берега, Улисс предался сну, и пока он погружался в забытие, его матросы открыли кожаный мешок, намереваясь отнять у своего хозяина часть его сокровищ, так как они думали, что Эол дал ему много золота.

Не успели они открыть мешок, как встречные ветры, утомленные и стесненные своим неудобным положением, вырвались на волю с ревом и в несколько мгновений подняли страшную бурю, которая сорвала корабли с якорей и вскоре унесла их далеко в море.

После невероятных страданий греки вновь высадились на Эоловом острове, и Улисс снова обратился к царю за помощью, но на этот раз бог принял его холодно и велел удалиться, так как его жестокость по отношению к Полифему пробудила гнев богов.

"С тобой! Немедленно покинь наш остров,
Злейший из живущих людей! Быть не может.
чтобы я принял или помог ему при отплытии.
Тому, кого ненавидят благословенные боги.
А тебя ненавидят боги. Прочь!"
Гомер (перевод Брайанта).

Лестригоны.

С горем пополам греки высадились на берег, но, вместо того, чтобы быть ускоренными благоприятными ветрами, они были вынуждены грести против ветра и волн и только через много дней прибыли в страну лестригонов, где их ждали новые потери. Эти люди были каннибалами, которые имели привычку убивать всех чужаков, посещавших их берега, чтобы удовлетворить свой ужасный аппетит. Когда они увидели суда, вошедшие в их гавань, они потопили некоторые из них, сбросив на них огромные камни со своих высоких скал, а несчастные экипажи изрубили и сожрали.

Улисс, всегда осторожный, задержался в гавани, а когда издалека увидел ужасную судьбу своих товарищей, велел своим людям ударить по волнам "гулками веслами" и спастись.

Цирцея, чародейка.

Греки снова отправились в путь, пока не приплыли на остров Эгей, где жила златовласая волшебница Цирцея, сестра Ээта и тетка Медеи. Здесь команда Улисса разделилась на два отряда, один из которых, во главе с Эврилохом, отправился исследовать остров, а другой, возглавляемый Улиссом, остался охранять корабли. Через густой лес, населенный дикими зверями, Эврилох вел свой отряд, пока не показался прекрасный дворец Цирцеи. Издалека до них доносился ее сладкий голос, возвышавшийся в песне, когда она ткала прекрасную паутину для своего украшения, поэтому они с нетерпением проследовали дальше и вошли в дворцовый зал, а Эврилох один задержался на крыльце, опасаясь, как бы вдруг не раскрылся обман.

Цирцея приняла гостей весьма любезно, усадила их на покрытые гобеленами кушетки и велела своим многочисленным служанкам поскорее поставить перед ними всевозможные яства, что и было немедленно исполнено. Мужчины пировали с жадностью, ведь они постились много дней, а Цирцея наблюдала за ними с плохо скрываемым отвращением. Вдруг она поднялась со своего места, взмахнула палочкой над их головами, велела им принять облик свиней (непристойных животных, на которых наводило их обжорство) и увести их в свои жилища.

Цирцея и друзья Улисса. Ривьер.

"Затем мгновенно
Она коснулась их палочкой и закрыла их
в шинели, превратив в свиней головой и голосом,
щетиной и формой, хотя человеческий разум все еще
оставался у них. В печали они были загнаны
В свои кельи, где Цирцея бросила им
Желуди дуба и илекса, а также плоды
кизила, которыми питаются свиньи".
Гомер (перевод Брайанта).

Эврилох тем временем тщетно ждал их возвращения и в конце концов решил один вернуться на корабль и сообщить о случившемся. Взяв в руки меч, Улисс отправился один спасать своих товарищей; но не успел он отойти далеко, как встретил юношу, переодетого Меркурием, который предупредил его, чтобы он не приближался к Цирцее, и рассказал ему о превращении его спутников.

Улисс и Цирцея.

Поскольку Улисс не хотел отступать от своей цели, Меркурий дал ему немного моли, травы, которая должна была уберечь его от волшебных чар Цирцеи, и множество важных указаний, которые были выслушаны и выполнены.

Улисс добрался до дворца, вошел в пиршественный зал, выпил микстуру Цирцеи, которая оказалась бездейственной благодаря силе моли, и, когда она взмахнула над его головой

своей палочкой и приказала ему присоединиться к своим товарищам, выхватил меч и бросился на нее, угрожая лишить ее жизни, если она немедленно не вернет его друзьям их человеческий облик и не пообещает больше не причинять им вреда.

Напуганная угрозой, Цирцея согласилась выполнить все его требования, и через несколько мгновений Улисс снова был окружен своими спутниками, которые трогательно благодарили его за спасение. Цирцея приготовила второй пир и так хорошо развлекала их, что Улисс пробыл там целый год.

"И там изо дня в день
Мы пробыли целый год, и пировали
Благородно питаюсь обильным мясом и изысканными винами".
Гомер (перевод Брайанта).

Улисс посещает Киммерию.

По истечении этого срока спутники Улисса начали тосковать по родным местам и уговорили своего вождя покинуть прекрасную чаровницу Цирцею. Сначала она не хотела отпускать его, но, видя, что ее попытки задержать его дольше бесполезны, велела ему отправиться к киммерийским берегам и там посоветоваться с провидцем Тиресием. Эта земля, лежащая на границах темного царства Плутона, была населена тенями, духами умерших, обреченными на прозябание в ней до того, как они попадут в Аид.

Улисс взошел на корабль и, следуя указаниям Цирцеи, пустил свое судно в дрейф, пока его нос не уперся в галечный пляж, где он и высадился. Затем, идя прямо перед собой, он подошел к месту, откуда был слышен рев Флегетона, соединяющегося с Ахероном, и здесь он выкопал мечом траншею.

Закончив рыть траншею, он убил двух черных жертв, предоставленных Цирцеей, и заставил их кровь стечь в траншею. Тотчас же все духи столпились вокруг него, желая испить свежей крови; но Улисс, выхватив меч, заставил их отступить, пока наконец не подошел Тиресий, слепой провидец.

Ему позволили опуститься и выпить; как только он это сделал, к нему вернулась человеческая речь, и он предупредил Улисса о многих испытаниях, которые еще ожидают его. Затем, закончив свое пророчество, он исчез; но Улисс задержался еще немного, чтобы дать своей матери выпить немного крови и объяснить, как она оказалась здесь, в стране духов.

Многие другие приходили и беседовали с ним, но в конце концов он был вынужден уйти и вернуться в Эгею, где задержался, чтобы совершить погребальный обряд по Элпенору - одному из своих последователей, юноше, заснувшему на одной из дворцовых башен и по неосторожности упавшему на землю, где его и нашли мертвым.

СИРЕНА. (Музей Акрополя, Афины.)

Сирены.

После этих похорон греки, подгоняемые свежим ветром, покинули остров Цирцеи иплыли до тех пор, пока не приблизились к скалистому выступу, где обитали Сирены. Эти девы сидели на скалах и пели завораживающие песни, которые манили мореплавателей, пока те не отклонялись от курса, и их суда разбивались о скалы.

По совету Цирцеи Улисс велел своим людям привязать его к мачте, не обращать внимания на его крики и приказы и держать курс, пока опасные скалы не скроются из виду; но прежде чем

позволить им исполнить этот приказ, он заткнул им уши расплавленным воском, чтобы они не могли услышать ни звука, ибо только он мог слышать песню сирен и жить.

Тогда мужчины привязали его за руки и за ноги к мачте, вернулись к веслам и стали упорно грести дальше. Вскоре мелодия сирен донеслась до очарованных ушей Улисса, но, хотя он приказывал и умолял своих людей освободить его и изменить курс, они продолжали упорно плыть, пока ни один звук волшебной песни не достиг их, и тогда они снова освободили своего вождя.

Харибда и Сцилла.

И хотя эта опасность была благополучно минована, Улисс не мог успокоиться, ибо знал, что вскоре ему придется держать курс между двумя страшными чудовищами, Харибдой и Сциллой, которые лежали так близко друг от друга, что, стараясь избежать одного, было почти невозможно не стать легкой добычей другого.

Логово Харибды находилось под скалой, увенчанной единственной дикой смоковницей, и трижды в день она заглатывала окрестные воды, затягивая в свою вместительную пасть даже большие галеры.

Что касается Сциллы, то она тоже обитала в пещере, откуда торчали шесть ее уродливых голов, чтобы пожирать любую добычу, оказавшуюся в пределах досягаемости.

"Ни один мореплаватель не может похвастаться тем.

Что он прошел мимо Сциллы с командой

Невредимой; она хватает с палубы и уносит

И уносит в каждой мрачной пасти по живому человеку".

Гомер (перевод Брайанта).

Эта самая Сцилла, некогда прекрасная дева, завоевала сердце морского бога Глаука (стр. **303**), но кокетливо мучила его, пока он не попросил Цирцею дать ему приворотное зелье, достаточно сильное, чтобы заставить ее полюбить.

Цирцея, давно питавшая тайную страсть к Глаукусу, разгневалась на него и приревновала к сопернику, и вместо любовного зелья приготовила отвратительное снадобье, которое велела ему вылить в воду, где Сцилла имела обыкновение купаться. Глаукс послушно выполнил ее приказ, но когда Сцилла погрузилась в воду, изменилось не столько ее тело, сколько чувства, и она превратилась в отвратительное чудовище, наводящее ужас на богов и людей.

Когда смоковница оказалась в поле зрения, Улисс, облаченный в доспехи, встал на нос, чтобы напасть на Сциллу, если она попытается схватить кого-нибудь из его команды. Шум стремительных вод, кружащихся вокруг Харибды, заставил всех на борту затрепетать от страха, и лоцман направил корабль еще ближе к страшному логову Сциллы.

Внезапно раздался пронзительный крик: чудовище схватило шестерых человек и сожрало их. Остальные прошли невредимыми, но с тех пор, говоря о противоречивых опасностях, принято употреблять выражение "падение из Харибды в Сциллу".

Скот солнца.

Радясь возможности спастись любой ценой, греки снова стали грести, пока не увидели Тринакрию, остров Солнца, где Фаэтуза и Лампетия стерегли священные стада бога Солнца. Мужчины хотели высадиться здесь, чтобы отдохнуть, но Улисс напомнил им, что слепой

провидец Тиресий предупреждал их избегать этого, чтобы, убив кого-нибудь из священных животных, они не накликali на себя божественный гнев.

Однако люди, измученные многодневной греблей, так жалобно просили дать им отдохнуть, добровольно обязуясь довольствоваться собственным провиантом и не убивать ни одного животного, что Улисс неохотно уступил их просьбам, и все сошли на берег.

После того как они отдохнули, их все еще задерживали неблагоприятные ветры, пока вся их провизия не была исчерпана, а тех немногих птиц и рыб, которых им удалось добыть, уже не хватало, чтобы утолить голод.

Во главе с Эврилохом во время одного из временных отлучек Улисса некоторые из людей поймали и убили несколько голов скота бога солнца . К всеобщему изумлению и ужасу, мясо во время жарки на вертеле хрипело, а пустые шкуры шевелились и ползали, словно живые. Однако все эти звуки и зрелища не могли удержать моряков, которые обязательно должны были устроить хороший пир, который они продолжали семь дней, прежде чем Улисс смог заставить их покинуть тринакийские берега.

Тем временем Лампетия поспешила к Аполлону, чтобы известить его о преступлении, совершенном людьми Улисса. В гневе он предстал перед собравшимися богами и потребовал возмещения ущерба, угрожая лишить его света своего лица, если он не получит должного возмещения. Юпитер, чтобы утихомирить его горячий гнев, тут же пообещал, что все преступники должны погибнуть.

"Все еще сияй, о Солнце! Среди бессмертных богов
И смертных людей, на питательной земле.
Скоро я рассеку их белой молнией,
Их галеру посреди черного моря!"
Гомер (перевод Брайанта).

Это обещание он немедленно выполнил, утопив всех, кроме Улисса, который один не принял священной плоти и, цепляясь за руль в течение девяти долгих дней, стал игрушкой для ветра и волн, и был выброшен на берег острова Огигия, где поселилась прекрасная морская нимфа Калипсо.

Улисс и Калипсо.

Восемь долгих лет его там ласково и гостеприимно принимали, но он не мог отплыть, так как у него не было ни судна, ни команды, чтобы увезти его. Наконец Минерва, которая всегда была с ним приветлива, уговорила Юпитера разрешить ему вернуться на Итаку. Меркурий был послан в Огигию, чтобы попросить Калипсо снабдить его всем необходимым для комфорта и помочь в строительстве огромного плота, на котором наш герой оказался на плаву после долгих лет неохотного пребывания на суше.

Казалось бы, все хорошо, но вдруг Нептун понял, что его старый враг, мучитель Полифем, вот-вот вырвется из его лап. Одним ударом своего трезубца он поднял один из тех внезапных штормов, перед яростью которых ничто не может устоять, разбил плот Улисса в клочья, и он метался по волнам, пока богиня Лейкотей (стр. 174), видя его беду, не помогла ему добраться до фейского берега.

Наусикаа и Улисс.

Слишком утомленный, чтобы думать о чем-либо, кроме отдыха, Улисс притащился в соседний лес, где уснул на подстилке из сухих листьев. Пока он отдыхал, Минерва во сне посетила Наусикаа, дочь Алкиноя, царя феакийцев, и велела ей спуститься на берег и выстирать свои льняные одежды, чтобы подготовиться ко дню свадьбы, который, по словам богини, был уже близок. Наусикаа послушалась и вместе со своими девами отправилась на берег, где, закончив работу, они предались игре в мяч, сопровождаемой пронзительными криками и смехом. Их крики разбудили Улисса, который подоспел как раз вовремя, чтобы спасти мяч от волн, и попросил у Наусикаа защиты для потерпевшего кораблекрушение моряка.

Она милостиво разрешила ему следовать за ней во дворец отца и представила его Алкиносу и Арете, которые приветствовали его и пригласили принять участие в играх, проходивших в это время. Он так и сделал, проявив такую силу и ловкость, что его личность была раскрыта. Тогда Алкинос пообещал отправить его домой на феакийском корабле, который благополучно достиг Итаки и высадил спящего Улисса на родном берегу.

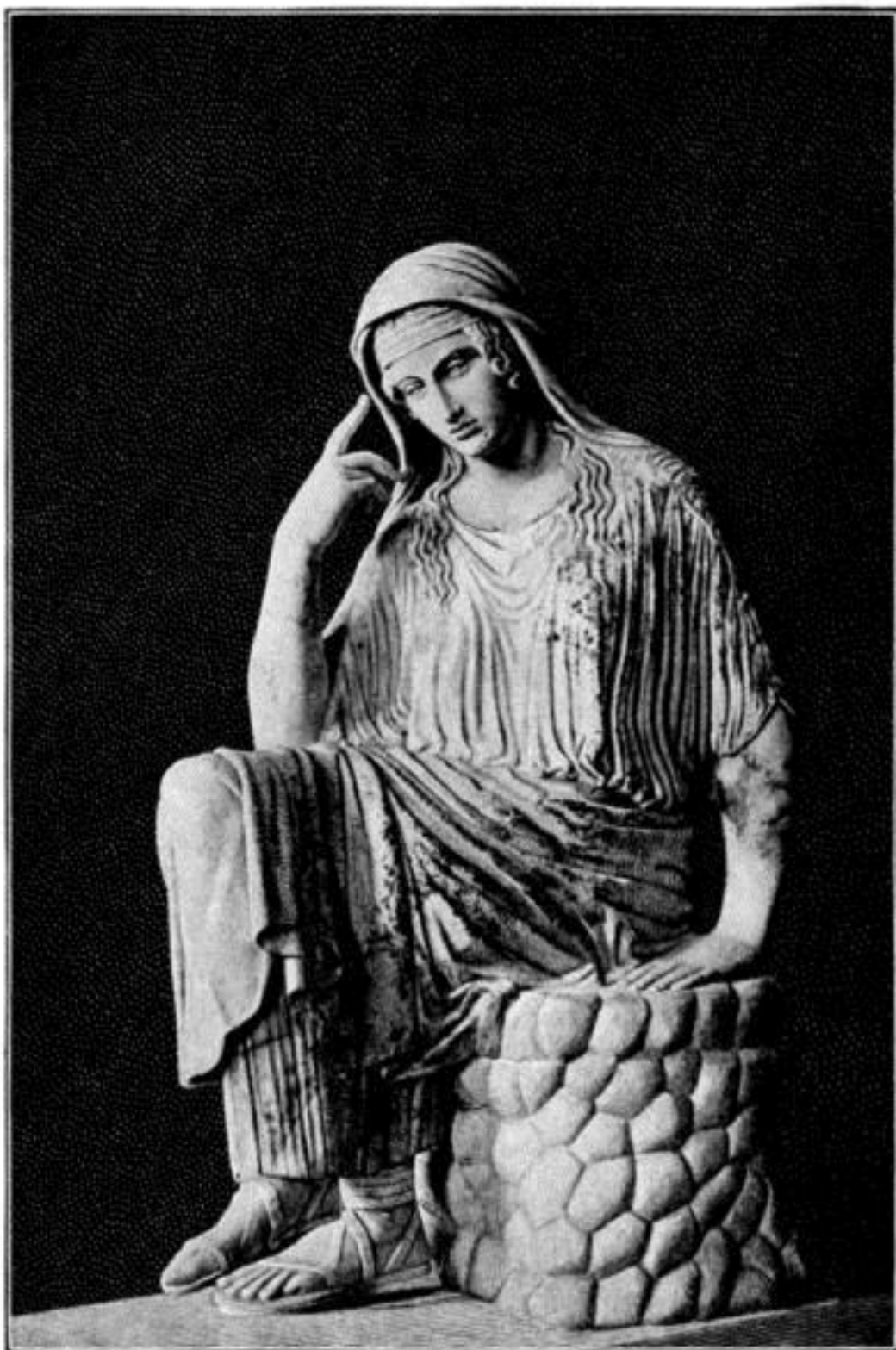
Окаменевший корабль.

Когда Нептун обнаружил, что феакийцы его перехитрили, он так разгневался, что превратил возвращающееся судно в скалу, которая перегородила гавань и положила конец дальнейшим морским походам.

"Он приблизился

И ударил его раскрытой ладонью своей, и превратил корабль скалой, укоренившейся на дне глубокого моря".

Гомер (перевод Брайанта).

ПЕНЕЛОПА. (Ватикан, Рим.)

Возвращение Улисса на Итаку.

Переодетый в нищего по милости Минервы, Улисс отыскал скромное жилище Эвмея, своего свинопаса, и от него узнал все, что хотел, о своей жене и сыне. Он узнал, что Пенелопу осаждают ухажеры, которые даже сейчас пируют и веселятся в его дворце, отказываясь уходить, пока она не выберет себе второго мужа; и что Телемах, уже юноша, возмущенный и

недовольный поведением ухажеров, ведомый и сопровождаемый своим воспитателем Ментором, отправился на поиски отца, которого он не мог считать умершим.

Ментором оказалась переодетая Минерва, которая провела юношу по дворам Нестора и Менелая и, наконец, во сне велела ему вернуться на Итаку, где он найдет родителя, которого искал. Юный принц немедленно повиновался и высадился возле хижины Эвмея, избежав хитроумной засады, устроенной женихами у входа в порт.

Минерва разрешила отцу и сыну узнать друг друга, несмотря на двадцатилетнюю разлуку, и они вместе задумали, как лучше наказать наглых ухажеров. В конце концов они договорились, что Телемах должен вернуться во дворец и не упоминать о возвращении отца, а Улисс, все еще в облике нищего, должен войти в его дом и потребовать обычного гостеприимства.

Все произошло так, как они и планировали. Никто не узнал в жалком старом нищем долгожданного героя - никто, кроме его престарелой кормилицы Эвриклеи и верного пса Аргуса, который умер от радости у ног своего давно потерянного хозяина.

"А над Аргусом черная ночь смерти
Наступила внезапно, как только он увидел
Улисса, отсутствовавшего уже двадцать лет".
Гомер (перевод Брайанта).

Паутина Пенелопы.

Пенелопа, узнав, что в ее доме появился незнакомец, послала за ним, чтобы узнать, не знает ли он чего-нибудь о ее муже. Ей тоже не удалось пробить его маскировку, и она вяло продолжала работу, которую ловко использовала, чтобы отвести ухажеров; однажды, когда ей предложили выйти замуж, она ответила, что сделает это, как только закончит работу.

Так как она была прилежной работницей, женихи ожидали скорого решения, не зная, что ночью она разгребает всю паутину, так тщательно сотканную за день.

"Три полных года
Она занималась этим и обманом обманула
Греческих юношей".
Гомер (перевод Брайанта).

Лук Улисса.

Наконец уловка была раскрыта, и несчастная Пенелопа была вынуждена закончить свою работу; но прежде чем она была закончена, она нашла другой способ отложить выбор мужа. Она принесла лук Улисса и объявила, что выйдет замуж за того, кто сможет согнуть его и послать стрелу через двенадцать колец, которые она указала.

"Я приношу тебе
Могучий лук, который носил великий Улисс.
Кто бы ни был среди вас тот, чья рука
Согнет этот лук и пошлет через двенадцать колец
стрелу, я последую за ним и покину

Эту прекрасную обитель моих юных лет,
со всем его изобилием, - хотя память о нем,
думаю, будет преследовать меня даже во сне".
Гомер (перевод Брайанта).

Смерть женихов.

Все женихи тщетно пытались согнуть могучий лук, который затем схватил переодетый Улисс, а юноши громко смеялись, пока Телемах не велел им дать старику испытать свою силу. К всеобщему изумлению, Улисс с легкостью совершил требуемый подвиг, а затем, направив свой прицел на Антиноя, самого красивого и вероломного из всех женихов, пронзил его сердце.

Началась дикая суматоха, в которой Улисс, Телемах, Эвмей и Минерва, переодетая Ментором, выступили против всех ухажеров и убили их. Пенелопа, ничего не понимая в этом кровопролитии, спала в своей комнате, пока ее не разбудила Эвриклея, объявившая о возвращении давно отсутствующего мужа.

"Проснись, Пенелопа, милое дитя, и увидь
То, о чем ты долго тосковала, своими глазами.
Улисс вернулся; твой господин здесь,
Хоть и поздно, но он расправился с надменной шайкой
Поклонников, которые опозорили его дом, и сделали
его богатство и посмел оскорбить его сына".
Гомер (перевод Брайанта).

Но Пенелопа слишком долго считала своего мужа мертвым, чтобы поверить этой чудесной новости; и только после того, как Улисс предоставил ей безошибочное доказательство своей личности, рассказав секрет, который был известен только ей одной, она приняла его.

Последнее путешествие Улисса.

После двадцати лет войн и приключений Улисс оказался дома в безопасности и поначалу наслаждался тишиной и покоем своей домашней жизни; но через некоторое время эти примитивные радости ему надоели, и он решил возобновить свои странствия. Он собрал флот и отплыл "на Запад", откуда уже не вернулся. Греки, однако, утверждали, что он отправился на поиски Островов Блаженных, где жил в совершенном покое и наслаждался постоянным обществом героев, таких же храбрых и прославленных, как и он сам.

"Идемте, друзья мои,
еще не поздно отправиться на поиски нового мира.
Оттолкнитесь и, сидя в порядке, проложите
Звучащие борозды; ибо цель моя -
Плыть за закат, и купаться
Всех западных звезд, пока я не умру.
Быть может, нас смоят заливы:
Может быть, мы коснемся Счастливых островов,
И увидим великого Ахилла, которого мы знали.
Хотя многое отнято, многое остается: и хотя
Мы сейчас не обладаем той силой, что в былые времена

Двигала землю и небеса; что мы есть, то мы есть;
Один равный нрав героических сердец,
ослабленных временем и судьбой, но сильных в воле.
Стремиться, искать, находить и не сдаваться".
Теннисон.

ГЛАВА XXIX.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭНЕЯ.

Вы уже слышали, как греки ворвались в город Трои глубокой ночью, перебили жителей и подожгли прекрасные здания, которые были гордостью и отрадой царя. Теперь вы услышите, как Вергилий рассказывает о спасении некоторых троянцев от всеобщего уничтожения.

Не подозревая о грядущей опасности, Эней, сын Венеры и Анхиза, крепко спал в своем дворце; но боги не обрекли его на гибель и послали тень Гектора, чтобы тот во сне предупредил его встать, покинуть город и улететь в далекие края.

"Ах, рожденная богиней, - предупреждает он меня, - лети!
Спасайся от этого пламени: Греция держит стены;
Гордый Илиум с вершины падает.
Не думай о притязаниях короля или страны:
Страна и царь, увы, лишь имена:
Могла ли Троя быть спасена руками людей,
Эта рука спасла ее тогда, в те времена.
Боги ее домашних святынь
Эту страну на ваше попечение отдают:
Примите их теперь, чтобы разделить вашу судьбу:
Устройте им обители крепкие и великие,
Стены города, что Небесам угодно.
За морями вы еще постройте".
Вергилий (перевод Конингтона).

Эней отправляется спасать Приама.

Пробудившись наконец от нарастающего шума, Эней взял в руки оружие и поспешил в сопровождении многих своих сограждан выяснить причину беспорядков. Через несколько минут он обнаружил, что греческая армия вошла в город и теперь убивает, грабит и сжигает без пощады. Мужчины были убиты, но самых красивых женщин утащили, чтобы продать в рабство в Грецию; среди них Эней увидел в руках солдат Агамемнона несчастную дочь Приама Кассандру, которую боги наделили пророческими способностями (с. 310), но к которой никто не прислушался.

Видя, что надежды на спасение обреченного города уже нет, Эней быстро переоделся в греческие доспехи, которые он сорвал с трупа одного из своих врагов, и бросился во дворец, надеясь спасти престарелого царя, который при первой же тревоге схватился за оружие, решив сражаться до последнего.

Гекуба, его жена, прижалась к нему, умоляя его остаться, как вдруг к ним вбежал Политес, их сын, а за ним Пирр, или Неоптолем, сын Ахилла, который вонзил свой меч в юношу, а затем убил и Приама.

"Так закончилась судьба Приама:

Так прошел он, видя

Его Троя в огне, его царская башня

И в прах повержена вражьей силой,

Кто некогда над землей и народами гордыми

Сидел, перед ним склонилась Азия:

Теперь же на берегу он мертв,

Безымянный ствол, голова без ствола".

Вергилий (перевод Конингтона).

Эней, прибывший слишком поздно, чтобы помешать этой страшной катастрофе, вдруг вспомнил, что такая же участь ожидает его престарелого отца Анхиза, его жену Креусу и маленького сына Иулуса, которые находились дома без всякого защитника. Поэтому герой в бешенстве прорубил себе путь сквозь врагов и бросился в некогда великолепный дворец, который теперь был лишен редчайших сокровищ и осквернен вражескими ногами.

Венера появляется перед Энеем.

Там, в одном из заброшенных залов, он увидел Елену, прекрасную причину всей этой войны и кровопролития, которая после смерти Париса вышла замуж за Деифоба, его брата, и на мгновение решил лишить ее жизни; но прежде чем он успел это сделать, Венера, его мать, остановила его руку и заставила вспомнить, что бессмертные боги давно постановили, что город должен пасть, и что Елена была лишь предлогом, чтобы побудить враждующие народы броситься в бой.

Чтобы убедить его в истинности своих утверждений, она позволила ему увидеть то, что было скрыто от глаз смертных: Нептуна, Минерву, Юнону и даже Юпитера, сражающихся и ровняющих стены могучими ударами. Затем она горячо умоляла сына покинуть эту сцену резни и улететь со своей семьей и последователями в безопасное место за городом, где он мог бы сесть на корабль и уплыть в более удачливую страну; и в конце концов ее уговоры увенчались успехом.

Бегство Анхиза.

Эней поспешил домой и велел отцу готовиться к отплытию из Трои, но Анхис упорно отказывался покинуть свой пост, пока не увидел яркое пламя, на мгновение зависшее над головой его внука, которое он истолковал как предзнаменование того, что его род должен выстоять. Он больше не сопротивлялся, и, поскольку был слишком слаб, чтобы идти, Эней велел ему взять Лареса и Пената и, взвалив его на спину, понес, держа за одну руку своего маленького сына, а Креусу велел следовать за ним.

"Взойди на мои плечи, дорогой мой сир:

От такого груза моя сила никогда не устанет.

Неважно, улыбнется ли фортуна или опустится,

Один риск, одна безопасность - все это мы.

Мой сын будет путешествовать рядом со мной,

Моя жена будет сопровождать мои шаги,

На расстоянии безопасном".
Вергилий (перевод Конингтона).

Призрак Креусы.

Для его слуг уже было назначено место для свиданий возле разрушенного храма, и Эней направил свои шаги туда. Прибыв туда, он обнаружил, что его ожидает множество людей, и тщательно пересчитал их, чтобы убедиться, что ни один не пропал. Все были на месте, кроме Креусы, его любимой молодой жены, и он с тревогой поспешил обратно, надеясь найти ее живой. Но на пороге своего некогда счастливого дома он встретил ее бесплотный дух и услышал, как она велела ему искать берега Тибра, где прекрасная молодая невеста утешит его в утрате. Закончилась эта речь, призрак Креусы исчез, и Эней с грустью вернулся в разрушенный храм, где нашел множество беглецов, готовых следовать за ним, куда бы он ни пошел, и с готовностью повиноваться любому его приказу. Приготовления к отплытию были быстро завершены, паруса развернуты, и маленький отряд изгнанников вскоре потерял из виду берега Трои.

"Плача, я покинул порт, берег,
Равнины, где прежде стоял Илиум,
И бездомно пустился в путь,
Сын, друзья и боги дома в моем обозе".
Вергилий (перевод Конингтона).

Прибытие во Фракию.

Хотя они спаслись от горящей Трои и мечей греков, их испытания только начинались. После многодневного плавания они высадились во Фракии, осмотрели страну, решили поселиться в ней и начали закладывать фундамент нового города, который решили назвать Энеадой в честь своего вождя.

Следующей их заботой было принести жертву богам, но когда Эней с должной церемонией срубил саженец, он с удивлением увидел, что из его отрубленного стебля течет кровь. В то же время раздался таинственный голос, просивший его воздержаться, ибо его бывший друг Полидор, посланный во Фракию, чтобы спрятать сокровища, был убит там жадным царем, а эта роща деревьев выросла из рукоятки копья, вонзенного в его несчастную грудь.

Делос и Крит.

Совершив положенные погребальные обряды, чтобы успокоить душу своего несчастного друга, Эней без труда уговорил своих последователей покинуть эти негостеприимные берега и поискать другое место для отдыха. Они плыли по соленой глубине, пока не приплыли на Делос, где остановились, чтобы посоветоваться с оракулом, который велел им искать колыбель своей расы и поселиться там.

"Крепкие дарданские сердца, царство земное.
Где впервые зародился ваш народ,
Теперь это царство примет вас обратно:
Идите, ищите след своей древней матери.
Там дом Энея, обновленный
Веками править покоренным миром".

Вергилий (перевод Конингтона).

Это неясное повеление оставляло их в неведении, каким путем следовать дальше, пока престарелый Анхис не вспомнил, что один из его предков, Тевкер, когда-то царствовал на Крите. Они отплыли туда и надеялись обосноваться; но тут на них обрушился страшный мор, истребивший их и без того немногочисленные ряды.

Видение Энея.

Однажды ночью Энею было видение, в котором его домашние боги советовали ему искать италийские или гесперийские берега; когда, проснувшись, он передал этот совет Анхису, тот вспомнил давно забытое пророчество Кассандры о том, что они поселятся там, а также о том, что Дарданус, их первый прародитель, по слухам, пришел оттуда.

"Есть земля, в Греции издревле
По имени Гесперия, богатая своей плесенью,
Ее дети храбры и свободны:
Ænотrians were its settlers: fame
Теперь дает расе имя ее вождя,
и называет ее Италией.
Здесь родился Дарданус, наш царь,
И старый Иасий, от которого мы произошли:
Здесь наше подлинное место".
Вергилий (перевод Конингтона).

Целерон, гарпия.

Через много дней Эней и его верные последователи снова оказались на плаву и были вынуждены сражаться с жестокими бурями, посланными Юноной, чтобы помешать их продвижению. Обессиленные, они высадились на Строфадских островах, где решили восстановить силы обильной трапезой; но не успели они накрыть стол, как мясо было съедено и уничтожено мерзкими гарпиями. Страшное пророчество, произнесенное Селено, одним из этих чудовищ, наполовину женщиной, наполовину птицей, заставило их снова спешно высадиться на берег и плыть до Эпира, где они снова высадились. В этой стране они встретили скорбящую Андромаху, вдову Гектора, рабыню царя Еленуса, которая устроила им роскошный прием и отправила их в обратный путь, любезно предупредив остерегаться циклопов и избегать Харибды и Сциллы, обогнув весь остров Сицилия.

Спасение Ахеменида.

Этому совету должным образом последовал Эней, который, огибая один из мысов острова, увидел и спас Ахименида, одного из спутников Улисса, случайно оставленного позади, когда они спасались от ярости циклопа Полифема. Теперь этот гигант сошел на берег, и троянцы с нескрываемым ужасом смотрели на него, поспешно отплывая. Вскоре после этого Эней пришвартовал свои корабли в гаванях Сикании и Дрепанума и, находясь там, потерял своего престарелого отца Анхиза.

"Там
Я теряю свое пребывание во всех заботах,
Мой сир Анхис!"

Вергилий (перевод Конингтона).

Юнона тем временем не бездействовала и злорадствовала по поводу опасностей, с которыми ей пришлось столкнуться несчастным троянцам за семь лет, прошедших с тех пор, как они впервые отплыли из Трои. Однако она еще не устала преследовать их и, как только увидела, что они снова на плаву, поспешила к Эолу и велела ему выпустить на волю своих самых свирепых детей и рассеять флот страшной бурей.

"О Эол! С тех пор как владыка всех
Заставил ветер повиноваться твоему зову
Чтобы поднять или уложить пену,
Ненавистная мне раса теперь бороздит море,
Перенося Трою в Италию.
И богов, лишенных дома:
Взмахни ты ветром своим, и корабли их затонут,
Или бросьте их в волнах".
Вергилий (перевод Конингтона).

Буря.

Эта просьба была немедленно исполнена. Корабли, бросаемые то туда, то сюда, потеряли друг друга из виду. Одни сели на мель, другие затонули, а буря все бушевала с неослабевающей яростью, и смерть смотрела несчастным троянцам в лицо. Суматоха на глубине наконец разбудила Нептуна, который как раз вовремя поднялся на поверхность, чтобы увидеть все несчастья, постигшие Энея. Он повелительно отослал ветры и протянул руку помощи, чтобы вновь поднять на воду севшие на мель корабли.

"Возвращайтесь к своему господину, бегите,
И скажи ему, не ему, а мне
Императорский трезубец моря
Упал по жребию".
Вергилий (перевод Конингтона).

Троянцы, благодарные за своевременную помощь и успокоенные воцарившимся спокойствием, направились в ближайший порт, где поставили на якорь свои семь кораблей - все, что осталось от их некогда большого флота.

Прибытие в Ливию.

Эней и Ахат, его верный друг, немедленно отправились осматривать землю и вскоре встретили Венеру, переодетую смертной, которая сообщила им, что они высадились на ливийском побережье, находящемся под властью Дидо, беглянки из Тира. Муж Дидоны, Сихей, царь Тира, обладатель несметных богатств, был убит Пигмалионом, его шурином; но царица пребывала в полном неведении об этом преступлении, пока во сне ее не посетила тень Сихей, которая велела ей бежать с его сокровищами, место сокрытия которых знала только она.

Дидо послушалась призрака и в сопровождении нескольких верных подданных высадилась на ливийском побережье, где обратилась к жителям с просьбой продать ей столько земли, сколько вместит бычья шкура. Эта скромная на первый взгляд просьба была немедленно удовлетворена, но ливийцы пожалели о своем решении, когда увидели, что бычья шкура разрезана на мелкие полоски, из которых состоял значительный участок земли, на котором и была построена прекрасная столица Дидоны - Карфаген.

Эней и Дидо.

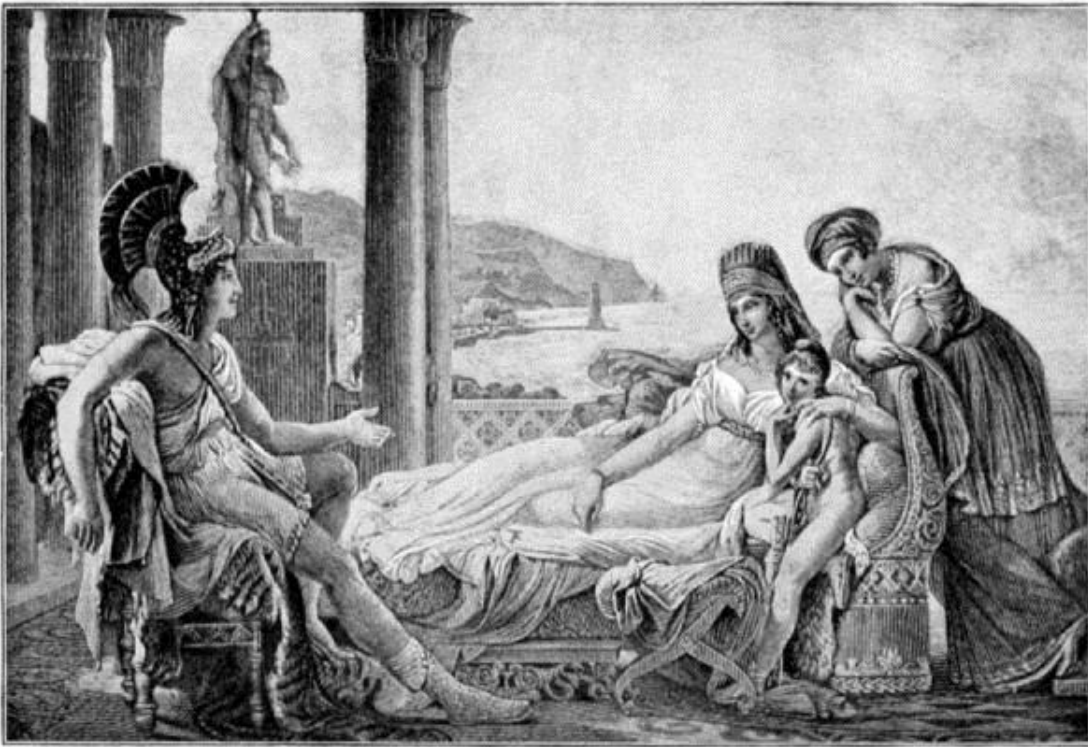
Венера посоветовала сыну отправиться туда и попросить защиты у царицы. Эней и Ахат послушно поспешили вперед и вошли в город незамеченными, так как Венера окутала их обоих туманом. Сначала их внимание привлек праздничный вид собравшихся людей и красота царицы, которая давала аудиенцию некоторым из их спутников, чудом спасшимся от волн.

Эти люди рассказали королеве о своем знаменитом вожде, слава о котором уже дошла до ее слуха, и она с радостью пообещала отправить поисковый отряд, чтобы найти его и помочь ему в случае необходимости.

"Я пошлю
И прочесать побережье из конца в конец,
Если удастся, буду бродить вверх и вниз,
Он остановится в лесу или в городе".
Вергилий (перевод Конингтона).

При этих милостивых словах Эней шагнул вперед, туман исчез, и он предстал перед царицей во всей своей мужественной красоте.

Затем Дидо повела гостей в пиршественный зал, где они рассказывали о своих приключениях на суше и на море, угощаясь яствами и винами, поставленными перед ними. На этом пиру Купидон, по просьбе Венеры, принял облик Иулуса, юного сына Энея, и, возлежа на лоне царицы, тайно вонзил один из своих дротиков в ее сердце, заставив ее влюбиться в Энея.

Эней в царстве ДИДО - Гурен.

День за днем проходил в веселье и удовольствиях, а Эней все еще оставался рядом с Дидоной, забыв о новом царстве, которое ему суждено было основать. Так прошел целый год, и боги, нетерпеливые к промедлению, наконец послали Меркурия напомнить Энею о его долге.

Чтобы избежать слез и упреков Дидоны, герой держал свои приготовления к отплытию в полном секрете и наконец отплыл, когда она была погружена в дремоту. Когда она проснулась и выглянула из окна своего дворца, то увидела, как последний корабль скрылся за горизонтом.

Смерть Дидо.

Скрывая свое горе и притворяясь, что не чувствует гнева, она велела слугам сделать погребальный костер и положить на него все предметы, которыми пользовался Эней во время своего пребывания в ее дворце; затем она поставила чучело своего неверного любовника, подожгла костер, бросилась в пламя и там заколола себя.

"Пусть я умру: так, так я уйду
Ликуя, в нижние тени.
Пусть лже-Дардан почувствует пламя.
Который жжет меня, заливая его взгляд,
И понесет с собой, чтобы подбодрить свой путь,
Погребальное предвестие дня сегодняшнего".
Вергилий (перевод Конингтона).

С мачты своего корабля Эней увидел поднимающийся столб дыма, и сердце его сжалось, ибо он подозревал его роковой смысл и искренне оплакивал смерть прекрасной царицы.

Погребальные игры.

Троянцы плыли дальше, пока грозные тучи не заставили их укрыться в сиканском порту, где они устроили обычные игры в память о смерти Анхиза, которая произошла там всего за год до этого. Пока мужчины участвовали в обычных морских, пеших и конных состязаниях, боксе, борьбе и стрельбе из лука, женщины собрались вместе и, подстрекаемые Юноной, стали сетовать на тяжелый жребий, вынудивший их вновь столкнуться с морскими опасностями. В конце концов их недовольство достигло такого накала, что они подожгли корабли. Услышав об этом новом несчастье, Эней бросился на берег, разорвал свои дорогие праздничные одежды и воззвал к небесам с мольбой о помощи в этот тяжелейший час.

"Грозный сир, если убогий удел Илиума
Не заслужили еще твоей лютой ненависти,
Если еще твоя древняя верность
Внимай смертным в беде,
О, дай флоту спастись от пламени!
О, спаси от смерти умирающее имя Трои!"
Вергилий (перевод Конингтона).

Явление Анхиза.

В ответ на эту молитву внезапно обрушился сильный ливень, который погасил пожирающее пламя. Вскоре после этого чуда Анхис явился Энею и велел ему оставить женщин, детей и стариков в Сицилии и отправиться в Кумæ, где он должен был посоветоваться с сибиллой, посетить адские области и получить от нее дальнейшие советы.

"Сначала ищи залы Дис внизу,
Пройди глубокие долины Авернуса и встреть
Твоего отца в его собственном убежище".
Вергилий (перевод Конингтона).

Эней покорно повиновался, но когда Венера снова увидела его на плаву, она поспешила к Нептуну и попросила его присмотреть за ее несчастным сыном. Нептун очень милостиво выслушал ее просьбу и пообещал забрать только одну из многих жизней, доверенных его заботам. Это был лоцман Энея, Палинур, который, заснув за штурвалом, упал за борт и утонул.

Кумейская сивилла.

Флот благополучно достиг кумейского берега, и Эней поспешил в пещеру Сивиллы, объявил ей о своем желании посетить Аид и попросил ее стать его проводником в этом опасном путешествии. Она согласилась, но в то же время сообщила ему, что сначала он должен добыть золотую веточку, которая растет в темном лесу.

"Никто не может попасть в тени без
без паспорта этого золотого ростка".
Вергилий (перевод Конингтона).

КУМЬЯНСКАЯ СИБИРЬ. Доменикино. (Галерея Боргезе, Рим.)

Почти отчаявшись, Эней взмолился о помощи, ведь как он мог найти крошечную золотую веточку среди густой лесной листвы без помощи богов? В ответ на эту просьбу Венера, всегда помнящая о своем сыне, послала двух своих снежных голубей, чтобы они указали путь и прилетели на дерево, где Эней без труда нашел предмет своих поисков.

Вооружившись этой веткой как ключом, он и Сибилла смело вошли в Нижние области, где их со всех сторон встретили все те жуткие виды и звуки, которые мы уже описывали (стр. 167). Харон быстро переправил их через Ахерон, на берегу которого они увидели блуждающую

тень Палинура, у которого не было обода, чтобы оплатить дорогу, и Дидону с зияющей раной на груди.

Однако они не останавливались, пока не достигли Елисейских полей, где нашли Анхиза, серьезно рассматривающего среди нерожденных душ тех, кому суждено оживить его род и прославить его в будущем. Он тщательно указал на них Энею, предсказывая их будущие достижения, и назвал по именам Ромула, Брута, Камилла, Гракхов, Сезара - в общем, всех героев римской истории.

"Анхиз показал Энея, в длинном ряду,
прославленные тени тех, кто должен был однажды воссиять
Однажды славой италийского берега".
Томас де Ириарте.

Прибытие в Лациум.

После продолжительной беседы с отцом Эней вернулся к своим спутникам и повел их к устью Тибра, по течению которого они следовали, пока не достигли Лациума, где их странствия должны были прекратиться. Латин, царь страны, принял их радушно и обещал руку своей дочери Лавинии в жены Энею.

Лавиния была очень красива, и у нее уже было много женихов, среди которых самым высоким положением мог похвастаться Турн, соседний принц. Царица Амата благоволила к этому юноше, и царь с радостью принял бы его в зятя, если бы боги дважды не предупредили его, чтобы он берег свою дочь для чужеземного принца, который теперь появился.

Несмотря на все годы, прошедшие с тех пор, как Парис презрел ее уговоры и подкупы (с. 307), Юнона еще не забыла о своей ненависти к троянскому роду, и, боясь, чтобы путь ее врага не оказался слишком гладким, она послала Алекто, фурию, на землю, чтобы разжечь войну и довести Амата до безумия. Фурия выполнила оба приказа, и Амата бежала в лес, где спрятала свою дочь Лавинию, чтобы уберечь ее для Турна, которого она предпочла Энею.

Война с латинянами.

Когда Иулус с товарищами по несчастью ранил домашнего оленя Сильвии, дочери главного пастуха, началась потасовка, которая, подстрекаемая Алекто, вскоре переросла в кровопролитную войну. Начались военные действия, и Турн с различными латинскими вождями немедленно потребовал от Латина открыть ворота храма Януса. Тот отказался, но Юнона, испугавшись, что ее планы могут быть разрушены, спустилась с Олимпа и своей рукой распахнула медные двери. Это неожиданное явление разожгло всеобщий пыл; набрались новые войска, и даже Камилла, вольскианская дева-воительница, пришла предложить свою помощь Турну.

"Последний поход ради Лациума
Камилла прекрасная, вольскианская дева,
За ней - отряд всадников
В пышности сверкающей стали;
Суровая королева-воительница!"
Вергилий (перевод Конингтона).

История Камиллы.

Когда Камилла была еще младенцем на руках, ее отец унес ее с собой, когда бежал перед войсками вольсков. Когда он подошел к реке Амасену, то обнаружил, что его преследователи идут по пятам. Привязав к копыю свою младенческую дочь, он бросил ее на противоположный берег, которого она, благодаря помощи Дианы, достигла невредимой, в то время как ее отец погрузился в волны, чтобы присоединиться к ней. В благодарность за спасение он посвятил ее Диане, которая воспитала в ней любовь к погоне и всем мужским занятиям.

Удивленный тем, что Латинус так внезапно отказался от дружеского гостеприимства, Эней начал быстро готовиться к войне и отплыл дальше вверх по Тибру, чтобы заручиться помощью Эвандера, царя тосканцев, наследственного врага латинян. Этот монарх, слишком старый, чтобы лично вести свои войска, все же пообещал помощь и послал вместо себя своего любимого сына Палласа командовать поставленными им войсками.

Нисус и Эвриал.

Юнона, по-прежнему непримиримая, тем временем послала Ириду известить Турна об отъезде Энея и призвать его поджечь оставшийся флот, чему Турн с радостью повиновался. Троянцы, возглавляемые юным Иулом, сыном Энея, защищались с обычным мужеством; но, видя, что враг скоро одолеет их, они послали Нисуса и Эвриала, двух из своего числа, чтобы предупредить Энея об опасности и попросить его поспешить со своим подкреплением. Эти несчастные юноши прошли через лагерь незамеченными, но дальше попали в руки отряда вольских всадников, которые жестоко предали их смерти, а затем поспешили с рутулами на помощь Турну. Затем несколько троянских кораблей были обстреляны врагом, но вместо того, чтобы сгореть в огне, они по вмешательству богов превратились в водных нимф и, плывя по Тибру, встретили Энея и предупредили его, чтобы он поспешил на помощь своему сыну.

"Его корабли меняют свой облик,
И все, как нереиды, встают".
Вергилий.

Доспехи.

Тем временем Венера, дружившая с троянцами, разыскала ненавистную обитель Вулкана и уговорила его выковать для Энея прекрасные доспехи. На щите, подробное описание которого содержится в одной из книг знаменитой эпической поэмы Вергилия "Энеида", были изображены многие волнующие сцены из жизни будущих потомков Энея, героев римской истории. Как только доспехи были закончены, Венера принесла их своему сыну, который с видимым удовольствием надел их и, ободренный словами матери, приготовился встретить латинян и держать удар.

Венера и Юнона были не единственными божествами, заинтересованными в предстоящей борьбе; все боги, наблюдая за карьерой Энея, были обеспокоены его судьбой. Видя это и опасаясь, как бы их вмешательство не подвергло еще большей опасности героя, которому он благоволил, Юпитер собрал богов на высоком Олимпе и строго-настрого запретил им принимать какое-либо активное участие в предстоящей борьбе под страхом своего сурового недовольства.

Прибытие Энея.

Эней и его тосканские союзники прибыли на место битвы как раз вовремя, чтобы оказать необходимую поддержку почти обессиленным троянцам; и вот бой разгорелся еще сильнее, чем прежде, и с обеих сторон совершались доблестные подвиги, пока наконец юный Паллас не пал, убитый Турном. Когда он узнал о смерти этого многообещающего принца, сердце Энея наполнилось скорбью, ибо он мог представить себе горе престарелого Эвандера, когда тот увидел труп своего сына, принесенный домой для погребения; и тогда он дал торжественную клятву отомстить за смерть Палласа, убив Турна, и немедленно поспешил сдержать свое слово.

Вероломство Юноны.

Тем временем Юнона, догадываясь о его намерениях и боясь допустить, чтобы Турн столкнулся с таким грозным противником, как Эней, решила выманить своего любимца с поля боя. Для этого она приняла облик Энея, бросила вызов Турну и, как только он начал бой, бежала к реке и укрылась на одном из судов, преследуемая им. Не успела она увидеть, что вождь рутулов в безопасности, как отвязала судно от причалов и пустила его по течению, унося Турна прочь от места сражения. Осознав, что его обманывают, Турн разбушевался и обвинил богов, а затем с нетерпением стал ждать удобного случая, чтобы высадиться на берег и в одиночку и пешком вернуться к месту сражения.

Доблесть Энея.

За время вынужденного отсутствия Турна Эней обшарил все поле боя в его поисках, встретил и убил множество воинов, в том числе Лауса и его престарелого отца Мезентия, двух союзников Латина, особо отличившихся своей доблестью. Мертвые и умирающие устилали поле, когда Латин, уставший от кровопролития, созвал совет и снова тщетно попытался заключить мир. Но его усилия были бесполезны. Война возобновилась с еще большей яростью, чем прежде, и в следующей схватке Камилла, храбрая вольскианская дева, наконец, пала, горячо умоляя Турна поспешить на помощь своему отчаявшемуся народу, если он не хочет, чтобы все они были убиты, а город оказался в руках троянцев.

"Иди: мой последний наказ Турну передай,
поспешить с помощью и отбить
Троянцев из города-колодца".
Вергилий (перевод Конингтона).

Рана Энея.

Вскоре после ее смерти, в самый разгар битвы, Эней вдруг почувствовал, что ранен стрелой, посланной какой-то таинственной рукой. Он поспешил обратиться за помощью к пиявке Иапису, но, несмотря на все его старания, колючку не удавалось извлечь и перевязать рану, пока Венера не принесла волшебную траву, которая мгновенно исцелила героя и позволила ему вернуться в бой с неистощимой силой и энергией.

Теперь перевес был явно в пользу троянцев, а латинская царица Амата, сожалея о том, что так опрометчиво воспротивилась браку дочери с Энеем, привезла Лавинию домой и повесилась в приступе раскаяния.

Смерть Турна.

Эней, вновь появившись на поле боя, наконец столкнулся с долгожданным Турном, который вернулся и теперь разъезжал на своей колеснице, ревностно охраняемый своей сестрой

Ютурной, которая, чтобы лучше следить за его безопасностью, заняла место возницы. Два героя, встретившись, мгновенно сошлись в смертельной схватке; но, несмотря на храбрость Турнуса, он в конце концов вынужден был уступить и опустился на землю, честно признав себя побежденным, когда выдохнул свой последний вздох.

Победа за тобой": Латиняне.

Видели, как я протягивал умоляющие руки:

Невеста Лавиния - твоя:

Так пусть же ненависть врага проявится".

Вергилий (перевод Конингтона).

Потомство Энея.

Со смертью Турна война подошла к концу. С Латиной был заключен прочный мир, и храбрый троянский герой, чьи беды теперь были позади, сочетался браком с Лавинией. В союзе с Латином он правил латинами и основал город, который назвал Лавинией в честь своей невесты и который на некоторое время стал столицей Лациума.

Эней, как и предсказывали боги, стал отцом сына по имени Эней Сильвий, который основал Альба-Лонгу, где его потомки правили много лет, и где одна из представительниц его рода, весталка Илия, выйдя замуж за Марса, родила Рема и Ромула, основателей Рима (с. 142).

ГЛАВА XXX.

АНАЛИЗ МИФОВ.

"Я действительно истолкую все, что смогу, но я не могу истолковать все, что мне хотелось бы"
- Грим.

Ранние теории.

Пытаясь проанализировать вышеизложенные мифы и объяснить их происхождение, в подобной работе невозможно сделать больше, чем дать очень поверхностное представление о научных теориях различных выдающихся мифологов, которые в этом вопросе, как и врачи, непременно расходятся во мнениях.

Эти мифы, составляющие "весь интеллектуальный фонд эпохи, к которой они принадлежали", существовали как "плавающие разговоры в народе" задолго до того, как они перешли в литературу нации; и хотя для нас мифология - это всего лишь "дело исторического или антикварного исследования, мы должны помнить, что интерпретация мифов когда-то была делом, полным жизненного интереса для людей, чьи моральные и религиозные убеждения были глубоко затронуты". Принятые поначалу с неявной верой, эти мифы стали камнем преткновения по мере развития цивилизации. Культурный человек отшатнулся от большей части грубости, которая казалась вполне естественной его предкам в дикарском состоянии, и попытался выяснить их первобытный смысл или найти объяснение, которое удовлетворило бы его более чистый вкус.

С этой целью мудрецы и писатели древности истолковывали все, что казалось "глупым и бессмысленным" в мифологии, как физические аллегории - система, которую впоследствии

довели до крайности многие языческие философы в тщетной надежде уклониться от христианской сатиры.

Ученые люди также объясняли эти мифы как исторические факты, замаскированные под метафоры, или как моральные аллегории, которыми, несомненно, является выбор Геракла (стр. 218). Эвгемер (316 г. до н. э.) был пионером первой теории, а Бэкон - выразителем второй. Метод Эвгемера был преувеличен его учениками, которые объявили Зевса всего лишь царем Крита; его войну с гигантами - попыткой подавить мятеж; золотой дождь Данаи (стр. 240) - деньгами, которыми были подкуплены ее стражники; Прометея - создателем глиняных изображений, "откуда гиперболически следовало, что он создал человека из глины"; Атласа - астрономом, о котором поэтому говорили, что он поддерживает вес неба. Этот способ толкования был доведен до такой крайности, что стал смешным, и произошла неизбежная реакция. Со временем, однако, зародыш истины, содержащийся в нем, был вновь извлечен на свет; и теперь мало кто отказывается верить, что некоторые из героических мифов имеют под собой незначительную историческую основу, а "глупый и бессмысленный" элемент классифицируется как вкрапления, подобные сказочным историям, связанным с безусловно историческим именем Карла Великого. В XVII веке некоторые философы, подстрекаемые "сходством между библейским повествованием и древними мифами, пришли к выводу, что Библия содержит чистую, а мифы - искаженную форму изначального откровения". Но в течение последнего столетия новые теории постепенно завоевывали позиции: филологи пытались доказать, что мифы возникли в результате "болезни языка", а антропологи, основывая свою теорию на сравнительной мифологии, заявляют, что "именно человек, именно человеческая мысль и человеческий язык вместе взятые, естественно и неизбежно породили странный конгломерат древних басен".

Современные теории.

Поскольку эти две названные школы либо успешно опровергли, либо включили в себя теории всех своих предшественников, краткое изложение их соответствующих взглядов не будет лишним. Если филология сравнивает только "мифы рас, говорящих на языках одной семьи" (как будет вскоре показано), то антропология обращается ко всему фольклору и ищет происхождение мифов не в языке, который она рассматривает только как подчиненную причину, а в "состоянии мышления, через которое прошли все расы".

Антропологическая теория.

Антропологи, или сравнительные мифологи, не отрицают, что за умеренный срок в двести пятьдесят тысяч лет, который они отводят человеческой расе на Земле, мифы могли распространиться из единого центра, и либо путем миграции, либо путем угона рабов или жен, либо другими естественными или случайными способами, могли "бродить по всему земному шару";, но в основном они основывают свои аргументы на том, что как кремневые наконечники стрел находят во всех частях света, незначительно отличаясь по форме и изготовлению, так и мифы всех народов "похожи друг на друга, потому что они были сформированы для удовлетворения одних и тех же потребностей, из одних и тех же материалов".

Они утверждают, что это сходство существует "не потому, что люди произошли от одной и той же породы" (такова точка зрения филологов), "а потому, что они прошли через одно и то же дикарское интеллектуальное состояние". На бесчисленных примерах, взятых из

фольклора всех частей земли, они доказывают, что дикарь считает себя сродни зверям (обычно тем, чей образ используется в качестве племенного или семейного значка или тотема), и "рассматривает даже растения, неодушевленные предметы и самые абстрактные явления как людей с человеческими частями и страстями". Для дикаря "солнце, луна и звезды - это люди, но люди дикие"; и поскольку он считает, что "многие из его собратьев по племени обладают способностью принимать облик животных", он признает такую же привилегию и власть за солнцем, луной, звездами и т. д. Эта школа далее доказывает, что во всех дохристианских религиях есть идолы, изображающие зверей, что во всех мифологиях боги любят появляться в облике животных, и заявляет, что, хотя греки были глубоко цивилизованным народом, мы все еще можем найти в их мифологии и религии "обильные пережитки дикарских нравов и дикарских мифов". Они утверждают, что в эпоху мифотворчества предки греков находились примерно на одном интеллектуальном уровне с нынешними австралийскими бушменами, и что "все в цивилизованных мифологиях, что мы считаем иррациональным, кажется современным дикарям лишь частью принятого и рационального порядка вещей, а в прошлом казалось столь же рациональным и естественным дикарям, о которых у нас есть исторические сведения". Конечно, цивилизованному человеку трудно, если не сказать невозможно, поставить себя на место дикаря и смотреть на вещи с его точки зрения. Ближайшее приближение к первобытному интеллекту, которое мы можем наблюдать, - это работа ума маленьких детей, которые, еще не умея толком говорить, хлещут стол или стул, о который ударились головой, а позже с удовольствием сплетают самые необычные истории. Маленький четырехлетний ребенок схватил книгу и начал "читать историю", то есть импровизировать очень неправдоподобную и очень красочную сказку о пони. Вынужденная сделать паузу из-за нехватки дыхания, она возобновила повествование словами: "А теперь об этой собаке"; а когда ей предположили, что речь идет о пони, она категорически ответила: "Ну, этот пони был собакой", и продолжила. И вот, то ли потому, что она поняла, что превращение привлекло внимание, то ли чтобы удовлетворить врожденный детский вкус к чудесному, в течение следующих нескольких минут пони претерпела столько же превращений, сколько и Протей, причем все они казались ей совершенно естественными. Антропологи объясняют сказки о различных превращениях Юпитера и его животных отпрысков "как во многих случаях пережитки тотемистической веры в происхождение от зверей", а мифологи - как "аллегии плодотворного союза неба и земли, дождя и зерна". Представители первой школы также утверждают, что миф о Купидоне и Психее, который имеет свои параллели в историях, встречающихся во всех частях света, был придуман для объяснения любопытных брачных обычаев (ведь в некоторых странах мужу запрещено видеть лицо своей жены до тех пор, пока она не родит первого ребенка, а в других жена не может произносить имя своего мужа): представители второй школы интерпретируют тот же миф как прекрасную аллегию души и союза веры и любви.

Филологическая теория.

Толкование мифов филологами является не только самым аккредитованным на сегодняшний день, но и самым поэтичным. Поэтому мы приводим краткий обзор их теории, а также анализ, с их точки зрения, основных мифов, о которых подробно рассказывается в этой работе. Согласно этой школе, "мифы являются результатом болезни языка, как жемчужина - результатом болезни устрицы"; ключ ко всем мифологиям лежит в языке; а первоначальные имена богов, "выясненные с помощью сравнительной филологии, как правило, обозначают элементарные или физические явления", то есть явления солнечного света, облаков, дождя, ветра, огня и т. д.

Чтобы сделать процесс их рассуждений понятным, следует объяснить, что как французский, испанский и итальянский языки произошли от латинского, так и латинский, греческий и санскрит имеют общий источник в гораздо более древнем языке; Что, даже если бы латынь была полностью утрачена, сходство слова "мост", например (*pons* на латыни), во французском (*pont*), в испанском (*puente*) и в итальянском (*ponte*), оправдывает вывод, что эти термины возникли на общем языке, и что люди, говорившие на нем, были знакомы с мостами, которые они, очевидно, называли каким-то фонетически одинаковым именем.

В доказательство своей позиции они демонстрируют сходство наиболее распространенных слов во всех языках одной семьи, показывая (как в случае со словом "отец" в прилагаемой таблице), что они претерпевают лишь незначительные изменения в шестнадцати разных языках.

Санскрит, *pitr̥i*.

Зенд, *пайтар*.

Персидский, *падер*.

Эрзе, *атаур*.

Итальянский, *padre*.

Испанский, *padre*.

Французский, *père*.

Саксонское, *fæder*.

Латинский, *pater*.

Греческий, произносится как *pätair*.

Готический, *vatar*.

Немецкий, *vater*.

Голландский, *fader*.

Датский, *fader*.

Шведский, *fader*.

Английский, *father*.

Самый ученый из всех этих филологов утверждает, что в первый, или рематический, период в Центральной Азии существовало племя, говорившее на моносложном языке, в котором были заложены зародыши туранской, арийской и семитской форм речи. За этим рематическим периодом последовала кочевая или агглютинативная эпоха, когда мало-помалу языки "раз и навсегда получили тот особый отпечаток их формационной системы, который мы до сих пор находим во всех диалектах и национальных идиомах, объединенных под названием арийских или семитских", то есть в индусском, персидском, греческом, римском, кельтском, славянском, тевтонском языках и примерно в трех тысячах родственных диалектов.

После агглютинативного периода и до национальной эпохи и "появления первых следов литературы" он помещает "период, представленный повсюду теми же характерными чертами, называемый мифологическим или мифопоэтическим веком".

Именно в этот период, как предполагается, выкристаллизовалась основная часть огромного фонда мифических преданий; ведь первобытный человек, ничего не зная о физических законах, причинах и следствиях, "необходимой закономерности вещей", все же искал объяснения природных явлений, описывал их единственно возможным для него способом и приписывал всем неодушевленным предметам свои собственные чувства и страсти, представляя их подверженными влиянию тех же самых вещей, тем же самым способом. Эта тенденция олицетворять или одушевлять все является универсальной среди дикарей, которые являются ничем иным, как людьми в первобытном состоянии; и "в ранней

философии по всему миру солнце, луна и звезды являются живыми и, как бы, человеческими по своей природе". "Поэзия настолько сохранила в нашем сознании старую анимативную теорию природы, что для нас не составляет большого труда представить водяную струю огромным гигантом или морским чудовищем и изобразить, в том, что мы называем подходящей метафорой, ее шествие по полю океана".

Поскольку имена греческих богов и героев в значительной степени соответствовали санскритским названиям физических вещей, мы смогли прочесть некоторые из первых мыслей первобытного человека; а "очевидное значение" многих слов "позволило сохранить остатки простого смысла в классической легенде, несмотря на все усилия комментаторов".

По мнению филологов, эти мысли обрели определенную форму уже в ту далекую эпоху, когда многие народы, ныне рассеянные по лицу земли, занимали одну и ту же страну, говорили на одном языке и составляли единый народ. Конечно, "пока о таких существах, как Небо или Солнце, сознательно говорят на языке мифов, смысл их легенд не подлежит сомнению, а действия, приписываемые им, как правило, будут естественными и уместными;" Но с постепенным распространением этого единого народа по разным частям земли первоначальный смысл этих слов был полностью утрачен, и в конце концов на них стали смотреть просто как на имена божеств или героев - точно так же, как слово "прощай" надолго сохранило свою первоначальную форму как осознанную молитву: "Да пребудет с тобой Бог!", а слово "остракизм" утратило всякую связь с устричной раковиной.

Примитивный смысл мифа угас вместе с первоначальным значением слова; и именно потому, что "грек забыл, что Зевс (Юпитер) означает "светлое небо", он смог сделать его царем" над компанией человекоподобных божеств на Олимпе.

Мы можем лучше всего объяснить, как происходят многочисленные аномалии и как мифы настолько запутались друг в друге, что теперь почти невозможно распутать их и проследить их первоначальный смысл, сравнив их движение сквозь века с движением снежного кома, который, скатываясь с горного склона, собирает вокруг себя снег, землю, камни и т. д., пока в огромном скоплении родственных и чуждых веществ первоначальное ядро полностью не теряется из виду.

Тот факт, что существует множество различных мифов, объясняющих одно и то же явление, легко объясняется старой поговоркой "обстоятельства меняют обстоятельства". Так, например, солнечное тепло, столь полезное в определенное время, может оказаться вредным и пагубным в другое.

Филологи, считающие, что все мифы (кроме подражательных, примером которых может служить сказка о Беренике) изначально были мифами о природе, разделили их на несколько больших классов, в которые входят мифы о небе, солнце, рассвете, дневном свете, ночи, луне, земле, море, облаках, огне, ветре и, наконец, о подземном мире и демонах засухи и тьмы.

НЕБЕСНЫЕ МИФЫ.

Уран.

Если рассматривать их в том порядке, в котором они представлены в этой работе, то среди мифов о небе мы находим Урана, чье имя, как и имя старого индуистского бога Варуны, происходит от санскритского корня *var* ("покрывать, скрывать, укрывать"). Таким образом,

этот бог олицетворял небеса, которые раскинулись, как завеса, и покрывают всю землю; далее нам рассказывают, что он низвергнул гром и молнию, своих детей-циклопов, из своей обители в бездну под названием Тартар.

Юпитер.

Зевс (или Юпитер), чье имя совпадает с индуистским Дьяус Питар, бог и олицетворение светлого неба или небес, также восходит к санскритскому корню *div* или *dyu*, означающему "сиять"; в этом языке также есть существительное *dyu*, которое означает либо "небо", либо "день". В ранние времена это имя применялось к единому Богу, и поэтому "сохранилось у греков и всех других родственных народов, чтобы выразить все, что они чувствовали по отношению к Богу"; но поскольку это слово также означало видимое небо с его постоянно меняющимися аспектами, некоторые фразы, используемые для его описания, со временем стали обозначать гнусные и непостоянные действия, а также явно непоследовательное поведение.

Юнона.

Имя Геры (или Юноны), небесного светила, а значит, дополнения и супруги неба, предположительно происходит от санскритского *soar* ("яркое небо") и *surya* ("солнце"); и все многообразные изменения, которые сначала обозначали лишь переменчивую атмосферу, будучи персонифицированы, постепенно создали впечатление ревнивой, капризной, мстительной особы, которую поэты и писатели с удовольствием изображают с тех пор.

Аргус.

Еще одно олицетворение неба, на этот раз в ночном и звездном аспекте, - Аргус, чьи многочисленные яркие глаза никогда не закрывались одновременно, а постоянно следили за луной (Ио), доверенной ему небесным светилом (Юнона), пока, наконец, их лучи не гасили ветер и дождь (Меркурий).

МИФЫ О СОЛНЦЕ И РАССВЕТЕ.

Европа.

Мифы о солнце, от которых почти невозможно отделить мифы о рассвете, вероятно, более многочисленны, чем любые другие, и во всех случаях имеют некоторые основные черты сходства. Первый миф о солнце, упоминаемый в ходе данной работы, - это история о Европе, в которой Европа - "широко раскинувшийся свет", родившийся в Финикии ("пурпурной стране утра"), ребенок Телефаса ("того, кто светит издалека"), унесенное из восточной родины небом (Юпитером), преследуемое солнцем (ее братом Кадмом), которое, пройдя через многие земли, убивает дракона (обычного демона засухи или тьмы) и наконец садится (умирает), так и не догнав свет зари (Европу).

Аполлон.

Аполлон, чье имя Гелиос в переводе с греческого означает "солнце", не утратил физического значения для эллинской расы, которая поклонялась ему как лучезарному олицетворению дневного светила. Другое его прозвище, *Phœbus* ("владыка жизни и света"), еще больше подчеркивает его характер; нам сообщают, что он был рожден от неба (Юпитера) и темной ночи (Лето), на "светлой земле" (Делос), откуда он ежедневно отправляется в свой путь на запад.

Как и все другие солнечные герои, Аполлон красив и золотоволос, лучезарен и приветлив, вооружен безошибочным оружием, которое он использует во благо или во зло, в зависимости от настроения. Он вынужден трудиться, порой против своей воли, на благо людей, как, например, когда он служит Адмету и Лаомедону; А скот, которым он, очевидно, так дорожит, - это румяные облака, пасущиеся "на бескрайних небесных лугах", чье полное вымя роняет на землю дождь и жир, которые уносит то ветер (Меркурий), то демон бури (Какус), то нечестивые спутники Улисса, расплачивающиеся за свою святотатственную дерзость жизнью.

Коронис.

Близость солнца к рассвету изображается его любовью к Коронис, которая, как бы ни была любима, падает под его яркими дротиками; и, поскольку "солнце считалось естественным восстановителем жизни" после пагубного влияния зимы и болезней, их потомство (Эскулап), естественно, должно было быть наделено чудесными целебными силами.

По той же причине солнце должно было вести непрерывную войну с холодом, недомоганием и болезнями и использовать свои яркие лучи или стрелы против демона засухи, тьмы или болезни (Пифона), который в той или иной форме неизбежно появляется в каждом солярном мифе.

Дафна.

В истории о Дафне, имя которой происходит от *Даханы*, санскритского *рассвета*, мы находим другую версию той же самой истории, где солнце, хотя и очарованное рассветом, становится причиной ее смерти. По толкованию некоторых мифологов, Дафна - это олицетворение утренней росы, которая исчезает под горячим дыханием солнца и не оставляет следов своего пребывания, кроме как в пышной зелени.

Цефал и Прокрис.

В "Цефале и Прокриде" снова появляется солнце, и его меткое копье невольно становится причиной смерти его возлюбленной Прокриды, "когда она задерживается в чащобе (место, где роса держится дольше всего)". Эта интерпретация была подтверждена филологическими исследованиями, которые доказывают, что имя "Прокрис" произошло от санскритского слова, означающего "кропить"; а истории, очевидно, возникли из трех простых фраз: "солнце любит росу", "утро любит солнце" и "солнце убивает росу".

Орфей и Эвридика.

В сказке об Орфее и Эвридике, если одни мифологи видят в нем олицетворение ветров, которые "рвут деревья, напевая свою дикую музыку", то другие - эмблему "утра с его недолговечной красотой". Эвридика, чье имя, как и имя Европы, происходит от санскритского слова, обозначающего "широкое распространение рассвета по небу", конечно же, является олицетворением этого света, убитого "змеем тьмы в сумерках".

Орфей также иногда рассматривается как солнце, погружающееся в пучину тьмы в надежде догнать исчезающую зарю, Эвридику; и поскольку свет (Эвридика) вновь появляется напротив того места, где он исчез, но его больше не видно после того, как само солнце справедливо возшло, "говорят, что Орфей слишком рано обернулся, чтобы посмотреть на нее, и таким образом был разлучен с женой, которую так дорого любил".

Его смерть в лесу, когда силы покинули его, а отрубленная голова плыла по течению, бормоча "Эвридика", также, возможно, должна была представлять собой либо последний слабый вздох уходящего ветра, либо закат солнца в кровавых тучах.

Фаэтон.

В истории о Фаэтоне, чье имя означает "яркий и сияющий", дается описание золотого дворца и машины солнца. Нам рассказывают, что предприимчивый молодой возница, узурпировав место своего отца, причиняет неисчислимые беды и в наказание за плохое управление солнечными конями (белыми облаками) низвергается со своего возвышенного места молнией, пущенной рукой Юпитера.

"Эта история возникла из фраз, в которых говорилось о засухе, вызванной колесницей Гелиоса, управляемой тем, кто не умел управлять своими лошадьми; а поражение Фаэтона болтом Зевса - это завершение времени засухи внезапной грозой".

Эндимион.

История о Диане и Эндимионе также интерпретируется как солнечный миф, в котором имя "Эндимион" относится к умирающему или заходящему солнцу, которое опускается на гору Латмус ("земля забвения", происходит от того же корня, что и "Лето"). Мюллер, большой авторитет в филологии, рассказывает, что в древнем поэтическом и пословицном языке Элиды люди говорили: "Селена любит и наблюдает за Эндимионом", вместо того чтобы сказать: "Уже поздно"; "Селена обнимает Эндимиона". "Селена обнимает Эндимиона" вместо "Солнце садится, а луна всходит"; "Селена целует Эндимиона во сне" вместо "Наступила ночь".

Эти выражения оставались долгое время после того, как их реальный смысл перестали понимать; и, поскольку человеческий разум обычно так же стремится найти причину, как и готов ее придумать, без всяких сознательных усилий возникла история о том, что Эндимион должен был быть молодым парнем, которого любила юная дева Селена.

Адонис.

В истории об Адонисе некоторые мифологи находят еще один солнечный миф, в котором Адонис, недолговечное солнце, убит вепрем, демоном тьмы, и страстно оплакивается рассветом или сумерками (Венерой), которая совершенно отказывается существовать без него.

Тантал.

В истории о Тантале (солнце), который во время засухи предлагает Юпитеру плоть своего отпрыска Пелопса (увядшие плоды) и в наказание за свою нечестивость обрекает его на голод и мучительную жажду, мы снова имеем всего лишь историю, основанную на выражении, употребляемом во время засухи, когда солнечный жар, становясь слишком сильным, сжигает плоды, выращенные его благодатными лучами, и люди восклицают: "Тантал убивает и жарит свое собственное дитя!"

Сизиф.

Таким же образом камень, который Сизиф с трудом поднимал по крутому склону, чтобы увидеть, как он катится вниз и погружается в темную бездну, окутанную огромным облаком пыли, был истолкован как символ солнца, которое "не успевает подняться в зенит, как уже катится вниз к горизонту".

Иксион.

Имя Иксион было отождествлено с санскритским словом *Akshanah*, обозначающим того, кто привязан к колесу, и доказано, что оно сродни "греческому *axôn*, латинскому *axis* и английскому *axle*". Это огненное колесо - яркая сфера дня, к которой он был привязан по приказу Юпитера (небо) за то, что посмел оскорбить Юнону (царицу голубого воздуха); а Дия, его жена, - заря, аналог Европы, Корониса, Дафны, Прокриды, Эвридики и Венеры на предыдущих иллюстрациях.

Геркулес.

Одним из величайших солнечных героев, несомненно, является полубог Геракл, рожденный в Аргосе (слово, означающее "яркость") от неба (Юпитера) и зари (Алкмены), который в раннем младенчестве сражает змей тьмы, и который, с неутомимой силой и терпением идет по жизни, никогда не отдыхая, и всегда в пути выполняет двенадцать великих задач, которые, по толкованию, представляют собой либо двенадцать знаков Зодиака, либо двенадцать месяцев солнечного года, либо двенадцать часов дневного света.

Иоль.

Подобно Аполлону и Кадму, Геракл вынужден трудиться на благо человечества против своей воли. Мы видим, как в начале жизни он соединяется с Мегарой и, подобно Танталу, убивает собственного отпрыска во внезапном приступе безумия. Он любит и вскоре вынужден покинуть Иолу, облака фиолетового цвета. Он совершает великие подвиги, убивает на своем пути бесчисленных демонов засухи и тьмы и посещает заколдованную страну Гесперид - символ западного неба и облаков на закате.

Деянира.

Большую часть своей жизни он проводит с Дейнеирой ("супругой-губительницей"), олицетворением дневного света; но к концу карьеры он вновь встречает Иоле, теперь уже прекрасную сумеречницу. Именно тогда Дейнеира (дневной свет), ревнуя к чарам своего соперника, посылает ему кровавое одеяние Нессуса, которое он не успевает надеть, как срывает его со своих кровоточащих конечностей, поднимается на горящую кучу и заканчивает свою карьеру в одном грандиозном пламени - эмблеме солнца, заходящего в обрамлении пылающих багровых облаков.

Как и у всех солнечных героев, у него тоже есть безошибочное отравленное оружие ("слово *ios*, "копье", по звучанию совпадает со словом *ios*, "яд""), от которого он избавляется только после смерти.

Персей.

Персей также относится к этой категории мифов. Даная, его мать, то ли земля (*dano* означает "сожженная земля"), то ли заря, дочь Акрисия (тьма), рождается в Аргосе (свет). Влюбленная в Юпитера, всеохватывающего неба, она рождает золотоволосого Персея, олицетворяющего лучезарный шар дня; он, как и многие другие солнечные герои, сразу после рождения отправляется в плавание из-за зловещего пророчества о том, что ему предстоит убить тьму, из которой он первоначально появился.

Как только Персей достигает совершеннолетия, он вынужден против своей воли отправиться в далекую страну туманов (Грææ) и победить ужасную Медузу, "звездную ночь, торжественную в своей красоте, но обреченную умереть, когда взойдет солнце". Он

добивается этого с помощью своего неотразимого меча, пронзающего солнечные лучи, а затем идет дальше, чтобы встретиться с чудовищем засухи и жениться на Андромеде, еще одном олицетворении рассвета, потомстве Целея и Кассиопеи, которые также представляют ночь и тьму.

В компании с Андромедой Персей, чье имя также означает "разрушитель", возвращается в родные края и исполняет пророчество, убив Акрисию (тьму), откуда он первоначально появился.

Тесей.

В афинском солярном мифе Тесей - это солнце, рожденное от Эгея (море, происходит от *aïsso* - "быстро двигаться, как волны") и Этры (чистый воздух). Он остается на родине, в Тризене, пока не наберет достаточно сил, чтобы владеть своим непобедимым мечом, а затем отправляется на поиски отца, совершая бесчисленные великие деяния на благо человечества. Он убивает Минотавра, ужасное чудовище тьмы, и уносит с собой зарю (Ариадну), которую, однако, вскоре вынужден оставить на острове Наксос.

В его дальнейшей карьере мы видим его невольным виновником смерти отца, затем он воюет с кентаврами (олицетворением облаков, сквозь которые иногда вынуждено пробиваться победоносное солнце), затем на короткое время погружается в глубины Тартара, откуда выходит вновь; и наконец мы видим его соединившим свою судьбу с Федрой (сумерками), сестрой прекрасной зари, которую он любил в юности. Он заканчивает свою богатую событиями карьеру, будучи сброшенным со скалы в море, - эмблема солнца, которое часто кажется погружающимся в волны на закате.

Аргонавты.

В истории об экспедиции аргонавтов мы имеем дело с Атамасом, который женится на Нефеле (туман). Их дети - Фрикс и Хелле (холодный и теплый воздух, или олицетворения облаков), унесенные на дальний восток бараном, чье золотое руно было эмблемой солнечных лучей, чтобы они могли спастись от пагубного влияния своей мачехи Ино (дневного света), которая хотела бы навлечь на них гибель.

Медея.

Хелле, эмблема конденсации пара, падает со своего возвышенного места в море, где и погибает. Корабль "Аргон" - "символ земли как родительницы, которая содержит в себе зародыши всего живого". Экипаж корабля состоит в основном из солнечных героев, ищущих золотое руно (солнечные лучи), которое Ясон обретает с помощью Медеи (заря), убив дракона (демон засухи). Эет, отец Медеи, олицетворяет тьму, которая тщетно пытается вернуть своих детей, зарю и свет (?), после того как они были унесены всепобеждающим солнцем.

Глаусия.

Глаусия (дневной свет) очаровывает Ясона, а отравленный халат, ставший причиной ее смерти, соткала Медея, теперь уже вечерние сумерки, которая садится на своего дракона и улетает на дальний восток, оставив своего мужа (солнце) в старости, когда он вот-вот погрузится в смертный сон.

Мелеагр.

Мелеагр - тоже солнечный герой. После участия в экспедиции аргонавтов и дальних странствий он возвращается домой, убивает вепря (или изверга засухи), любит, но расстается с Аталантой (девой рассвета), и в конце концов его убивает собственная мать, бросая в огонь клеймо, от которого зависит его существование.

Œdipus.

В фиванском солнечном мифе Лаий (происходит от того же корня, что и "Лето" и "Латмус") - олицетворение тьмы, который, женившись на Иокасте (как и Иола, олицетворение фиолетовых облаков рассвета), становится отцом Иудипа, обреченного судьбой быть убийцей своего отца. В самом начале жизни Эдипа выставляют на бесплодный склон холма, чтобы он погиб, - эмблема горизонтальных лучей восходящего солнца, которые как бы ложатся на некоторое время на горные склоны, прежде чем подняться и начать свой путь.

Он, как и Кадм, Аполлон, Геракл, Персей, Тесей и Ясон, вынужден странствовать вдали от дома и после долгого путешествия встречает и убивает Лая (тьму), от которого он ведет свое существование, и убивает страшное чудовище засухи, Сфинкса, само имя которого означает "тот, кто крепко связывает" - существо, которое заключило дождь в облаках и тем самым причинило великое бедствие.

Подгоняемый неумолимой судьбой, он женится на собственной матери, Иокасте, теперь уже фиолетового оттенка, и заканчивает свою жизнь среди вспышек молний и раскатов грома, после того как его до конца пути провожает Антигона ("бледный свет, который возникает напротив солнца при его заходе"). Эта история, которая сначала должна была означать, что солнце (Œdipus) должно убить тьму (Laius) и задержаться на некоторое время рядом с облаками фиолетового цвета (Jocasta), потеряв свой физический смысл, фиванцы добавили трагическое продолжение, поскольку казалось поэтической справедливостью, что автор таких преступлений должен получить достойное наказание.

Эвмениды.

Поскольку Эвмениды, или Эриннии, сначала были просто дневным светом, от которого ничего нельзя скрыть, постепенно их стали считать сыщиками и мстителями за преступления, и поэтому говорили, что они овладевают преступником в конце его пути и торопят его во тьму, чтобы причинить ему ужасные мучения.

Беллерофон.

В истории о Беллерофоне, хотя его имя первоначально происходило от *Беллеро* (некая "сила тьмы, засухи, зимы или морального зла") и от *phon* или *phontes* (слово, происходящее от санскритского *han-tâ*, "убийца"), греки, забыв значение первой части слова, объявили этого героя убийцей Беллеро, своего брата, за невольное преступление которого он был изгнан из дома и вынужден скитаться в поисках убежища.

Мы видим, как этот герой, хотя и соблазненный Антеей (рассветом), добродетельно поспешил прочь, а затем против своей воли был послан сражаться с Химерой (чудовищем засухи), которую он побеждает благодаря своему оружию и Пегасу (облаку), рожденному из морского тумана, под копытами которого обычно били свежие фонтаны.

После долгих странствий Беллерофон соединяется с Филоной, олицетворяющей сумерки, и завершает свою карьеру, будучи сброшенным с зенита в крошечную тьму одной из смертоносных молний Юпитера.

"Падение Беллерофона - это стремительный спуск солнца к вечеру, а равнина Алеина - это широкое пространство мрачного света, через которое солнце иногда, кажется, угрюмо и одиноко движется к своему закату".

Троянская война.

В истории о Троянской войне есть несколько мифов о солнце, ведь Парис, Менелай, Агамемнон и Ахилл в равной степени претендуют на то, чтобы считаться олицетворениями солнца. Они любят *Сеноне*, *Helen*, *Clytæmnestra*, *Briseisis*, различные олицетворения зари, и оставляют, или их оставляют, их возлюбленные, которых они снова встречают в конце своей карьеры: Парис, увидев *Сеноне*, погибает вместе с ней на горящей куче; Менелай возвращает себе Елену, с которой исчезает на далеком западе; Агамемнон возвращается к Клитемнестре и умирает от ее руки в кровавой бане; Ахилл, после периода угрюмого мрака, встречает безвременную смерть вскоре после возвращения прекрасной Брисеи.

Подобно Персею и Эдипу, Парис подвергается опасности в раннем младенчестве и живет, чтобы исполнить свое предназначение и стать, хотя и косвенно, причиной смерти своих родителей.

В этом мифе Елена (прекрасная заря или сумерки), чье имя фонетически соответствует санскритскому *Sarama*, рожденная от неба (Юпитер) и ночи (Леда, происходящая от того же корня, что и "Лето", "Латмус" и "Лайус"), уносится Парисом, которого некоторые мифологи отождествляют с индусскими *Panis* (или "ночными демонами") вместо солнца. В этом образе он соблазняет непостоянную сумерки (Елену) во время временного отсутствия ее мужа и уносит ее на далекий Восток, где, после борьбы течение некоторого времени за обладание ею и ее сокровищами, он, наконец, вынужден отказаться от нее, и она возвращается к своему мужу и своей верности.

Осада Трои, таким образом, была истолкована как "повторение ежедневной осады востока солнечными силами, которые каждый вечер лишаются своих самых ярких сокровищ на западе".

Ахилл, как и несколько его братьев-героев, "сражается не в собственной ссоре; его гнев - солнце, скрывающее свой лик за тучами; мирмидоны - его сопровождающие лучи, которые больше не появляются, когда солнце скрывается; Патрокл - слабое отражение солнечного блеска и находится к нему точно в таком же отношении, как Фаэтон к Гелиосу", и, как и он, встречает раннюю смерть.

Улисс.

В истории Улисса мы находим воспроизведение истории Геракла и Персея: Улисс, рано женившись на Пенелопе, вынужден покинуть ее, чтобы сражаться за другую; а вернувшись, он, хотя и жаждет воссоединиться со своей утренней невестой, не может свернуть с намеченного им пути. Его задерживают Цирцея (Луна), плетущая воздушные ткани, и Калипсо (нимфа тьмы), но ни та, ни другая не могут удержать его навсегда, и он возвращается домой, окутанный непроницаемой пеленой, побывав в стране феаков (стране облаков или туманов). Лишь после того, как он расправился с ухажерами Пенелопы (ткачихи ярких вечерних облаков), он сбрасывает с себя одежду нищего, чтобы ненадолго задержаться рядом с ней, прежде чем исчезнуть на западе.

Минерва.

Большая часть мифов о рассвете объясняется одновременно с мифами о солнце, с которыми они неразрывно переплетены. Однако одно олицетворение рассвета стоит особняком. Это Минерва, чье греческое имя Афина, как и Дафна, происходит от санскритского *дахана*, или *ахана* (что означает "свет рассвета"), и таким образом мы можем понять, почему греки описывали ее как возникшую из лба Зевса (небеса). Постепенно она стала олицетворением освещающего и дающего знания света неба; ведь на санскрите то же слово означает "пробуждать" и "знать", а латиняне связывали ее имя Минерва с *mens*, тем же, что греческое *ménos* и английское *mind*.

ЛУННЫЕ МИФЫ.

Диана, Ио и Цирцея.

В лунных мифах наиболее важным олицетворением является Диана, рогатая охотница, "ибо для древних луна не была безжизненным шаром из камней и глыб". Диана, как и Аполлон, ее брат-близнец, тоже была дитем неба (Юпитера) и ночи (Латоны) и, как и он, родилась на "светлой земле" (Делосе). Она также обладала яркими и безошибочными стрелами, а во время своего ночного путешествия с любовью смотрела на спящее лицо заходящего солнца (Эндимион).

Ио и Цирцея, о которых уже говорилось, также являются олицетворениями луны, а странствия Ио представляют собой ее путешествия по небу.

ЗЕМНЫЕ МИФЫ.

Гея и Рея.

В земных мифах, помимо тех, что уже упоминались в связи с мифами о солнце, есть Гея и Рея, матери и супруги Неба и Времени, которое проглатывает своих собственных детей, "Дни, как они приходят каждый по порядку".

Церера и Прозерпина.

Церера или Деметра, "мать всего сущего", и особенно "девы" Кору (или Прозерпины), потерю которой она оплакивала очень сильно, так как была унесена Плутоном в подземный мир, откуда могла выходить только по приказу Юпитера. Во время траура Цереры земля оставалась бесплодной, и казалось, что все смертное должно умереть. Но когда Прозерпина (весна или растительность) возвращалась из своего пребывания под землей, люди говорили, "что дочь земли возвращается во всей своей красоте; а когда лето сменялось зимой, говорили, что прекрасное дитя было украдено у своей матери темными существами, которые держат ее в заточении под землей". Таким образом, скорбь Цереры была всего лишь поэтическим способом выразить "мрак, который опускается на землю в невеселые зимние месяцы".

Даная и Семела.

Даная, как олицетворение земли, была оживлена золотым дождем, светом утра, который пролился на темноту ночи. Семелу также интерпретировали как землю, избранную невесту неба, которая приносит потомство в разгар грома и молний летней бури.

МОРСКИЕ МИФЫ.

Океан и Нептун.

Морские мифы включают в себя, конечно же, Океана и Нептуна (сотрясателя земли), чье имя связано с такими словами, как "могущественный" и "деспот", и чьи "зеленые волосы окружают всю землю". Далее нам сообщают, что он любит землю (Цереру), которую обнимает, и что он женится на грациозной Амфитрите, чьи скользкие чары привлекают его. Дворец Нептуна находится под глубокими водами недалеко от Греции, и, как говорят, он разъезжает по своему царству на быстрой колеснице, запряженной золотыми или белыми конями.

Нерей.

Нерей, еще одно олицетворение моря, чье имя происходит от *лао* ("течь"), совершенно неотделим от своей родной стихии, даже в представлении греков, как и Тритоны, Океаниды, Нереиды и манящие Сирены, которые, однако, также рассматривались как олицетворения ветров.

ОБЛАЧНЫЕ МИФЫ.

Харон.

Мифы об облаках, на которые уже часто ссылались, включают в себя не только солнечный скот, кентавров, Нефелу, Фрикса, Хелле и Пегаса, но и то, что "в первобытных арийских преданиях само небо было синим морем, а облака - кораблями, плывущими по нему", поэтому лодка Харона считалась одним из этих судов, а позолоченный шалоп, в котором солнце ежедневно совершало свое паломничество на дальний восток, - другим.

Ниоба.

Поскольку у древних ариев одно и то же слово обозначало облако и гору ("ибо кучи пара на горизонте были так похожи на альпийские хребты"), мифы об облаках и горах часто совпадают. В истории о Ниобе мы имеем дело с одним из облачных мифов. По мнению некоторых мифологов, сама Ниоба является олицетворением облаков. Ее многочисленные дети, туманы, ничуть не уступают по красоте Аполлону и Диане, чьи яркие дротики безжалостно убивают их. Ниоба так сильно скорбит по поводу их безвременной гибели, что растворяется в дожде слез, который на вершине горы превращается в твердый лед. По мнению других авторитетов, она была олицетворением зимы, а ее слезы олицетворяли оттепель, вызванную солнечными лучами (стрелами Аполлона).

МИФЫ ОБ ОГНЕ.

Циклопы.

Мифы об огне также образуют довольно большой класс, в который входят циклопы (гром и молния), дети Неба и Земли, чей единственный пылающий глаз считался эмблемой солнца. Они куют страшные молнии, оружие небесного Юпитера, с помощью которого он одерживает победу над всеми своими врагами и верховодит.

Титаны.

Титаны - олицетворение подземного огня и вулканических сил природы, которые, скрытые глубоко под землей, время от времени выходят на поверхность, вздымают огромные массы камней и швыряют их с оглушительным грохотом, а их тяжелая поступь заставляет дрожать саму землю под ними.

Прометей.

В этой группе мы находим и Прометея, чье имя было отнесено к санскритскому *праманта* (или "огненное сверло"). Ученые люди доказали, что "благодетельный Титан, похитивший огонь с небес и даровавший его человечеству как богатейшее благо", изначально был не кем иным, как молнией ("небесным сверлом, выбивающим огонь из облаков"); но греки настолько забыли это этимологическое значение, что интерпретировали его имя как "провидец" и считали его наделенным необычайными пророческими способностями.

Вулкан.

Вулкан (или Гефест), строго говоря, "яркость пламени", еще один герой огня, представлен очень щедушным при рождении, потому что пламя возникает из крошечной искры. Его имя происходит от индуистского *agni*, откуда происходит латинское *ignis* и английский глагол *to ignite*. Вулкан предпочитает обитать в сердце вулканов, где сильный жар поддерживает металлы в состоянии плавления, и они настолько податливы, что он может лепить их по своему желанию; а поскольку "ассоциация небесного огня с животворящими силами природы очень распространена", индусский Агни считался покровителем брака, а также огня; и греки, чтобы осуществить эту идею, объединили своего бога огня Гефеста с богиней брака Афродитой.

Веста.

Греческая Гестия (или латинская Веста) также была олицетворением огня; ее имя в значительной степени сохранило свое первобытное значение, "она до конца, как и в начале, оставалась домашним алтарем, святилищем мира и справедливости, источником всего счастья и богатства". Ее функции не ограничивались домашними и городскими очагами, поскольку предполагалось, "что в центре земли есть очаг, который отвечает очагу, расположенному в центре вселенной".

МИФЫ О ВЕТРЕ.

Меркурий.

В мифах о ветре Меркурий (или Гермес) был одним из главных олицетворений. Согласно древним, он родился от неба (Юпитера) и равнины (Майи), после нескольких часов существования приобрел гигантские размеры, угнал солнечный скот (облака) и, раздув большой пожар, в котором сжег часть стада, на рассвете скользнул обратно в свою колыбель. С низким, издевательским смехом при воспоминании о своих проделках он окончательно погрузился в покой. Его имя, происходящее от санскритского *Sarameias*, означает "ветерок летнего утра"; считается, что именно в качестве бога ветра он уносит души умерших, ибо "древние считали, что в ветре заключены души умерших". Меркурий - "лживый, коварный бог ветра, который изобрел музыку", ведь его музыка - это "мелодия ветров, которая может пробудить чувства радости и печали, сожаления и тоски, страха и надежды, пылкой радости и полного отчаяния".

Марс.

Еще одним олицетворением ветра был Марс (или Арес), рожденный от неба (Юпитера) и небесного светила (Юноны) в мрачной стране Фракии, радующийся грохоту и шуму войны. Его характер проявляется в непостоянстве и капризности; всякий раз, когда его одолевают, он отличается сильным ревом. Его имя происходит от того же корня, что и имя индийского бога Марутса, и означает "измельчитель" или "дробилка". Впервые оно было применено "к

бурям, которые приводят небо и землю в смятение, и поэтому идея Ареса сводится к простому беспорядку и буйству".

Отус и Эфиальт.

Отус и Эфиальт, гигантские сыновья Нептуна, также поначалу были просто олицетворением ветра и ураганов. Имя последнего означает "тот, кто прыгает". Хотя эти гиганты жили очень недолго, они должны были быстро увеличиваться в размерах и достигать колоссальных размеров, что внушало ужас сердцам людей и богов, пока они не видели их окончательно убитыми неизменными стрелами солнца.

Пан, Эол и гарпии.

Пан, Эол, его многочисленное потомство и гарпии также были божествами ветра, которые никогда полностью не теряли своего первоначального характера у греков, и поэтому им поклонялись только как олицетворениям стихий.

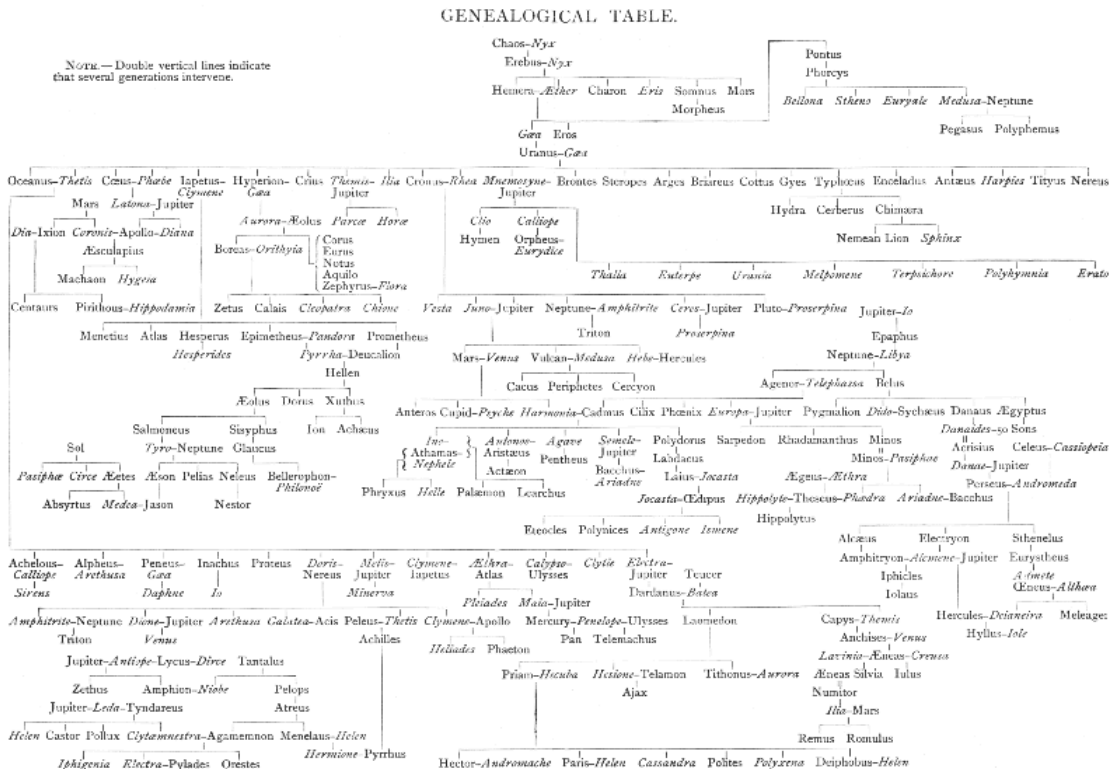
МИФЫ ПОДЗЕМНОГО МИРА.

Цербер и Плутон.

Мифы о засухе, тьме и подземном мире были достаточно подробно рассмотрены в лице Пифона, Гидры, Герионы, Горгоны, Грææ, Минотавра, Сфинкса, Химæры и др. но главными их олицетворениями были Цербер (мрачный трехголовый страж подземного мира) и Плутон (или Аид), чье имя означает "даритель богатства" или "невидимый", который жадно втягивал все вещи в свое царство, никогда не отказываясь от своей власти над ними.

Таково физическое объяснение различных поэтических мифов, составляющих основу классической литературы и служивших источником вдохновения для поэтов и художников всех веков.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

[Посмотреть увеличенное изображение](#)

{Транскрипция:

Хаос (М) женился на Никс (Ф).

Их ребенком был Эребус (М).

Эребус (М) женился на Никс (Ф).

Их детьми были Гемера (Ф), Эфир (М), Харон (М), Эрис (Ф), Сомнус (М) и Морс (М).

Гемера (Ф) вышла замуж за Этера (М).

Их детьми были Гея (Ф), Эрос (М) и Понтус (М).

У Геи (Ф) был ребенок, Уран (М).

Уран (М) женился на Гее (Ф).

Их детьми были Океан (М), Фетида (Ф), Кесей (М), Феба (Ф), Иапет (М), Гиперион (М), Крийс (М), Фемиди (Ф), Илия (Ф), Кронос (М), Рея (Ф), Мнемосина (Ф), Бронт (М), Стероп (М), Аргес (М), Бриарей (М), Коттус (М), Гийес (М), Тифей (М), Энцелад (М), Антей (М), Гарпии (Ф), Титий (М) и Нерей (М).

Океан (М) женился на Фетиде (Ф).

Их детьми были Акелус (М), Алфей (М), Пеней (М), Инах (М), Протей (М), Дорис (Ф), Метис (Ф), Климена (Ф), Этра (Ф), Калипсо (Ф), Клития (Ф) и Электра (Ф).

Ахелус (М) женился на Каллиопе (Ф).

Их детьми были Сирены (Ф).

Алфей (М) женился на Аретузе (Ф).

Пеней (М) женился на Гее (Ф).
Их ребенком была Дафна (Ф).

У Инаха (М) был ребенок, Ио (Ф).

Дорис (Ф) вышла замуж за Нерее (М).
Их детьми были Амфитрита (Ф), Диона (Ф), Аретуза (Ф), Галатея (Ф), Фетис (Ф) и Климена (Ф).

Амфитрита (Ф) вышла замуж за Нептуна (М).
Их ребенком был Тритон (М).

Диона (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).
Их ребенком была Венера (Ф).

Галатея (Ф) вышла замуж за Ациса (М).

Фетида (Ф) вышла замуж за Пелея (М).
Их ребенком был Ахилл (М).

У Ахилла (М) родился ребенок, Пирр (М).

Пирр (М) женился на Гермione (Ф).
Родителями Гермione были Менелай (М) и Елена (Ф).
У Менелая (М) был брат и сестра, Агамемнон (М).
Их родителем был Атрей (М).
Родителем Атрея (М) был Пелопс (М).
У Пелопса (М) был брат или сестра Ниоба (Ф).
Их родителем был Тантал (М).
Ниоба (Ф) вышла замуж за Амфиона (М).
У Амфиона (М) был брат и сестра, Зетус (М).
Их родителями были Юпитер (М) и Антиопа (Ф).
Антиопа (Ф) также вышла замуж за Лика (М), а Лик (М) также женился на Дирсе (Ф).
Агамемнон (М) женился на Клитемнестре (Ф).
Их детьми были Ифигения (Ф), Электра (Ф) и Орест (М).
Электра (Ф) вышла замуж за Пилада (М).
У Клитемнестры (Ф) было три брата и сестра: Елена (Ф), Кастор (М) и Поллукс (М).
Их родителями были Тиндарей (М) и Леда (Ф).
Леда (Ф) также вышла замуж за Юпитера (М).

Климена (Ф) вышла замуж за Аполлона (М).
Их детьми были Гелиада (Ф) и Фаэтон (М).

Метис (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).
Их ребенком была Минерва (Ф).

Климена (Ф) вышла замуж за Иапетуса (М).

Этра (Ф) вышла замуж за Атласа (М).
Их детьми были Плеяда (Ф) и Майя (Ф).

Майя (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).
Их ребенком был Меркурий (М).

Меркурий (М) женился на Пенелопе (Ф).
Их ребенком был Пан (М).

Пенелопа (Ф) также вышла замуж за Улисса (М).
Их ребенком был Телемах (М).

Калипсо (Ф) вышла замуж за Улисса (М).

Электра (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).
Их ребенком был Дарданус (М).

Дарданус (М) женился на Батее (Ф), чьим родителем был Тевкер (М).
Их потомками были Лаомедон (М) и Фемида (Ф).

У Лаомедона (М) было трое детей: Приам (М), Гесиона (Ф) и Тифон (М).

Приам (М) женился на Гекубе (Ф).
Их детьми были Гектор (М), Парис (М), Кассандра (Ф), Политес (М), Поликсена (Ф) и Дейфобус (М).

Гектор (М) женился на Андромахе (Ф).

Парис (М) женился на Елене (Ф).

Дейфобус (М) женился на Елене (Ф).

Гесиона (Ф) вышла замуж за Теламона (М).
Их ребенком был Аякс (М).

Тифон (М) женился на Авроре (Ф).

Фемида (Ф) вышла замуж за Каписа (М).
Их ребенком был Анхис (М).

Анхис (М) женился на Венере (Ф).
Их ребенком был Энеас (М).

Энеас (М) женился на Лавинии (Ф).
Их ребенком была Энеас Сильвия (М).
Энеас (М) также женился на Креусе (Ф).
Их ребенком был Иулус (М).

Потомком Энеаса Сильвия (М) был Нумитор (М).

У Нумитора (М) был ребенок, Илия (Ф).

Илия (Ф) вышла замуж за Марса (М).
Их детьми были Рем (М) и Ромул (М).

Кейс (М) женился на Фебе (Ф).
Их ребенком была Латона (Ф).

Латона (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).
Их детьми были Аполлон (М) и Диана (Ф).

Аполлон (М) женился на Диане (Ф).
Аполлон (М) также женился на Коронисе (Ф).
Их ребенком был Эскулапий (М).
У Коронис (Ф) был брат и сестра, Иксион (М).
Их родителем был Марс (М).

Иксион (М) женился на Диа (Ф).

Их детьми были Кентавр (М) и Пиритос (М).

У Эскулапия (М) было двое детей, Махаон (М) и Гигея (Ф).

Пирит женился на Гипподамии (Ф).

Иапет (М) женился на Климене (Ф).

Их детьми были Менетий (М), Атлас (М), Геспер (М), Эпиметей (М) и Прометей (М).

У Геспера (М) был ребенок, Гесперида (Ф).

Эпиметей (М) женился на Пандоре (Ф).

Их ребенком была Пирра (Ф).

У Прометея (М) родился ребенок, Девкалион (М).

Пирра (Ф) вышла замуж за Девкалиона (М).

Их ребенком была Эллина (М).

У Эллины (М) было трое детей, Эол (М), Дорус (М) и Ксутус (М).

У Эола (М) было двое детей, Салмонея (М) и Сизиф (М).

У Салмонея (М) был ребенок, Тиро (Ф).

Тиро (Ф) вышла замуж за Нептуна (М).

Их детьми были Эсон (М), Пелиас (М) и Нелеус (М).

У Исона (М) родился ребенок, Ясон (М).

Иасон (М) женился на Медее (Ф).

У Медее (Ф) был брат и сестра, Абсирт (М).

Их родителем был Этес (М).

У Эета (М) было два брата и сестра, Пасифая (Ф) и Цирцея (Ф).

Их родителем был Сол (М).

У Нелея (М) был ребенок, Нестор (М).

У Сизифа (М) был ребенок, Глаукс (М).

У Глаука (М) родился ребенок, Беллерофон (М).

Беллерофон (М) женился на Филоное (Ф).

У Ксута (М) было двое детей, Ион (М) и Ахей (М).

Гиперион (М) женился на Гее (Ф).

Их ребенком была Аврора (Ф).

Аврора (Ф) вышла замуж за Эола (М).

Их детьми были Борей (М), Корус (М), Эвр (М), Нотус (М), Аквило (М) и Зефир (М).

Борей (М) женился на Оритии (Ф).

Их детьми были Зетус (М), Кале (М), Клеопатра (Ф) и Хиона (Ф).

Зефир (М) женился на Флоре (Ф).

Фемида (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).

Их детьми были Парце (Ф) и Хорце (Ф).

Кронос (М) женился на Рее (Ф).

Их детьми были Веста (Ф), Юнона (Ф), Юпитер (М), Нептун (М), Церера (Ф) и Плутон (М).

Юнона (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).

Их детьми были Марс (М), Вулкан (М) и Геба (Ф).

Марс (М) женился на Венере (Ф).

Их детьми были Антерос (М), Купидон (М) и Гармония (Ф).

Купидон (М) женился на Психее (Ф).

Гармония (Ф) вышла замуж за Кадма (М).

Вулкан (М) женился на Медузе (Ф).

Их детьми были Какус (М), Перифет (М) и Церсиона (М).

Геба (Ф) вышла замуж за Геркулеса (М).

Юпитер (М) женился на Ио (Ф).

Их ребенком был Эпаф (М).

У Эпафа (М) родился ребенок, Ливия (Ф).

Ливия (Ф) вышла замуж за Нептуна (М).

Их детьми были Агенор (М) и Белус (М).

Агенор (М) женился на Телефасе (Ф).

Их детьми были Кадм (М), Киликс (М), Финикс (М) и Европа (Ф).

Кадмус (М) женился на Гармонии (Ф).

Их детьми были Ино (Ф), Автоноя (Ф), Агава (Ф), Семела (Ф) и Полидор (М).

Ино (Ф) вышла замуж за Атамаса (М).

Их детьми были Палемон (М) и Леарх (М).

Атамас (М) также женился на Нефеле (Ф).

Их детьми были Фриксус (М) и Хелле (Ф).

Автоноя (Ф) вышла замуж за Аристея (М).

Их ребенком был Актеон (М).

У Агавы (Ф) был ребенок Пенфей (М).

Семела (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).

Их ребенком был Вакх (М).

Вакх (М) женился на Ариадне (Ф).

У Полидора (М) родился ребенок, Лабдак (М).

У Лабдака (М) родился ребенок, Лаюс (М).

Лайус (М) женился на Иокасте (Ф).

Их ребенком был Oedipus (М).

Œdipus женился на Иокасте (F).

Их детьми были Этеокл (М), Полиникс (М), Антигона (Ф) и Исмена (Ф).

Европа (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).

Их детьми были Сарпедон (М), Радамант (М) и Минос (М).

Потомком Миноса (М) был Минос (М).

Минос (М) женился на Пасифее (Ф).

Их детьми были Федра (Ф) и Ариадна (Ф).

Федра (Ф) вышла замуж за Тесея (М), родителями которого были Эгей (М) и Эфра (Ф).

Тесей (М) также женился на Ипполите (Ф).

Их ребенком был Ипполит (М).

Ариадна (Ф) вышла замуж за Вакха (М).

У Белуса (М) было четверо детей: Пигмалион (М), Дидо (Ф), Данай (М) и Эгиптус (М).

Дидо (Ф) вышла замуж за Сихея (М).

Детями Даная (М) были Данаиды (Ф).

У Эгиптуса (М) было 50 сыновей.

Данаиды (Ф) вышли замуж за 50 сыновей.

Их потомком был Акрисий (М).

У Акрисия (М) был ребенок, Даная (Ф).

Даная (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).

Их ребенком был Персей (М).

Персей (М) женился на Андромеде (Ф), родителями которой были Целеус (М) и Кассиопея (Ф).

Их детьми были Алкей (М), Электрион (М) и Стенелус (М).

У Алкея (М) был ребенок Амфитрион (М).

У Электриона (М) родился ребенок, Алкмена (Ф).

Амфитрион (М) женился на Алкмене (Ф).

Их ребенком был Ификл (М).

У Ификла (М) родился ребенок, Иолай (М).

Алкмена (Ф) также вышла замуж за Юпитера (М).

Их ребенком был Геракл (М).

Геракл (М) женился на Деянейре (Ф), чьим братом и сестрой был Мелеагр (М), а родителями - Œneus (М) и Althæa (Ф).

Их ребенком был Хиллус (М), который женился на Иоле (Ф).

У Стенелуса (М) был ребенок, Эврисфей (М).

У Эврисфея (М) родился ребенок, Адмет (Ф).

Нептун (М) женился на Амфитрите (Ф).

Их ребенком был Тритон (М).

Церера (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).

Их ребенком была Прозерпина (Ф).

Плутон (М) женился на Прозерпине (Ф).

Мнемосина (Ф) вышла замуж за Юпитера (М).

Их детьми были Клио (Ф), Каллиопы (Ф), Талия (Ф), Эвтерпа (Ф), Урания (Ф), Мельпомена (Ф), Терпсихора (Ф), Полигимния (Ф) и Эрато (Ф).

У Клио (Ф) был ребенок, Гименей (М).

У Каллиопы (Ф) родился ребенок, Орфей (М).

Орфей (М) женился на Эвридике (Ф).

У Тифея (М) было трое детей, Гидра (М), Цербер (М) и Химера (М).

У Химеры (М) было двое детей, Немейский лев (М) и Сфинкс (Ф).

У Понта (М) был ребенок, Форсис (М).

У Форкиса (М) было четверо детей, Беллона (Ф), Сфено (Ф), Эвриала (Ф) и Медуза (Ф).

Медуза (Ф) вышла замуж за Нептуна (М).

Их детьми были Пегас (М) и Полифем (М).

У Сомнуса (М) был ребенок, Морфей (М)}.

Примечание переводчика

Различия в написании собственных существительных сохранены в печатном виде.

Исправлены незначительные пунктуационные ошибки. Употребление дефисов и ударений приведено в соответствие.

Стр. [260](#) - "пленение" изменено на "...пришел в Афины, освободил ее из плена...".

Транскрипция генеалогической таблицы была добавлена транскриптором для удобства читателя. Обратите внимание, что в оригинале таблицы было ошибочно указано, что Гемера - мужчина, а Итер - женщина. В транскрипции это исправлено.

Для удобства читателей в указатели транскриптором добавлены алфавитные ссылки.

Иллюстрация на фронтисписе перенесена на титульный лист. Другие иллюстрации были перемещены, когда это было необходимо, чтобы они не находились в середине абзаца.

Пропущенные номера страниц были либо оригинальным расположением полностраничных иллюстраций, либо пустым местом в оригинальной книге.